

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА - X

*Материалы ежегодной международной молодежной
научно-практической конференции*

Улан-Удэ, 17-18 апреля 2019 г.

Лаборатория
сравнительного
права в странах АТР

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
RUSSIAN FEDERATION
Banzarov Buryat State University
Laboratory of Comparative Law in the Countries of the Asia-Pacific Region
The Supreme Court of the Republic of Buryatia
The Arbitration court of the republic of Buryatia
The Administration and the head of the government of the republic of Buryatia
The Association of Lawyers of Russian Federation of the republic of Buryatia
The Association of Lawyers of Mongolia
Russian Association for Criminology
Union of Criminalists and Criminologists

COMPARATIVE LAW IN THE COUNTRIES OF THE ASIA-PACIFIC REGION — X

*Proceedings of the annual International youth scientific
and practical conference*

(Ulan-Ude, 17–18 April, 2019)

The publication was supported by a grant from the President of the Russian Federation for state support of leading scientific schools of the Russian Federation NSh-4484.2018.6

Ulan-Ude
Buryat State University Publishing Department
2019

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Лаборатория сравнительного правоведения в странах АТР
Верховный суд Республики Бурятия
Арбитражный суд Республики Бурятия
Администрация главы и правительства Республики Бурятия
Ассоциация юристов России в Республике Бурятия
Ассоциация юристов Монголии
Российская криминологическая ассоциация
Союз криминалистов и криминологов

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА — X

*Материалы ежегодной международной молодежной
научно-практической конференции*

(Улан-Удэ, 17–18 апреля 2019 г.)

Издание выполнено при содействии гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации НШ-4484.2018.6

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
2019

УДК 340(5-01)
ББК 67.0(59:94)
С 75

Ответственный редактор
Ю. П. Гармаев
доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия
К. А. Будаев, канд. юр. наук, доц.; *О. В. Хышиктуев*, канд. юр. наук, проф. БГУ;
Е. А. Мурзина, канд. юр. наук, доц.; *С. В. Доржиева*, канд. юр. наук;
Э. Л. Раднаева, канд. юр. наук, доц.; *С. К. Бураева*, канд. юр. наук, доц.;
Ю. В. Хармаев, канд. юр. наук, доц.; *Ю. Г. Хамнуев*, канд. юр. наук;
А. М. Бянкина (отв. секр.)

Текст печатается в авторской редакции

С 75 Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона — X: материалы ежегодной международной молодежной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 17–18 апреля 2019 г.) / отв. ред. Ю. П. Гармаев. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос-университета им. Доржи Банзарова, 2019. — 188 с.

В настоящий сборник уже традиционно вошли статьи молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов вузов России, Китая, Монголии, посвященные актуальным теоретическим и практическим проблемам сравнительного правоведения стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Сборник предназначен для студентов, магистрантов и аспирантов, преподавателей вузов, практикующих юристов, а также широкого круга читателей, интересующихся сравнительным правоведением и актуальными проблемами права стран АТР, а также международным сотрудничеством.

Comparative Law in the Countries of the Asia-Pacific Region—X: Proceedings of the annual International youth scientific and practical conference (Ulan-Ude, 17–18 April, 2019) / resp. ed. Y. P. Garmaev. — Ulan-Ude: Banzarov Buryat State University Publishing Department, 2019. — 188 p.

The collection traditionally presents the articles of young scientists, postgraduates, candidates for a master's degree, students of Russian, Chinese and Mongolian universities on topical theoretical and practical problems of comparative law in the countries of the Asia-Pacific region.

The collection is intended for students, undergraduates and graduate students, university professors, practicing lawyers, as well as a wide range of readers interested in comparative law and relevant issues of the law of the Asia-Pacific countries, as well as international cooperation.

УДК 340(5-01)
ББК 67.0(59:94)

© Бурятский госуниверситет, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящее время страны Азиатско-Тихоокеанского региона постепенно усиливают партнерские взаимоотношения во всех сферах жизнедеятельности, при этом увеличивая значение стран АТР на международной арене. Партнерство приобретает все новые формы и новые направления, как на межгосударственном уровне, так и путем активного взаимодействия иных субъектов, в том числе образовательных организаций.

Современная неопределенность в международных отношениях позволяет приобрести «архитектурному рисунку» формирования и укрепления взаимовыгодных связей в АТР новые формы. Активный и внушительный «разворот» России на восток в последние годы, а также прогнозируемое развитие на последующие, благоприятно сказывается на международной безопасности и ступенчатом развитии Азиатско-Тихоокеанского региона в контексте взаимовыгодного сотрудничества.

В этой связи весьма актуален социально-экономический подъем регионов Прибайкалья, Забайкалья и Дальнего Востока. В частности, свое функционирование начали территории опережающего социально-экономического развития, представляющие весьма выгодные условия для инвесторов, изменена система действующего законодательства с учетом новых реалий, приняты современные программы развития данных регионов. Кроме того, коренные малочисленные народы активно развивают социально-культурные связи с соответствующими образованиями стран АТР, объединенные «общностью единой азиатской культуры», что способствует развитию как внутреннего, так и внешнего туризма, укреплению добрососедских отношений, снятию социальной напряженности, поддержке и развитию национальных языков, культуры и быта народов России. Многосторонний российский диалог с азиатскими странами благоприятно сказывается и на конкурентных отношениях на территории Азиатско-Тихоокеанского региона.

Одним из примеров такого системного взаимодействия выступает ежегодная Международная молодежная научно-практическая конференция «**Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона — X**». На протяжении уже десяти лет — в этом сезоне научное мероприятие отметило свой скромный юбилей — конференция объединяет людей из разных государств, активно интересующихся проблемами стран АТР, а также компаративистикой. Научное мероприятие способствует развитию научных контактов, установлению дружеских партнерских отношений, приобретению нового опыта и знаний, популяризирует компаративистские учения, укрепляет дружеские связи между образовательными и иными учреждениями, работающими в данном направлении.

Научное мероприятие объединяет как студентов, магистрантов, аспирантов, так и молодых ученых и преподавателей вузов. Гостями и спикерами мероприятия выступают ведущие ученые и правоприменители как из России, так и представители стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Мероприятие проведено благодаря содействию гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ России НШ-4484.2018.6 «Концепция антикриминального просвещения в Российской Федерации и участие юридических вузов, студенческой молодежи в ее реализации», за что очень признательны грантодателю!

Очное и заочное участие в конференции приняли 117 молодых ученых из России, Китая, Монголии и Республики Беларусь и 15 городов (Барнаул, Иркутск, Красноярск, Кызыл, Минск, Новосибирск, Омск, Пекин, Санкт-Петербург, Саранск, Симферополь, Улан-Батор, Улан-Удэ, Хабаровск, Чита). Кроме того, были организованы онлайн-трансляции научного мероприятия на официальном канале Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова в YouTube (ссылка: <https://www.youtube.com/watch?v=vr5YeBNzsfq>) и аккаунтах конференции в социальных сетях.

Для гостей и участников конференции была организована культурная программа — 17 апреля состоялось посещение Иволгинского дацана (буддийский храм — центр традиционной буддийской сангхи (общины) России) и Этнографического музея Бурятии, а также гости и участники конференции смогли посетить дацан «Ринпоче Багша» в г. Улан-Удэ.

Конференция традиционно начала свою работу с пленарного заседания, и в дальнейшем продолжила по пяти секциям. На торжественном открытии международного молодежного научного форума с приветственным словом выступили: Мошкин Николай Ильич, ректор БГУ им. Доржи Банзарова, д-р техн. наук, профессор; Хахинов Вячеслав Викторович, проректор по научно-исследовательской работе БГУ им. Д. Банзарова, д-р хим. наук, доцент; Зундуй Алтангэрэл, член совета Ассоциации юристов Монголии; Кириллова Альбина Александровна, председатель Верховного Суда Республики Бурятия, заслуженный юрист Республики Бурятия, канд. юр. наук, доцент; Пак Валерий Александрович, директор Иркутского юридического института (филиала) Университета про-

куратуры Российской Федерации, старший советник юстиции, канд. юр. наук; Хаснутдинов Анвар Измайлович, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, профессор кафедры гражданского права и процесса юридического факультета БГУ им. Д. Банзарова, старший советник юстиции, д-р юр. наук, профессор; Прилепский Валерий Владимирович, начальник Управления по вопросам миграции МВД по Республике Бурятия, полковник полиции; Жамбаева Ульяна Баировна, советник президента монгольской дипломатической организации «Мира и дружбы», доцент Управления высшего образования Российского университета им. Г. В. Плеханова (Улан-Баторский филиал), канд. филос. наук; Бянкина Анна Михайловна, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Забайкальского государственного университета; Раднаева Эльвира Львовна, декан юридического факультета БГУ им. Д. Банзарова, канд. юр. наук, доцент.

Ведущим пленарного заседания уже привычно выступил Гармаев Юрий Петрович, заведующий лабораторией сравнительного правоведения, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета БГУ им. Д. Банзарова, заслуженный юрист Республики Бурятия, д-р юр. наук, профессор, совместно с Латыповой Кристиной Сергеевной, старшим преподавателем кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета БГУ им. Д. Банзарова, канд. юр. наук.

На пленарном заседании с докладами выступили участники конференции из Монголии, Китая и России, после чего состоялось уже ставшее традиционным общее фотографирование участников и гостей конференции, и в дальнейшем конференция продолжила свою работу в пяти секциях:

Секция № 1: «Конституционно-правовые и административно-правовые институты стран АТР: сравнительно-правовой аспект». Ведущим секции выступил заслуженный юрист Российской Федерации и Республики Бурятия, канд. юр. наук, профессор БГУ К. А. Будаев. В рабочий президиум секции, которому было поручено заслушать и оценить доклады молодых ученых, вошли: зав. кафедрой конституционного, административного и муниципального права ЮФ БГУ, канд. юр. наук, доцент Ю. Г. Хамнуев; доцент кафедры конституционного, административного и муниципального права ЮФ БГУ, д-р полит. наук В. М. Очирова; доцент кафедры конституционного, административного и муниципального права ЮФ БГУ, канд. юр. наук Е.С. Алексеева; заместитель декана по учебно-методической работе, ст. преподаватель кафедры конституционного, административного и муниципального права ЮФ БГУ Ж.А. Васильева; ст. преподаватель кафедры конституционного, административного и муниципального права ЮФ БГУ А. Г. Тышкенова; ст. преподаватель кафедры конституционного, административного и муниципального права ЮФ БГУ С. В. Дагангаров; секретарь — магистр юриспруденции, ст. преподаватель кафедры конституционного, административного и муниципального права ЮФ БГУ О. А. Гатаулина.

Секция № 2: «Международное право и международные отношения». Ведущими секции выступили зав. кафедрой международного права ЮФ БГУ, заслуженный юрист Российской Федерации, канд. юр. наук, профессор БГУ О. В. Хышиктуев и декан факультета повышения квалификации судей и госслужащих Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, г. Санкт-Петербург, канд. юр. наук, доцент Т. В. Исакова. В рабочий президиум секции вошли: доцент кафедры международного права ЮФ БГУ, канд. юр. наук, доцент Б. С. Семенов; доцент кафедры международного права ЮФ БГУ, канд. юр. наук Е. О. Мадаев; сотрудник комитета международного права в Ассоциации юристов Монголии Галт Аригун; адвокат, член Ассоциации юристов Монголии Цээнг Энхцэнгэл; член совета Ассоциации юристов Монголии Зундуй Алтангэрэл; заместитель декана по воспитательной работе, ст. преподаватель кафедры теории и истории права и государства ЮФ БГУ А. В. Амагыров; ст. преподаватель кафедры теории и истории права и государства ЮФ БГУ Б. А. Бальжиев; ст. преподаватель кафедры теории и истории права и государства ЮФ БГУ М. Д. Цыбикова; ассистент кафедры международного права ЮФ БГУ С. Ю. Колмаков; секретарь — лаборант кафедры международного права ЮФ БГУ О. В. Надточий.

Секция № 3: «Гражданско-правовые проблемы сравнительного правоведения в странах АТР». Ведущими секции выступили зав. кафедрой гражданского права и процесса ЮФ БГУ, доцент кафедры гражданского права и процесса ЮФ БГУ, канд. юр. наук С. В. Доржиева и доцент кафедры гражданского права и процесса ЮФ БГУ, заслуженный юрист Республики Бурятия, канд. юр. наук, доцент Е. А. Мурзина. В рабочий президиум секции вошли: профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, профессор кафедры гражданского права и процесса ЮФ БГУ, старший советник юстиции, д-р юр. наук, профессор А. И. Хаснутдинов; доцент кафедры гражданского права и процесса ЮФ БГУ, канд. биол. наук Р. А. Балдаева; доцент кафедры гражданского права и процесса

ЮФ БГУ, канд. юр. наук Ж. Т. Ламбаев; адвокат, член Ассоциации юристов Монголии Ичинхорлоо Бямбасурэн; ст. преподаватель кафедры гражданского права и процесса ЮФ БГУ Д. К. Миронова; ст. преподаватель кафедры гражданского права и процесса ЮФ БГУ М. М. Налетова; ст. преподаватель кафедры гражданского права и процесса ЮФ БГУ Т. А. Чмелева; преподаватель кафедры гражданского права и процесса ЮФ БГУ К. В. Вологодина; секретарь — ст. преподаватель кафедры гражданского права и процесса ЮФ БГУ Т. Б. Гнеушева.

Секция № 4: «Уголовно-правовые и криминологические проблемы сравнительного правоведения в странах АТР». Ведущими секции выступили декан ЮФ БГУ, канд. юр. наук, доцент Э. Л. Раднаева и доцент кафедры уголовного права и криминологии ЮФ БГУ, заслуженный юрист Республики Бурятия, канд. юр. наук, доцент Т. И. Эрхитуева. В рабочий президиум секции вошли: член управляющего совета комитета по оказанию профессиональных услуг для общественного блага Ассоциации юристов Монголии Гомбодорж Бат-Отгон; доцент кафедры уголовного права и криминологии ЮФ БГУ, заслуженный юрист Республики Бурятия, канд. юр. наук, доцент С. К. Бураева; доцент кафедры уголовного права и криминологии ЮФ БГУ А. Н. Мяханова; ассистент кафедры уголовного права и криминологии ЮФ БГУ С. П. Сверкунов; секретарь — магистрант ЮФ БГУ А. В. Бутханова.

Секция № 5: «Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы сравнительного правоведения. Правоохранительные органы в странах АТР». Ведущими секции выступили заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики ЮФ БГУ, канд. юр. наук, доцент Ю. В. Хармаев; ст. преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮФ БГУ, канд. юр. наук К. С. Латыпова. В рабочий президиум секции вошли: адвокат, член Ассоциации юристов Монголии Элээхуу Ганбат; доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮФ БГУ, канд. психол. наук В. М. Мельников; доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮФ БГУ Н. Б. Садыков; ст. преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮФ БГУ Е. Н. Науменко; ст. преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮФ БГУ Л. П. Гомбоева; секретарь — заместитель декана по учебной работе заочного отделения, ст. преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮФ БГУ, магистр юриспруденции Н. И. Шаликова.

Помимо работы секций был проведен круглый стол на тему «Антикриминальное просвещение в мировой практике и участие юридических вузов, студенческой молодежи в его реализации».

Перед началом заключительного пленарного заседания состоялась **презентация юридической платформы «ВПРАВЕ»**, которая была представлена Е. В. Гулиной, научным сотрудником лаборатории сравнительного правоведения Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова.

На заключительном пленарном заседании конференции были подведены итоги научного форума. Авторы лучших докладов по целому ряду номинаций были отмечены дипломами, благодарственными письмами и призами — комплектами редких и весьма полезных изданий юридической литературы.

Радует, что с каждым годом научное мероприятие позволяет открыть новые лица и имена в области сравнительного правоведения! Дипломантами конференции были признаны:

Лучшие доклады в пленарном заседании: Диплом 1-й степени — Ласточкина Анастасия Андреевна; Диплом 2-й степени — Целовальников Дмитрий Геннадьевич; Диплом 3-й степени — Рыжкова Валентина Андреевна.

Лучшие доклады в научной секции 1: Диплом 1-й степени — Нефедьева Евгения Александровна; Диплом 2 степени — Санжиева Екатерина Андреевна; Диплом 3-й степени — Тетерин Алексей Николаевич.

Лучшие доклады в научной секции 2: Диплом 1-й степени — Калашникова Виктория Ильинична; Диплом 2-й степени — Норбоева Димит Цырендашиевна; Диплом 3-й степени — Андриянова Татьяна Руслановна.

Лучшие доклады в научной секции 3: Диплом 1-й степени — Клементьев Андрей Вячеславович; Диплом 2-й степени — Косарев Олег Николаевич; Диплом 3-й степени — Доржиева Эржена Викторовна.

Лучшие доклады в научной секции 4: Диплом 1-й степени — Линхоева Елена Михайловна; Диплом 2-й степени — Эпова Алена Владимировна; Диплом 3-й степени — Дашиев Дашинима Цыренович.

Лучшие доклады в научной секции 5: Диплом 1-й степени — Непомнящих Надежда Владимировна; Диплом 2-й степени — Бохач Денис Евгеньевич; Диплом 3-й степени — Балданова Екатерина Эдуардовна, Калашникова Виктория Ильинична, Буторин Игорь Витальевич.

Благодарственными письмами Верховного суда Республики Бурятия награждены: Доржижапов Бато Амагаланович; Дуламсурэн Гантомор; Хайдав Болормаа; Цыренов Барас Борисович; Шулунов Александр Васильевич; Эпова Алена Владимировна.

Благодарственные письма Адвокатской палаты Республики Бурятия получили: Адъяа Билгуун; Идэрзаяа Халиунаа; Ванчиг Удвал; Халтанов Максим Степанович.

Благодарственными письмами Следственного управления СК РФ по РБ награждены: Бохач Денис Евгеньевич; Кардакова Алена Александровна; Линхоева Елена Михайловна; Непомнящих Надежда Владимировна.

Благодарственные письма Управления по вопросам миграции получили: Буторин Игорь Витальевич; Калашникова Виктория Ильинична; Рыжкова Валентина Андреевна.

Благодарственными письмами МВД по РБ награждены: Бутаков Виталий Сергеевич; Жамбаева Ульяна Баировна; Карпов Саян Григорьевич.

Благодарственные письма Генерального консульства Монголии в г. Улан-Удэ получили: Бянкина Анна Михайловна; Геращенко Анастасия Андрияновна; Ри Кирилл Витальевич.

Благодарственными письмами Управления федеральной службы исполнения наказаний России по Республике Бурятия награждены: Антонов Константин Николаевич; Балданова Екатерина Эдуардовна; Целовальников Дмитрий Геннадьевич.

Благодарственные письма комитета Народного Хурала Республики Бурятия по государственному устройству, местному самоуправлению, законности и вопросам государственной службы получили: Алексеева Валентина Андреевна; Батуева Ольга Робертовна; Дамбаев Тимур Дашиевич.

Благодарственными письмами Нотариальной палаты Республики Бурятия награждены: Балданова Екатерина Эдуардовна; Калашникова Виктория Ильинична; Цыбикова Эржэна Баировна; Шагдаров Тимур Намжалович.

Каждому участнику конференции был также вручен сертификат, подтверждающий участие в конференции.

В рамках подготовки к конференции 17 апреля 2019 г. состоялся мастер-класс на тему: «Методика публичных выступлений на конференциях». Встреча была проведена руководителем оргкомитета, д-ром юр. наук, профессором Ю. П. Гармаевым.

Кроме того, все участники конференции могли воспользоваться методическими рекомендациями по качественной подготовке мультимедийных презентаций своих выступлений, воспользовавшись советами по составлению презентаций, пройдя по рекомендованной ссылке <http://dgorlin.blogspot.ru/2010/01/10-kak-delat-prezentaciyu-10-sovetov.html>).

Организаторы конференции надеются, что научное мероприятие еще не раз сможет в теплой и дружеской атмосфере объединить усилия и интеллектуальный потенциал всех, кому интересны проблемы и перспективы развития стран АТР и компаративистики, вложив свой скромный вклад в формирование многостороннего «азиатского» диалога.

Организаторы конференции выражают особую признательность Верховному суду Республики Бурятия, Арбитражному суду Республики Бурятия, Администрации главы и правительства Республики Бурятия, Ассоциации юристов Монголии, Монгольскому государственному университету, Российской криминологической ассоциации, Союзу криминалистов и криминологов, а также всем, кто помог в организации и проведении конференции!

Настоящее издание уже по доброй традиции получило выход в свет благодаря усилиям десятков людей, чья жизненная энергия и немалые усилия способствовали успешному проведению международной конференции и организации, а также подготовке сборника материалов по ее итогам. Спасибо за поддержку, уважаемые коллеги!

*Заведующий лабораторией
сравнительного правоведения в странах АТР
Центра правового обеспечения взаимодействия РФ
со странами АТР
Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова,
заслуженный юрист Республики Бурятия,
доктор юридических наук, профессор
Ю. П. Гармаев*

I. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ И АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ СТРАН АТР: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Электронное правительство в России и за рубежом (на примере стран АТР)

© В. А. Алексеева

магистрант 1 года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет имени Д. Банзарова»
Россия, г. Улан-Удэ
E-mail: valentina09158@yandex.ru

Электронное правительство относится к предоставлению информации национального или местного правительства и услуги через Интернет или другие цифровые средства для граждан или предприятий или других правительственных учреждений. Электронное правительство облегчает предоставление государством государственных услуг гражданам; своевременное информирование граждан в электронном виде; расширение прав и возможностей людей через доступ к информации без бюрократии; участие в принятии решений государственной политики.

Ключевые слова: *предоставление государственных услуг, государственное управление, электронное правительство, опыт стран АТР.*

E-government refers to the provision of national or local government information and services via the Internet or other digital means to citizens or enterprises or other government agencies. E-government facilitates the provision by the state of public services to citizens; timely informing citizens in electronic form; empowering people through access to information without bureaucracy; participation in public policy decisions.

Key words: *provision of public services, public administration, e-government, experience of Asia-Pacific countries.*

В официальных документах термин «электронное правительство» впервые появился в сентябре 1993 года, в отчете администрации правительства США о реформе правительства («Создание правительства, которое работает лучше и стоит дешевле: от красной ленты до результатов»). Организация Объединенных Наций определила понятие «электронное правительство» или «цифровое правительство» как «Использование Интернета и всемирной паутины для предоставления правительственной информации и услуг гражданам». Электронное правительство включает в себя «использование информационных технологий (ИТ), информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) и других телекоммуникационных технологий на основе Интернета для улучшения и / или повышения эффективности и результативности» оказания услуг в государственном секторе. Электронное правительство поощряет и улучшает широкий вклад заинтересованных сторон в развитие страны и общества, а также углубляет процесс управления [7].

В системах электронного правительства государственные операции поддерживаются веб-службами. Они предполагают использование информационных технологий, в частности Интернета, для облегчения связи между правительством и его гражданами.

Электронное правительство использует современные технологии для обеспечения непрерывного осуществления государственных функций и предоставления государственной информации и услуг населению. Электронное правительство улучшило автоматизацию делопроизводства в государственном секторе благодаря использованию Интернета и беспроводных технологий для подключения телефонов, факсов и принтеров. Это особенно актуально для тех областей государственного сектора, где сотрудники постоянно находятся в движении, таких как сотрудники полиции и руководители проектов.

В различных источниках термин может иметь разные трактовки, но объединять их будет то, что электронное правительство предполагает использование информационных технологий, для улучшения качества предоставления государственных услуг гражданам, предприятиям и другим государственным учреждениям.

Термин «электронное правительство» включает в себя цифровые взаимодействия между государством и гражданами (G2C, Government-to-Citizen), между государством и другими государственными учреждениями (G2G, Government-to-Government), между государством и государственными служа-

щими (G2E, Government-to-Employees), а также между государством и коммерческими структурами (G2B, Government-to-Business).

G2C — это те виды деятельности, в которых правительство обеспечивает единый доступ к информации и услуги гражданам. Приложения G2C позволяют гражданам задавать вопросы государственным органам и получать ответы; изменить их адрес; платить налоги (федеральные и местные); обновить водительские лицензии; оплатить проездные билеты; и назначать встречи для осмотра транспортных средств на выбросы и экзамены по вождению. Кроме того, правительство может распространять информацию в Интернете; предоставить загружаемые формы онлайн; проводить обучение; помогать гражданам находить работу; предоставлять информацию о туризме и отдыхе; дать совет о здоровье и вопросах безопасности; разрешить передачу льгот, таких как продовольственные купоны, компенсация за помощь при чрезвычайных ситуациях карт и т. д.

В G2B правительство имеет дело с такими компаниями, как поставщики, использующие Интернет и другие ИКТ. G2B включает в себя два двусторонних взаимодействия и транзакции: правительство-бизнес и бизнес-правительство (B2G). B2G относится к предприятиям, продающим товары и услуги правительству. Две ключевые области G2B — Электронные закупки и аукционы государственных излишков.

G2G имеет дело с теми действиями, которые имеют место между различными правительственными организациями / агентствами. Многие из этих мероприятий направлены на повышение эффективности и результативности всего правительства. Например, в Соединенных Штатах: Intelink (несет секретную информацию, совместно с различными спецслужбами США), закупки в GSA (совокупный объем спроса на различные подразделения правительства), федеральный реестр дел (поиск информации о пособии на ребенка) и маркетинговая сеть и сеть доступа (база данных с возможностью поиска, государственные единицы используют для поиска товаров и услуг).

Модели доставки электронного правительства можно разбить на следующие категории: это взаимодействие состоит из общения граждан со всеми уровнями правительства (города, штата / провинции, национального и международного уровня), содействия участию граждан в управлении с использованием информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) (таких как компьютеры и веб-сайты) и реинжиниринга бизнес-процессов.

В каждой из этих областей взаимодействия имеют место четыре вида деятельности:

- распространение информации через Интернет, например: регулирующие службы, общие праздники, расписание публичных слушаний, сводки, уведомления и т. д.;
- двусторонняя связь между агентством и гражданином, коммерческими предприятиями или государственным учреждением. В этой модели пользователи могут вступать в диалог с агентствами и публиковать проблемы, комментарии или запросы в агентство.
- проведение транзакций, например: подача налоговых деклараций, подача заявок на услуги и гранты.
- управление, например: обеспечение перехода граждан от пассивного доступа к информации к активному участию граждан путем:
 1. Информирование гражданина
 2. Поощрение гражданина голосовать
 3. Консультирование гражданина
 4. Вовлечение гражданина. [9,10]

По нашему мнению, при изучении опыта организации электронного правительства в странах АТР особый интерес для России представляют такие государства, как Сингапур и Южная Корея, поскольку согласно рейтингу уровня развития электронного правительства ООН (2018 г.) они занимают ведущие позиции.

Концепция электронного правительства Сингапура реализуется с помощью трех стратегических направлений, а именно:

- Совместное создание новых электронных услуг государством и гражданами;
- Подключение к Интернету для активного участия;
- Катализирующее преобразование целого правительства.

В Сингапуре каждое ведомство занимается формированием системы предоставления услуг самостоятельно, но, тем не менее, созданы и успешно функционируют специализированные органы власти с общими полномочиями, такие как Управление развитием информационно-коммуникационных систем (The Info-communications Media Development Authority (IMDA)), занимающееся развитием информационно-коммуникационных технологий и их внедрением в сферу государственного управления, и Служба REACH, занимающаяся обеспечением обратной связи с гражданами (Reaching

Everyone for Active Citizenry Home) — официальный канал новостей и обновлений о всех консультациях правительства. На нем представлены новые функции, такие как оповещения о новых электронных консультациях для граждан через каналы социальных сетей и мобильные приложения. Для поощрения участия также рассмотрены более простые способы предоставления гражданами обратной связи (например, посредством быстрых опросов) и предоставлено руководство для государственных учреждений, чтобы облегчить принятие лучших практик в электронных консультациях. На основе голосования формируется рейтинг качества предоставления электронных услуг, который виден всем посетителям портала. В свою очередь служба REACH анализирует запросы и доводит актуальные проблемы до правительства Сингапура [4, 5].

Прогресс сектора электронного правительства Сингапура также можно увидеть по наличию четырех национальных порталов, они называются eCitizen Portal, SingPass, Система онлайн-лицензирования бизнеса и Уникальный номер организации. В дополнение к этому, есть более 400 сайтов агентств, предоставление бесплатного доступа в интернет для людей с трудностями (пожилых, нуждающихся студентов и лиц с ограниченными возможностями), и портал с открытыми данными под названием «data.gov.sg», который служит главным порталом для доступа к государственным данным.

Признавая Интернет в качестве важного канала для прямой доставки информации и услуг населению, правительство продолжает совершенствовать информацию и услуги, предоставляемые через правительственные веб-сайты. Стратегия трансформации веб-сайтов направлена на то, чтобы предоставить клиентам единый и интегрированный веб-интерфейс для всех правительственных веб-сайтов, одновременно разрабатывая стандарты, общие инструменты и возможности для поддержки правительственных учреждений в улучшении их веб-сайтов.

Опираясь на высокий уровень проникновения смартфонов в Сингапуре, правительство также проводит следующую фазу программы «Мобильное правительство» (mGov) для развертывания более многофункциональных и инновационных мобильных услуг. Клиенты могут рассчитывать на расширенные возможности мобильной связи, получая доступ к информации и осуществляя операции с правительством на ходу. Ориентация на граждан предполагает установку терминалов получения электронных услуг и справочной информации в часто посещаемых заведениях. Правительство старается максимально интегрировать государственные порталы предоставления государственных услуг с мобильными устройствами для упрощения процедуры взаимодействия граждан и предприятий с государством, и занимается объединением разрозненных сайтов ведомств в единое информационное пространство.

Из-за высокой плотности и маленькой территории в Сингапуре отсутствуют специализированные центры обслуживания населения, вследствие этого для повышения комфорта для заявителей государственные органы выделяют в своем составе самостоятельные подразделения, которые активно взаимодействуют с заявителями. К примеру, в Министерстве трудовых ресурсов создано подразделение, отвечающее за прием заявителей по своему профилю.

Корея заняла первое место как по индексу электронного участия (EPI), так и по индексу развития электронного правительства (EGDI) в Обзоре электронного правительства Организации Объединенных Наций в 2010 году. С тех пор Корея в течение последнего десятилетия была мировым лидером в области электронного правительства, занимая первое место сначала в EPI и третье в EGDI Обзора электронного правительства ООН в 2018 году. Однако это удивительное достижение не произошло за одну ночь. Электронное правительство Кореи развивалось благодаря неустанным усилиям, направленным на то, чтобы сделать жизнь людей более удобной и способствовать участию общественности в процессе выработки политики.

Движение правительства Кореи 4.0 преследует две цели высокого уровня: обеспечение услуг, адаптированных к конкретным потребностям и потребности, адаптированные к ним, а также создание новых рабочих мест и переоснащение механизмов разработки. Для достижения этих двух целей правительство Кореи предлагает три стратегических направления: правительство, ориентированное на услуги, прозрачное правительство и более качественное (и разумное) управление (иными словами, компетентное правительство). Все эти усилия поддерживаются четырьмя основными ценностями, такими как открытость, обмен, общение и сотрудничество.

Для этого правительство Кореи создает консолидированные системы для предоставления информации и услуг, интегрируемых в государственные учреждения, области политики и географические юрисдикции. Эти системы обеспечивают услуги, основанные на жизненном цикле, услуги, адаптированные к потребностям определенных бенефициаров, и универсальные услуги социального обеспечения. Потребности, которые учитывает Правительство 4.0, также включают потребности бизнеса и

предпринимателей. В частности, малые и средние предприятия получают помощь от комплексных услуг для экономики.

«Правительство 4.0» также касается связей с гражданами и поощрения их к участию в государственных делах. В частности, правительство планирует консультироваться с гражданами, используя онлайн-голосование, по крупным государственным делам и крупным государственным проектам стоимостью более 500 млрд вон. И наконец, правительство определяет три направления: интегрированное (например, трансграничное, межорганизационное, межведомственное) администрирование, трансграничный обмен информацией и сотрудничество, основанное на оцифровке и информатизации [9].

Государственные службы Кореи объединяют 70 000 различных видов государственных услуг, доступных для общественности, и классифицируют их по 12 категориям. Корейские государственные службы предоставляют индивидуальные услуги различными способами, адаптированными к жизни каждого гражданина. Например, Официальный портал «GOV.KR»: этот портал предоставляет услуги корейского правительства, гражданские петиции, политику и информацию.

Независимые информационные системы ведомств электронного правительства Республики Корея объединены в общий центр GIDC, в котором осуществляется профессиональное управление всеми данными. В системе ведётся учет действий пользователей, и хранятся все версии документов.

Нормативной базой создания электронного правительства в России выступили Федеральный закон «О предоставлении государственных и муниципальных услуг» (2010 г.), Федеральная целевая программа «Электронная Россия» (2002–2010 гг.), утвержденная Правительством (2002 г.), Государственная программа «Информационное общество» (2010 г.), Порядок разработки и утверждения административных регламентов исполнения государственных функций (государственных служб), утвержденный Правительством (2005 г.), концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 гг., утвержденная Правительством (2005 г.) и другие приказы, постановления и акты. Также в 2017 году была разработана Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 09.05.2017 N 203).

Одно из ключевых направлений Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации — повышение эффективности государственного управления и местного самоуправления, взаимодействия гражданского общества и бизнеса с органами государственной власти, качества и эффективности государственных услуг, в том числе посредством создания электронного правительства.

Основная цель создания электронного правительства лежит в области обеспечения равных возможностей для всех россиян, независимо от их места проживания и доходов, и создания более эффективной системы государственного управления. Таким образом, электронное правительство создано для того, чтобы достичь полезной системы государственного управления, учитывающей индивидуальные интересы каждого гражданина посредством участия через ИКТ в разработке государственной политики.

В настоящее время российское электронное правительство включает в себя такие системы, как:

1. Единая система межведомственного электронного взаимодействия, используемая для предоставления государственных и муниципальных услуг обмена информацией и данными между участниками межведомственного взаимодействия, оперативного принятия государственных и муниципальных решений и т. д.

2. Единая система аутентификации и авторизации, обеспечивающая подтверждение прав всех участников электронного правительства.

3. Единый портал государственных и муниципальных услуг, который является «единым окном» для всей информации и услуг, гарантируемых органами государственной власти и местного самоуправления, предоставляющий гражданам и организациям возможность получить услуги в электронном виде через единую точку доступа.

4. Информационная система главного удостоверяющего центра (единое пространство применения электронной подписи при предоставлении государственных услуг и межведомственного взаимодействия посредством применения сертификатов и ключей электронных подписей)

5. Другие системы, расположенные на облачных сервисах (Национальная платформа распределенной обработки данных, Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности).

Сегодня элементы электронного правительства России востребованы в сферах электронного управления, электронных услуг (электронное здравоохранение, электронное образование, электронная библиотека и т. д.), электронной коммерции, электронной демократии (веб-выборы, инициативы российской общественности).

Основным порталом по предоставлению государственных услуг Российской Федерации является Gosuslugi.ru. Информация на портале объединена в категории «для граждан», «для юридических лиц», «для предпринимателей», «для иностранных граждан» и «для партнеров», где собраны сервисы для государственных и коммерческих партнеров.

Портал государственных услуг является частью инфраструктуры, которая обеспечивает обмен данными и технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде.

Портал государственных услуг gosuslugi.ru является единым порталом государственных услуг и функций (ЕПГУ), где у каждого гражданина есть возможность:

- узнать информацию о государственных и муниципальных услугах;
- получить государственные услуги в электронной форме или записаться на приём в соответствующее ведомство;
- оплатить штрафы, судебные и налоговые задолженности, госпошлины, услуги ЖКХ; а также оценить качество предоставления услуг.

Задачи портала перечислены в Постановлении Правительства РФ от 24.10.2011 N 861.

Согласно статистике с сайта gosuslugi.ru, за 2018 год на портале зарегистрировалось 86,5 млн пользователей и заказано 2,6 млрд услуг через сайт и мобильное приложение [6].

Сайт Госуслуг одинаково доступен на всей территории России. Поэтому жители Республики Бурятия, так же как жители других регионов России, могут заказывать государственные услуги через портал. Постепенно к Госуслугам подключается все больше региональных государственных услуг и ведомств. В зависимости от региона на портале доступны популярные услуги (например, запись к врачу), ответы на вопросы и подробные инструкции (оформление различных пособий, регистрация ООО) [2].

Благодаря изучению зарубежного опыта системы предоставления государственных услуг мы можем определить направления улучшения системы государственных услуг в России:

1. Создание уполномоченного органа, ответственного за реализацию программы повышения качества предоставления государственных услуг, в обязанности которого можно вменить проведение разъяснительных кампаний.

2. Создание системы повышения квалификации государственных служащих по эффективному предоставлению услуг потребителям.

3. Повышение ориентированности на интересы и потребности заявителей, прозрачности доступа к данным, которые необходимы для взаимодействия с государством. Используя настраиваемые сервисные функции порталов, пользователи должны иметь возможность индивидуализировать правительственную информацию и сервисы по своему усмотрению, тем самым достигая повышенного удобства обслуживания. Также необходимо консолидировать административную работу и горизонтальное и вертикальное соединение систем электронного правительства.

4. Необходимо также устранить сбои в работе портала государственных услуг и тщательно заняться вопросами повышения безопасности. В частности, должна быть принята во внимание информационная безопасность.

5. Увеличить вовлеченность и осведомленность граждан об изменениях и нововведениях в сфере государственных услуг путем проведения разъяснительных кампаний путем выпуска периодических изданий, публикаций информации на Интернет-порталах.

6. На страницах портала необходимо разместить больше обучающих материалов, в которых максимально доступно изложена информация о получаемой услуге (описание услуги, как получить и куда обратиться) с описанием технических моментов (на какие кнопки нажать, какую информацию ввести и т.д.).

Литература

1. Гурнина Д.А., Журавлев В.Г. Электронное правительство России: возможности и преимущества. — М., 2011. — 205 с.
2. Дубровский Д. Н. Структура механизмов электронного правительства России // Молодой ученый. 2017. — № 27. — С. 80-83.
3. Жетписбаева М.К., Миронычева А.И. Зарубежный опыт совершенствования системы предоставления государственных услуг // Международный студенческий научный вестник. — 2017. — № 6.
4. Официальный сайт The Info-communications Media Development Authority. — URL: <https://www.imda.gov.sg/> (дата обращения: 17.04.2019)
5. Официальный сайт Службы REACH. — URL: <https://www.reach.gov.sg> (дата обращения: 17.04.2019)

6. Портал государственных услуг Российской Федерации URL: <https://www.gosuslugi.ru/> (дата обращения: 17.04.2019)
7. Экспертный центр электронного государства. — URL: <http://d-russia.ru/elektronnoe-pravitelstvo-respubliki-koreya-istoriya-i-opyt-sozdaniya.html> (дата обращения: 17.04.2019)
8. Alenezi, Hussain; Tarhini, Ali; Sharma, Sujeet Kumar. "Development of quantitative model to investigate the strategic relationship between information quality and e-government benefits". *Transforming Government: People, Process and Policy*. — 2015. — no.3 (9). — pp. 324–351.
9. Chung, Choong-Sik. « The Introduction of e-Government in Korea: Development Journey, Outcomes and Future », *Gestionnet management public*, vol. volume 3 / 4. — 2015. — no. 2 — pp. 107-122.
10. Mary Maureen Brown. "Electronic Government" Jack Rabin (ed.). *Encyclopedia of Public Administration and Public Policy*, Marcel Dekker, 2003. — pp. 427–432 .
11. Larsen, B., & Milakovich, M. *Citizen Relationship Management and E-Government*. *Lecture Notes in Computer Science*, January, 2005. — pp. 57–68.

Становление конституционализма в Бразилии

© Т. Д. Дамбаев

магистрант 2-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО "Бурятский государственный университет"
Россия, г. Улан-Удэ
E-mail: dambaev_t@mail.ru

В данной статье рассматриваются различные факторы социально-экономического и политического характера, определяющие особенности бразильского конституционного права. Рассмотрены особенности эволюции конституционных реформ. Начиная с периода обретения независимости самим государством, и заканчивая современным периодом.

Ключевые слова: конституция, конституционное право, государственный строй, государственный орган, конституционное развитие.

This article discusses various factors of a socio-economic and political nature that determine the characteristics of the Brazilian constitutional law. The features of the evolution of constitutional reforms are considered. Since the period of independence by the state itself, and ending with the modern period.

Key words: constitution, constitutional law, state system, state body, constitutional development.

Начиная с 1500-х годов началась португальская колониальная компания на территории Бразилии. Так было вплоть до 1822 года. На пути к независимости, много раз поднималось национально-освободительное движение. В 1820 году произошла революция, повлекшая за собой новые волны движений за независимость. Что в итоге им удалось осуществить. Самый первый проект конституции был написан в 1824 году при императоре Педру I, нормы которой были схожи с конституцией Португалии от 1822 года. Основной чертой этой конституции было то, что ее нормы позволяли императору управлять государством.

При разработке текста португальской конституции в 1821 году также принимали участие представители и от Бразилии. Такой опыт дал движение к попыткам самим бразильцам создать свою конституционную систему в своей стране [2]. В 1822 году было собрано учредительное собрание, которым была начата разработка конституции, но так и не была закончена. Затем в 1823 году император Педру I собрал государственный совет, которому было суждено разработать конституцию, провозглашающую Бразилию государством с конституционной и представительной монархией [4, с. 304].

Конституция Бразилии согласно теории Бенжамина Константы указывала деление государственной власти на законодательную, исполнительную, судебную и посредническую. В следующем году в 1825, португальцы были вынуждены согласиться и дать признание независимости своей колонии.

Начиная с момента обретения независимости, Бразилия претерпела длительное время конституционного развития, которому была характерна частая смена конституций. Всего было принято шесть конституций. Каждый раз развитие, как и во многих других государствах латинской Америки, проходило в конкурентной политической борьбе. Там же были и народные восстания и военные перевороты.

Весьма заметным в конституционном развитии были антимонархические демонстрации в 1889 году, вскоре после чего была свергнута монархия. Было создано временное правительство, которое провозгласило Бразилию государством с федеративной формой территориального устройства. Созданный национальный учредительный конгресс разработал Конституцию федеративной республики

Бразилия. Данная конституция позаимствовала в большей степени опыт Соединенных Штатов Америки.

Вскоре в 1930 году снова произошла революция, в ходе которой Учредительное собрание, созданное в 1933 году, приняло Конституцию в 1934. В процессе принятия использовался опыт у фашистской Италии. Новая конституция принимала теорию разделения властей, где государственная власть делилась на законодательную, исполнительную и судебную.

В 1937 году, президент Бразилии Жетулио Варгас принял поправки в Конституцию, так называемой Нового государства, нормы которой по идее давали президенту возможность иметь в своих руках всю государственную власть.

После этого многие функции Национального конгресса и судебной власти были сокращены. А затем был распущен парламент. В итоге многие статьи Конституции могли противоречить действующим реалиям.

К концу влияния фашистской идеологии, либеральные оппозиционные силы в Бразилии начали выдвигать свои требования и права по реформе конституционного строя. Так например, был снят запрет на политические партии.

В октябре 1945 года в ходе военного и политического заговора был свергнут диктаторский режим Жетулио Варгаса. И в декабре состоялись выборы, где пост Президента Бразилии выиграл один из организаторов военно-политического переворота Эурико Гаспар Дутра. Вновь была создано Учредительное Собрание, главной целью которого была разработка новой конституции.

В ходе ее разработки за основу были взяты нормы Конституции от 1934 года. И в 1946 году ее приняли. Положения конституции имели более демократичный характер. Снова вернулся принцип разделения властей, расширился круг прав и свобод граждан, а также вернулись права штатов. Но данная конституция также постоянно изменялась, с помощью поправок, которые туда вносили[5].

В стране из-за постоянных волнений, более либеральное общество объединило силы и выступило против действующей власти. В 1964 году вспыхнул и поднялся военный путч, который в итоге завершился военным переворотом. Незадолго до этого командующие трех родов войск приняли Институционный акт, который потом считался как основа создающегося авторитарного режима. Впоследствии таких актов было принято еще около 10 штук. Нормы данных актов регулировали и устанавливали основные аспекты жизни государства и правовые положения граждан. Стоит упомянуть, что конституция от 1946-го года действовала параллельно с первым актом. Соответственно сама конституция подвергалась некоторым изменениям.

24 января 1967 г. была разработана еще одна Конституция, характерной чертой которой стало усиление роли Союза в ущерб штатам и власть Президента, дающей возможность, ограничить конституционные права и свободы. Были запрещены выборы Президента. Его можно было избрать коллегией вместе с национальным конгрессом и полномочными представителями от законодательных органов штатов. В 1969 году принял первую конституционную поправку, суть которой заключалась в том, чтобы увеличить срок президента с четырех до пяти лет. Помимо этого, были приняты поправки касательно избрания губернаторов штатов и другие поправки[1, с.276].

Отличительной чертой военно-авторитарного режима являлось продолжение влияния гражданских органов, то есть парламента и судов, хоть и военные принимали огромное участие при устройстве жизни государства.

Во время правления военных органов, основной упор делался на методы репрессии, для подавления оппозиционных сил в стране, для подчинения профсоюзов, подавления простых рабочих и крестьян. Возрождались новая борьба за власть. Развивались демократические взгляды. Постепенно шло изменение и среди военных руководителей, которым, возможно, захотелось вернуться в спокойную умеренную форму правления. Со временем, страна стала иметь более демократичный характер. Вновь была разрешена деятельность политических партий. И сам политический режим сначала был более коммунистическим, но примерно с 1980 года стал преобладать либерально-демократический характер.

С середины 1980-ых годов начали проводить выборы в Национальное учредительное собрание, которое после принятия новой Конституции, должно было исполнять задачи парламента.

Для принятия поправок в Конституцию, в 1985 году президент Бразилии издал декрет об образовании Временной комиссии. В ее состав входили 49 наиболее влиятельных юристов, которые изъявляли различные видения. Эта комиссия разработала первоначальный проект конституции, он был сильно раскритикован силами левых и правых политических партий. В итоге данный проект конституции не был направлен в Учредительное собрание[3, с. 176].

Учредительное Собрание, начало свою деятельность с 1987 года и разрабатывало проект конституции в восьми комиссиях, и их подкомиссиях. В ходе работы, комиссия рассмотрела, около 15000 поправок. Затем подготовленный проект был выставлен на всеобщее рассмотрение. Весь процесс шел открыто, простые граждане могли свободно посещать залы заседания комиссии. Также сами граждане могли внести определенные изменения в проект, если соберут не меньше 30 000 подписей избирателей. В основном граждане обращали внимание на сферу аграрного сектора, трудовые, социальные, жилищные права, также право на образование.

Итоговые выборы по проекту новой Конституции прошли 22 сентября 1988 года. Абсолютное большинство проголосовало за принятие. И Конституция вступила в законную силу 5 октября 1988 года. По содержанию, этот основной закон стал самым объемным.

Литература

1. Автономов А. С. Конституционное право зарубежных стран: учебник. / А. С. Автономов. — М.: Проспект, 2007. — 476 с.
2. Constituição Política de República Portuguesa.
3. Алебастрова И. А. Конституционное право зарубежных стран: Учебное пособие / И. А. Алебастрова. — М.: Юриспруденция, 2000. — 304 с.
4. Енгибарян, Р.В. Сравнительное конституционное право: Учебное пособие / Р.В. Енгибарян. — М: Феникс, 2007. — 489 с.
5. Constitución de la República Federativa del Brasil.

Особенности становления латиноамериканских конституций

© Т. Д. Дамбаев

магистрант 2-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО "Бурятский государственный университет"

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: dambaev_t@mail.ru

В данной статье рассматриваются факторы социально-экономического и политического характера, определяющие особенности латиноамериканского конституционного права. А также специфику становления и развития независимости стран Латинской Америки, в частности их конституций.

Ключевые слова: конституционное право, латиноамериканские государства, юридическая независимость, латиноамериканские конституции, конституционное законодательство, конституционные принципы.

This article discusses the socio-economic and political factors that determine the characteristics of Latin American constitutional law. As well as the specifics of the formation and development of the independence of Latin American countries, in particular their constitutions.

Key words: constitutional law, Latin American states, legal independence, Latin American constitutions, constitutional legislation, constitutional principles.

Исторически, все латиноамериканские страны длительное время находились под властью Испании и Португалии, начиная с 16-го века. Получать независимость они стали с 19-го века. С этого момента началось становление, развитие и эволюция государственного устройства этих стран. Факто того, что с 19-го века, прошел длительный отрезок времени самостоятельного развития как независимых суверенных государств. Если сопоставить со странами из Африки и Азии, то между ними есть существенные различия. Поскольку страны Африки и Азии начали обретать независимость лишь после второй мировой войны, когда силы и ресурсы европейских колониальных стран сильно иссякли и контролировать свои колонии было бы затруднительно. Поэтому в то время, когда страны латинской Америки уже имели кое какие основы государственного устройства, установленные государственные органы, имелся опыт создания собственных конституций, то странам Африки и Азии лишь только предстояло начать свою независимую политику [1, с. 237].

В силу различных предпочтений колониальных стран по поводу выбора их присутствия в определенном государстве, сложилась неоднородная социальная система латиноамериканского общества. На территории Южной Америки, а также в странах центральной Америки и Мексики образовались различные социальные слои. Начиная от влиятельной буржуазии развившихся в таких государствах как Бразилия, Венесуэла, Чили и Аргентина до отсталых феодальных и средневековых социальных структур Парагвая, Коста-Рики, Гондураса и остальных слаборазвитых стран. Также большое разли-

чие в промышленных предприятиях и рабочих местах для населения в той же Мексике, Чили, Бразилии, и соответственно практически полное отсутствие промышленности в слаборазвивающихся странах региона [6, с. 56]. Стоит отметить, что на государственную и общественную политику оказывало прямое влияние Соединенных Штатов Америки, где доля их капиталовложений в экономику многих стран латинской Америки составляло практически около 80% от общего числа иностранных инвестиций [2, с. 164].

Еще одним из основных факторов, влияющим на эволюцию конституционного права, является армия, которая играет большую роль для латиноамериканских стран в области устройства политической жизни и государственного устройства. Вмешательство армии в политику латиноамериканских стран играло значимую роль. С одной стороны, например, главнокомандующий армии мог с помощью силы свергнуть действующую власть, и начать диктовать свои условия. И это конечно, же негативно или позитивно отражалось на формирование конституционного строя. С другой стороны, для действующей власти, армия рассматривалась как единственный источник безопасности, порядка и стабильности в государстве, особенно в период политически кризисного времени.

Следующим фактором воздействия на конституционное право стран Латинской Америки является влияние католической церкви. Именно церковь в Латинской Америке, как и сам католицизм преподносит для населения свою общественную идеологию. Она оказывает воздействие на сам государственный строй, построение конституционной системы, и непосредственно на само население. Из-за того что абсолютное большинство населения исповедует католицизм, то и церковь занимала особое положение среди других институтов власти. Она могла играть роль как один из наиболее эффективных способов для колониальных правительств. Одновременно с этим церковь являлась одним из способов распространения испанского и португальского влияния на все сферы общества и государства [3, с. 289].

Есть особая специфика среди латиноамериканских конституций, при неустойчивой политической обстановке. Так например, для многих государств было характерным элементом в становлении конституционализма, это очень частая сменяемость конституций, различных законов. Вследствие чего нестабильность основного закона государства.

За весь прошедший период жизни независимого развития, не малая часть стран Латинской Америки утверждали и отменяли конституции по несколько раз. А среди таких стран, как например, Доминиканская Республика или Венесуэла, изменяли свои конституции более двадцати раз.

Основной причиной сменяемости основных законов являются государственные перевороты, вслед за этим смена государственного режима, и правящей элиты. Но следует учесть, что не всегда после государственного переворота, следовало принятие новой конституции. Имело место быть, когда вновь пришедшая власть, просто изменяла или добавляла в содержание конституции свои новые правки и изменения, приспособив его к своим политическим взглядам. Такие ситуации характерны для таких стран, как, Мексика, Гватемала, Уругвай, Колумбия, а также Аргентина и другие. У них по сравнению с остальными странами, было принято не так много конституций.

При получении независимости, многие государства, при создании своей конституции, позаимствовали основные принципы, которые были немного чужеродны политическому опыту, укладу жизни и традициям для стран латинской Америки.

На структуру и внутреннее содержание основных законов для латиноамериканских государств, непосредственное воздействие оказали основные главы, и статьи Конституции Соединенных Штатов Америки от 1787 года. А именно принцип разделения властей, структуры построения правительства а также многие другие принципы. При сравнении, то можно заметить, что в основных законах стран латинской Америки имеют общую черту в плане правового статуса президента, основных функций суда. С 20-го века содержание конституций значительно изменялось. В этот период, утихла тенденция копирования заимствования зарубежных моделей государственного устройства и принятия правовых актов. И одновременно с этим принимались нормативно-правовые акты с большим уклоном к населению с национальным происхождением. Содержание текста писались, более подробно учитывая общественную и политическую обстановку в стране, и подстраиваясь к новым социально-экономическим условиям, как внутри государства, так и отдельно взятому южноамериканскому региону.

Приблизительно, после середины 20-го века, в конституции стран латинской Америки исключались устаревшие нормы, и добавлялись основополагающие конституционные демократические принципы. Одними из таких, например, являются: верховенство конституции, равенство граждан перед судом, сменяемость высших должностных лиц, а также принцип разделения властей и другие. Данные принципы есть и в современное время [5, с. 252].

Литература

1. Арановский К.В. Государственное право зарубежных стран / К.В. Арановский. — М.: Форум-Инфра-М, 1998. — 448 с.
2. Альперович М.С. История стран Латинской Америки / М.С. Альперович, Л.Ю. Слезкин. — М.: Изд-во Высшая школа, 1970. — 384 с.
3. История государства и права зарубежных стран: ч. 2. / Под ред. Н.А. Крашенинниковой, О.А. Жидкова. — М.: Издательство МГУ, 1991. — 336 с.
4. Конституционное право зарубежных стран: Учебник для вузов / Под общ. ред. М.В. Баглая, Ю.И. Лейбо, Л.М. Энтина. — М.: Издательство НОРМА-ИНФРА-М, 2002. — 832 с.
5. Королев Ю.Н. Латинская Америка: революции XX века / Ю.Н. Королев, М.Ф. Кудачкин. — М.: Политиздат, 1986. — 350 с.
6. Марчук Н.Н. Становление национальных государств в Латинской Америке / Н.Н. Марчук. — М.: Изд-во Университета дружбы народов, 1989. — 88 с.

Административно-правовые основы противодействия домашнему насилию в некоторых странах Азиатско-Тихоокеанского региона (сравнительно-правовой анализ)

© Е. В. Евсикова

канд. юр. наук

Крымский филиал ФГБОУ ВО

«Российский государственный университет правосудия»

Россия, Республика Крым, г. Симферополь

E-mail: Helen_yevsikova@mail.ru

В статье проводится сравнительно-правовой анализ основных проблем противодействия домашнему насилию в некоторых странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Автор анализирует и исследует законодательство в сфере борьбы с домашним насилием в Монголии, Китае, США, а также некоторые особенности и проблемы реализации указанных нормативно-правовых актов на практике. На основе проведенного анализа автор приходит к выводу о необходимости принятия закона о противодействии домашнему насилию в Российской Федерации.

Ключевые слова: побои; домашнее насилие; противодействие домашнему насилию; уголовная и административная ответственность за домашнее насилие.

In article the comparative and legal analysis of the main problems of counteraction to domestic violence in some countries of the Asia-Pacific region is carried out. The author analyzes and investigates the legislation in the sphere of fight against domestic violence in Mongolia, China, the USA and also some features and problems of implementation of the specified normative legal acts in practice. On the basis of the carried-out analysis the author comes to a conclusion about need of adoption of law on counteraction to domestic violence in the Russian Federation.

Key words: beating; domestic violence; counteraction to domestic violence; criminal and administrative liability for domestic violence.

Домашнее насилие — серьезная проблема и беда современного российского общества, решение которой требует разработки качественных административно-правовых основ противодействия домашнему насилию в Российской Федерации. Президент России В.В. Путин неоднократно обращал внимание на необходимость обеспечения и защиты законных интересов граждан в целом и в сфере семейных отношений в частности [1, с. 55].

Уполномоченный по правам человека в РФ Татьяна Москалькова сообщила об активной подготовке в России закона, направленного на борьбу с домашним насилием, отметив, что в России нарабатан хороший опыт деятельности кризисных центров для жертв домашнего насилия. Так, в одном из московских кризисных центров: с 2014 по 2018 г. получили убежище 600 женщин и 700 детей [2].

В свою очередь, глава МВД России Владимир Колокольцев в конце прошлого года заявил, что закон о декриминализации побоев в семье создал новые трудности. По его словам, за девять месяцев 2018 года полиция зарегистрировала 164 тысячи правонарушений по фактам нанесения побоев (по КоАП РФ), но только 7 тысяч случаев расследовались как преступления (по УК РФ). Проблема состоит в том, что российские суды предпочитают назначать штраф, а не отправлять нарушителей под административный арест или привлекать их к обязательным работам [3], что практически не соответ-

ствуется целям наказания, а также не способствует реализации принципов неотвратимости, справедливости, системности наказания.

Как справедливо указывает А.В. Руденко, законодатель при осуществлении нормотворческой деятельности, устанавливая размер административного наказания за конкретное правонарушение, должен оценивать его с точки зрения соотносимости его с характером и степенью общественной опасности данного административного правонарушения, наделять его разумным сдерживающим эффектом, необходимым для соблюдения находящихся под защитой административно-деликтного законодательства запретов, а суд или орган административной юрисдикции должен назначать административное наказание с учетом обстоятельств конкретного административного правонарушения, характеристики лица, привлекаемого к административной ответственности, иных имеющих значение для дела существенных обстоятельств, учитывая, что данное наказание должно быть достаточным, для достижения его целей и задач [4, с. 77–79].

Таким образом, на сегодняшний день в уголовном и административно-деликтном законодательстве Российской Федерации содержатся нормы, направленные на противодействие домашнему насилию, однако, комплексного разработанного закона, направленного на предупреждение, профилактику и борьбу с данным антиобщественным и антисоциальным явлением, основанного на научном подходе и учитывающего наработки правоприменительной и правоохранительной практики, к сожалению, на сегодняшний день в Российской Федерации нет.

Следует отметить, что работа над Проектом федерального закона о профилактике домашнего насилия ведется уже достаточно давно. Так, проект Федерального закона № 1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия» (внесен депутатом Государственной Думы ФС РФ С.Ш. Мурзабаевой, членом Совета Федерации ФС РФ А. В. Беляковым 28.09.2016 г.) (далее — Проект). Проект регулирует правоотношения в сфере:

- 1) установления правовых и организационных основ социально-правовой защиты от семейно-бытового насилия;
- 2) закрепления основ правового регулирования в области социально-правовой защиты от семейно-бытового насилия,
- 3) определения полномочий федеральных органов государственной власти и полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере социально-правовой защиты от семейно-бытового насилия;
- 4) закрепления прав пострадавших от семейно-бытового насилия;
- 5) определения механизмов профилактики семейно-бытового насилия,
- 6) установления полномочий федеральных органов государственной власти по осуществлению профессиональной подготовки специалистов по предупреждению совершения насилия в семейно-бытовой сфере [5].

Отметим, что Проект предусматривает такие меры индивидуальной профилактики, как: 1) профилактический учет; 2) профилактическая беседа; 3) специализированные психологические программы; 4) защитное предписание; 5) судебное защитное предписание.

Вместе с тем, в рамках данного исследования интересен опыт некоторых стран Азиатско-Тихоокеанского региона в сфере разработки и принятия административно-правовых средств противодействия домашнему насилию.

Так, согласно данным Генерального полицейского управления Монголии в 2010 году было зарегистрировано 284 случая насилия в семье, девять человек было убито, двести двадцать пять человек получили телесные повреждения. Эта статистика растет с каждым годом и в 2016 году число таких преступлений достигло цифры в одну тысячу четыреста сорок девять, погибло восемнадцать, телесные повреждения получили тысяча двести семнадцать человек. За прошедшие шесть лет число внутрисемейных преступлений увеличилось в пять раз, погибло в два раза больше людей, а лиц получивших телесные повреждения стало в пять раз больше. За последние девять лет в результате домашнего насилия погибло сто четыре человека. В число погибших не вошли те, кто добровольно ушел из жизни, поэтому точное число жертв неизвестно.

По требованию неправительственных организаций, Великий государственный хурал принял в 2004 году отдельный закон по борьбе с внутрисемейным насилием, но из-за того, что не были внесены соответствующие поправки в другие законы, его полное соблюдение отложилось на десять долгих лет. Только в 2017г. в Монголии приняли обновленный закон против насилия в семье и внесены около десяти важных поправок, регламентирующих правовую защиту потерпевших, обязанность граждан информировать полицейские и других органы о преступлении, обязанности полиции, специали-

зированной охрану детей подвергшихся насилию, четкое разграничение правонарушений и преступлений, ответственности и тяжести наказаний за них [6].

Интересно, что Закон Монголии против насилия в семье регламентирует понятие «бытовое насилие», а именно: любое действие или бездействие, или попытка его причинения, причинение физического, психологического, сексуального, или материального ущерба лицам указанным в статье 3.1. настоящего Закона в отношении друг друга (родственникам; членам семьи; другим лицам) [7].

Также, Закон предусматривает возможность вынесения одностороннего запретительного судебного приказа против правонарушителя, который выдается судом, если существует реальная опасность причинения физического, психологического, сексуального вреда, расстройства здоровья и жизни пострадавшего. При этом, запретительный судебный приказ может содержать одну или все из следующих мер: требование прекращения причинения любых дальнейших актов насилия в семье; обязанность правонарушителя проживать отдельно; запрет правонарушителю любых контактов с жертвой на работе или любом другом месте; возможность общения с совместными с жертвой детьми только в присутствии третьего лица; обязанность нарушителя посещения консультаций, направленных на корректировку его поведения; введение временного ограничения прав правонарушителя на распоряжение общим имуществом; взыскание с нарушителя расходов, связанных с медицинским лечением жертвы, и расходов на юридическую помощь; запрет правонарушителю пользоваться огнестрельным оружием (при наличии такого разрешения) или другими видами оружия. При этом, суд в течение 8 рабочих часов после получения жалобы выдает односторонний запретительный судебный приказ против правонарушителя, который может быть выдан и в отсутствие правонарушителя, если его местонахождение неизвестно.

Вместе с тем, согласно исследованию Всекитайской федерации женщин (ВФЖ) 24,7% китайских семей сталкиваются с проблемой семейного насилия, при этом свыше 90% жертв — представительницы слабого пола и дети. Ежегодно в ВФЖ поступает в среднем 50 тыс. жалоб о семейном насилии, при этом большинство пострадавших предпочитают хранить молчание.

Однако, первый в истории Китая закон о борьбе с домашним насилием вступил в силу 2 марта. Закон был принят только в конце 2015 года на очередной сессии Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. Закон Китая о борьбе с домашним насилием запрещает все формы домашнего физического и психологического насилия, в том числе избиение, причинение вреда здоровью, нанесение телесных увечий, лишение свободы, а также вербальные угрозы и оскорбления, поскольку, ужесточение борьбы с физическим и психологическим насилием в семье на законодательном уровне исходит из реального состояния семейных отношений, которые демонстрируют все больше сложностей в трансформирующемся обществе Китая. Так, в законе предусмотрены меры по оказанию оперативной помощи жертвам домашнего насилия. В частности, суды обязаны рассматривать такие обращения в срочном порядке — в течение 72 часов, а в случае острой необходимости — в течение 24 часов. Эксперты указали, что документ содержит необычные пункты, которые обяжут общественные организации, включая школы, больницы и соседские комитеты, уведомлять правоохранительные органы о случаях домашней тираннии и поощряют участие различных кругов общества в урегулировании семейных ссор. Кроме того, данный закон также распространяется на отношения между опекунами и подопечными [8].

В то же время, в США ежегодно регистрируется более пяти миллионов обращений от тех, кто подвергся побоям со стороны близких. Особенно много таких случаев в среде индейцев, где 60% женщин хотя бы раз подвергались насилию, при том что в среднем по стране эта цифра составляет около 25%. По данным ООН, в США также довольно высокий уровень насилия в отношении беременных. Что интересно, повышенный уровень бытовой агрессии отмечается в семьях полицейских. По статистике министерства здравоохранения, именно женщины становятся инициаторами бытовых ссор не реже мужчин и чаще склонны применять оружие: от подвернувшихся под руку бытовых предметов до огнестрельного.

Административно-правовые основы противодействия домашнему насилию в США являются Акт по предотвращению домашнего насилия и поддержке и Акт о насилии по отношению к женщинам.

Кроме того, активно реализуется программа DELTA по социальному воспитанию и предотвращению насилия, а на исследования и разработку новых подходов в борьбе с домашним насилием ежегодно выделяется порядка 600 миллионов долларов США.

Вместе с тем, в некоторых штатах, как, например, в Северной Каролине, предусмотрена повышенная ответственность за рукоприкладство в отношении близких, а именно: не только за убийство, но и за тяжелые побои или попытку похищения предусмотрена уголовная ответственность, а в целях защиты жертвы суд может выдать охранный ордер [9].

Таким образом, принятие федерального закона «О противодействии домашнему насилию» на сегодняшний день логично и неотвратимо в силу многих факторов, но прежде всего, в силу остро назревшей в нашем обществе проблемы сдерживания постоянно роста преступлений в сфере домашнего насилия в Российской Федерации и, прежде всего, в отношении женщин и детей, т.е. самых незащищенных слоев нашего общества.

Литература

1. Евсикова Е.В. Органы внутренних дел как субъект предупреждения домашнего насилия // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. — Юридические науки. — 2016. — Т. 2 (68). — № 4. - С. 55-67.
2. Москалькова: в России стремятся к скорейшему принятию закона о борьбе с домашним насилием. [Дата размещения ресурса: 5 марта 2019 года; время размещения ресурса: 14:13]. [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <https://tass.ru/obschestvo/6187559>.
3. Защита должна быть системной. Депутат Госдумы Оксана Пушкина рассказала Марии Портнягиной, зачем нужен закон против домашнего насилия. Журнал "Огонёк" №4 от 05.02.2018, стр. 26. [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <https://www.kommersant.ru/doc/3521225>.
4. Руденко А.В. Соблюдение принципов соразмерности наказания и индивидуализации наказания при привлечении к административной ответственности // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. — 2016. — № 4 (25). — С. 77-81.
5. Проект Федерального закона № 1183390-6 "О профилактике семейно-бытового насилия" (ред., внесенная в ГД ФС РФ 28.09.2016). [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>.
6. Монголия ужесточила закон по борьбе с насилием, но эти меры не приносят желаемого результата. [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <http://asiarussia.ru/articles/15515/>.
7. Закон Монголии против насилия в семье. Законодательство Монголии. Законодательство стран АТР. Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова.
8. В Китае вступил в силу закон о запрете насилия в семье. [Дата размещения ресурса: 3 марта 2016 года; время размещения ресурса: 12:39]. [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://www.aif.by/zarubezie/v_kitae_vstupil_v_silu_zakon_o_zaprete_nasi.
9. Наши корреспонденты рассказывают, как решают проблему семейного насилия в разных странах. Вячеслав Прокофьев. Российская газета — Федеральный выпуск № 24(6296). [Дата размещения ресурса: 5 февраля 2014 года; время размещения ресурса: 00:39]. [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: <https://rg.ru/2014/02/05/tendencii.html>.

Избирательные права в РФ и США: сравнительно-правовая характеристика

© А. С. Елизова

магистрант 2-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО "Бурятский государственный университет"
Россия, г. Улан-Удэ
E-mail: aelizova@yandex.ru

В статье на основании анализа избирательного законодательства и научных изысканий рассмотрены вопросы избирательного права в России и США. Объем избирательных прав оказывают большое влияние на формирование политической системы общества в любой стране. Фактически, путем реализации избирательного права люди выбирают состав властных структур на различном уровне.

Ключевые слова: избирательное право, избирательная обязанность, выборы, референдум, пассивное избирательное право, активное избирательное право.

In the article based on the analysis of electoral legislation and scientific research issues of electoral law in Russia and the United States. The extent of voting rights largely depends on the state system of society in any country. In fact, through the implementation of voting rights, people choose the composition of power structures at various levels.

Key words: electoral law, electoral duty, elections, referendum, passive suffrage, active suffrage.

Право напрямую участвовать в политической жизни своей страны закреплено в конституциях государств, стремящихся к демократизации общества.

Избирательное право является одним из основных политических прав в системе российского права. Избирательное право выступает в качестве важной гарантии организации демократической публичной системы государственных органов. Избирательным правом обладают граждане Российской Федерации, достигшие 18-летнего возраста. Пассивное избирательное право возможно при

наличии определенных условий: возраст, отсутствие судимости, наличие регистрации по месту жительства и др.

Всеобщее и равное избирательное право функционирует в США. Развитие активного избирательного права в США связано с внесением поправок в Конституцию США от 17 сентября 1787 года [1].

Активное избирательное право принадлежит всем лицам, которые имеют гражданство США. Возрастной ценз как и в России установлен в 18 лет. Ценз оседлости в США зависит от вида выборов. Так, для президентских выборов этот срок установлен в 30 дней, для других выборов — от трех месяцев до одного года). Активного избирательного права в США лишены душевнобольные и осужденные. Аналогичная норма содержится и в российском законодательстве.

В некоторых штатах в местных выборах не участвуют бедняки (пауперы) [2]. В Российской Федерации ценз наличия собственности в отличие от США не применяется. В нашей стране ценз собственности был устранен большевиками после Великой Октябрьской революции. В России все граждане равны перед законом.

Регистрация избирателей в США осуществляется либо органами местного управления (графства или города), либо специальными создаваемыми для этого избирательными комиссиями. В Российской Федерации обязанность по регистрации избирателей лежит на специально создаваемых избирательных комиссиях на местах.

В некоторых штатах списки избирателей являются постоянными и только уточняются от выборов к выборам. Разрешается регистрация и голосование по почте, чем пользуются, в частности, живущие за рубежом дипломаты, военнослужащие и другие лица [3]. В Российской Федерации реализация активного избирательного права по почте не представляется возможным. Данная процедура в нашей стране отдана на откуп субъектам РФ. Поправок в федеральном законодательстве по вопросам внедрения голосования по почте не было. Более того, реализация этого права осуществляется крайне редко. С.С. Метелкина отмечает, что «на проходивших 14 марта 2004 года выборах депутатов Законодательного Собрания Свердловской области по пропорциональной системе выборов по почте проголосовало 11 избирателей из почти двух миллионов. В ходе выборов по мажоритарной системе количество проголосовавших по почте составило 16 человек» [4].

Некоторые ученые утверждают, что голосование по почте может привести к множеству махинаций в ходе подсчета голосов [5, с. 7]. Мы согласны с данной точкой зрения и считаем, что реализация активного избирательного права при помощи почты может привести к серьезным проблемам.

В США как и в России широкое распространение получило явление «избирательного абсентеизма». Суть этого явления проявляется в сознательном игнорировании выборов. Лица, которые придерживаются абсентеизма, считают, что результат выборов predetermined и что их голос ни к чему не приведет. Данное социальное явление несет серьезные негативные риски для избирательной системы не только России, но и США. Для преодоления абсентеизма нередко применяется механизм устранения минимального избирательного порога. В России избирательный порог был отменен в 2006 году, что, по-нашему мнению, является серьезным нарушением принципов демократических и свободных выборов. Несмотря на это утверждение в США избирательный порог повсеместно не применяется.

Важным представляется изучение избирательной обязанности. Избирательная обязанность является формой обязательного участия граждан на выборах.

Избирательная обязанность выступает в качестве гражданской обязанности, подобной налогообложению, обязательному общему образованию или военной службе. В п. 1 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 года говорится, что каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности [6].

Введение обязательства голосовать помогает преодолеть проблему нелегитимной власти. Чем больше людей участвует в выборах, тем выше реальный процент проголосовавших за определенного кандидата. Кандидат заручится поддержкой большинства, что указывает на легитимность его полномочий.

Обязательное голосование ведет к высокой степени политической законности. Победивший кандидат представляет большинство населения, не только политически мотивированных людей, которые голосовали бы без принуждения.

В Российской Федерации и в США в отличие от целого ряда других государств (К примеру, Италия, Австрия, Австралия, Греция и др.) отсутствует избирательная обязанность [7, с. 360]. Это обстоятельство, а также политическая апатия избирателей ведут к проявлениям абсентеизма, т.е. массовое неучастие избирателей в выборах. Политический абсентеизм ставит государство и политически ак-

тивных граждан в трудное положение, т.к. придает результатам выборов внешне менее демократический характер [8, с. 158].

В целом стоит признать, что избирательные системы Российской Федерации и США построены на началах демократического избирательного права, а не обязанности. Эта система представляется нам адекватной и отвечающей потребностям современного общества.

Литература

1. Конституция США от 17 сентября 1787 года // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Избирательная система США: почему миллионы взрослых американцев лишены права голоса на выборах. Режим доступа: <http://expert.in.ua/mezhdunarodnaya-analitika/0/656-izbiratel'naya-sistema-ssha--pochemu-millioni-vzroslih-amerikantsev-lisheni-prava-golosovat-na-viborah> (дата обращения 30.03.2019).
3. Развитие избирательного права в США. Режим доступа: <http://acathist.ru/en/bogoslovie/filosofiya/item/razvitie-izbiratel'nogo-prava-v-ssha> (дата обращения 30.03.2019).
4. Метелкина С.С. Перспективы применения голосования по почте в России // Гуманитарные научные исследования. — 2016. — № 8. Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2016/08/16141> (дата обращения: 31.03.2019).
5. Маклаков В.В. Избирательное право стран — членов европейских сообществ. Справочник / Отв. за вып. Е.В. Алферова. — М.: Изд-во ИНИОН РАН, 1992. — 63 с.
6. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года // Российская газета. — 1995. — № 67.
7. Коллюшин Е.И. Выборы и избирательное право в зеркале судебных решений. — М.: Норма, Инфра-М, 2010. — 384 с.
8. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. — М.: Норма, 2013. — 784 с.

Влияние федерализма на уровень бедности в странах Латинской Америки

© Е. А. Санжиева

аспирант 2-го года обучения

ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: Katerina.sanzhieva@gmail.com

В современном мире бедность и неравенство являются одними из самых насущных проблем. В статье представлена попытка оценить влияние федерального устройства на проблемы неравенства в Латинской Америке. Предложено несколько механизмов, вероятно, способствующих развитию неравенства в федеративных государствах.

Ключевые слова: Федерализм, неравенство, федеративные государства Латинской Америки, влияние, федеральные трансферты.

In the modern world, poverty and inequality are among the most pressing problems. The article presents an attempt to assess the influence of the federal system on inequality problems in Latin America. Several mechanisms have been proposed, probably contributing to the development of inequality in federal states.

Key words: federalism, inequality, federal states of Latin America, influence, federal transfers.

Джон Локк в своей договорной теории государства определял естественное состояние людей как «состояние равенства, при котором вся власть и вся юрисдикция взаимны, — никто не имеет больше другого» [1, с. 315]. Такое состояние существует до тех пор, пока люди не переходят к гражданскому состоянию, принимая на себя взаимные политические и социальные обязательства. Возникает политическое или гражданское общество.

Мюррей Форсайт выделили в политической теории федерализма три направления, одним из которых является направление, утверждающее, что наиболее легитимны те правительства и, соответственно, формы организации власти, которые находятся ближе всего к гражданам, устанавливается связь федерализма и патриципаторной демократии [10, с. 5].

Федеративные структуры стали считаться институциональным выражением духа демократии.

Распространение именно федеративных форм в Латинской Америке в 19в. известный ученый Райкер объяснял, с одной стороны, тем фактом, что федерализм ассоциировался со свободой, т.е. источником латиноамериканского федерализма был политический идеал либерализма — свобода [13, с. 25].

Именно то, что граждане думают, чувствуют относительно федерального правительства и штатов, составляет основу сохранения (или разрыва) федеративной сделки, т.е. создания централизирующих (децентрализирующих) институтов.

В свою очередь, именно федерализм может приводить к ослаблению свободы в тех случаях, когда меньшинства осуществляют политические курсы в областях, затрагивающих всю нацию.

Одним из составных элементов свободы является финансовая независимость, рассмотрение которой невозможно в отрыве от равенства в последней.

Большинство стран Латинской Америки резко сократили свое неравенство в течение последних десятилетий, в то время как неравенство доходов резко увеличилось в других частях мира [8, с. 27]. С 2001 по 2014 год Аргентина и Бразилия снизили свои коэффициенты Джини (статистический показатель степени расслоения общества данной страны или региона по отношению к какому-либо изучаемому признаку, чем больше приближается к 1, тем больше доходы сконцентрированы у отдельных групп населения) на десять и тринадцать баллов, от 53 до 43 и от 64 до 51 соответственно.

Однако неравенство в провинциях и штатах внутри стран Латинской Америки также огромно. В источниках главным образом исследующих причины неравенства давно утверждается, что федерализм имеет тенденцию вызывать меньшее перераспределение и, как следствие, большее неравенство между регионами, чем унитарные случаи.

Однако в то же время, в нескольких исследованиях зафиксировано разнообразие вариантов различия в степени перераспределения, достигнутого в развитых федеративных демократиях [11, с. 115] или в парораспределительной власти центрального правительства.

Способствует ли федерализм неравенству? Позволяют ли федеральные субсидии субнациональным правительствам предоставлять необходимые услуги и сокращать неравенство? Являются ли федеративные страны более успешными в проблеме сокращения неравенства, чем унитарные?

Федерализм часто обвиняют в создании социально-экономических и политических искажений, варьирующиеся от неравенства, дефицита бюджета [14, с. 35], до патронажа и клиентелизма [15, с. 24], создания и обслуживания политических машин которые приводят к «квазифеодальному» господству [3, с. 17] ограничению политической конкуренции, доминировании исполнительной власти, а также возникновение и выживание субнациональных политических династии или просто диктатуры [6, с. 88].

Для этих авторов вышеупомянутые социально-экономические и политические искажения являются следствием, по крайней мере, трех основных механизмов:

1) вертикальный дисбаланс, создаваемый федеральными системами между доходами, которые собирают субнациональные единицы, и расходами, которые они несут. Федеральное правительство обычно заполняет этот вертикальный дисбаланс федеральными трансфертами. В литературе частично выражается мнение о том, что вертикальный дисбаланс создает стимул для субнациональных политиков перерасходовать средства. В конце концов, федеральное правительство вынуждено обычно спасать фискально-безответственные штаты. [19, с. 45] Субнациональные перерасходы влияют на федеральное правительство, увеличивая его бюджетный дефицит и порождая инфляцию и долги. Эти фискальные дисбалансы ограничивают способность центральной администрации осуществлять эффективную политику, которая улучшает социальные показатели на национальном уровне.

2) существенное неравенство в количестве мест в законодательном органе, принадлежащих тому или иному субъекту федерации. (Сверхпредставленность) Беннет и Мейберри и Холкомб и Зардкухи разработали ранние исследования, утверждающие, что сверх представленные штаты, как правило, получают больше федеральных субсидий на душу населения. Часть сравнительной литературы по этой теме пришла к аналогичным выводам [6, с. 35]. Основная причина заключается в том, что политические выгоды от регионального доллара в виде увеличения субсидий для небольшого и чрезмерно представленного субъекта превышают региональный доллар в виде увеличения субсидий для крупного субъекта, в котором эффект субсидии на душу населения меньше. В результате федеральным правительствам приходится собирать в законодательном органе недопредставленные субъекты для создания крупной коалиции. Если сверхпредставленные субъекты получают больше трансфертов, то на субнациональном уровне увеличивается эффект патронажа и клиентелизма и, следовательно, усиливается мощь субнационального политического механизма. Как итог федеральные ресурсы в основном направляются на создание политических коалиций со сверхпредставленными провинциями в законодательном органе страны, а не на формирование общенациональной программной политики со стороны центральной администрации.

Основным политическим следствием этих искажений является то, что внепрограммные расходы имеют ограниченное или отрицательное влияние на улучшение социально-экономических показателей и сокращение неравенства.

3) третий механизм это — рантиеризм. Федеральные трансферты работают в качестве некой ренты субнациональных единиц, получаемых ими от центрального правительства. Некоторые авторы

утверждают, что правительства раньше предпочитают тратить деньги на трансферты, расширяя свои политические машины посредством патронажа и клиентелизма, с целью выкупа политической лояльности, а также расширяя свой репрессивный аппарат для подавления разобщенности и сохранения власти. Зависимость штатов от федеральных трансфертов приводит к снижению налогов, что, в свою очередь, приводит к снижению давления со стороны населения на подотчетность правительства. Одной из наиболее важных последствий причинно-следственных связей между федеральными трансфертами, квазифеодалным господством, возникновением и выживанием политических династий и авторитарным правлением является то, как правительства тратят эти ренты от федерального правительства. Провинции, особенно в Аргентине, используют федеральные трансферты для финансирования большей государственной занятости, патронажа и клиентелизма, препятствуя частной деятельности и производительности, поскольку государственный сектор платит надбавку к заработной плате по сравнению с частным сектором. Это, в свою очередь, ухудшает социальные показатели и способность федерального правительства улучшать их.

На теоретическом уровне несколько ученых оспаривают предыдущие утверждения, утверждая, что федерализм может улучшить совокупные и субнациональные экономические результаты вместо создания фискальных дисбалансов, например, посредством конкуренции между субъектами, которая в свою очередь, может помочь сохранить рынки [16, с. 35]. Федерализм также может способствовать «более мягкой и доброй» демократии, поощряя политические переговоры и достижение консенсуса между несколькими участниками. В политическом плане федерализм может фактически представлять собой лимит для чрезмерной центральной власти [5, с. 68] создавая право вето, вместо того, чтобы способствовать субнациональной вражде.

Некоторые ученые обращают вспять линию причинности, представленную в предыдущих исследованиях: для этих авторов территориальное распределение доходов — это то, что формирует конституционные решения и институциональные структуры в федеральных соглашениях [19, с. 22]. И все же, другое мнение говорит о наличии условных отношений. Бераменди, например, объясняет происхождение различных фискальных режимов в федерациях, утверждая, что влияние федерализма на различные формы неравенства зависит от природы системы представительства и самого происхождения федерального налогового контракта.

Несмотря на эти оживленные теоретические дебаты, недавние эмпирические исследования, похоже, позволяют сделать неубедительные выводы в отношении социально-экономического воздействия федеральных трансфертов. Это относится, например, к литературе, в которой анализируется влияние федеральных трансфертов на региональную экономическую конвергенцию (обычно измеряемую с использованием дохода на душу населения). Некоторые исследования обнаруживают положительную связь между трансфертами и экономической конвергенцией [7, с. 56]. Другие приходят к выводу, что эта взаимосвязь не является статистически значимой, даже для некоторых аналогичных случаев [18, с. 89]. Третья группа исследований считает, что отношения являются негативными [9, с. 18].

В то время как литература по экономической конвергенции вызвала важную эмпирическую дискуссию, Диас-Кайерос утверждает, что перераспределительные последствия систем федеральных трансфертов в значительной степени игнорировались в большинстве академических дискуссий о федерализме [2, с. 664]. И многие ученые, которые эмпирически анализируют различия в перераспределительном воздействии федеральных трансфертов, сосредоточены исключительно в развитых странах. Более того, большинство этих исследований не пытаются объяснить влияние систем трансфертов конкретно на примере отдельного случая и с течением времени.

В целом, будущие исследования могут дополнительно изучить условное влияние чрезмерной представленности на межличностное неравенство, взаимодействуя, например, с различными типами субнациональных расходов. Это может помочь нам сделать более убедительные выводы относительно того, означает ли увеличение федеральных средств, выделенных для сверхпредставленных штатов, возникновение худших результатов политики.

Литература

1. Локк Дж. Сочинения в трех томах: Т. 3. — М.: Мысль, 1988. — С.322
2. Alberto Diaz-Cayeros .Do Federal Institutions Matter? Rules and Political Practices in Regional Resource Allocation in Mexico", in Edward Gibson (ed.) Federalism and Democracy in Latin America, Johns Hopkins University Press, pp. 297-322
3. Ardanaz, Martín, Marcelo Leiras, and Mariano Tommasi. 2012. "The Politics of Federalism in Argentina: Implications for Governance and Accountability IDB Working paper series 327

4. Browne, A. and Wildavsky, A. (1984) 'Should Evaluation become Implementation?', in Pressman and Wildavsky (1984).
5. Daniel J. Elazar, ed. (1991) Constitutional Design and Power-Sharing in the Post-Modern Epoch, Daniel J. Elazar, ed.
6. Gibson E, Calvo E. 2000. Federalism and low- maintenance constituencies: territorial dimensions of Economic reform in Argentina. Studies in comparative international fall
7. Kaufman, Martin, Philip L. Swagel and Steven V. Dunaway (2003), 'Regional Convergence and the Role of Federal Transfers in Canada. Toronto 2003
8. Lustig, Nora, Luis F. Lopez-Calva, and Eduardo Ortiz-Juarez. Declining Inequality in Latin America in the 2000s: The Cases of Argentina, Brazil, Mexico. World development .2013
9. Martinez-Vazquez, Jorge and Andrey Timofeev (2010) "Choosing between Centralized and Decentralized Models of Tax Administration," International Journal of Public Administration, 33 (12–13): 601–19.
10. Murray Forsyth. Political Science, Federalism and Europe, University of Leicester, 1995, С. 515
11. Obinger, H., S. Leibfried, and F.G. Castles. 2005a. Bypasses to a Social Europe? Lessons from Federal Experience. Journal of European public policy 12(3)545-571
12. Pablo Beramendi. Political Geography of Inequality; Regions and Redistribution. Cambridge university press, 2012
13. Riker W.H. Federalism: Origin, Operation, Significance. Boston and Toronto: Little, Brown and Company, 1964
14. Rodden, Jonathan and Erik Wibbels. 2002. "Beyond the Fiction of Federalism: Multi-economic management in multitiered systems. World politics 54(4)
15. Samuels, David J. and Fernando Luiz Abrucio. 1997. "The New Politics of the Governors: Subnational Politics and the Brazilian transition to democracy
16. Tiebout (1956) A pure theory of local expenditures Journal of Political Economy, 64
17. Theodore J. Lowi, "Why Is There No Socialism in the United States? ... Political Science Review 5,4 (1984), 379.
18. Uma Ramakrishnan, Martin D. Cerisola. WP/04/144 Uma Ramakrishnan and Martin Cerisola © 2004 International Monetary Fund WP/04/144 IMF Working Paper Asia. Regional Economic Disparities in Australia
19. Wibbels, Erik (2005), Federalism and the Market: Intergovernmental Conflict and Economic Reform in the Developing World. Cambridge University Press.
20. Kaufman, Martin, Philip L. Swagel and Steven V. Dunaway (2003), 'Regional Convergence and the Role of Federal Transfers in Canada. Toronto 2003

Юридическая ответственность как элемент правового статуса государственного гражданского служащего в России и в Китае

© К. Е. Толегенова

магистрант 2-го курса

Российская академия народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации

Сибирский институт управления — филиал РАНХИГС

Россия, г. Новосибирск

E-mail: ksuxa3112@mail.ru

В статье анализируется вопрос юридической ответственности государственных гражданских служащих России и Китая, виды и нормативно-правовое регулирование такой ответственности, а также место юридической ответственности в системе статуса государственного гражданского служащего. Исследуется вопрос о юридической ответственности в современных условиях развития гражданского общества и правового государства.

Ключевые слова: *юридическая ответственность, государственный гражданский служащий, правовой статус гражданского служащего, дисциплинарная ответственность, конституционная ответственность, гражданско-правовая ответственность, материальная ответственность.*

The article analyzes the issue of legal responsibility of civil servants, the types and legal regulation of such responsibility, as well as examines the issue of legal liability in modern conditions of development of society and the rule of law.

Key words: *legal liability, civil liability, civil liability, liability.*

В дисциплине теории государства и права важное место занимают вопросы юридической ответственности. В состоянии, когда российское гражданское общество и правовое государство можно

охарактеризовать как сформировавшиеся, реализация изменений, составной частью которых является институт государственной гражданской службы, становится все более актуальным.

Изучение истории реформирования законодательства о государственных служащих в Китае усиливает интерес к этому вопросу в других странах. В частности, в китайском законодательстве есть положения и об ответственности, на которые следует обратить внимание.

В теории государства и права существует большое число дискуссий относительно элементов, составляющих правовой статус личности, в том числе административно-правовой статус. Не вступая в полемику относительно различных взглядов, следует выделить общую закономерность, прослеживаемую в позиции большинства ученых — в основе статуса всегда лежит система прав и обязанностей. Данный элемент можно назвать бесспорным. Однако дальнейшее наполнение категории правового статуса признаками, которые придают ему количественную и качественную определенность, осуществляется учеными по-разному.

Ю.Н. Стариков в результате исследования правового статуса государственного гражданского служащего сделал вывод, что статус является комплексом прав, свобод, обязанностей, ограничений, запретов и ответственности, установленных законодательством и гарантированных государством. С его точки зрения, правовой статус государственных гражданских служащих выражен в содержании государственно-служебных правоотношений [13, с. 436]. Иными словами, основные черты статуса содержатся в самой сути этих правоотношений.

Автор указывал, что главенствующим элементом всего института государственной службы является категория правового статуса, так как другие элементы имеют назначение «обслуживать» и обеспечивать функционирование государственной службы и служащих.

Аналогичной точки зрения придерживается Д. М. Овсянко: «правовое положение (статус) государственного гражданского служащего характеризуется совокупностью прав, обязанностей и ограничений, запретов, связанных с гражданской службой» [11, с. 113].

Однако есть исследователи, которые занимают иную позицию. Так, А. П. Алехин, отмечает, что в сущности правового статуса лежат права и обязанности, которые могут быть подразделены на служебные и неслужебные [7, с. 171].

В.А. Козбаненко отмечает, что правовой статус гражданских служащих представляет собой совокупность юридических элементов, имеющих свою специфику в предусмотренных и закрепленных законодательством обязанностей и прав, свобод и правоограничений, социально-правового обеспечения и гарантий, поощрений и ответственности, определяющих сущность государственно-служебных отношений, субъектами которых они выступают [9, с. 27].

Таким образом, ряд ученых справедливо выделяют в содержании правового статуса ответственность. Считаем, что юридическая ответственность является элементом правового статуса государственного гражданского служащего ввиду нижеследующего.

Вопросы ответственности государственных гражданских служащих урегулированы Федеральным законом от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [1], а также иными нормативно-правовыми актами отраслевого законодательства, такими как Гражданский кодекс Российской Федерации [3], Трудовой кодекс Российской Федерации [4], Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [2], Уголовный кодекс Российской Федерации [5].

Что такое ответственность государственного гражданского служащего? Закон не дает ответа на этот вопрос. Даже в нормативно-правовых актах, регулирующих государственную гражданскую службу, ясного и однозначного ответа нет. Е. В. Сандальникова определяет юридическую ответственность государственного гражданского служащего как предусмотренную нормами права юридическую обязанность надлежащим образом соблюдать и выполнять возложенные на него должностные обязанности, а в случае их неисполнения — юридическая обязанность, возникающая из факта совершения должностного правонарушения, нести на основании осуждения неблагоприятные последствия, выражающиеся в ограничениях личного, организационного, имущественного и иного характера [14, с. 6].

Следует обратиться к пункту 3 статьи 15 Федерального закона «О государственной гражданской службе в Российской Федерации», где обозначены виды ответственности за нарушения законодательных установлений, а именно за исполнение неправомерного поручения руководителя [1]. В данном пункте приводятся виды ответственности — дисциплинарная, административная, уголовная и ответственность имущественного характера (гражданско-правовая).

В науке выделяют такие же виды ответственности. Так, В. Д. Граждан выделяет аналогичные виды, которые указаны в вышеупомянутом законе, с той лишь разницей, что вместо гражданско-правовой ответственности называет материальную [8, с. 52].

Некоторые исследователи выделяют в отдельный вид ответственности конституционную. Однако такая ответственность и порядок применения санкций в ее рамках не отражены ни в одном нормативно-правовом акте и остается лишь в рамках доктринальных исследований [10, с. 13–17].

На основании вышеизложенного следует сделать вывод, что юридическая ответственность является неотъемлемым элементом правового статуса государственного гражданского служащего.

Предполагается, что в Федеральном законе необходимо закрепить принцип ответственности государственного гражданского служащего за подготавливаемые решения, исполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей, а также распространить на государственных гражданских служащих режим материальной ответственности за принятые решения и их исполнение или ненадлежащее исполнение.

Отмечается недостаточная разработанность проблемы ответственности гражданских служащих за неисполнение или ненадлежащее исполнение служебных обязанностей. Исследователи считают, что в этой области требуются основательные разработки. Однако ряд авторов в той или иной мере исследуют указанную проблему в своих работах. Так, И. В. Черепанова, рассматривает и анализирует «служебно-деликтную» ответственность и сравнивает ее с положениями об уголовной и дисциплинарной ответственности государственных служащих [16, с. 87–91].

В Китае ответственность государственных служащих регулируется Законом КНР о государственных служащих, который введен в действие с 1 января 2006 года. Принятие данного закона — важный шаг Китая на пути к реализации административной реформы и борьбе с коррупцией [17].

Закон ввел понятие государственного служащего — это должностное лицо, которое включено в кадровый реестр и получает субсидию из государственного бюджета, пользуется соответствующими правами и выполняет работу по управлению обществом [15, с. 80].

Что касается статуса государственного служащего, то в нем можно выделить следующие основные черты: во-первых, обязанности служащего установлены законом применительно к каждой государственной должности; во-вторых, каждый служащий состоит в государственном кадровом реестре; в-третьих, служащие получают довольствие от государства, которое состоит из заработной платы и субсидий. Исходя из такой характеристики, к государственным служащим в Китае относятся не только сотрудники государственных органов, но и все остальные лица, которые соответствуют вышеназванным признакам государственного служащего.

Глава XVII указанного закона именуется «Правовая ответственность» и подробно регулирует данный институт. Так, указаны виды санкций за нарушения закона: в их числе порицание, увольнение, уголовная ответственность. Также для каждой санкции специально указан вид нарушения, за которое она следует: например, принятие кадровых решений в отсутствие квоты штатного состава, нарушение дисциплины на экзаменах, разглашение экзаменационных тем и др. [17].

Законом установлен и подробно регламентирован как перечень обязанностей государственных служащих, так и порядок контроля над их исполнением, механизм предупреждения нарушений, их пресечения и наказания. Также установлено влияние результатов проверок на довольствие служащих.

Л. С. Переломов, исследуя вопрос воздействия легистских учений на систему построения китайской администрации, говорит о том, что сформулированные в легизме предписания были положены во все части системы китайской государственности, в том числе и такой постулат как строгая личная ответственность чиновника [12, с. 17].

В целом институт государственной службы в Китае признается учеными современным и детализованным: система государственной гражданской службы в Китае имеет относительно целостную нормативную основу, хорошую степень легализации и стандартизации, отмечается наличие в нормативных положениях научного подхода [15, с. 210].

Подводя итог вышесказанному, ответственность государственных гражданских служащих — это сложная и многогранная категория. Сущностное назначение государственной службы — быть аппаратом государственного управления и обеспечивать взаимодействие государства и его органов с физическими и юридическими лицами — совпадает и в России, и в Китае. В данном контексте любые действия или бездействие государственного гражданского служащего влекут важные последствия для общества и его граждан: нарушение, неисполнение или ненадлежащее исполнение норм законодательства государственными гражданскими служащими ослабевает позиции государства, создает условия для увеличения коррупционной составляющей, подрывает основы конституционного строя. Из вышеизложенного следует вывод о том, что в России требуется сформировать систему мер ответ-

ственности государственных гражданских служащих. Частично данный вопрос можно урегулировать, заимствуя опыт реформирования китайского законодательства о государственных служащих, однако и его нельзя назвать совершенным.

Литература

1. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 11.12.2018) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Российская газета. — 2004. — № 162. — 31 июля.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях № 195-ФЗ от 30.12.2001г.// Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1. — Ст. 1.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 2. № 14-ФЗ от 26.01.1996г.//Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
4. Трудовой кодекс Российской Федерации № 197-ФЗ от 30.12.2001г.// Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1. — Ст. 3.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996г.// Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
6. Приказ Минэкономразвития России от 29.08.2018 № 466 «Об утверждении Плана Минэкономразвития России по противодействию коррупции на 2018 — 2020 годы» [Электронный ресурс]: СПС «Консультант-Плюс». Дата обращения: 30.03.2019.
7. Алексин А.П., Кармолицкий А.А. Административное право России: Учебник. М., 2005. — С. 171.
8. Граждан В. Д. Государственная гражданская служба. — М.: Юрайт, 2013.
9. Козбаненко В.А. Правовое обеспечение статуса государственных гражданских служащих (теоретико-административные аспекты): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. — М., 2003.
10. Липинский Д. А. К вопросу о структуре института юридической ответственности // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. — 2012. — № 1.
11. Овсянко Д.М. Государственная служба: Учебное пособие. — М., 2005.
12. Переломов Л.С. Конфуцианство и современный стратегический курс КНР. — М., 2007.
13. Стариков Ю.Н. Административное право. Ч. 2. Кн. первая: Субъекты. Органы управления. Государственная служба. — Воронеж, 2001. — С. 436.
14. Сандальникова Е. В. Юридическая ответственность государственных гражданских служащих в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ульяновск, 2007.
15. Хао Лун Функционирование и развитие системы государственной службы в КНР на современном этапе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М. 2015.
16. Черепанова И.В. Служебно-деликтное право: история и современность // Вестник Омского университета. — 2005. — N 2 (3).
17. Метаморфозы государственной службы в Китае. Гудошников, Леонид. Отечественные записки. 2008. N 3 (май-июнь) // [Электронный ресурс]:<http://www.strana-oz.ru/2008/3/metamorfozy-gosudarstvennoy-sluzhby-v-kitae>. Дата обращения: 01.04.2019.

Конституционные принципы права государственной собственности на природные ресурсы в России и в зарубежных странах: США и КНР

© М. С. Халтанов

магистрант 1 курса юридического факультета,
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: khaltanov.maks@mail.ru

В статье определены и раскрыты конституционные принципы права государственной собственности на природные ресурсы в России и зарубежных странах: США и КНР. Рассмотрено законодательство России, США, КНР о природных ресурсах. Проведен анализ конституций России, США и КНР в сфере природных ресурсов.

Ключевые слова: Конституция РФ, природные ресурсы, собственность, принципы, статья, законодательство, совместное ведение.

The article defines and discloses the constitutional principles of the right of state ownership of natural resources in Russia and foreign countries: the United States and the People's Republic of China. Considered the legislation of Russia, USA, China on natural resources. The analysis of the constitutions of Russia, the United States and China in the field of natural resources.

Key words: Constitution of the Russian Federation, natural resources, property, principles, article, legislation, joint management.

Прежде чем начать статью, давайте же разберемся что же такое конституционные принципы. Под конституционными принципами понимают основные руководящие начала носящие в себе фундаментальный, важный характер и заранее предусматривающий развитие, всей системы правового регулирования. Эти принципы служат основой для формулировки принципов и доктрин.

К праву государственной собственности на природные ресурсы в Российской Федерации можно отнести следующие конституционные принципы:

1) Принцип народовластия (демократии)

Согласно пункту 1 и пункту 2 статьи 9 Конституции Российской Федерации [1, с. 5] «земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории». В соответствие со статьей 3 Конституции Российской Федерации «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». Исходя из этих двух статей можно сказать, что принцип народовластия является гарантией независимости государства. Под понятием народовластия (демократии) следует понимать что вся власть принадлежит народу и ее свободное осуществление зависит от его суверенной воли и интересов коренного народа проживающего на этой территории [6, с. 53].

Объединяя вышесказанное можно установить что принцип народовластия (демократии) стоит рассматривать как основополагающий конституционный принцип права государственной собственности на природные ресурсы.

2) Принцип свободы экономической деятельности

Данный принцип важен как в сфере использования природных ресурсов, так и в других сферах экономики России. Благодаря этому принципу можно осуществить государственную финансовую поддержку федеральных и региональных проектов по разработке природных ресурсов (земельных — полезных ископаемых, лесных — древесины, водных запасов, минеральных и ресурсов Мирового океана).

3) Принцип единства экономического пространства

Этот конституционный принцип позволит свободное развитие экономических отношений. Свободного перемещения товаров, что благоприятно скажется на реализации природных ресурсов.

4) Принцип равенства перед законом

К данному принципу можно применить статью 72 Конституции Российской Федерации в которой И.А. Леонтьев отмечает, что согласно п. п. «в», «к» части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации [1, с. 15], вопросы владения пользования и распоряжения недрами (природными ресурсами) и законодательство о недрах находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. [7, с. 5]. Также об этом сказано и в Федеральном законе «О недрах» [4, с. 6], в статье 1.2. «собственность на недра» там четко говорится что «недра в границах территории Российской Федерации, включая подземное пространство и содержащиеся в недрах полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы, являются государственной собственностью». То есть собственниками природных ресурсов могут быть только государство и субъект России, в котором данный природный ресурс добывается.

5) Принцип законности

Данный принцип возводит Конституцию Российской Федерации в ранг вышестоящих, а все нижестоящие должны четко соответствовать вышестоящему образцу. Об этом сказано в подпункте «а» пункта 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации: «обеспечение соответствия конституций и законов республик, уставов, законов и иных нормативных правовых актов краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов Конституции Российской Федерации и федеральным законам. Применяя данный принцип к праву государственной собственности на природные ресурсы, он позволяет осуществить четкое соблюдение законодательных норм при осуществлении данного права и недопущение отхождения от требований закона, даже по рациональным причинам.

6) Принцип законности государственной власти

Данный принцип означает законность избранной власти ее легитимность, в частности право субъектов России издавать свои законы на природные ресурсы в совместном ведении с Российской Федерацией. Данная норма закреплена в п. п. «в», «к» части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации, вопросы владения пользования и распоряжения недрами (природными ресурсами) и законодательство о недрах находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов.

К законодательству Соединенных Штатов Америки в области регулирования собственности на природные ресурсы можно отнести следующие нормативные акты: Конституция Соединенных Штатов Америки от 17.09.1787 года [2, с. 10], а именно «поправка X» принятая 15.12.1791 года, косвенно касающаяся полномочий США и ее штатов, Государственный закон США № 94-579 от 21.10.1976 года «О Федеральной политике по управлению землями».

Законодательная модель Соединенных Штатов Америки отколовшись от традиционной модели англосаксонского права, развивалась своим путем. В США был провозглашен принцип: кто являлся собственником земли, тот и являлся собственником недр, а значит и природных ресурсов. В соответствии с Государственным законом США № 94-579 от 21.10.1976 года «О Федеральной политике по управлению землями» [5, с. 13], собственник земли должен получить земельный патент, то есть право резервировать за собой природные ресурсы и иметь в собственности земельный участок и все что находится под ним. Данный земельный патент стал объектом резервирования, аренды, купли - продажи. Однако, собственник который становился владельцем земельного участка должен был значительно потратиться на геологоразведочные работы, установить стоимость земельного участка и стоимость недр. В законодательстве штатов Соединенных штатов Америки нет единой нормы по урегулированию природных ресурсов, в каждом штате присутствуют свои нормы. Так в штатах Техас, Пенсильвания и Арканзас присутствует следующий принцип: «землевладелец владеет всем от неба до ада над и под границами своей земли». В других штатах Калифорния, Оклахома, Луизиана и Индиана присутствует принцип: «право занять землю и взять часть ее или то, что она производит».

Сама Конституция Соединенных Штатов Америки не содержит прямо установленных принципов о регулировании природных ресурсов. Однако за Соединенными Штатами Америки остается право возвращения земли в государственную собственность. В основе этого лежит суверенитет государства имеющий властные полномочия для выполнения функций по государственному управлению. Ярким примером может служить национализация земель в штате Гавайи в 1967 году. Верховный суд США одобрил конституционность «закона о земельной реформе» с целью снижения нахождения частной собственности в одних руках — лиц занимавших ранее высокие должности в штате Гавайи. Данный закон позволял штату Гавайи в дальнейшем сдавать эти земли в аренду [8, с. 1]. Поправка X Конституции Соединенных Штатов Америки содержит следующее: «Полномочия, не делегированные Соединенным Штатам настоящей Конституцией и не запрещенные для отдельных штатов, сохраняются соответственно за штатами либо за народом. Однако данная поправка не устанавливает четкие границы сферы ведения штатов, за ними остается принцип остаточной компетенции, то есть предметы и проблемы не прописанные в конституцию США, включаются с оговоркой в конституцию штата. Принцип остаточной компетенции закрепляет за собой принцип федерализма. В США существует дуалистическая система права, наличие федеральных законов и законов штатов.

Исходя из всего вышесказанного можно выделить следующие основные конституционные принципы права государственной собственности на природные ресурсы в Соединенных Штатах Америки:

1. Принцип свободы экономической деятельности

Данный принцип позволяет обеспечивать свободу предпринимательства на всей территории Соединенных Штатов Америки в планах реализации природных ресурсов. Спонсирование государством мелкого бизнеса Администрацией по делам малого бизнеса (АМБ) Соединенных Штатов Америки не только в сфере добычи полезных ископаемых — природных ресурсов, но и в других сферах деятельности.

2. Принцип законности

Государственный закон США №94-579 от 21.10.1976 года «О Федеральной политике по управлению землями» [1, с. 15], распространяется на всю территорию Соединенных Штатов Америки имеющий приоритет перед законами штатов в сфере законодательного регулирования природных ресурсов.

3. Принцип единства экономического пространства

Этот принцип позволяет беспрепятственно перемещать добытые полезные ископаемые — природные ресурсы по всей территории Соединенных штатов Америки. Этот конституционный принцип позволит свободное развитие экономических отношений. Свободного перемещения товаров, что благоприятно скажется на реализации природных ресурсах.

Конституционные принципы права государственной собственности на природные ресурсы Китайской Народной Республики следующие:

1. Принцип государственной собственности

В соответствии со статьей 9 Конституции КНР [3, с. 5]: «Недра, воды, леса, горы, целинные земли, отмели и другие природные ресурсы являются государственной, то есть общенародной собственностью. Исключения составляют леса, горы, степи, целинные земли и отмели, которые по закону являются коллективной собственностью. Государство гарантирует рациональное использование природных ресурсов, берет под охрану ценные виды животных и растений. Запрещается любым организациям и частным лицам какими-то ни было способами присваивать или разрушать природные ресурсы». Данный принцип провозглашает, что природные ресурсы находятся только в государственной собственности либо в коллективной собственности установленной законом.

2. Принцип законности

Конституция КНР имеет верховенство на всей своей территории, а значит позволит беспрепятственно принимать законы регулирующие добычу и охрану природных ресурсов на территории своей страны.

3. Принцип свободы экономической деятельности

В соответствии со статьей 15 Конституции Китайской Народной Республики «государство превращает в жизнь социалистическую рыночную экономику». А значит дает возможности для реализации природных ресурсов.

4. Принцип народовластия (демократии)

Исходя из статьи 1 и 2 Конституции Китайской Народной Республики: «Китайская Народная Республика является социалистическим государством демократической диктатуры народа, руководящим рабочим классом и основанным на союзе рабочих и крестьян. Вся власть в Китайской Народной Республике принадлежит народу. Исходя из этих двух статей можно сказать, что принцип народовластия является гарантией суверенности государства. Посредством власти народа, а значит государственной власти, регулирование законодательства в сфере охраны, добычи и использования природных ресурсов прямо зависит от самого народа.

5. Принцип единства экономического пространства

Данный конституционный принцип обеспечит свободное развитие экономических отношений и свободного перемещения товаров, что благоприятно скажется на реализации природных ресурсов.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6 — ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2 —ФКЗ, от 21.07.2014 №11-ФКЗ) // СЗ РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
2. Конституция Соединенных Штатов Америки (принята 17.09.1787 г.) [Электронный ресурс] — Доступ из справ. правовой системы «Консультант Плюс» — URL: [http:// www. consultant.ru](http://www.consultant.ru). Дата обращения: 15.04.2019.
3. Конституция Китайской Народной Республики (принята 04.12.1982 г.) (в редакции от 11.03.2018 г.) [Электронный ресурс] — Доступ из справ. правовой системы «Консультант Плюс» — URL: [http:// www. consultant.ru](http://www.consultant.ru). Дата обращения: 15.04.2019.
4. Федеральный закон РФ от 21.02.1992 № 2395-1 (ред. от 03.03.2018) « О недрах» // Российская газета. — 1995. — № 52. — 15 марта.
5. Государственный закон США № 94-579 от 21.10.1976 года «О Федеральной политике по управлению землями» [Электронный ресурс] — URL: http://dpr.ru/journal/journal_8_15.htm Дата обращения: 15.04.2019.
6. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В. Д. Зорькина и Л. В. Лазарева. [Электронный ресурс] — URL: <https://b-ok.org/book/3088165/dc9afd> Дата обращения: 15.04.2019.
7. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. Леонтьева И.А. [Электронный ресурс] — URL: <https://mylektsii.ru/8-68750.html> Дата обращения: 15.04.2019.
8. Правовое регулирование земельных отношений в США [Электронный ресурс] — URL: <https://xn--80aavjfyj3e.com/zemelnomu-pravu-shpargalki/pravovoe-regulirovanie-zemelnyih-otnosheniy-48078.html>. Дата обращения: 15.04.2019.

Сравнительно-правовой анализ конституционного права на благоприятную окружающую среду Российской Федерации и Монголии

© С. Д. Шойбонова

магистрант 2-года обучения юридического факультета
Монгольский государственный университет
Монголия, г. Улан-Батор,
E-mail: shoibonowa2012@yandex.ru

В данной статье анализируется статус органов государственной власти, вовлеченных в процесс защиты права на благоприятную окружающую среду в России и Монголии. Подчеркивается особая роль судебных органов.

Ключевые слова: экологическое право Российской Федерации, экологическое право Монголии, право на благоприятную окружающую среду, Конституционный Суд.

It this article analyzed the provisions of the Constitution of the Russian Federation and Mongolia, enshrining the right to a healthy environment. The status of the public authorities involved in the process of protection of the right to a healthy environment in Russia and Mongolia.

Key words: environmental law of the Russian Federation, environmental law of Mongolia, the right to a healthy environment, the Constitutional Court.

Предметом настоящей статьи является сравнительный анализ конкретного конституционного и экологического законодательства Российской Федерации и Монголии, применительно к содержанию и способам реализации права каждого на благоприятную окружающую среду. Законодательство Монголии представляет интерес в качестве предмета исследования. В настоящее время отсутствуют какие-либо значительные научные труды в рассматриваемой сфере. Также право Монголии относится к романо-германской правовой семье, следует учитывать и сложившиеся исторические особенности монгольского права, которое было частью советской правовой системы вплоть до 1990 г., из-за чего имеет схожие черты с российской правовой системой. Анализ положений в области фундаментального права на благоприятную окружающую среду, закрепленных в основных законах России и Монголии. Особенности правового регулирования права каждого на благоприятную окружающую среду

Рассмотрим содержание права на благоприятную окружающую среду, механизм его реализации, а также защиту в органах юстиции в Российской Федерации и Монголии. Статья 42 Конституции Российской Федерации предусматривает, что каждый человек имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о его состоянии и компенсацию за ущерб, причиненный его здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

В экологическом праве Монголии мы рассматриваем ст. 1 в Законе об охране природы и окружающей среды, цель этого закона состоит в том, чтобы обеспечить право граждан на жизнь в здоровой и безопасной окружающей среде, гармонизировать социальное и экономическое развитие с экологическим балансом, защитить окружающую среду и восстановить свои природные ресурсы в интересах настоящего и будущего поколений. В Конституции Монголии 1992 года указывается право каждого на благоприятную окружающую среду; Положения п. 2 ст. 16, посвящены гарантиям жизни и личной свободы: «Никто не может быть лишен жизни или свободы, кроме как в порядке, установленном законом» [1]. Решения Конституционного Суда Монголии, аналогичного Конституционному Суду Российской Федерации, имеют особый статус. В Монголии Закон о природе и окружающей среде (1995 г.) (Байгаль орчныг хамгаалах тухай), принятый для обеспечения защиты и улучшения окружающей среды и предотвращения опасности для человека, а также других живых существ, является ведущим законодательным актом в этой области охраны окружающей среды, растений и имущества [2]. Этот закон был принят в качестве основы для реализации положений Конституции Монголии. Сам закон об охране природы и окружающей среды состоит из девяти глав, в которые входят предварительные положения, определяющие основные термины и понятия, а также область правового регулирования; общие полномочия государственной власти; различные аспекты защиты от загрязнения (предотвращение, контроль); другие нормативы по охране окружающей среды. Следует отметить, что Закон не содержит понятия «целостная среда», но устанавливает фактический термин «здоровая и безопасная среда», который включает воду, воздух, а также отношения, возникающие между людьми по поводу воды, воздуха и земли, других существ, растений, микроорганизмов и имущества. Закон об охране природы и окружающей среды состоит из 59 статей, имеет достаточно широкий предмет регулирования, содержит программные нормы.

Органы государственной власти участвуют в процессе защиты права на благоприятную окружающую среду в Российской Федерации и Монголии. Особая роль в механизме реализации права на благоприятную окружающую среду отводится муниципальным органам, занимающимся подготовкой, принятием и реализацией экологически значимых выводов. В России систему исполнительных органов возглавляет Правительство Российской Федерации, которому подчиняется Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации, которое является центральным органом государственного управления в области природопользования, охраны окружающей среды [3], защиты и обеспечения экологической безопасности. Основной задачей министерства является соблюдение прав человека на благоприятную окружающую среду и подходящие обстоятельства жизненные. Министерство автономно воплощает в себе правовое регулирование во всевозможных вопросах природоохранной сферы, а также защиту окружающей природной среды, обеспечение экологической безопасности.

В Монголии основным органом управления окружающей средой является Министерство природы, окружающей среды и туризма (Байгаль орчин, аялал жуулчлалын яам) учреждение в административной структуре центрального правительства, созданное для планирования, поощрения, координации и осуществления мониторинга природоохранных мероприятий, лесной стратегии и программы Монголии [4]. Основными задачами этого министерства являются обеспечение соблюдения права человека на здоровую и безопасную окружающую среду, а также осуществление политики и программ, связанных с охраной природных ресурсов страны. Министерство также выступает в качестве центрального органа в сотрудничестве с Организацией Объединенных Наций по окружающей среде. Министерство также отвечает за решение вопросов, связанных с регулированием многосторонних отношений с такими организациями, как Комиссия по устойчивому развитию, Программа по окружающей среде Организации Объединенных Наций (ЮНЕП). Деятельность этих организаций направлена на развитие сотрудничества между государствами, в том числе в области экологии, в частности защиты права на здоровую и безопасную окружающую среду.

В настоящее время в структуру Министерства природы, окружающей среды и туризма Монголии входят Метеорологическое агентство (Институт метеорологии и экологических исследований, Центральная лаборатория окружающей среды и метеорологии, Авиационный метеорологический центр, Столичные воды, Аймачные воды), Администрация охраняемых территорий, Государственные особо охраняемые природные территории, Монгольское водохозяйственное управление, Центр пресной воды и охраны природы, Центр исследований и развития лесной, Государство "Монгольские воды", Научно-исследовательский центр развития окружающей среды в сотрудничестве с Государством Кувейт, а также туристическими центрами, с которыми работают предприятия и природоохранные фонды. Эти центры созданы для проведения исследований по проблемам общегосударственного значения в этой области, они обеспечивают образование и обучение студентов.

Рассмотрим один из трех способов защиты нарушенных прав, действующий и широко используемый — это судебный метод защиты права на благоприятную окружающую среду в Российской Федерации и Монголии.

В отличие от обеспечения способов защиты природоохранного законодательства в различных источниках России, в том числе в Законе № 7-ФЗ, Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации. В Монголии методы защиты установлены и предусмотрены в ст. 19 Конституции, а также сводятся к трем основным: административный, судебный и самообороны. В России право каждого на судебную защиту прав и свобод закреплено в ст. 46 Конституции. В дополнение к органам судебной власти РФ конституционно закреплено право каждого человека на обращение в государственные органы по защите прав и свобод человека, в случае его завершения все существующие муниципальные средства правовой защиты в соответствии с международными соглашениями. В России особая роль отводится Конституционному суду РФ, который, в соответствии с Федеральным конституционным законом от 21 июля 1994 г. № 1 — ФКЗ «О Конституционном суде Российской Федерации», в первую очередь проверяет легальность законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации или договоров между органами власти, во-вторых, согласно установленной правовой доктрине, решения Конституционного Суда Российской Федерации признаются в качестве источников права, что связано, например, с Исключительным правом на толкование Конституции Российской Федерации.

В Монголии роль судов (Конституционный суд (Цэц), который возглавляет судебную систему) имеет одинаковые полномочия и методы толкования, что и Россия. Более того, в Монголии судебный процесс можно рассматривать как один из инструментов совершенствования природоохранного за-

конодательства. В научной доктрине экологического права Монголии выделяются следующие особенности судебного метода защиты экологических прав граждан:

1) как и в Российской Федерации, судебный процесс основан на принципе независимости судей, отсутствие участия в политическом процессе. Он также отмечает, что специалисты административного аппарата загружены различными нормативными актами и формальными правилами, что ограничивает их представление о положениях национальной политики и общественных интересах.

2) как и в России, в суде ответчик несет огромные судебные издержки по восстановлению состояния окружающей среды и нарушению прав.

3) в Монголии судебный процесс достаточно структурирован, что обеспечивается разделением судебного процесса на определенные инстанции, которые имеют свои собственные цели и задачи.

Подводя итог вышесказанному, изучив содержание права на благоприятную окружающую среду в Российской Федерации и Монголии, можно выделить следующие общие и индивидуальные черты..

Во-первых, право на благоприятную окружающую среду закреплено в основных законах стран. Кроме того, основные положения права на благоприятную окружающую среду закреплены в аналогичных источниках права. Существует отдельный центральный законодательный акт, регулирующий вопросы в области охраны и защиты окружающей среды — Закон № 7-ФЗ в России и Закон об охране природы и окружающей среды в Монголии, которые имеют другое значение. Во-вторых, особое место занимают центральные органы исполнительной власти — Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации и Министерство природы, окружающей среды и туризма Монголии. В-третьих, средство правовой защиты является эффективным способом защиты экологических прав граждан в России и Монголии.

Таким образом, с помощью сравнительно-правового анализа выявили идентичность двух конституций и основные направления развития права на благоприятную окружающую среду в России и Монголии. Кроме того, стало возможным внедрение опыта в различных областях права для его предстоящего совершенствования.

Литература

1. Конституция Монголии. URL: <https://www.legalinfo.mn/law/details/367>
2. Закон об охране окружающей среды Монголии. URL: <https://www.legalinfo.mn/law/details/8935>
3. Положение о Министерстве природных ресурсов и экологии Российской Федерации. URL: <http://www.mnr.gov.ru/mnr/statute> (дата доступа: 20.02.2013).
4. Байгал Орчин, аял жуулчлалын яам <https://www.mne.mn/>

II. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Сравнительно-правовое регулирование водных объектов в законодательстве России и Китая

© А. С. Бальжинимаева

ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: balzhinimaeva0303@mail.ru

В статье рассматривается вопрос правового регулирования водных объектов в законодательстве России и Китая. Рассмотрены основные законодательные акты в данном направлении и правоприменительная практика. Затрагиваются основные проблемы техногенного воздействия двух стран на водные объекты.

Ключевые слова: водные ресурсы, законодательство, Российская Федерация, КНР, гидроэнергетика, окружающая среда.

The article deals with the issue of legal regulation of water bodies in the legislation of Russia and China. The main legislative acts in this direction and law enforcement practice are considered. The main problems of the technogenic impact of the two countries on water bodies are touched upon.

Key words: water resources, legislation, Russian Federation, PRC, hydropower, environment.

Целью законодательства в области защиты водных ресурсов в Российской Федерации и Китайской Народной Республике является правовое регулирование надлежащего использования водных объектов для питьевого, хозяйственно-бытового и промышленного назначения, а также защита от негативного антропогенного воздействия.

Российское законодательство в области охраны водных ресурсов включает в себя нормы международного права, международные соглашения, Водный кодекс РФ, различные федеральные законы и постановления Правительства РФ, а также нормативные правовые акты субъектов РФ и сочетается с основными принципами и направлениями современной экологической политики.

Так, согласно статье 9 Конституции РФ, создающей основу для экологического законодательства, земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории [2].

В соответствии со статьей 94 Водного кодекса РФ в Российской Федерации должны приниматься меры по сохранению водных объектов, предотвращению их загрязнения, засорения и истощения, а также по ликвидации последствий указанных явлений. Использование водных ресурсов предполагает соблюдение санитарных, технологических, мелиоративных и иных норм и правил.

С помощью специально созданных органов осуществляется контроль за использованием водных ресурсов. Данные органы наделены широкими полномочиями по регулированию правоотношений в сфере использования водных ресурсов, выявлению нарушений, а также привлечению виновных лиц к ответственности.

Кроме того, российское законодательство в обязательном порядке требует проведение оценки воздействия на окружающую среду. Для этого проводятся специальные исследования, по которым можно установить насколько серьезным будет воздействие на окружающую среду от того или иного промышленного объекта.

Также российское законодательство устанавливает достаточно широкую терминологию для различного рода негативного воздействия, к примеру, сброс, загрязнение, засорение, истощение и т.п.

В целях охраны и восстановления водных ресурсов вследствие человеческой деятельности, российское законодательство возлагает на предприятия, оказывающие такое негативное воздействие, принимать восстановительные меры, к примеру, очистка дна, разведение мальков рыб и т.п.

Согласно законодательству КНР водные ресурсы находятся в собственности государства. Водные ресурсы Китая включают в себя большое количество рек и озёр. Вследствие большого количества промышленных объектов, перенаселённости территории, сельскохозяйственной деятельности, водные ресурсы Китая испытывают высокое антропогенное воздействие.

Согласно отчету Министерства водных ресурсов Китая, опубликованного в 2013 году, на конец 2011 года в стране было 22 909 рек с площадью водосбора от 100 кв. км, что в 2 раза меньше по сравнению с государственными оценками этих же показателей, озвученными 60 лет назад.

Также как и в Российской Федерации, государственными органами Китая разрабатываются меры по снижению негативного воздействия на водные ресурсы, которые одновременно должны соответствовать программам экономического развития.

К примеру, предприятиям, оказывающим негативное воздействие на водные ресурсы, выдаются лицензии, реализуются меры правового, административного и финансового регулирования.

Аналогом Водного кодекса РФ в Китае выступает Закон КНР «О предотвращении загрязнения водной среды» 1985 года, который периодически изменяется с учетом современных реалий [5].

Также, с 2003 года в Китае действует Закон о необходимости оценки воздействия на окружающую среду, который требует проведение экологической экспертизы на объекты. Вместе с тем, учитывая необходимость энергетического обеспечения промышленных объектов, было выдано разрешение на строительство плотин на трансграничных реках Салуин, Брахмапутра, ГЭС Шуанцзянкоу на реке Даду, являющейся притоком реки Янцзы. При этом было признано, что реализация проекта повлечет негативные последствия для окружающей среды [6, с. 178–188].

Получается, что для получения определенной выгоды можно принять решения, которые противоречат действующему законодательству. Таким образом, Китайской стороной может затрагиваться вопрос совместного использования трансграничных водных объектов, в частности, реки Амур.

Вместе с тем, Китайская сторона планирует и принимает меры по очистке сточных вод, восстановлению водоемов. Учитывая, что население Китая ежегодно увеличивается, в стране введена строгая экономия в использовании водных ресурсов, проводятся исследования по сохранению и управлению водными ресурсами [8, с. 56–57].

На высшем уровне системы управления разрабатываются основополагающие документы, реализация которых осуществляется органами местного самоуправления. Для контроля исполнения программ на места могут направляться специальные ревизоры. В случае выявления нарушений виновные лица несут ответственность.

Также стоит отметить, что в рамках совместного правового регулирования Россией и Китаем созданы межправительственные органы, деятельность которых направлена на достижение договоренностей по совместному использованию водных объектов.

Несмотря на меры, принимаемые обеими сторонами, воздействие Китая на трансграничные водные объекты по-прежнему остается очень высоким, что в первую очередь сказывается на здоровье жителей Российской Федерации.

На основании изложенного мы можем выделить следующие направления совместной работы двух стран:

- укреплять сотрудничество правительственных и неправительственных экологических организаций;
- совершенствование законодательства в области охраны водных объектов и ресурсов;
- совершенствование технологий водопользования;
- обязательное наличие экологических экспертиз на вводимые в эксплуатацию объекты;
- принимать меры по сокращению негативного воздействия на окружающую среду;
- создание заповедников, особо охраняемых природных территорий;
- ужесточение ответственности за нарушение законодательства.

По нашему мнению, важнейшим направлением совершенствования государственного управления в области использования и охраны трансграничных водных объектов является развитие и расширение международного сотрудничества в этой области, юридическое закрепление прав и обязанностей государств путем принятия законодательных актов различного уровня.

Литература

1. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о рациональном использовании и охране трансграничных вод.
2. Конституция Российской Федерации // СЗ РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
3. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Парламентская газета. — 2006. — № 90-91. — 8 июня.
4. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «Об охране окружающей среды» // Парламентская газета. — 2002. — № 9. — 12 января.
5. Закон КНР об охране водных ресурсов // <http://asia-business.ru/law/law2/certificate/waterresources/>
6. Борисова Е.А. Экологические аспекты потребления водных ресурсов в Китае // История и современность. — 2015. — № 1 (21). — С. 178-188.

7. Жамьянов Д.Ц.Д. Анализ водопользования на модельных приграничных территориях России, Монголии и Китая // Сборник материалов Международной научно-практической конференции и Симпозиума, посвященного 100-летию заповедного дела и Году экологии в России. — 2018. — С. 56-57.

Конституционный нормоконтроль России и Монголии: сравнительно-правовая характеристика

© О. Р. Батуева

студент 2-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: olyabatueva20001@gmail.com

В статье рассмотрен конституционно-правовой контроль Российской Федерации и Монголии. Проведено компаративистское исследование. Выявлены различные и общие черты данных механизмов.

Ключевые слова: конституционный контроль, конституционный нормоконтроль, Конституционный Суд РФ, Конституционный Цэц Монголии.

The article considers the constitutional and legal control of the Russian Federation and Mongolia. Comparative studies have been carried out. Revealed various and common features of these mechanisms.

Key words: constitutional control, constitutional control, the Constitutional Court of the Russian Federation, the Constitutional Tsetz of Mongolia.

Конституционный контроль — это специфическая функция уполномоченных органов государственной власти по обеспечению верховенства и высшей юридической силы конституции в системе источников права, ее прямого, непосредственного действия в деятельности субъектов общественных отношений на всей территории государства. Конституционный нормоконтроль — это наиболее распространенное и значимое полномочие судов: проверка конституционности законов, подзаконных нормативных актов, внутригосударственных и международных договоров.

На сегодняшний день конституционный контроль является частью правовых систем многих стран. По образцу западных государств страны так называемой молодой демократии создали конституционный суды с полномочиями по защите конституции, её верховенства и прямого действия. Несмотря на общую историческую почву, постсоветские государства создали отличительные друг от друга собственные модели контроля. В данной статье мы рассмотрим судебную практику 2 стран — Российской Федерации (Конституционный суд) и Монголии (Ундсэн Хуулийн Цэц) — по осуществлению главной функции конституционных судов — нормоконтроля.

В Российской Федерации и Монголии конституционный контроль направлен на установление соответствия нормативных правовых актов Основному закону государства. То есть объектом конституционного контроля является определенная в конституциях и законах совокупность нормативно правовых актов.

Суд Конституционного надзора Монголии представляет на рассмотрение в Великий Государственный Хурал заключения по таким спорным вопросам, как о соответствии законов, указов, решений Великого Государственного Хурала, Президента, решений Правительства, международных договоров Монголии Конституции страны; о соответствии Конституции решений Центральных избирательных органов по выборам в Великий Государственный Хурал, выборам Президента, решений по проведению референдумов; наличию или отсутствию нарушений Конституции со стороны Президента, Председателя Великого Государственного Хурала, членов этого Хурала, Премьер-министра, членов Правительства, Генерального судьи Верховного Суда, Генерального Прокурора; о наличии или отсутствии достаточных оснований для отставки Президента, Председателя Великого Государственного Хурала, Премьер-министра, отзыва членов Великого Государственного Хурала.

Проанализировав полномочия Цэца по нормоконтролю, можно сказать, что конституционный контроль этого органа не универсален. В частности, под юрисдикцию не попадают акты органов местного самоуправления и акты судов высших судебных инстанций.

В литературе отмечается, что в перечне объектов конституционного контроля Цэца отсутствуют, причём необоснованно, акты толкования Верховного суда, решения глав административно-территориальных единиц. Данные акты никем не регулируются. Соответственно, необходимо преду-

смотреть механизмы реализации такой проверки на соответствие таких актов нормам Конституции Монголии.

Перечень объектов нормоконтроля Конституционного суда РФ значительно шире, что объясняется федеративным устройством государства. В него входят, помимо федеральных законов, актов Президента РФ, Правительства, Совета Федерации, Государственной Думы, конституции, уставы и иные нормативные акты субъектов Российской Федерации, договоры между органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ, не вступившие в законную силу международные договоры Российской Федерации. Таким образом, рассмотрев данный перечень, можно сделать вывод, что российский конституционный контроль близок к универсальному. Он включает в себя практически все виды нормативно-правовых актов, за исключением актов местного самоуправления и нормативных актов субъектов Федерации по их предметам ведения, а также актов высших судебных органов.

В Монголии объектом конституционного контроля не являются нормативные акты принятые до вступления в силу Основного закона. Цэц рассматривает только споры, связанные с законодательством, принятым после 12 февраля 1992 года — даты принятия Конституции Монголии. В России же проверку на конституционность нормативных актов органов государственной власти, принятых до вступления в силу Конституции РФ, осуществляет Конституционный суд РФ, но только по содержанию норм, что соответствует положению ст. 86 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

При обнаружении неконституционности нормативно-правового акта Государственный Великий Хурал, Президент, Премьер-министр, Верховный Суд и Генеральный прокурор должны обратиться к Цэц с просьбой рассмотреть споры, касающиеся нарушения Конституции. Также в круг инициаторов нормоконтроля входят граждане. Заявитель — гражданин вправе наравне с высшими государственными органами обратиться в Цэц даже в том случае, если не нарушены его права и законные интересы по делам, не связанные с ним лично. Безусловно, обращение должно касаться вопросов, входящих в компетенцию Цэц, например по поводу неконституционности международного договора, о нарушении норм Конституции должностным лицом и наличия оснований для освобождения его от должности.

Однако, если в действительности нарушены основные права граждан, Конституционный Цэц не вправе самостоятельно восстановить нарушенные права и законные интересы, применив нормы Конституции и следуя правилам судебного процесса. Гражданам, для восстановления нарушенных прав, необходимо обратиться в судебные органы общей юрисдикции. Как отмечает Ц. Сарантуяа, гражданин имеет право обратиться в Конституционный Цэц по любому вопросу компетенции Цэц, за исключением вопроса защиты своих основных прав, что приводит к выводу о том, что основные права и свободы гражданина остаются без должной защиты.

С другой стороны, несправедливо говорить о ненадлежащей защите конституционных прав и свобод личности в Монголии. Нарушение права или свободы нормативно правовым актом компетентного органа государственной власти или действием должностного лица есть нарушение норм Основного закона, который Цэц устанавливает в процессе проверки акта. Естественно, выводы не будут касаться личных прав заявителя, но опосредованно повлияют на решение суда общей юрисдикции, что имеет значение для заявителя.

В отличие от других стран конкретный нормоконтроль, т.е. требующий предварительного обращения в какой-либо другой орган и не имеющий связи с применением обжалованных актов в конкретных судебных делах, Конституционным Цэц не осуществляется. Данная черта является отличительной чертой Конституционного Цэц.

В России осуществляется как и конкретный, так и абстрактный нормоконтроль, т.е. не требующий предварительного обращения в другой судебный орган. Следовательно, круг инициаторов отличаются.

Круг заявителей абстрактного нормоконтроля достаточно широк: Президент Российской Федерации, Совет Федерации, Государственная Дума, одна пятая членов (депутатов) Совета Федерации или депутатов Государственной Думы, Правительство Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, органы законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Согласно ч. 4 ст. 125 Конституции РФ, инициаторами конкретного нормоконтроля являются только суды и граждане. Однако ст. 96 ФКЗ «О Конституционном суде» дополняет данный перечень объединениями граждан, а также другими органами и лицами, указанными в федеральном законе. К

такovým относится Генеральный прокурор и Уполномоченный по правам человека. Для обращения в Конституционный суд не нужно проходить все судебные инстанции.

Таким образом, Россией и Монголией были избраны различные подходы к организации конституционного нормоконтроля: это касается специфичного конституционного процесса в Монголии; установления абстрактного нормоконтроля в отношении всех категорий заявителей; отсутствия конкретного нормоконтроля. Есть и общее: в определении круга лиц, обладающие правом обращаться в конституционные суды, действии принципов конституционного судопроизводства.

Данные различия вызваны историческими, политическими, национальными причинами. Нельзя сказать, что один подход лучше другого. Одни и те же конституционно-правовые инструменты в различных условиях могут работать по-разному. Но тем и хороша идея конституционализма, что она познается в возможных своих вариациях.

Литература

1. Красикова А.В. Организация конституционной юстиции в России и Монголии компаративистский анализ / А В Красикова // Вестник Саратовской государственной академии права — 2008. — № 2 (60). — С. 51-55.

2. Ондар С. Ю. Особенности компетенции Конституционного Суда Монголии // Сибирский юридический вестник. — 2011. — № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kompetentsii-konstitutsionnogo-suda-mongolii>

3. Конституция Российской Федерации. — Москва: АЙРИС-пресс, 2017. — 64 с.

4. О конституционном Суде Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 27.07.1994 г. № 1 — ФКЗ // Справочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс». — Послед. обновление 29.07.2018.

5. Конституция Монголии [Электронный ресурс] / <https://worldconstitutions.ru/?p=33>

Проблемы национальной безопасности в Интернет-пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона

© М. А. Белова

студент 4-го курса

Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет

Россия, г. Санкт -Петербург

E-mail: girlcrazy@mail.ru

Данная статья затрагивает межгосударственную проблему в области информационной коммуникации. Рассматривает метод распространения экстремистских и террористических материалов с помощью сети Интернет. В статье также освещаются возможности решения данной проблемы.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, Интернет, государство, информация, безопасность.

This article addresses the interstate problem in the field of information communication. Examines the method of disseminating extremist and terrorist material using the Internet. The article also highlights the possibilities of solving this problem.

Key words: extremism, terrorism, Internet, state, information, security.

В период 19–21 века проблема терроризма стала одной из ведущих во всем мире. Феномен терроризма актуален для всех стран, он представляет угрозу всего человечества. Современный терроризм имеет много причин и методов демонстрации. За последние десятилетия вопрос терроризма вышел на международный уровень. Этот факт можно объяснить процессами расширения и глобализации международных отношений и взаимодействия в различных сферах. Например, в связи с процессами глобализации азиатско-тихоокеанский регион имеет большое значение в вопросах международной безопасности, которая стала инструментом для ведения острой внешней и внутривнутриполитической борьбы.

Сфера информации стремительно развивается в современном мире. С появлением глобальной сетевой коммуникации вопрос государственной защиты всех стран в этой сфере стал более острым. В настоящее время Интернет активно используется для распространения экстремистских и террористических материалов, который напрямую угрожает национальной безопасности государств [2, с. 3].

В связи с этим Доктрина информационной безопасности Российской Федерации была утверждена Указом Президента в начале декабря 2016 года [6, с. 6]. Настоящий документ содержит взгляды на

государственную политику в области формирования и развития мер защиты в сфере информационной безопасности. Это фундаментальное звено совершенствования и трансформации методологического, организационного и в том числе научно-методического обеспечения информационной безопасности.

Под информационной безопасностью понимается состояние защищенности государственных интересов в информационной сфере, которое определяется совокупностью сбалансированных интересов государства и общества.

Защита информационного суверенитета и национальных интересов в информационной сфере стала одной из ключевых функций государства.

Анализ текущей ситуации с информационной безопасностью в Интернете позволяет предположить, что Интернет постоянно используется для создания угроз не только информационной безопасности, но и национальной безопасности.

Под экстремизмом понимается приверженность к крайним мерам и взглядам, и радикальное отрицание существующих социальных норм и правил через совокупность насильственных проявлений [4, с. 5].

Терроризм-это акты насилия, совершаемые против лиц или объектов, защищаемых государственными и международными правами [5, с. 16].

В глобальном Интернет-пространстве возникла информационная угроза со стороны экстремистских и террористических организаций. Это привело к быстрому распространению радикальных идеологий. Источниками пропаганды были интернет ресурсы. Для вербовки людей было создано огромное количество сайтов, статей практически на всех социальных ресурсах.

Специфика Интернета заключается в том, что большую часть аудитории составляют лица от 17 до 40. Анонимность эффективно используется для привлечения этой группы людей, которая очень привлекательна для молодежи и способствует эффективному распространению и пропаганде террористической и экстремистской деятельности.

Об этом наглядно свидетельствуют события, когда студенты всего мира пытались вступить в международную экстремистскую организацию, организацию, которая является крупномасштабной террористической системой. Она работает практически во всех социальных сетях: в пропагандистских целях было создано 2,3 миллиарда аккаунтов в социальных сетях. Фотографии и видео выкладываются в Instagram, а также распространяют справочники, которые являются подробным пособием по терактам.

Глава ФСБ А. Бортников в ходе заседания Национального антитеррористического комитета назвал социальные сети и некоторые сайты «Своеобразным источником идей экстремизма стала часть Интернета. В социальных сетях создаются закрытые группы, активизируется деятельность сайтов, на которых ведется целенаправленная идеологическая обработка» [1, с. 4].

Вербовщики обширно применяют социальную сеть. Они исследуют профили пользователей и на базе этих данных производят психологический анализ, который приводит к серьезному воздействию на человека.

Также для более широкого охвата пользователей экстремистские организации создают и используют "хэштеги". С этой помощью сужается круг пользователей, которые могут быть затронуты, чем обеспечивают постоянную аудиторию.

Мировая практика показывает, что с такой проблемой столкнулась не только Российская Федерация, но и страны азиатско-тихоокеанского региона.

Угроза терроризма и внутренних вооруженных конфликтов для АТР связана с сохранением высокого конфликтного потенциала в ряде стран региона. Это определено деятельностью нескольких террористических организаций транснационального характера, таких как «ДжемааИсламия», «Абу Сайяф», а также рядом внутренних конфликтов, в основном этнического и религиозного характера, в которых повстанцы активно используют диверсионные и террористические методы борьбы, в том числе используют сеть «Интернет» для глобализации своих противоправных действий.

В. Колокольцев считает, что власти государства должны активно бороться с экстремистскими группировками в глобальной сети, так как Интернет сейчас является основным средством коммуникации для людей. «Большое профилактическое значение будет иметь принятие проекта федерального закона, предусматривающего уголовную ответственность за совершение преступлений экстремистской направленности с использованием интернет-пространства» [3, с. 1].

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что террористы смогли адаптировать существующие возможности так, чтобы их можно было использовать в своих целях. Для обмена информация используются одноразовые телефоны, Интернет-кафе с бесплатным Wi-Fi, а также другие

средства связи, которые агрессивно используются для управления информацией. Технологии стали доступнее, лучше и разнообразнее. Эти средства позволяют развивать группировки. Аналогичным образом, из-за увеличения информационных точек и увеличения новостей, касающихся терроризма, увеличивается тем самым и интерес к данной теме, к которому стремятся группировки.

На данный момент можно констатировать присутствие следующих проблем в этом направлении, это:

- отсутствие международных актов, регулирующих взаимосвязь государств, в области противодействия экстремизму и терроризму в информационном пространстве.

- наличие дефектов законодательных баз стран в области противодействия экстремизму в Интернет-пространстве.

Для устранения данных проблем целесообразно рассмотреть возможность создания отдельного информационного пространства, которое будет закрыто от главных агрессивных очагов воздействия. И урегулировать взаимосвязь государств, в области информационного пространства с помощью международных актов, в которых будут определена ответственность за противоправные действия в данной сфере.

Литература

1. Глава ФСБ: Интернет остается источником идей экстремизма.
2. Мельникова Д. П. Правовое регулирование экстремистской деятельности в сети Интернет.
3. Троегуров Ю. Н. Проблемы противодействия экстремизму в сети Интернет.
4. Указ Президента РФ от 05.12.2016 N 646 "Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации".
5. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (последняя редакция).
6. Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 06.07.2016) "О противодействии терроризму" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017).

Некоторые поправки в Конституции Китайской Народной Республики 2018

© А. А. Герашенко

студент 2-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: avd.asy2012@yandex.ru

В данной работе представлен обзор поправок Конституции Китайской Народной Республики (КНР). Применяется такой подход, как анализ, Конституции КНР 2018 года.

Ключевые слова: право, Китайская Народная Республика, конституция, поправки.

This paper presents a review of the amendments to the Constitution of the People's Republic of China (PRC). Apply an approach such as analysis, the Constitution of the PRC 2018.

Key words: law, People's Republic of China, constitution, amendments.

С древнейших времен по сегодняшний день право Китая рассматривается как инструмент управления народом и установления социального статуса человека, что находит свое отражение в значительном влиянии на право, которое оказывает политическая власть (император в древности, Коммунистическая партия Китая (КПК) в наши дни).

Свидетельством такого воздействия являются так называемые «изменения Конституции политического характера», которые получили своё распространение в Китае.

С официальной точки зрения такие изменения, происходят после очередного съезда Коммунистической партии Китая, также изменения Конституции представляются Центральным Комитетом КПК. С содержательной точки зрения такие изменения, связаны с изменениями Устава КПК и практически им соответствуют, а также такие изменения касаются в основном экономической политики и идеологической программы китайского государства.

В последние годы появились также изменения Конституции системного характера. Эти изменения, касаются основных прав и свобод граждан, основных принципов государственного строительства и т.п. Данные перемены считаются итогом демократических преобразований, которые происходили в последнее время в Китае.

Ныне действующая Конституция Китайской Народной Республики (далее КНР) разработана на основе всенародного обсуждения. Она принята к исполнению после утверждения на пятой сессии Всекитайского Собрания народных представителей (далее ВСНП) 5-го созыва 4 декабря 1982 г.

В отличие от двух предыдущих редакций новый проект до его утверждения был опубликован в прессе. По результатам национального обсуждения в текст документа было внесено свыше ста исправлений. В декабре 1982 года ВСНП одобрило итоговый текст основного закона.

Конституция состояла из преамбулы и 138 статей, сгруппированных в четыре главы. Из ее текста были окончательно удалены ссылки на "культурную революцию".

В новой редакции был возрожден пост председателя КНР. Кандидатуру на этот пост выдвигал президиум ВСНП, для утверждения необходимо более половины голосов членов ВСНП. Повышался возрастной ценз для выдвижения на пост председателя КНР — с 35 (в редакции конституции 1954 года) до 45 лет. Также было введено ограничение на занятие ряда высокопоставленных постов (в том числе председателей КНР и Постоянного комитета ВСНП) — не более двух пятилетних сроков.

Конституция сформировала текущий принцип управления китайскими вооруженными силами. В частности, партийный контроль над армией был дополнен созданием Центрального военного совета — высшего государственного органа по оборонным вопросам (при этом по персональному составу он полностью совпадал с Центральной военной комиссией — военным органом КПК).

Конституция 1982 года несколько раз дополнялась: в 1988, 1993, 1999 и 2004 годах. Поправки в основном отражали изменения в экономической жизни КНР, где с начала 1980-х проходил ряд инициированных Дэн Сяопином реформ, направленных на создание рыночной модели хозяйствования.

Так, в 1988 году в основной закон было добавлено положение о частных хозяйствах, которые появились в результате либерализации экономики.

В 1993 году конституционную форму обрел тезис о "социализме с китайской спецификой" — построение рыночной экономики при значительной роли государства. При этом изменился сам характер государственной собственности: руководители госпредприятий получили право на ведение самостоятельной хозяйственной деятельности.

В 1999 году в текст документа было внесено имя скончавшегося в 1997 году "архитектора китайских реформ" Дэн Сяопина. Ранее в нем упоминались только Карл Маркс, Владимир Ленин, Мао Цзэдун и китайский революционер Сунь Ятсен. Также впервые в главный закон страны было добавлено положение о строительстве в КНР "социалистического правового государства". Из конституции было изъято упоминание о "контрреволюционных преступлениях".

В 2004 году законодатели основное внимание уделили уравниванию в правах частной и общественной собственности. Кроме того, было добавлено положение об "уважении и защите государством прав человека".

В январе 2018 года стало известно, что в ходе 2-го пленума ЦК КПК 19-го созыва был рассмотрен новый пакет поправок к конституции страны. Тогда слушания прошли в закрытом режиме.

11 марта 2018 года первая сессия 13-го Всекитайского собрания народных представителей проголосовала за принятие «Поправки к Конституции Народной Республики».

В разделе 2 главы 3 Конституции Китайской Народной Республики изменения внесены в статью, в которой говорится: «Период нахождения на посту председателя и вице-председателя КНР тождественен сроку полномочий ВСНП и не может превышать двух сроков подряд». Принятая поправка слова о двух сроках из конституции исключает.

Кроме того, парламентарии проголосовали за внесение в текст основного закона имени нынешнего лидера Си Цзиньпина. В преамбуле, где уже упоминаются имена и идеи Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, появится и фраза: «Под руководством идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эру».

Третья значимая поправка касается создания антикоррупционного органа (статья 27) — Государственного комитета по надзору. В настоящее время аналогичные функции выполняет Центральная комиссия КПК по проверке дисциплины. Однако указанная комиссия, как видно из ее названия, является партийной, а не государственной структурой.

Новое госведомство будет самостоятельно вести расследование, а затем передавать дела в прокуратуру. При этом комитет получит право оставлять подозреваемых в коррупции под стражей на срок 6-ти месяцев без предъявления обвинения.

В Конституцию Китая внесено более 20 поправок, которые включают в себя: установление научного взгляда на развитие страны, руководящую позицию официальной идеологии Компартии Китая в новую эпоху Си Цзиньпина, а также корректировку и обогащение общего вида социализма с китайской спецификой. Обогащение и улучшение содержания патриотического фронта и этнических от-

ношений, обогащение содержания внешней политики мира. Увеличение пропаганды основных социалистических ценностей, внесение изменений в соответствующие положения о Государственном председательстве, увеличение числа городов районного уровня, а также увлечение наблюдательного комитета и пересмотр соответствующих положений Специального комитета ВСНП.

Литература

1. Конституция Китайской Народной Республики (редакция 2018)
2. Конфуций. Суждения и беседы. СПб., 2001. С. 11.
3. Берман Гарольд Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 87.
4. Инь Сяоху «О политических изменениях конституции» // Исследования правосознания. — 2000. — № 1.
5. БаогоФан, Сяоху Инь. Об изменениях конституции политического и системного характера. «Правовой форум», 2000. Кн. 15.
6. Основы конституционного права / Под общей ред. Чжан Цинфу. Изд-во общественных наук, 1999.

Вопрос о применении смертной казни: опыт Китая и возможность его применения в России

© В. И. Калашникова

студент 3-го курса

ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: kvikai@mail.ru

Статья посвящена вопросу о применении смертной казни. Было проведено исследование уголовного законодательства Китая в рамках правового регулирования института смертной казни, рассмотрены ее особенности. Также была проанализирована возможность применения смертной казни в России на основе опыта Китая. Авторы считают, что нельзя исключить смертную казнь из системы наказаний РФ, но для ее применения необходимо оптимизировать систему отправления правосудия, свести количество судебных ошибок к нулю.

Ключевые слова: смертная казнь, уголовное право Китая, уголовное право России, судебная ошибка, гуманизм.

The article is devoted to the issue of the death penalty. A study was conducted of the criminal law of China within the framework of the legal regulation of the institution of the death penalty, its features were considered. The possibility of using the death penalty in Russia based on the experience of China was also analyzed. The authors believe that the death penalty cannot be excluded from the system of punishments of the Russian Federation, but for its application it is necessary to optimize the system of administration of justice, reduce the number of judicial errors to zero.

Key words: death penalty, criminal law of China, criminal law of Russia, judicial error, humanism.

В юридической науке уже долгие годы стоит один из многих философских вопросов: «Быть или не быть смертной казни»? Это очень сложный и многогранный вопрос, затрагивающий правовые, политические, культурные, нравственные, социальные, психологические, религиозные и другие аспекты жизни общества. В целом мировое сообщество сказывается негативно в отношении смертной казни. Оно развивается в следующих направлениях: 1) уменьшается число преступных составов, наказуемых смертной казнью, и лиц, которым она может быть назначена; 2) ее исполнение приобретает непубличный характер; 3) если смертная казнь применяется, стараются использовать такие способы, при которых смерть наступает быстрее при минимальной боли; 4) возникают общественные и научные дискуссии о допустимости смертной казни; 5) увеличивается объем процессуальных и иных гарантий при ее назначении [3, с. 26]. И Россия, и Китай являются членами ООН и ратифицировали Всеобщую декларацию прав человека от 10 декабря 1948 года, которая гласит, что каждый имеет право на жизнь и никто не должен подвергаться жестокому, бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению и наказанию, а по мнению многих политических деятелей, смертная казнь является слишком суровым наказанием. Однако Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года, который ратифицировала Россия и подписал, но не ратифицировал Китай, содержит в статье 6 подробное регулирование применения смертной казни. Согласно этому пакту в странах, которые не отменили смертной казни, смертные приговоры могут выноситься только за самые тяжкие преступления. Пакт закрепляет право каждого приговоренного к смерти человека просить о помиловании или о смягчении приговора. Амни-

ствия, помилование или замена смертного приговора могут быть дарованы во всех случаях. Пакт не допускает применение смертной казни в отношении лиц, моложе 18 лет, и беременных женщин. Европейская конвенция по правам человека от 4 ноября 1950 года во 2 статье говорит о том, что никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание. Следовательно, данная Конвенция и Международный пакт о гражданских и политических правах признают право государства на применение смертной казни, если это предусмотрено его законодательством, несмотря на современную критику этого наказания.

Уголовный кодекс КНР в 33 статье к основным видам наказания причисляет смертную казнь. Статья 48 гласит, что смертная казнь является высшей мерой наказания за особо тяжкие преступления, ее назначают только при крайней необходимости и могут дать двухгодичную отсрочку. Если за это время осужденный не совершит другие умышленные преступления, то смертную казнь могут заменить пожизненным лишением свободы, а при серьезном искуплении вины заслугами — лишением свободы на 15-20 лет [13]. Уголовное законодательство Китая предусматривало 60 составов преступлений, наказуемые смертной казнью, но после реформ 2011 и 2015 годов, на которые могла повлиять и долгая критика мирового сообщества, были убраны из этого списка мошенничество, фальшивомонетничество, налоговые махинации, преступления, совершённые по неосторожности. На данный момент насчитывается 46 составов преступлений, среди которых государственная измена, шпионаж, дезертирство, мародерство, терроризм, убийство, изнасилование, похищение женщин и детей, коррупционные преступления, подделка медикаментов, нелегальный оборот оружия, наркоторговля и торговля человеческими органами [8, с. 160]. Приговорить к смертной казни может Верховный народный суд КНР.

В 49 статье перечисляются лица, к кому не может быть применено наказание в виде смертной казни. Это лица, не достигшие 18 лет, беременные женщины, а также лица, чей возраст превышает 75 лет, за исключением случаев, когда было совершено убийство с особой жестокостью [13]. Однако известны случаи, когда злоумышленники использовали данную норму права себе во благо. Так в 2004 году полиция арестовала беременную женщину за хранение наркотиков. Это преступление предусматривает наказание в виде смертной казни, но так как женщина была беременная, казнить ее не представлялось возможным, но женщину поместили в больницу и сделали аборт. Представитель полиции города Ланьчжоу в связи с этим заявил: «Уголовный кодекс не должен становиться инструментом в руках торговцев наркотиками, стремящихся избежать наказания» [1]. Данное событие никак нельзя охарактеризовать с положительной стороны, ведь тут на лицо ущемление прав человека, хоть и преступника, тем более не рожденный ребенок ни в чем не виноват. Уголовный кодекс предусматривал и другие наказания, например, лишение свободы, применение которого было бы более гуманно. Но данное событие также характеризует всю строгость китайского правосудия.

Стоит заметить, что статья 57 УК КНР предусматривает лишение политических прав у людей, приговоренных к смертной казни или пожизненному лишению свободы. Данное уточнение имеет ценность, так как у приговоренных может быть двухгодичная отсрочка.

Статья 263 УПК КНР предусматривает, что смертная казнь осуществляется в виде расстрела или ввода инъекции, а также другими способами [12]. Наиболее гуманным считается наказание в виде инъекции, поскольку причиняет минимум болевых ощущений и страданий приговорённому. С 2010 г. планировалось полностью отказаться от расстрела: инъекции считаются менее тяжёлыми с психологической точки зрения — как для казнённых и членов их семей, так и для всех, участвующих в приведении приговора в исполнение [9, с. 59]. На сегодняшний день в УПК КНР все еще указана смертная казнь в виде расстрела, так как инъекция является достаточно дорогим способом (смертельная доза стоит около 45 долларов), поэтому не всегда могут осуществить такой вид смертной казни, но случаи расстрела уже встречаются реже. Казнь путем введения инъекции включает в себя два укола: анестетик и цианистый калий, убивающий человека за одну-две минуты. В 20 км от Пекина построен специальный центр, где осуществляются смертные приговоры путем инъекции, похожие территории есть и в других местах страны, производятся особые микроавтобусы, оборудованные для такой процедуры исполнения приговоров в отдаленных местах, где отсутствуют специальные помещения для казни [10, с. 151]. Также имеет место публичное исполнение смертных приговоров. По мнению китайских криминологов, демонстрация смертной казни по телевидению имеет большое превентивное значение [8, с. 161].

Рассмотрение дела по статьям, предусматривающим в качестве наказания смертную казнь, происходит в несколько этапов. Суд первой инстанции (народный суд) выносит приговор. При об-

жаловании приговор пересматривает суд второй инстанции. Затем дело передается в Верховный народный суд, он принимает решение об отсроченном или немедленном исполнении приговора или замене на пожизненное лишение свободы. Это решение направляется в суд, который вынес приговор, для его исполнения. Перед исполнением наказания суд предоставляет возможность приговоренному встретиться с родственниками. Суд также проверяет наличие завещания, информацию об уплате налогов и так далее. Обо всех своих действиях суд отчитывается перед Верховным народным судом: это создано для того, чтобы исключить казнь невинных [4, с. 23].

Китайские ученые практически единодушны во мнении, что отказ от смертной казни для их общества невозможен [11, с. 143]. Суровость уголовного наказания является исторической особенностью Китая, гуманизм по отношению к преступникам им не свойственен. А что насчет России? В нашей стране тоже долгое время существовал институт смертной казни и был он не менее жестоким. Возможно ли возобновление применения смертной казни?

С одной стороны, это позволит осуществить принцип справедливости. В УК РФ говорится: «наказание должно быть справедливым, т.е. соответствовать характеру и степени общественной опасности, обстоятельствам его совершения и личности виновного», то есть принудительное претерпевание преступником по воле государства страданий, равнозначных причиненных им пострадавшему. Это является современной трактовкой принципа талиона «око за око» [5, с. 6]. Если человек совершает бесчисленные убийства, как например, Михаил Попков — «ангарский маньяк», приговоренный к пожизненному лишению свободы [6], будет ли справедливым оставлять его в живых в колонии за счет государства, налогов граждан? Гуманно ли это по отношению к близким погибших, что их налоги уходят на содержание убийцы их жен, матерей и дочерей, справедливо ли это?

Смертная казнь все же является превенцией. Многие ученые считают, что нет связи между уровнем преступности и применением смертной казни. Однако стоит заметить, что ряд стран, принимавшие попытку отменить смертную казнь, затем восстанавливали ее на какой-то период. Например, в Бразилии смертная казнь в XX в. дважды восстанавливалась и отменялась, в Испании с 1932 года смертная казнь отменена, в 1934 году восстановлена за некоторые виды терроризма, в 1938 году — за убийство и другие уголовные преступления, а с 1978 года вновь отменена; в Италии смертная казнь была отменена в 1889 году, вновь восстановлена в 1926 году и вновь отменена в 1947 году [7, с. 2]. Можно предположить, что в эти этапы принятие смертной казни было необходимо для профилактики преступлений.

С другой стороны, существует судебная ошибка. В Китае неплохо проводится профилактика судебных ошибок: все приговоры проходят через утверждение Верховного народного суда, в этой системе происходит контроль и исключение судебной ошибки. Возможна ли реализация подобной практики в России? Можно предположить, что да. В Китае существует более тридцати составов преступлений, наказуемых смертной казнью, реализуются десятки тысяч смертных приговоров, и Верховный народный суд справляется с такой нагрузкой. УК РФ предусматривает наказание в виде смертной казни лишь в пяти статьях: квалифицированное убийство (ч. 2 ст. 105), посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277), посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295), посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317) и геноцид (ст. 357). Коллегия по уголовным делам вполне может справиться с такой нагрузкой, тем более, что к смертной казни приговариваются не все преступники, а те, кто совершил особо тяжкое преступление, посягающее на жизнь (и только на жизнь), за исключением женщин, лиц, совершившим преступления в возрасте до 18 лет, и мужчин, достигшим к моменту вынесения судом приговора 65 лет [14]. Если же коллегия не будет справляться с нагрузкой, возможно создание специальной коллегии, чтобы обеспечить полноценный и непредвзятый контроль.

Кроме судебной ошибки существует и другая проблема: коррупция в органах власти. Существует практика, особенно в бизнесе, когда возбуждают уголовное дело, например, на директора фирмы, чтобы таким образом устранить конкурента. Но нельзя же привлечь невинного человека к уголовной ответственности просто так, поэтому «находят друзей» в органах, договариваются о содействии. Так могут «повесить» на человека мошенничество, неуплату налогов, дачу взятки и другое. Что будет, если снимут мораторий на смертную казнь в России и расширят ее применение? И в таких условиях решат убить конкурента через смертную казнь?

Мировое сообщество кричит о том, что смертная казнь не гуманна. Предположим на секунду, что весь мир согласится с этим и полностью отменит смертную казнь. Следующей наивысшей мерой наказания является пожизненное лишение свободы. Является ли оно гуманным? В 2012 году на Украине в городе Николаеве трое молодых мужчин изнасиловали девушку и, чтобы скрыть следы

преступления, попытались ее сжечь, от чего та скончалась. Некоторые из мужчин получили наказание в виде пожизненного лишения свободы [2]. Никто не отрицает их вины, но человек до конца своих дней будет сидеть в тюрьме с особым режимом, работами, неприятным контингентом. Его психика сломается, жизнь будет приносить ему страдания и мучения. Не будет ли в таком случае это наказание негуманным? Вполне возможно, а значит, будут выступать и за его отмену. Что же тогда останется в системе наказаний?

Ученые говорят о том, что смертная казнь не дает возможности перевоспитать преступника, но не стоит забывать, что к ней приговаривают не тех людей, которые в первый раз совершили преступление, а тех, кто умышленно совершал особо тяжкое преступление против жизни, вероятнее всего неоднократно. Это высшая мера наказания для исключительных случаев, когда уже нет возможности перевоспитать преступника.

В заключение следует отметить, что Россия не исключила смертную казнь из системы наказаний, а значит, есть вероятность возобновления ее применения. Но для этого стоит оптимизировать систему отправления правосудия и свести количество судебных ошибок к нулю. Потому что право на жизнь действительно является самым важным и ценным, что есть у человека. Люди, особенно представители власти, должны осознавать ее ценность, прежде чем брать на себя ответственность за ее лишение.

Литература

1. Беременной китайке сделали аборт, чтобы казнить ее за хранение наркотиков [Электронный ресурс] — Режим доступа : <https://www.newsru.com/world/28oct2004/bespredel.html> (6 апреля 2019).
2. В городе Николаеве суд вынес приговор обвиняемым по делу об изнасиловании и убийстве Оксаны Макар [Электронный ресурс] — Режим доступа : https://www.1tv.ru/news/2012-11-27/80342-v_gorode_nikolaeve_sud_vynes_prigovor_obvinyaemym_po_delu_ob_iznasilovanii_i_ubiystve_oksany_makar (6 апреля 2019).
3. Гордон А. В., Нагорная И. И. Снижение смертных приговоров и казней как общемировая тенденция (реферативный обзор) / А. В. Гордон, И. И. Нагорная // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. Реферативный журнал. — 2018. — № 4. — С. 24-29.
4. Домнышев А. А., Тиханова Н. Е. Особенности правовой системы КНР / А. А. Домнышев, Н. Е. Тиханова // Тенденции развития науки и образования. — 2018. — № 37-3. — С. 21-23.
5. Дядюн К. В. Смертная казнь : плюсы и минусы в современном обществе / К. В. Дядюн // *Universum* : экономика и юриспруденция. — 2015. — № 7 (18). — 13 с.
6. Забирая жизни. История самого страшного маньяка России Михаила Попкова [Электронный ресурс] — Режим доступа : <https://gia.ru/20181210/1547629713.html> (6 апреля 2019).
7. Захаров В. А. Некоторые проблемы назначения и реализации уголовного наказания в виде смертной казни в современной России / В. А. Захаров // *Концепт*. — 2014. — №10. — С. 1-8.
8. Макабетова М. Ж. Смертная казнь в Китае / М. Ж. Макабетова // *Инновационные подходы в решении проблем современного общества : сборник статей Международной научно-практической конференции (Пенза, 27 мая 2018 г.)*. — Пенза, 2018. — С. 160-162.
9. Пуляевская Л. Н. Национальные особенности смертной казни в Китае / Л. Н. Пуляевская // *Культура народов в социальном пространстве и времени: сборник материалов межвузовской студенческой научно-практической конференции (Иркутск, 27 июня 2017 г.)*. — 2017. — С. 58-60.
10. Рожкова Е. К. Смертная казнь в Китае : история и современность / Е. К. Рожкова // *Законность и правопорядок в современном обществе*. — 2011. — № 7. — С. 149-152.
11. Трощинский П. В. К вопросу о традиционных взглядах на право в китайском обществе / П. В. Трощинский // *Вестник университета имени О. Е. Кутафина*. — 2016. — № 3 (19). — С. 136-146.
12. Уголовно-процессуальный кодекс КНР от 1 июля 1979 года [Электронный ресурс] — Режим доступа : http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/2018-11/05/content_2065631.htm (6 апреля 2019).
13. Уголовный кодекс КНР от 7 июля 1979 года [Электронный ресурс] — Режим доступа : http://www.spp.gov.cn/spp/fl/201802/t20180206_364975.shtml (6 апреля 2019).
14. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 №63-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

Правовая доктрина как источник международного права

© Е. О. Мадаев

канд. юр. наук

ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: madaeo@mail.ru

Данная статья посвящена правовой доктрине как источнику международного права. Автор отождествляет понятие «международное право» с понятием «международная правовая система». Автор предлагает дефиницию правовой доктрины в международной правовой системе; определяет направления реализации правовой доктрины в международной правовой системе; место правовой доктрины в структуре международной правовой системы в качестве самостоятельного элемента и источника права.

Ключевые слова: международное право, правовая доктрина, источник международного права.

This article is devoted to the legal doctrine as a source of international law. The author identifies the concept of "international law" to the notion of "international legal framework". The author proposes a definition of legal doctrine in the international legal system; determines the direction of legal doctrine in the international legal system; place of legal doctrine in the international legal system as a separate element and source of law.

Key words: international law, legal doctrine, the source of international law.

В XIX и даже в начале XX в. международное право рассматривалось в значительной мере как «доктринальное» право, право ученых. Науке международного права придавалась роль не только констататора, но и роль создателя его норм. И хотя правообразующее значение международной доктрины во второй половине XX в. стало признаваться менее значительным, закрепление ее в качестве источника международного права предопределило тот факт, что мнения авторитетных специалистов по международному праву различных стран являются одним из средств установления наличия или отсутствия тех или иных норм международного права, а также их толкования [7, с. 211].

Так, в начале прошлого века ссылки на научный авторитет российского юриста-международника Ф. Ф. Мартенса ни у кого не вызывали сомнения, настолько высок был его научный авторитет. К нему обращались представители различных государств с целью составить юридическое заключение по тому или иному международному конфликту. Т. Е. Холланд, будучи юристом при дворе английского короля, писал о Ф. Ф. Мартенсе: «Он был в настолько большом спросе как арбитр в международных спорах, что его в шутку называли Лорд-канцлером Европы» [8, с. 10].

А в американской литературе раннего периода находим упоминание о Ф. Ф. Мартенсе как «главного судьи христианского мира» [9, с. 604].

Ф. Ф. Мартенс был признанным авторитетом в вопросах международного третейского суда в России. К нему часто обращались за консультациями высокопоставленные сотрудники Министерства иностранных дел.

Более того, доктринальные положения Ф. Ф. Мартенса заложены в основу Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, принятой на мирной конференции в Гааге 1899 года. Важнейшим итогом Гаагской конференции 1899 г. явилось принятие серии документов, завершивших в своей основе международную кодификацию законов и обычаев войны [5, с. 107]. Бремя практической деятельности выпало на долю Ф. Ф. Мартенса, являвшегося душой конференции и ее центральной фигурой [4, с. 145, 175].

В Преамбуле Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны части 6,7,8 называются «Декларацией Мартенса» [3, с. 41].

Особенность ее в том, что она восполняет пробелы, возникающие на тот момент в международном праве. «Декларация Мартенса», также нашла свое отражение в статье 1 Дополнительного протокола 1977 года к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 года.

В результате отсутствия четкого понятийного аппарата исключительной экономической зоны в тексте Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 года, в международной практике возникает множества споров, касающихся вопросов правомерности мер принуждения прибрежными государствами в отношении судов иностранных государств. Международному трибуналу приходится толковать положения Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 года, касающиеся полномочий прибрежных государств.

В качестве примера, можно привести дело № 11 «Волга» 2002 г. (Россия против Австралии) о незамедлительном освобождении российского судна «Волга» и его экипажа, задержанного в исключительной экономической зоне Австралии за незаконный лов рыбы.

Проблема заключалась в том, что провозглашение Австралией исключительной экономической зоны вокруг «непригодных для проживания и нежилых» островов Херд и Макдональд вступало в противоречие с п.3, ст. 121 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву, режимом островов, который предусматривал, что скалистые острова, непригодные для поддержания жизни человека, или для самостоятельной хозяйственной деятельности, не должны иметь исключительной экономической зоны и континентального шельфа [2].

Указывая на это, в особом мнении, судья Международного трибунала Будислав Вукас, был вынужден обращаться к правовой доктрине — ссылаться на труды авторитетных ученых в области международного права: Арвида Пардо и Рене-Жана Дюпюи. Арвид Пардо выступая с докладом в Комитете по морскому дну Организации Объединенных Наций, в 1971 году, предостерегал о последствиях: «Установление 200-мильного предела юрисдикции государств, владеющих необитаемыми, отдаленными или очень маленькими островами, существенно подорвет эффективность международного регулирования океанского пространства».

Арвид Пардо, являясь основателем нового морского права, создал теорию «общего наследия человечества», согласно которой, морское дно признавалось частью этого наследия. Основные положения этой теории нашли свое закрепление в ст. 136 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву, реализовавшись в правовую доктрину «общего наследия человечества».

В конечном итоге, Трибунал с учетом этих мнений 19 голосами из 21 вынес решение об освобождении экипажа и снижении суммы требуемого Австралией залога [10].

Так что же представляет собой правовая доктрина в международном праве?

Видным разработчиком, внесшим наиболее заметный вклад в изучение систематики правовых явлений, являлся С. С. Алексеев. Так, например, в одной из своих статей он утверждал, что когда в юридической литературе говорится о праве, то во многих случаях подразумевается целостная правовая система. В то же время указание на правовую систему нередко означает, что право осмысливается и оценивается во всех его проявлениях. В каком контексте используется понятие правовой системы у того или иного автора в той или иной работе — зависит от уровня теоретической абстракции [1, с. 32].

Исследуя доктрину в международном праве, автор так же придерживается системного подхода в этой области и в дальнейшем отождествляет понятие «международное право» с понятием «международная правовая система».

Автор предлагает следующую дефиницию правовой доктрины в международной правовой системе: правовая доктрина — это относительно самостоятельный, сложный (многоаспектный) элемент международной правовой системы, который представляет собой научно-обоснованные, авторитетные воззрения и теории по поводу остальных элементов международной правовой системы и юридической деятельности, имеющие научно-прикладной характер и непосредственно регулятивные возможности. Доктрина реально воздействует на правотворческую и правореализационную практику, в том числе в роли источника международного права.

Как происходит реализация правовой доктрины в Международном праве?

Первым направлением реализации правовой доктрины в международной правовой системе является участие доктрины в правотворческой практике. Различные политико-правовые и собственно юридические доктрины лежат в основе правотворческого процесса, определяют содержание правовой политики, конкретных законодательных новелл. Огромным потенциалом в этом отношении обладает научно-экспертная деятельность.

Следующим направлением реализации правовой доктрины в международной правовой системе является ее участие в формировании судебных правовых позиций. Для нашего исследования важным является, кажущийся нам бесспорным вывод о том, что правовые позиции являются итогом научной интерпретации судьями Международных судов (трибуналов) положений Конвенций (Международных договоров), в них воплощаются элементы той или иной общепризнанной, авторитетной правовой либо политико-правовой теории — доктрины.

Еще одним важным направлением воздействия юридической доктрины на формирование и функционирование международной правовой системы, является доктринальное толкование международного права.

Наше исследование не имеет в целом компаративистского характера, мы лишь используем в ряде случаев сравнительно-правовую методологию. Однако в результате изучения трудов сравнительно-

правового содержания в контексте нашей темы представляется правильным утверждать: современные компаративисты уделяют незаслуженно мало внимания доктрине именно как системному критерию. В лучшем случае она вскользь упоминается среди источников права, да и то чаще в историческом аспекте. Это неверно, так как разного вида доктрины «работая» во взаимодействии с правовой доктриной, по большому счету являются одним из важнейших факторов, влияющих на формирование правовой системы того или иного государства.

Так, в семье религиозного права превалирует, понятно, религиозная доктрина; «семья законодательного права» и «прецедентного права» отойдя в эпоху Ренессанса-Возрождения от сугубо религиозных основ, в настоящее время зиждется на политико-правовых доктринах прав человека, правового государства и разделения властей; «социалистической правовой семье» — присуща политическая доктрина марксизма, с национальными особенностями отдельно взятой правовой системы; в «семье традиционно-этического права» по-прежнему сильно влияние доктрин «духовно-нравственных (философских)».

На самом деле данный подход представляется несколько упрощенным, правовая доктрина всегда и везде выступала в качестве относительно самостоятельного явления, а другие виды доктрин выступали в отношении нее в качестве внешних «источников питания», иногда идеологической и теоретической основы, но никогда не подменяли ее полностью.

Таким образом, с одной стороны, правовая доктрина, зачастую имея международный (региональный, европейский и т. д.), вненациональный характер, выступает по отношению к правовой системе отдельно взятого государства в качестве внешнего фактора, влияя на формирование ее существенных черт, в том числе и таких, на основе которых правовую систему государства можно отнести к той или иной правовой семье (англо-саксонской, романо-германской, религиозной, социалистической и т. д.).

Одновременно, с другой стороны, правовая доктрина подлежит безусловному включению в структуру международной правовой системы, в качестве самостоятельного и важного элемента, поскольку она: а) является высшим проявлением юридической науки, выходящим за пределы просто научных теорий и перемещающимся в практическую сферу, оказывает влияние на структурирование и функционирование международной правовой системы, на формирование существенных признаков как правовой системы в целом, так и отдельных ее элементов; б) будучи авторитетной, практически востребованной, является источником международного права в материальном смысле и воплощается в других элементах международной правовой системы: в международных документах политико-правового характера (конвенциях, декларациях, договорах); в международных нормативных правовых актах, в документах Международных судов (трибуналов); в международной правоприменительной практике, в актах толкования международного права, оказывающих непосредственное влияние на международную правоприменительную практику, на эффективность правового регулирования международных отношений; в) в необходимых случаях является источником международного права в формально-юридическом смысле.

С точки зрения внутреннего содержания сложно найти какой-то элемент международной правовой системы, на возникновение и развитие которого не оказала бы влияния та или иная правовая (политико-правовая) доктрина.

Литература

1. Алексеев С.С. Право и правовая система // Правоведение. — 1980. — № 1. — С. 27-34.
2. Конвенция Организации Объединённых Наций по морскому праву 1982 г. // СЗ РФ. — 1997. — № 48. — Ст. 5493.
3. Международное право в избранных документах. Т. 3 / Сост.: Моджорян Л.А., Собакин В.К.; Отв. ред.: Дурденевский В.Н. — М.: Изд-во ИМО, 1957. — 415 с.
4. Пустогаров В. В. С пальмовой ветвью мира. Ф. Ф. Мартенс — юрист, дипломат, публицист. — М.: Международные отношения. 1993. — 288 с.
5. Стародубцев Г. С. Вклад Ф. Ф. Мартенса в кодификацию международных правил, применяемых в вооруженных конфликтах. // Сов. государство и право. — 1988. — № 7. — С. 107-110.
6. Статут международного суда ООН <http://docs.cntd.ru/document/1900507>
7. Тункин Г. И. Теория международного права. — М.: Междунар. отношения, 1970. — 511 с.
8. Holland T. E. Frederik de Martens // Journal of the Society of Comparative Legislation. London, 1909. Vol.10. P. 10.
9. The North American Review. Vol. 169. N 5. November. New-York, 1899. P. 604.
10. The "Volga" Case (Russia v. Australia) (Prompt Release), Judgment of December 23, 2002, 6 Int'l Trib. L. of the Sea Rep. of Judgments Advisory Opinions and Orders 10-41 (2002), available at http://www.itlos.org/start2_en.html.

III. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В СТРАНАХ АТР

Сравнительно-правовой анализ перехода авторского права в порядке наследования

© Д. А. Амгаланова

студент 3-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
Россия, г. Улан-Удэ
E-mail: amgalanova@yandex.ru

© Е. С. Чулкова

студент 3-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
Россия, г. Улан-Удэ

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу наследственного права, регулирующего вопрос о наследовании авторских прав на примере Российской Федерации и Китая. Проанализировано законодательство Российской Федерации и Китайской Народной Республики в области наследственного и авторского права. На основе данного анализа, выявили похожие и противоположные черты и сделали соответствующие выводы.

Ключевые слова: гражданское право, авторское право, наследование, Китай, Россия, объекты авторского права.

The article is devoted to a comparative legal analysis of inheritance law governing the issue of copyright inheritance on the example of the Russian Federation and China. Analyzed the legislation of the Russian Federation and the People's Republic of China in the field of inheritance and copyright. Based on this analysis, they revealed similar and opposite features and made the appropriate conclusions.

Key words: civil law, copyright, inheritance, China, Russia, objects of copyright.

Вопрос о переходе авторского права в порядке наследования в Российской Федерации (далее по тексту — РФ) и Китайской Народной Республики (далее по тексту — КНР) считается мало изученным. В этой связи представляется целесообразным провести сравнительный анализ института наследственного права, регулирующего вопрос о наследовании авторских прав.

Современное наследственное право Китая представляет собой обособленную отрасль права, которая не входит в систему гражданского и семейного права [5, с. 56]. Сложно согласиться с данным мнением, поскольку нормы наследственного права носят комплексный характер. С одной стороны, наследование тесно связано с правом собственности — институтом гражданского права, но при этом в наследственных отношениях отсутствует товарно-денежный характер.

Исторически сложилось, что в Китае нормы права, которые регулировали переход имущества умершего лица, являлись частью брачно-семейного права, так как к наследованию могли быть призваны только близкие родственники умершего. Распределение имущества наследодателя происходило в семейном кругу, к которому он принадлежал при жизни. Отсутствовала какая-либо возможность составления завещания в пользу посторонних лиц.

На данный момент в Китае действует Закон Китайской Народной Республики «О наследовании» (далее по тексту — Закон КНР «О наследовании») от 1 января 1986 г. Он является базовым источником наследственного права.

Как известно, регулирование отношений в области наследственного права в Российской Федерации (далее по тексту — РФ) осуществляется в соответствии с Гражданским Кодексом Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ). Это представляет собой описание и разъяснение порядка наследования имущества, в том числе интеллектуальной собственности или авторских прав. Правовому регулированию авторского права в порядке наследования посвящен раздел V ГК РФ «Наследственное право».

Сначала может показаться, что Закон КНР о наследовании и законодательство Российской Федерации о наследственном праве похожи, но при более детальном рассмотрении следует сделать вывод, что они не идентичны.

К примеру, существенным отличием наследственного права Китая является то, что Законом КНР введены новые формы оформления завещания, которые неизвестны российскому законодательству о

наследовании. К ним относится — аудиозапись и устное завещание. Совершение завещания в форме аудиозаписи допускается при присутствии более чем двух свидетелей. При чрезвычайных обстоятельствах, которые угрожают жизни завещателя, он может сделать устное завещание в присутствии более чем двух свидетелей. Если завещатель остался жив, составленное им устное завещание утрачивает юридическую силу. Общие правила о форме завещания содержатся в ст. 17 Закона КНР «О наследовании».

В соответствии со ст. 1112 ГК РФ в состав наследства входят принадлежащие наследодателю на день открытия наследства вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности [2, с. 373]. Необходимо сделать уточнение, что наследование прав и обязанностей, которые неразрывно связаны с личностью умершего человека, полностью исключается. Личные неимущественные права и другие нематериальные блага не могут входить в состав наследства.

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и в законодательстве Китая. Несмотря на разные подходы к составлению нормативно правовых актов в двух странах, законодательство имеет одинаковый смысл. Так, в России перечисляется, что не может быть предметом наследования, в Китае же наоборот законодатель конкретизирует состав имущества, которое является объектом наследования. Но при этом, и в России и в Китае к понятию имущества не относится нематериальные блага, в том числе личные неимущественные права.

В соответствии со ст. 3 Закона КНР «О наследовании» наследство представляет собой индивидуальное законное имущество, оставшееся после смерти гражданина [3]. К нему относится: 1) доходы; 2) дом, денежные сбережения, предметы обихода; 3) деревья, скот, домашняя птица; 4) культурно-исторические ценности, печатные материалы; 5) средства производства, обладание которыми разрешено законом; 6) авторские права, права, вытекающие из патентного законодательства, имущественные права; 7) прочее законное имущество гражданина.

Авторские права делятся на имущественные (исключительные, которые наследуются) и личные неимущественные (они не наследуются, но могут охраняться наследниками автора) [6, с. 248]. Следует отметить, что в независимости от правовой системы, наследникам правообладателям нужно защищать неимущественные права автора произведения, например, при его воспроизведении без указания автора или при искажении самого произведения и т.д.

Согласно статье 1259 ГК РФ объектами авторских прав являются произведения науки, литературы и искусства независимо от достоинств и назначения произведения, а также от способа его выражения. В данной статье представлен широкий перечень объектов авторских прав, которые также включают и компьютерные программы.

Отношения в области авторского права в Китае урегулированы Законом Китайской Народной Республики «Об авторском праве». Ст. 3 данного закона относит к произведениям произведения литературы, искусства, естественных и технических наук, инженерно-технического творчества. Согласно законодательству КНР авторское право распространяется на произведения граждан, юридических лиц и иных организаций КНР, вне зависимости от того, обнародованы данные произведения или нет [4].

Аналогично законодательству РФ объекты авторского права Китая могут быть созданы в следующих формах: 1) литературные произведения; 2) устные произведения; 3) музыкальные, театральные, песенные, хореографические произведения, произведения циркового искусства; 4) произведения изобразительных искусств и архитектуры; 5) фотографические произведения; 6) кинофильмы и произведения, созданные способом, аналогичным кинопроизводству; 7) конструкторские чертежи, чертежи продукции, географические карты, эскизы и иные произведения в графической форме, а также модели; 8) программное обеспечение; 9) иные произведения, установленные законодательством, подзаконными актами.

Необходимо определить объекты интеллектуальной собственности. В РФ состав исключительных прав шире и разнообразнее, чем в Китае. Например, в РФ к ним относятся права на коммерческие обозначения, селекционные достижения, товарные знаки, знаки обслуживания, коммерческую тайну, так называемые «нетрадиционные» объекты интеллектуальной собственности, в число которых входят топологии интегральных микросхем, селекционные достижения, коммерческая тайна, секреты производства (ноу-хау) и др. [1, с. 4]. В Китае же этот перечень ограничен лишь несколькими объектами интеллектуальной собственности: торговые марки, авторские права и патент.

Право авторства принадлежит автору данного произведения. Автором может быть как физическое лицо, создавшее произведение, так и юридическое лицо или организация. Юридическое лицо или организация признается свою ответственность за произведение, если произведение было создано под их руководством и выражает их творческий замысел.

В соответствии с ГК РФ (ст. 1144-1146), при отсутствии у наследодателя родственников первой и второй очередей, а также в случае, когда они добровольно отказались от наследства, отказались в пользу одного из членов семьи, являющихся наследниками последующих очередей, то третья и последующие очереди имеют право вступить в наследство и стать правообладателями авторских прав. Аналогичное положение мы находим в Законе КНР О наследовании, где говорится, что при отсутствии наследников первой очереди призываются наследники второй очереди. Здесь единственным различием будет то, что в системе Китайского наследственного права различают лишь две очереди: первая и вторая, а в Российской системе их несколько больше: с первой по седьмую. Но при этом Закон КНР подчеркивает, что мужчины и женщины обладают равными правами при наследовании.

Законы защищают права родных детей и супругов, а также нетрудоспособных иждивенцев на обязательную долю в наследстве, если в завещании правообладатель ничего о них не указал.

При переходе авторского права в порядке наследования стоит уточнить, что наследник не становится владельцем самого произведения. Владелец авторского права (в т.ч. наследники) имеют возможность заработать на нематериальных благах любыми способами. К примеру, имея право на книгу, владелец авторства может сделать необходимое количество экземпляров для дальнейшей продажи, в результате чего получить прибыль.

Законодательство РФ прямо указывает, какие из авторских прав не переходят по наследству. Если при составлении завещания автор произведения указывал, какие действия нельзя совершать с его результатом интеллектуальной собственности, то такие права также не переходят по наследству. Например, наследодатель имеет право на запрет распространения или копирования объекта авторского права в течение определенного времени. Следует отметить, что в законодательстве РФ закреплено единственное право, запрещающее использование наследниками. Это право — менять имя автора на результат интеллектуальной деятельности. Например, запрещается подписывать картины, киноленты, фотографические произведения именем нового владельца.

Если результат интеллектуальной деятельности умершего человека передается нескольким наследникам, то они будут иметь равные права на данное произведение, и при этом будут считаться соавторами. При возникновении споров по поводу наследства между наследниками, они могут обратиться для разрешения спора в мировой суд.

Наследниками авторского права в РФ признаются физические и юридические лица, например авторское право, нередко, передается государству, музеям, предприятиям и т. д.

В соответствии со ст. 19 Закона КНР «Об авторском праве» если авторское право принадлежит гражданину, то после его смерти права, которые входят в содержание авторского права, передаются в соответствии с Законом КНР «О наследовании» в течение установленного настоящим Законом срока охраны авторских прав [4].

По другому будет решаться вопрос в случае, если авторское право принадлежит юридическому лицу или иной организации. После реорганизации или прекращения деятельности данных субъектов авторские права передаются другому юридическому лицу или организации, которые являются правопреемником и принимают права и обязательства прежнего правообладателя. При отсутствии такого преемника прав и обязательств данного юридического лица или организации, авторские права переходят государству.

Различием в двух правовых системах будет и то, что в России сроки вступления в наследство являются общими и составляют 6 месяцев с момента открытия наследства. В Китае же такие сроки не указаны, лишь имеется уточнение, что срок для возбуждения в суде споров о наследстве равен двум годам.

Срок охраны права авторства по законодательству РФ неограничен, то есть право авторства, право автора на имя и неприкосновенность произведения охраняются бессрочно. Законодатель отмечает, что автор сам при жизни может назначить лицо, которое после его смерти будет осуществлять охрану его личных неимущественных прав. Для этого нужно сделать указание в завещании. Этот человек вправе осуществлять данные полномочия пожизненно.

Что касается срока охраны права обнародования, личных и имущественных прав в КНР в отношении произведений, созданных физическим лицом, то такой срок является пожизненным, а также включает 50 лет после смерти автора. В случае если автором произведения является юридическое лицо или иная организация, срок охраны авторских прав составляет также 50 лет. Но при этом, Закон КНР «Об авторском праве» не обеспечивает охрану авторских прав, если произведение не было опубликовано в течение 50 лет после его создания.

Таким образом, краткий анализ законодательства Российской Федерации и Китайской Народной Республики позволяет сделать следующие выводы. Для начала нужно сказать, что наследственное

право Китая является комплексной отраслью и имеет отдельный нормативно правовой акт — Закон КНР «О наследовании». В отличие от Китая, наследственное право Российской Федерации является подотраслью гражданского права и регулируется ГК РФ.

Законодательство РФ более конкретизировано, что подтверждается положениями ГК РФ, регулирующего вопрос о наследовании. Но, невзирая на небольшой объем, Закон КНР «О наследовании» является действенным и соблюдается на всей территории Китая.

Нормы, регулирующие вопрос перехода авторского права в порядке наследования по своей правовой природе похожи в двух странах и имеют одинаковый смысл. Как уже говорилось выше, независимо от страны наследники правообладатели должны защищать неимущественные права автора произведения. Объекты авторского права существенно не отличаются, но состав исключительных прав в РФ шире и разнообразнее, чем в КНР.

Литература

1. Гаврилов Э.П. Наследование интеллектуальных прав // Патенты и лицензии, 2017. — № 4. — С. 4.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая, вторая, третья и четвертая. — Москва: Проспект, 2017. — С. 624.
3. Закон Китайской Народной Республики «О наследовании». — URL <https://chinahelp.me/> (дата обращения: 20.03.2019).
4. Закон Китайской Народной Республики «Об авторском праве». — URL <https://chinahelp.me/> (дата обращения: 20.03.2019).
5. Косарева И. Краткая характеристика наследственного права Китая // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права, 2008. — С. 56-64.
6. Черемных Г. Г. Наследственное право России, Учебник для магистров. — М.: Гриф УМО ВО, 2018. — С. 373.

Некоторые особенности оспаривания подозрительных сделок должника по законодательству Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки (сравнительный анализ)

© Н. Л. Васильева

магистрант 1-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»
Россия, г. Улан-Удэ
E-mail: Nadya_vasiljeva@mail.ru

В статье анализируется механизм оспаривания подозрительных сделок должника. Проводится сравнение законодательства о банкротстве Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки.

Ключевые слова: банкротство, оспаривание сделок, подозрительная сделка, конструктивное мошенничество, фактическое мошенничество, недействительность сделки, должник, кредитор.

The article analyzes the mechanism for challenging the suspicious transactions of the debtor. A comparison is made of the bankruptcy laws of the Russian Federation and the United States of America.

Key words: bankruptcy, challenging transactions, suspicious transaction, constructive fraud, actual fraud, invalidity of the transaction, debtor, creditor.

Несмотря на регулярные изменения в законодательстве о несостоятельности (банкротстве) и неугасаемый интерес ученых-юристов, правоприменители и сегодня испытывают трудности при практической реализации конкурсного оспаривания сделок.

Основной причиной возбуждения дел о банкротстве, естественно, выступают нестабильные социально-экономические отношения в обществе. Однако на практике нередко возникают ситуации, когда анализ хозяйственной деятельности должника в преддверии несостоятельности вызывает некоторые сомнения в его добросовестности.

Оспаривание сделок должника в деле о банкротстве в мировой практике является одним из основных механизмов защиты прав кредиторов, а в некоторых случаях — и самого должника [4, с.4]. Согласно российскому законодательству, для признания сделок должника недействительными существуют следующие основания:

1. общие основания, предусмотренные Гражданским кодексом РФ;
2. специальные основания, закрепленные в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)».

В рамках данной статьи остановимся более подробно на специальных основаниях, а именно на оспаривании подозрительных сделок должника.

В Соединенных Штатах Америки Кодекс о банкротстве (Bankruptcycode) также предусматривает возможность признания недействительными сделок должника. По аналогии с российским законодательством, подозрительные сделки в США именуется «мошенническими передачами и переводами» [2, п. 548].

Прежде всего, следует отметить, что Закон о банкротстве в РФ подразделяет подозрительные сделки на объективно подозрительные и субъективно подозрительные сделки. В американской же системе рассматриваемый вид сделок принято делить на конструктивное мошенничество и фактическое мошенничество.

Объективно подозрительной сделкой в РФ признается сделка, совершенная при неравноценном встречном исполнении обязательств другой стороной. Закон о банкротстве не дает точного определения понятия неравноценного встречного исполнения, указывая лишь на то, что таковым будет признаваться, в частности, любая передача имущества или иное исполнение обязательств, если рыночная стоимость переданного должником имущества или осуществленного им иного исполнения обязательств существенно превышает стоимость полученного встречного исполнения обязательств, определенную с учетом условий и обстоятельств такого встречного исполнения обязательств [5, ст. 61.2]. Следовательно, «неравноценность» в данном случае носит оценочный характер, что, естественно, является причиной возникновения практических и теоретических проблем.

Кроме того, при оспаривании сделки следует обращать особое внимание не только на формальность равноценного встречного исполнения, но, прежде всего, на фактический характер исполнения. То есть, сделка может быть оспорена в случае, если должнику на момент ее заключения было известно, что у контрагента по сделке нет и не будет имущества, достаточного для осуществления им встречного исполнения. Такие разъяснения приведены в п. 8 постановления Пленума ВАС РФ № 32 [3, п.8].

И если вопрос оценки рыночной стоимости сделки еще представляется относительно разрешимым, то вопрос учета условий и обстоятельств вызывает гораздо больше проблем на практике. Как правило, судьба такой оспариваемой сделки полностью разрешается по усмотрению судьи.

Справедливым будет отметить и тот факт, что в перечень оспариваемых по рассматриваемому основанию сделок могут попасть и вполне законные сделки, которые были заключены на выгодных условиях, если впоследствии контрагент окажется в процедуре банкротства и арбитражный управляющий усмотрит в такой сделке неравноценность исполнения [1].

Например, компания «А» производит офисную мебель. В результате высокой конкуренции и низкого спроса она оказывается в сложной финансовой ситуации, однако еще не имеет задолженностей перед контрагентами, следовательно, никто не может знать о неблагополучии фирмы. Руководством компании принято решение о понижении стоимости продукции на 25-30%. Компанию «Б» такое предложение заинтересовало. В результате были заключены долгосрочные договоры с предварительной оплатой. Однако в отношении компании «А» все же была введена процедура банкротства и арбитражный управляющий счел заключенные сделки недействительными. И, несмотря на то, что компания «Б» не было известно о сложившейся финансовой ситуации ее контрагента, несмотря на отсутствие цели навредить должнику, совершенные сделки все же могут быть признаны недействительными по причине наличия объективного фактора — существенно заниженная цена договора. Нарушение прав добросовестного участника гражданских правоотношений очевидно так же, как и противоречие норм гражданского законодательства и законодательства о банкротстве.

Конструктивное мошенничество в США акцентирует внимание непосредственно на передаче имущества. При оспаривании таких сделок основной вопрос состоит в том, было ли получено «разумное встречное предоставление». Понятие «разумности» американский законодатель нам также не поясняет, тем самым правоприменитель сталкивается с подобными проблемами, как и российский при оценке «неравноценного встречного исполнения».

Также Кодекс о банкротстве США предусматривает, что сделка может быть признана недействительной в случаях, если должник:

- на дату совершения сделки являлся неплатежеспособным или стал таковым в результате ее совершения. Неплатежеспособность здесь рассматривается в каждой конкретной ситуации исходя из анализа баланса должника;
- осуществлял деятельность или заключал сделку или намеревался осуществлять деятельность или заключать сделку, для которой любое имущество, оставшееся у должника, было необоснованно

небольшим капиталом. «Необоснованно небольшой капитал», опять же, оценочная категория, складывающаяся из анализа финансового состояния должника до момента заключения сделки, из сравнения должника с аналогичными компаниями и т.д. Кроме того, суды заключают, что наличие причинно-следственной связи между необоснованно небольшим капиталом и сделкой обязательно;

- намеревался взять или считалось, что должник возьмет на себя долги, погашение которых будет невозможным;

- осуществил передачу в интересах инсайдера за пределами рамок обычной хозяйственной деятельности.

Данное сравнение позволяет сделать вывод о наличии сходных оснований для оспаривания сделок должника по российскому и зарубежному законодательству, тем не менее, американский кодекс представляет более широкий перечень для такого рода сделок.

В РФ оспариваться могут объективно подозрительные сделки, совершенные должником в течение одного года до принятия заявления о признании банкротом или после принятия указанного заявления, в США такой срок составляет два года. [5, ст. 61.2]

Субъективно подозрительной сделкой по российскому законодательству в сфере банкротства признается сделка, совершенная должником с целью причинения вреда кредиторам. Цель причинения вреда, намерение — еще более сложная с точки зрения доказывания категория. В этой связи отечественный законодатель применяет двухступенчатую систему презумпций.

Первая ступень презумпции — наличие доказательства совершения сделки после возникновения признаков неплатежеспособности или недостаточности имущества.

Вторая ступень презумпции базируется на первой и характеризуется наличием одного из следующих признаков сделки или же качеств должника по сделке:

- сделка носит безвозмездный характер;

- сделка совершена в отношении заинтересованного лица. Стоит отметить, что контрагент может и не обладать сведениями о своей заинтересованности, но, вместе с тем, данный факт не является основанием, препятствующим признанию сделки недействительной. Следует помнить — и прежде всего кредиторам, что с момента осуществления арбитражным управляющим полномочий руководителя должника к числу заинтересованных лиц также будут относиться родственники этого арбитражного управляющего;

- сделка направлена на выплату (выдел) доли (пая) в имуществе должника учредителю (участнику) должника в связи с выходом из состава учредителей (участников) должника;

- сделка превышает или равна сумме 20 процентов балансовой стоимости активов должника;

- должник изменил свое место жительства или место нахождения без уведомления кредиторов непосредственно перед совершением сделки или после ее совершения;

- должник скрыл свое имущество, уничтожил или искажил правоустанавливающую документацию, бухгалтерскую, учетную и (или) иную, ведение которой предусмотрено законодательством РФ. Законодательно не определено, что именно следует понимать под сокрытием, что также создает сложности при применении норм на практике. Кроме того, уничтожение или искажение документации могло произойти в результате умысла должника, а могло и в результате ненадлежащего хранения или обращения. Не совсем понятно, какие именно искажения следует принимать во внимание. Поэтому рассматриваемый признак опять же носит весьма оценочный характер и сложен в доказывании.

- должник продолжает осуществлять пользование и (или) владение данным имуществом либо давать указания его собственнику об определении судьбы этого имущества (наличие признаков приговорности сделки).

Бремя доказывания перечисленных обстоятельств лежит на заявителе по сделке. То есть, недобросовестность должника и контрагента в виде причинения вреда кредиторам не может быть установлена, пока заявитель не докажет это в рамках дела о банкротстве.

Фактическое мошенничество по законодательству США также подразумевает передачу имущества должником, где основная цель — реальное намерение причинить вред кредиторам. В отличие от российской двухступенчатой системы презумпций, для установления фактического намерения должника нанести вред, американскими судами были разработаны так называемые «знаки мошенничества». Они рассматриваются в качестве косвенных доказательств по делу, но не являются окончательными. Среди них выделяются:

- передача в пользу инсайдера или члена семьи должника;

- сохранение контроля со стороны должника или владение переданным имуществом;

- факт сокрытия передачи;

- нахождение должника в судебных разбирательствах в период осуществления передачи;

- передача всех или большей части активов должника;
- использование фиктивных или скрытых лиц для совершения сделки.

Анализ двух систем позволяет сделать вывод о наличии большого количества сходных признаков при установлении фактического намерения должника нанести вред, однако главное отличие здесь в том, что по американскому законодательству осведомленность приобретателя о цели должника и его платежеспособности на момент совершения сделки правового значения не имеет.

Оспариваться могут субъективно подозрительные сделки, если они совершены, во-первых, в течение трех лет до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом, во-вторых, после принятия указанного заявления. В Америке установленный срок для оспаривания аналогичных сделок — два года.

Таким образом, рассмотрев некоторые особенности оспаривания подозрительных сделок должника по законодательству двух стран, можно сделать следующий вывод. Несомненно, институт оспаривания сделок должника является одним из самых проблемных мест в сфере банкротства, он нуждается в более детальном изучении со стороны лиц, участвующих в данных правоотношениях, и в комплексной доработке со стороны законодателя. Однако, несмотря на все возникающие трудности, на сегодняшний день механизм оспаривания сделок должника выступает одним из наиболее действенных способов пополнения конкурсной массы, следовательно, наиболее полного удовлетворения требований кредиторов.

Литература

1. Иванова Т.К. Особенности недействительности сделки несостоятельного должника // Вестник ВУиТ. — 2018. — № 2. Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-nedeystvitelnosti-sdelki-nesostoyatel'nogo-dolzhnika> (дата обращения: 03.04.2019).
2. Кодекс о банкротстве США // Режим доступа: URL: <https://www.usbankruptcycode.org/> (дата обращения: 02.04.19).
3. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.04.2009 № 32 (ред. от 30.07.13) «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок, по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» // Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87869/ (дата обращения: 02.04.19).
4. Телюкина М. Недействительность сделок должника, находящегося в процессе производства по делу о несостоятельности (банкротстве) // приложение к № 8 ежемесячного юридического научно-практического журнала «Хозяйство и право». — 2014. — 64 с. Режим доступа: URL: <http://www.hozpravo.ru/assets/files/pdf/2014-08-p.pdf> (дата обращения: 03.04.2019).
5. Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 27.12.18) «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета. — 2002. — № 3077. — 2 ноября.

Особенности ограничения права частной собственности в России, Китае и Японии

© Н. В. Казанцева

канд. пед. наук, доцент

Иркутский юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации,

Восточно-Сибирский филиал Российского государственного

университета правосудия,

Россия, г. Иркутск,

E-mail: Kazanseva.inet@inbox.ru

В статье представлена сравнительная характеристика ограничения права частной собственности в России, Японии и Китае. Определена актуальность представленной проблемы.

Ключевые слова: право собственности, ограничение права, частная собственность, экспроприация.

The article presents a comparative description of the restriction of private property rights in Russia, Japan and China. The urgency of the presented problem is determined.

Key words: ownership, restriction of rights, private property, expropriation.

В настоящее время существует объективная потребность совершенствования механизма правового регулирования института частной собственности в России, в том числе с помощью заимствования эффективного опыта правовых систем других государств. Проблема ограничения права

частной собственности актуальны в связи с необходимостью соблюдения баланса интересов частных лиц и государства. В. А. Микрюков считает, что свобода собственника не может быть безграничной, иначе может наступить произвол при осуществлении права [5], поэтому в высших законодательных актах и других законах различных государств прописаны ограничения при осуществлении права частной собственности.

В рамках статьи рассмотрим сравнительную характеристику механизмов ограничения права частной собственности в России, Китае и Японии. Институт права собственности Китая регулируется Конституцией Китая, законом «О вещном праве» от 2007 г., общими положениями гражданского права КНР. В российском законодательстве институт права собственности регулируется с помощью Конституции РФ, кодифицированного нормативно-правового акта — Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ и изменениями в этот правовой акт. В Японии институт права собственности в отрасли вещного права представлен в Конституции и Гражданском кодексе Японии.

Во всех Конституциях перечисленных стран право частной собственности является фундаментальным правом, охраняемым государством и являющимся неприкосновенным. В Японии это право закреплено в ст. 29, в Китае — ст. 13, в России — ст. 35. Однако, несмотря на конституционные гарантии защиты одного из фундаментальных прав человека и личности, в основном законе Японии определяются случаи ограничения такого права. В Конституции Японии (ст. 29) прописано, что частное имущество может быть использовано в интересах государства. А в соответствии с Законом об экспроприации земли [2] определяются условия выкупа земли в публичных целях. При этом предусматривается обязательная справедливая денежная компенсация потерь, связанных с отчуждением имущества (ст. 70 ч. 6 Закона об экспроприации).

Согласно статье 71 (ч. 6 Закон об экспроприации) цена компенсации на отчуждаемую землю рассчитывается на основе рыночной стоимости подобной земли в ближайшем районе. Дата расчёта устанавливается исходя из даты уведомления о принятии проекта с корректировкой в сторону увеличения к дате принятия соответствующего постановления, являющимся основанием для перехода прав собственности. Здесь следует подчеркнуть особую правовую ответственность при обладании правом, закреплённую в Конституции Японии, как то, что «основные права, гарантируемые народу Конституцией», должны быть использованы при условии воздержания «от каких бы то ни было злоупотреблений этими правами и свободами» [4, с. 192] в целях защиты общественных и государственных интересов. Согласно Конституции Японии (ст. 29.) «право собственности определяется законом, с тем, чтобы оно не противоречило общественным интересам», а провозглашённые права и свободы «должны поддерживаться постоянными усилиями народа», что по мнению, В. В. Маклакова является декоративным украшением права [4, с. 189]. По мнению М. В. Каураковой, это означает, что недопущение нарушения и обеспечение защиты основных прав человека находятся в сфере общественных или публичных интересов государства [3, с. 45].

В Конституции Китая также оговаривается ограничение на право частной собственности, где государство может реквизирует и использовать частную собственность граждан с условием выплаты соответствующей компенсации при наличии общественных нужд. Вообще отбор частной собственности, по мнению М. Ю. Коростикова, благодаря исторически сложившемуся особому «восточному» типу имущественных отношений, характеризующихся контролем над собственностью в первую очередь «власть предрержащих», в Китае считается жестокой, но в целом оправданной мерой, призванной помешать усилению роли отдельных корпораций или частных лиц [5, с. 50]. Однако, в 2007 году в Китае появился закон о защите частной собственности, давший корпорациям гарантии во владении частной собственностью и подавляющий интересы мелких фермеров и крестьян. Так, крестьяне, земля которых находилась в коллективной собственности, выселяемые со своей земли государственными структурами в целях поддержки частных корпораций и бизнеса, не получали компенсации в должном размере и не имели достаточных прав на землю (владение на правах аренды), чтобы претендовать на справедливую компенсацию. В среднем в период начала действия представленного закона компенсация за 1 акр земли составляла примерно в 40 раз меньше её реальной рыночной стоимости [8].

В Конституции РФ ограничение права устанавливается по решению суда. Так, в ГК РФ одним из оснований прекращения права собственности в качестве его принудительного изъятия являются государственные или муниципальные нужды (ст. 235 пп. 3.2 ГК РФ).

Согласно внедрению в Гражданский Кодекс нового принципа добросовестности (п. 3,4 ст. 1 ГК РФ) ограничение права собственности в РФ может возникнуть на основании признания судом несоблюдения этого принципа при осуществлении права.

В сравниваемых странах существует либо полное, либо частичное ограничения права пользоваться землёй в целях охраны интересов государства, природных ресурсов. При осуществлении прав собственника пользования земельным участком в России собственник ограничивается целевым назначением (п. 2 ст. 261 ГК РФ). По смыслу статьи целевое назначение предназначено в целях защиты земельных и природных ресурсов, охраны окружающей среды, сохранения плодородных свойств почвы (ст. 56 ЗК РФ), что вполне оправдано. По мнению Г. А. Гаджиева, регулирование землепользования, установление правил целевого использования земли, а также предельных размеров земельных участков в частной собственности представляют собой не ограничение права частной собственности на землю, а уточнение содержания этого права [1, с. 22].

В Китае право собственности на землю полностью ограничено, вся земля принадлежит государству (ст. 10 Конституция КНР), а частные владельцы могут только брать землю в аренду с правом владения, правда на довольно длительный срок с правом автоматического продления аренды. Только в 1989 году поправкой в Конституцию было принято разрешение передачи прав собственности на землю. Основа данного ограничения лежит в историческом аспекте. На протяжении долгих лет проблемы владения землёй в Китае и получаемые от этого дивиденды были причиной войн и длительных распрей, поэтому правительство Китая, опасаясь обострения земельного вопроса при возможности частной собственности на землю, обострения конфликтов и несправедливого распределения земельных природных ресурсов оставляет право собственности на землю прерогативой государства.

В Японии, учитывая крайне ограниченную площадь сельскохозяйственных земель, государство стремится проводить довольно жёсткую политику по охране этих земель. В частности, земельное законодательство Японии не разрешает приобретение и аренду сельскохозяйственной земли, если владелец не имеет специального статуса «физического сельскохозяйственного лица», ограничивается общая площадь сельхозугодий, предъявляются требования к лицу, претендующему на владение землёй в виде соответствующей квалификации, финансовых и ряда других возможностей для эффективного ведения хозяйства [7, с. 41].

Таким образом, что современное право собственности подвержено ограничениям, исходя из общественных интересов. Из этого следует, что для понимания социальной функции права собственности необходимо учитывать историческую эволюцию правовой системы каждого государства и особенности правового регулирования частного и публичного права, особенности и направления экономического развития, существующую политическую систему, багаж правовых традиций и обычаев, особенности менталитета.

Литература

1. Гаджиев Г.А. Основные конституционные принципы и их значение для регулирования отношений частной собственности // Закон. — 2009. — № 11. — С. 21–23.
2. Закон об экспроприации (обязательном выкупе земли) № 219 от 1951 г.
3. Кауракова М.В. Основы ограничения прав собственности в Японии // Евразийская адвокатура. — 2017. — № 6 (31). — С. 44–50.
4. Конституция зарубежных государств: учеб. пособие. — М.: Волтерс Клувер, 2010. — 656 с.
5. Костиков М.Ю. Власть и собственность в Китае // Сравнительная политика. — 2015. — № 2 (19). — С. 50–65.
6. Микрюков В.А. Содержание ограничений и обременений права собственности [Электронный ресурс] // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2011. — Вып. 2 (12). Режим доступа: <http://www.jurvestnik.psu.ru/index.php/ru/vipusk2122011/9-2010-12-01-13-31-58/-2-12-2011/128-2011-2-16> (25.01.2019).
7. Назаренко В.И. Зарубежный опыт функционирования земельного рынка // Имущественные отношения в РФ. — 2003. — № 9 (24). — С. 35–44.
8. Lee, P. (2012) 'A Land Grab Epidemic: China's Wonderful World of Wukans', Council on Foreign Relations, available online 22.11.14 at <http://blogs.cfr.org/asia/2012/02/07/a-land-grab-epidemic-chinaswonderful-world-of-wukans> (25.01.2019).

Институт представительства в гражданском праве России и Китая

© В. И. Калашникова

студент 3-го курса
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
Россия, г. Улан-Удэ
E-mail: kvikai@mail.ru

© Э. Б. Цыбикова

студент 3-го курса
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
Россия, г. Улан-Удэ
E-mail: erzhenal111@outlook.com

Статья посвящена сравнительной характеристике института представительства в гражданском праве Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Особое внимание обращается на правовую основу функционирования данного института двух государств, выявление как идентичных, так и различных черт. На основе анализа гражданского законодательства России и Китая, мы сделали вывод, что внесение в гражданское законодательство России статей об ответственности в сфере представительства предоставит возможность субъектам более эффективно реализовывать свои права и интересы в гражданских правоотношениях.

Ключевые слова: институт представительства, доверенность, агент, представитель, гражданское законодательство.

This article is devoted to comparative characteristics of the institute of representation of civil rights in the Russian Federation and the People's Republic of China. Particular attention is paid to the legal framework of the institution of the two states. We concluded that Russian civil law should include clauses on responsibility in the field of representation, which makes it possible to most effectively protect our rights and legitimate interests.

Key words: institute of representation, power of attorney, agent, representative, civil law.

В современном мире трудно переоценить роль института представительства в жизни общества. Для юридических лиц представитель является своеобразным олицетворением, лицом организации, в которой работает множество людей, чьи взгляды могут не всегда совпадать в отдельных вопросах, но интересы едины, они стремятся к одной цели. Представитель для юридического лица является важным звеном, ведь именно он представляет интересы организации в гражданско-правовых отношениях с другими субъектами и от его действий зависят гражданско-правовые последствия для юридического лица. Для физических лиц представитель также представляет особую ценность, потому что он помогает людям реализовать свои права, начиная с простой помощи в получении заработной платы, когда для человека не представляется возможным получить ее самостоятельно, заканчивая представительством в суде, ведь не все люди обладают достаточными юридическими знаниями, чтобы суметь реализовать и защитить свои права.

И в России, и в Китае граждане и юридические лица могут осуществлять гражданско-правовые действия через представителей. Представитель в пределах своих полномочий совершает действия от имени представляемого, что закреплено в гражданских законодательствах России и Китая [1, 2]. На данный момент в китайском праве отсутствует единый кодифицированный документ гражданского права, вместо него главную роль в правовом регулировании данных правоотношений играют Общие положения гражданского права КНР, принятые 12 апреля 1986 года. В последнее время говорят о возможном принятии первого Гражданского кодекса КНР в 2020 году. В июне 2016 года глава комиссии по законодательству Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Ли Шиши заявил: «Первые нормы кодекса могут быть приняты в 2017 году, а весь документ — в марте 2020 года» [5]. И действительно правовое регулирование представительства в Китае претерпело определенные изменения с 1 октября 2017 года. Место главы о представительстве в Общих положениях, а также отдельные характеристики свидетельствуют о тенденции к изменению законодательства по соответствующей англо-американской модели [6, с. 219].

В китайском законе употребляются два понятия, которые можно перевести на русский язык как «представитель». Это 法定代理人 (для удобства мы будем называть его *агентом*) и 法定代表人 (*представитель*). Попытаемся выяснить разницу между этими двумя понятиями.

Существует также другое понятие, а именно *представитель юридического лица* (法人代表, что дословно переводится как «юридическое лицо» и «представительство»), которое имеет существенные

отличия от 法定代表人 (дословно переводится как «установленный законом представитель»). В соответствии со статьей 38 Закона об «Общих положениях гражданского права КНР» 法定代表人 (*представитель*) — это лицо, ответственное за осуществление гражданских прав и исполнению гражданских обязанностей юридического лица [2]. *Представитель* обязательно является ответственным человеком за свою представительскую деятельность, отдельным сотрудником, в чьи полномочия входят обязанности представительства [7]. Подобно менеджеру предприятия или директору завода, *представитель* является работником предприятия. В качестве *представителя юридического лица* выступает его руководитель, который формирует волю организации, но все процедуры по ее выражению лежат на плечах *представителя*. Его действия являются действиями юридического лица. Оно несет гражданскую ответственность за деятельность *представителя*. Стоит заметить, что данный термин встречается только в третьей главе «Юридические лица» Общих положений гражданского права КНР, что навеивает на мысль, что *представитель* может быть лишь в составе юридического лица.

Таким образом, 法定代表人 (*представитель*) является своеобразным сотрудником юридического лица и представляет его интересы на неопределенный срок. В России роль *представителя* выполняет руководитель юридического лица, а в Китае пытаются придать *представителю* (法定代表人) особый статус. Руководитель юридического лица формирует его волю, определяет интересы, а *представитель* уже выражает их и представляет от имени юридического лица в гражданских отношениях. 法定代理人 (*агент*) представляет интересы лица в соответствии с возложенными на него правами и обязанностями на определенный срок. Его статус более похож на представителя в России.

Если же лицо осуществляет представительские полномочия, но не связано с юридическим лицом ничем, кроме договоренности, такое лицо считается *агентом*. Согласно статье 63 Закона об «Общих положениях гражданского права КНР», граждане, юридические лица могут совершать гражданско-правовые действия через *агентов* (法定代理人). Он заменяет физическое или юридическое лицо в действиях по реализации гражданских прав и исполнению обязанностей [2]. Когда *агент* представляет интересы физического лица, он обязательно должен обладать юридической дееспособностью; когда *агент* представляет интересы юридического лица, его действия должны соответствовать законам, положениям, целям и сфере деятельности юридического лица. *Агент*, исходя из принципов и характера своей деятельности, не может отождествлять свои интересы и интересы представляемого лица в юридических актах, то есть *агент* не может от имени представляемого действовать в своих интересах, *агент* не может одновременно выступать за обе стороны в одном гражданском правоотношении.

Основное отличие между *агентом* и *представителем* заключается в следующем: *представитель* является важным сотрудником юридического лица, а *агент* осуществляет права и исполняет обязанности другого лица лишь в конкретных случаях, установленных законом или соглашением [3].

Также существует различие между *агентом* (法定代理人) и *судебным агентом* (诉讼代理人). У них разная сфера деятельности и разный объем полномочий, предоставляемый доверителем. *Агент* может назначаться по закону и действовать на основании доверенности, а *судебный агент* только по доверенности. *Агент* может представлять интересы недееспособных, ограниченно дееспособных лиц, *судебный агент* — только дееспособных. *Судебный агент* может представлять интересы доверителя только в суде [8].

В Общих положениях гражданского права КНР в статье 64 выделяют представительство по доверенности, представительство по закону и представительство по назначению. *Агент* по доверенности использует представительские полномочия в соответствии с доверенностью; законный представитель использует представительские полномочия в соответствии с нормами законодательства (такowymi являются, например, родители, опекуны и попечители несовершеннолетних детей); агент по назначению использует представительские полномочия по решению народного суда или компетентного органа (например, опекун недееспособного) [2].

В российском праве выделяют два вида представительства: договорное или добровольное, основанием которого является доверенность, и обязательное (законное). Пример, в Законе об опеке и попечительстве четко указано, что при установлении опеки над малолетними и гражданами, признанными судом недееспособными, возникают отношения представительства. Однако из смысла статьи 182 ГК РФ можно обязательное представительство разделить на представительство, основанное на указании закона, и представительство, основанное на акте уполномоченного на то государственного органа или органа местного самоуправления.

И российское, и китайское законодательство не допускают совершение представителем и агентом сделок, которые по своему характеру могут быть совершены только лично самим представляемым лицом.

В отличие от российского законодательства Общие положения гражданского права КНР в статье 65 предусматривают не только письменную, но и устную форму доверенности [2]. Ни в Общих положениях, ни в проекте будущего Гражданского кодекса КНР не говорится о нотариальной форме доверенности. В случае составления письменной доверенности, она должна быть подписана доверителем или к ней должна быть приложена его личная печать.

В Китае, как и в России, доверенность должна содержать срок ее действия, но в отличие от нашего законодательства, в Поднебесной законодатель не определяет срок действия доверенности, если он не указан в самом документе (в России этот срок составляет один год).

Общие положения гражданского права Китая и проект Гражданского кодекса КНР особое внимание уделяют ответственности в отношениях представительства. Предусмотрена ответственность доверителя и агента, если доверенность не будет подтверждать полномочий. Согласно статье 65 представляемое лицо будет нести гражданскую ответственность перед третьими лицами, а на агента будет возложена солидарная ответственность. Если агент действовал без представительских полномочий, с превышением своих полномочий или после их окончания, то возможно два варианта. Если доверитель признает эти действия действительными, он понесет гражданскую ответственность за это. Если же доверитель не признает действия действительными, то ответственность возлагается на того, кто эти действия совершил. А если третье лицо знало об этих обстоятельствах и все равно совершило с агентом гражданско-правовые действия, то оно будет нести солидарную ответственность. Однако проект Гражданского кодекса КНР в статье 171 гласит, если агент действовал при таких обстоятельствах и не получил согласия или признания доверителя, его действия признаются ничтожными [4].

Агент также несет гражданскую ответственность в случае неисполнения своего долга и причинения ущерба представляемому лицу, если он в сговоре с третьими лицами нанес ущерб интересам своего доверителя (в этом случае он и третье лицо будут нести солидарную ответственность). Агент и представляемое лицо будут нести солидарную ответственность, если полномочия доверенности нарушают нормы законодательства.

Российское законодательство открыто о гражданско-правовой ответственности в отношениях представительства не заявляет. Гражданский кодекс РФ гласит, что все превышения полномочий или их отсутствие в действиях представителя считаются сделками, заключенными от имени представителя, а не доверителя, соответственно все гражданско-правовые последствия ложатся на плечи представителя и он уже будет обязан возмещать убытки.

Таким образом, можно сделать вывод, что китайское законодательство всеми силами старается защитить права и законные интересы не только представляемого лица, но и агента, и третьих лиц. Действия данных субъектов должны соблюдать закон, а в случае его нарушения законодатель устанавливает ответственность правонарушителей. Солидарная ответственность доверителя и агента обеспечивает взаимный контроль за действиями друг друга. Российское законодательство не устанавливает ответственности доверителя.

Представительство и в Китае, и в России прекращается при схожих условиях: истечении срока доверенности, отмене доверенности лицом, выдавшим ее, отказе представителя (агента) от полномочий, прекращении юридического лица, смерти представляемого лица или представителя (агента). Однако ГК РФ предусматривает и другие обстоятельства, например, признание доверителя или представителя недееспособным, ограничено дееспособным или безвестно отсутствующим. Гражданское законодательство Китая говорит лишь о потере агентом гражданской дееспособности, а не доверителя, так как человек с неполной дееспособностью может выступать в качестве представляемого (например, несовершеннолетние дети). Также в России в качестве условия прекращения доверенности признается такая процедура банкротства представителя или представляемого лица, при которой лицо утрачивает право самостоятельно выдавать доверенности. В китайском законодательстве такого условия нет. Однако Общие положения гражданского права Китая предусматривают отдельные условия прекращения представительства по закону или по назначению, а именно: приобретение или восстановление гражданской дееспособности представляемого лица и отмена представительства по решению народного суда или компетентного органа.

Можно сделать вывод, что институт представительства в России и Китае имеет много общего, однако по мнению ученых в Китае наблюдается тенденция к сближению с западноевропейскими правилами в этой области [6, с. 222] и тенденция к приобретению представителем юридического лица особого статуса. По нашему мнению, внесение в гражданское законодательство РФ положений об

ответственности в рамках представительских отношений способствовало бы более осознанному подходу лиц при их реализации.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Общие положения гражданского права КНР от 12 апреля 1986 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/06/content_4470.htm (2 апреля 2019).
3. Отличия между представителем и агентом в Китае [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://wenku.baidu.com/view/2e33f60b4b35eefdc9d33315.html> (2 апреля 2019).
4. Проект Гражданского кодекса КНР от 15 марта 2017 года [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/中华人民共和国民法典/19435116> (2 апреля 2019).
5. СМИ: Китай может принять первый гражданский кодекс в 2020 году [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3409379> (2 апреля 2019).
6. Чмелева Т.А. О некоторых аспектах института представительства по законодательству России, Китая и Монголии / Т.А. Чмелева // Актуальные проблемы современной юридической науки и практики: материалы Международной научно-практической конференции: к юбилею доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Юрия Ильича Скуратова (Улан-Удэ, 14 июня 2017 г.) — Улан-Удэ, 2018. — С. 218-223.
7. Представитель юридического лица — это директор? [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://zhidao.baidu.com/question/1958030650998609900.html> (10 апреля 2019).
8. Отличия между агентом и судебным агентом [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.lawtime.cn/info/minfa/dlfadingdl/201311142872088.html> (10 апреля 2019).

Институт лишения родительских прав в странах Содружества Независимых Государств: на примере Республики Казахстан и Российской Федерации

© А. В. Клементьев

магистрант 1-го курса

ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: andreymayakv@gmail.com

На сегодняшний момент количество лишений родительских прав в России значительно превышает число восстановлений в указанных правах. При этом достаточно много детей остаются без родительского внимания и заботы. Для повышения эффективности правового регулирования общественных отношений существенное значение в эпоху общемировой глобализации сегодня приобретает компаративистика правовых исследований.

Ключевые слова: компаративистика, лишение родительских прав, семейное законодательство Казахстана и России.

To date, the number of deprivations of parental rights in Russia significantly exceeds the number of restorations in these rights. At the same time, many children are left without parental attention and care. To improve the efficiency of legal regulation of social relations in the era of global globalization, comparative legal research today acquires significant significance.

Key words: comparativistics, deprivation of parental rights, family law of Kazakhstan and Russia.

Важным составляющим звеном в семье, без преувеличения, являются дети. Отношения родителей и детей в семье есть не что иное, как определённые социальные связи, охватывающие как тех, так и других. Семья же представляет собой основную ячейку нашего общества, для жизнедеятельности которого существенное значение имеет воспитание и развитие ребёнка в кровнородственных узах. Однако некоторые родители предпочитают не заниматься своими детьми. Зачастую, бывают ситуации, когда родительские действия (бездействие) вступают в противоречие с интересами несовершеннолетнего, в связи с чем возникает необходимость в его правовой защите.

Для повышения эффективности правового регулирования общественных отношений существенное значение в эпоху общемировой глобализации сегодня приобретает компаративистика правовых исследований, поэтому в данном исследовании хотелось бы отразить основные черты института лишения родительских прав по семейному законодательству России и Казахстана в их сходстве и различии.

История двух стран, в настоящее время участников Содружества Независимых Государств, показывает достаточно близкие и тесные отношения сотрудничества и взаимодействия на протяжении уже нескольких веков. Такое партнерство ранее в прошлом и сейчас в настоящем осуществляется по многим направлениям, будь то экономическая, политическая, социальная, культурная сферы. Безусловно, чтобы обеспечить максимально эффективные условия для совместного развития по всем вышеназванным направлениям, необходимо очень гармонично проводить национальную и международную правовую политику.

Объединенные общей судьбой, имея большой опыт построения государства социалистического типа, нетрудно заметить, что национальное право Казахстана и России развивалось и продолжает развиваться по весьма схожему сценарию.

В качестве яркого примера можно привести положения, нормативно характеризующие основные признаки государственного строительства, из двух Основных законов:

1. Часть 1 статьи 1 Конституции Российской Федерации провозглашает Россию демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления. В соответствии со статьей 2 «человек, его права и свободы являются высшей ценностью». И далее: «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства». Статья 3 нормативно закрепляет, на наш взгляд, основу института семьи и защиты прав детей. Российская Федерация охраняет материнство и детство (часть 1 статьи 38). Определено, что «забота о детях, их воспитание — равное право и обязанность родителей» (часть 2 статьи 38) [1].

2. Обратимся к Основному закону – Конституции Республики Казахстан. Нормативно в части 1 статьи 1 закрепляется следующая характеристика государства: «Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы». Часть 1 статьи 27 содержит следующее важное положение: «брак и семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства». В части 2 сказано, «забота о детях и их воспитание являются естественным правом и обязанностью родителей» [2].

Из двух приведенных норм Конституций следует, что обе страны ставят приоритетным направлением развитие по демократическому правовому пути, красной нитью которого являются права, свободы и интересы каждого человека. Вместе с тем, отражение в Конституции Казахстана, что под защитой государства находится не только материнство, но и отцовство, представляется наиболее верным, исходя из принципа равенства прав и обязанностей родителей.

Статья 69 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [3] и статья 75 Кодекса Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» (далее – КоБСиС) [4] содержат основания лишения родительских прав. Для более полного раскрытия их содержания необходимо обратиться к актам толкования норм права высшими судебными органами двух государств – Верховного Суда Российской Федерации (Постановление Пленума от 14 ноября 2017 г. № 44 [6]) и Верховного Суда Республики Казахстан (Нормативное Постановление от 29 ноября 2018 г. № 15 [7]). Проанализировав смысловую нагрузку, можно в целом сделать вывод об одинаковом подходе к нормативному определению оснований лишения прав родителя, но за некоторыми исключениями. Так, согласно статье 69 СК РФ – «родители (один из них) могут быть лишены родительских прав, если они:

- 1) уклоняются от выполнения обязанностей родителей, в том числе при злостном уклонении от уплаты алиментов;
- 2) отказываются без уважительных причин взять своего ребенка из родильного дома (отделения) либо из иной медицинской организации, образовательной организации, организации социального обслуживания или из аналогичных организаций;
- 3) злоупотребляют своими родительскими правами;
- 4) жестоко обращаются с детьми, в том числе осуществляют физическое или психическое насилие над ними, покушаются на их половую неприкосновенность;
- 5) являются больными хроническим алкоголизмом или наркоманией;
- 6) совершили умышленное преступление против жизни или здоровья своих детей, другого родителя детей, супруга, в том числе не являющегося родителем детей, либо против жизни или здоровья иного члена семьи» [3];

В соответствии со статьей 75 КоБСиС – «родители лишаются родительских прав, если они:

- 1) уклоняются от выполнения обязанностей родителей, в том числе злостно уклоняются от уплаты алиментов;
- 2) отказываются без уважительных причин взять своего ребенка из родильного дома (отделения), из организаций для детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и иных организаций;
- 3) злоупотребляют своими родительскими правами;

4) жестоко обращаются с ребенком, в том числе осуществляют физическое или психическое насилие над ним, покушаются на его половую неприкосновенность;

5) злоупотребляют спиртными напитками или наркотическими средствами, психотропными веществами и (или) их аналогами.

Родители лишаются родительских прав при совершении ими умышленного уголовного правонарушения против жизни или здоровья своего ребенка, супруга либо других членов семьи» (шестое основание) [4].

По большей части оснований для лишения родительских прав отличий практически не имеется, или они носят незначительный характер. Однако следует отметить различный подход законодателей двух стран по вопросу чрезмерного употребления спиртных напитков и одурманивающих веществ. В российской правовой практике заболевание хроническим алкоголизмом и наркоманией обязательно необходимо подтвердить медицинскими документами, например соответствующим заключением – п.п. «д» п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда от 14 ноября 2017 г. № 44 [6]. Согласно пункту 11 нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 28 апреля 2000 г. № 4 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» хронический алкоголизм или заболевание родителей наркоманией и токсикоманией должны были подтверждаться медицинской документацией [8]. В ныне действующем нормативном постановлении Верховного Суда Республики Казахстан такого разъяснения уже не имеется. Закон гласит лишь о злоупотреблении спиртными напитками или наркотическими средствами, психотропными веществами и (или) их аналогами, не раскрывая меру такого чрезмерного употребления, что, по нашему мнению, порождает правовую неопределенность.

Касательно порядка лишения родительских прав, он осуществляется только в судебном порядке искового производства с обязательным участием органа опеки и попечительства, а также прокурора. В рамках судебного разбирательства параллельно решается вопрос о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетнего. Если суд при рассмотрении дела о лишении родительских прав обнаружит в действиях родителей (одного из них) признаки уголовно наказуемого деяния, он обязан уведомить об этом прокурора.

Также следует особо отметить тот факт, что в Казахстане существуют специализированные межрайонные суды по делам несовершеннолетних. Согласно части 3 статьи 27 Кодекса Республики Казахстан от 31 октября 2015 года № 377-V «Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан» такие специализированные межрайонные суды рассматривают и разрешают гражданские дела, в том числе о лишении и восстановлении родительских прав [5]. В России дела о лишении и восстановлении родительских прав рассматриваются и разрешаются районными судами.

Последствия лишения родителей их прав также во многом схожи.

1. Если один из родителей в установленном законом порядке был лишен своих родительских прав, то самый первый вариант – это передать несовершеннолетнего его второму родителю; очень часто бывают ситуации, когда сделать это не представляется возможным, в частности, если судом были лишены родительских прав оба родителя, тогда ребенок передается на воспитание опекуну (попечителю), если таковой заблаговременно был назначен, или органу опеки и попечительства (статья 71 СК РФ, статья 77 КоБСиС).

2. Родитель, который был лишен прав в отношении своего ребенка, имеет обязанность по его содержанию, однако при этом он теряет все права, которые имел до достижения ребенком совершеннолетнего возраста, а также права, основанные на факте родства с ребенком, в том числе право на содержание от совершеннолетнего трудоспособного ребенка, права на льготы и государственные пособия, установленные для граждан, имеющих детей (статья 71 СК РФ). Аналогичные положения содержит статья 77 КоБСиС, но весьма интересной представляется возможность (право) общения лишенного родительских прав гражданина Казахстана и его ребенка, предусмотренная статьей 77 КоБСиС, а именно по просьбе такого родителя орган, осуществляющий функции по опеке и попечительству, может разрешить свидания с ребенком, но только в том случае, если это не оказывает на него негативное влияние [4]. По российскому же законодательству контакты ребенка с родителем допускаются только в случае ограничения его прав (статья 75 СК РФ), а при лишении родительских прав общение с детьми должно быть прекращено [3].

И последнее, что хотелось бы рассмотреть, это восстановление в родительских правах.

По основаниям здесь практически все идентично: родители, лишённые родительских прав, могут быть восстановлены в них судом в том случае, если они поменяли свое поведение, образ жизни, а также отношение к вопросу воспитания ребенка (статья 72 СК РФ и статья 78 КоБСиС).

В обоих государствах восстановление в родительских правах осуществляется в судебном порядке искового производства по заявлению родителя, который лишен своих родительских прав. При этом по российскому семейному законодательству дела по восстановлению в родительских правах рассматриваются с обязательным участием органа опеки и попечительства, а также прокурора (пункт 2 статьи 72 СК

РФ [3]). По казахскому закону в судебном разбирательстве принимают участие родитель, лишенный прав в отношении несовершеннолетнего, а также орган по опеке и попечительству (статья 78 КоБСиС).

Подводя общий итог данного исследования, необходимо еще раз подчеркнуть тесную связь между двумя государствами и нациями, которая обеспечивает взаимодействие по различным направлениям. Акцент был сделан на правовом партнерстве, что прослеживается и отражается в современном семейном законодательстве двух стран. Но при этом невозможно говорить о тотальном сходстве и полном совпадении нормативной базы, закрепляющей институт лишения родительских прав в России и Республике Казахстан.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием от 12.12.1993 г. (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.

2. Конституция Республики Казахстан: принята всенар. референдумом от 30.08.1995 г. (в редакции Законов Республики Казахстан от 07.10.1998 г. №284-I, 21.05.2007 г. № 254-III, 02.02.2011 г. №403-IV, 10.03.2017 г. №51-VI ЗРК, 23.03.2019 г. №238-VI ЗРК) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. — 1996. — № 4. — Ст. 217.

3. Семейный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 18.03.2019 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16.

4. О браке (супружестве) и семье: кодекс Республики Казахстан: закон от 26.12.2011 г. № 518-IV (в ред. от 21.01.2019 г.) // Казахстанская правда. — 2012. — № 6-7 (26825-26826).

5. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан: кодекс Республики Казахстан: закон от 31.10.2015 г. № 377-V (с изм. и доп. на 21.01.2019 г.) // Казахстанская правда. — 2015. — № 210 (28086).

6. О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребёнка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 44 // Российская газета. — 2017. — Федеральный выпуск № 7428 (262).

7. О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей: нормативное Постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 29 ноября 2018 г. № 15 // Казахстанская правда. — 2018. — № 241 (28870).

8. О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей: нормативное Постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 28 апреля 2000 г. № 4 // Казахстанская правда. — 2000. — № 126 (23139) — утратило силу.

Правовое обеспечение «цифровой экономики» в странах Азиатско-Тихоокеанского региона

© О. Н. Косарев

магистрант 2-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: Kosarev_on@mail.ru

Статья посвящена правовым основам цифровых преобразований в экономиках стран Азиатско-Тихоокеанского региона и Европы. Также автор анализирует особенности нормативно — правовых основ «цифровой модернизации» экономики России, обозначая при этом ее перспективы и предлагая возможные решения реализации.

Ключевые слова: становление цифровой экономики, правовые основы цифровой экономики, законодательная база цифровой экономики, цифровая стратегия, цифровые преобразования, стратегия развития цифровой экономики.

The Article is devoted to the legal basis of digital transformation in the economies of the Asia-Pacific region and Europe. The author also analyzes the features of the legal framework of the «digital modernization» of the Russian economy, indicating its prospects and offering possible solutions for implementation.

Key words: formation of the digital economy, the legal framework for the digital economy, legislative framework, digital economy, digital strategy, digital transformation, strategy development of the digital economy.

Прогресс не стоит на месте — стремительное развитие технологий в области микроэлектроники, телекоммуникаций и информационных технологий, открывают перед человеком возможности, не имеющие аналогов в прошлом.

Сегодня, мы можем наблюдать, как цифровые технологии, уже ставшие неотъемлемой частью нашего времени, все глубже проникают в самые разные сферы жизнедеятельности человека, изменяя привычный, устоявшийся уклад даже в таких фундаментальных областях, как наука и управление, экономика и безопасность.

Одним из важнейших проявлений всех трансформаций является цифровая экономика, с формированием которой связываются большие надежды.

На Всемирном экономическом форуме было высказано экспертное мнение о том, что именно цифровые преобразования служат в нашу эпоху наиболее эффективным инструментом развития бизнеса и позволят мировой экономике обогатиться на сумму до 30 трлн. долл. США в период до 2025 года [2].

Очевидно, что становление цифровой экономики требует создания благоприятных правовых условий. Понимая это, многие развитые страны стремятся создать законодательную базу, способствующую ее формированию.

Так в Сингапуре правовой базой формирования цифровой экономики послужил принятый в 2015 году Генеральный план развития информационно-коммуникационных технологий Сингапура. Основными целями этого документа можно считать:

- создание рабочих мест в информационно-коммуникационной сфере;
- формирование условий для сохранения здоровья и качества жизни выбывающего из трудоспособного возраста населения с помощью информационно — коммуникационных средств.

Внедрение цифровой экономики в Германии началось с принятия «Национальной стратегии высокотехнологичного развития 2020», согласно которой страна планирует осуществить полный переход на цифровое интернетизированное производство, планируя кардинально повысить эффективность и производительность промышленности.

Следует обратить внимание на стратегию ЕС «Европа 2020», содержащую в том числе, цифровую повестку, во главе угла которой лежит концепция формирования процветающей экономики и социальной стабильности на основе единого цифрового рынка ЕС посредством высокоскоростного интернета и совместимых приложений, доступных всем гражданам ЕС.

На сегодняшний день многие развитые страны, понимая неизбежность предстоящих изменений, начали осознанное движение в сторону формирования правовых основ цифровой экономики. Однако, неформальными лидерами в этой «цифровой» гонке считаются США и Китай.

«Федеральная облачная стратегия» США, разработанная и принятая в качестве нормативно-правового документа в области цифровой экономики в 2009 году, содержит базовую концепцию осуществления инновационных решений, а именно: формирование «умных» промышленных производств и технологий в энергетике, торговых сетях, транспортных системах и модернизацию логистических процессов.

Модель цифровой экономики США будет формироваться в несколько этапов:

1. создание условий развития цифровой экономики (разработка эффективной правовой базы);
2. основание платформ цифровой экономики в наиболее развитых и подготовленных секторах;
3. рыночная конкуренция между платформами и их естественное постепенное слияние;
4. тиражирование наиболее эффективных цифровых решений в другие сферы экономики.

Правовой основой цифровых преобразований экономики Китая является разработанная в 2015 году стратегия «Интернет плюс».

Согласно данному документу, формирование цифровой экономики КНР должно осуществляться в двух, практически параллельных направлениях:

1. развитие производства посредством внедрения промышленного интернета;
2. использование возможностей интернета для многократного расширения рынков сбыта [4, с. 15].

Россия имеет свою концепцию формирования цифровой экономики, представленную программой «Цифровая экономика Российской Федерации» утвержденной распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р. Программа содержит ключевые положения Стратегии развития информационного общества в России на период 2017–2030 годов и призвана решить одну из важных стратегических задач — сохранение суверенитета на фоне продолжающейся глобализации и реализации программ цифрового развития другими игроками мирового рынка.

Для создания условий развития цифровой экономики в первую очередь необходимо формирование основных правовых понятий и институтов, которые позволят обеспечить современный цифровой гражданский оборот, основанный на использовании электронных документов, их электронных дубликатов, электронных архивов и т.д.

Обеспечение эффективности электронного гражданского оборота, соблюдение баланса в правах и обязанностях сторон договора, возможности защиты более слабой стороны потребуют внесения изменений в Гражданский кодекс, в частности, в вопросе определения сделок совершаемых в электронной форме.

Потребуется изменения в сфере трудовых отношений, поскольку предлагается ведение электронного документооборота и разрешение повсеместного использования электронной подписи. Предлагается создать единую государственную информационную систему по учету трудовой деятельности и трудового стажа на основе индивидуализированного учета Пенсионного фонда РФ, перейти к ведению трудовых книжек в электронной форме.

Особого внимания заслуживает разработка законодательных норм регулирования правового статуса цифровых моделей, в частности 3D-моделей, внедрение в отношении нематериальных объектов, в том числе содержащих охраняемое изобретение цифровых моделей, режима патентного права. Необходимо на законодательном уровне определить статус и особенности деятельности организаций — операторов интернет-телевидения.

Цифровая экономика неизбежно потребует существенных изменений в сфере антимонопольного законодательства, поскольку потребуются устранение основных правовых ограничений в антимонопольном законодательстве РФ, дополнение и уточнение терминов и базовых понятий действующего конкурентного законодательства применительно к специфике цифровой экономики.

Потребуется изменение действующих нормативно — правовых актов, а так же принятие новых, для целей обеспечения системного регулирования сферы защиты прав потребителей в условиях, диктуемых переходом к цифровой экономике. Новым направлением является создание правовых условий для внедрения и использования технологий децентрализованного удостоверения прав и ведения реестров.

В разделе по нормативному регулированию уже зафиксированы некоторые практические мероприятия, к ним относятся в первую очередь:

- выявление и устранение действующих правовых ограничений, создающих препятствия развитию цифровой экономики;
- создание комплексного правового регулирования общественных отношений, возникающих в связи с развитием цифровой экономики;
- формирование политики по внедрению цифровой экономики на территории ЕАЭС, гармонизации подходов к правовому регулированию, стимулирующих развитие цифровой экономики на пространстве Евразийского экономического союза.

Таким образом, сегодня в мире можно выделить три основных направления развития экономики будущего: «digital economy» — США, «интернет экономика» — КНР и «цифровая экономика» — Россия.

В основу североамериканской стратегии заложен постулат о том, что в связи с неуклонным увеличением объемов информации ее необходимо соответствующим образом охранять. Поэтому они предлагают присоединиться к американской системе защиты данных. В этом случае под контроль США придется передавать значительные массивы данных, на что Россия и Китай, обладатели собственных профильных технологий, пойти не могут. В свою очередь модель «интернет экономики», концептуально напоминает американский подход и подразумевает присоединение других стран к технологической платформе КНР.

Российская Федерация предлагает свой вариант создания цифровой экономики, направленный в первую очередь на цифровизацию промышленности и создание «общества знаний» — общества, в котором ключевую роль для развития гражданина, государства и экономики играют получение, сохранение, производство и распространение достоверной информации.

В заключение, хотелось бы отметить, что на сегодняшний день все страны, по части прогресса в создании, так называемой, «цифровой экономики» находятся на приблизительно одинаковом уровне. Одни показывают хорошие результаты в области так называемого «бизнес для потребителя» («Business-to-consumer»), другие лидируют в секторах «бизнес для бизнеса» и «бизнес для государства» («Business-to-business», «Business-to-government»). Фактически одинаковый расклад сил в сочетании с отсутствием единообразия в понимании конечной цели и средств ее достижения, создает для России реальный шанс, при успешной реализации своего «цифрового проекта», стать лидером в сфере развития цифровой экономики.

Литература

1. Введение в «Цифровую» экономику/ А.В. Кешелава, В.Г. Буданов, В.Ю. Румянцев и др.; под общ. ред. А.В. Кешелава; гл. «цифр.» конс. И.А. Зимненко. — ВНИИГеосистем, 2017 (На пороге «цифрового будущего». Книга первая).
2. Всемирный банк 2016 год. Доклад о мировом развитии 2016 «Цифровые дивиденды». Обзор. Всемирный банк, Вашингтон, округ Колумбия. Лицензия: Creative Commons Attribution CC BY 3.0 IGO. // https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/23347/210671RuSu_m.pdf?sequence=16
3. Гражданский кодекс РФ Часть четвертая (в ред. от 23.05.2018 № 116-ФЗ) // СЗ РФ.- 2006.- № 52 (1 ч).- Ст. 5496.
4. Гладкова Т. С. Цифровая экономика как правовое понятие. Нормативные основы цифровой трансформации экономики в России и за рубежом / Т. С. Гладкова // Мир юридической науки. — 2018. — № 5. — С. 15 — 25.
5. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 N 1632-р «Об утверждении Программы «Цифровая экономика Российской Федерации».
6. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 — 2030 годы» // <http://www.pravo.gov.ru>, 10.05.2017

Отдельные аспекты правового регулирования искусственного интеллекта в Российской Федерации и в странах Азиатско-Тихоокеанского региона

© А. А. Ласточкина

студентка 4-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: anastasiya.lastochkina.98@mail.ru

В современном мире развитие технологий искусственного интеллекта и робототехники — одна из приоритетных задач ряда развитых государств. Прежде всего, это связано со значительными темпами роста IT-технологий и робототехники и влиянием на общественную жизнь общества как социальной, так и с экономической точки зрения. Искусственный интеллект является одной из ключевых технологий будущего, с его применением только в ближайшие 5-10 лет существенно изменится облик многих отраслей, откроются огромные рынки. Однако при активном распространении инновационных технических разработок остаётся неурегулированным вопрос о законодательном закреплении некоторых положений, связанных с использованием искусственного интеллекта, с функционированием и деятельностью, а также определением правосубъектности. В статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования искусственного интеллекта в Российской Федерации, Соединенных Штатах Америки, Японии, Китае и Южной Корее.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правосубъектность, робототехника, робот, правовой статус искусственного интеллекта, ответственность роботов, Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС).

In the modern world, the development of artificial intelligence and robotics technologies is one of the priorities of a number of developed countries. First of all, it is connected with significant growth rates of IT-technologies and robotics and influence on public life of society both socially and from the economic point of view. Artificial intelligence is one of the key technologies of the future, with its use only in the next 5-10 years, the appearance of many industries will change significantly, huge markets will open. However, with the active dissemination of innovative technical developments, the issue of legislative consolidation of some provisions related to: the use of artificial intelligence; the functioning and activities, as well as the definition of legal personality remains unresolved. The article deals with the actual problems of legal regulation of artificial intelligence in the Russian Federation, the United States, Japan, China and South Korea.

Key words: artificial intelligence, legal personality, robotics, robot, legal status of artificial intelligence, responsibility of robots, World Intellectual Property Organization (WIPO).

Статистические наблюдения патентования в данной сфере показывают, что с середины 50-х годов XX века изобретатели и исследователи подали заявки на почти 340 тысяч изобретений на основе искусственного интеллекта. Более половины всех изобретений, связанных с искусственным интеллектом, были запатентованы после 2013 года. При этом 26 из 30 основных заявителей на получение таких патентов — частные компании, а четыре — университеты или государственные научно-исследовательские организации.

В базах Всемирной организации интеллектуальной собственности содержится информация о том, что подавляющая часть патентов на технологии искусственного интеллекта приходится на долю аме-

риканской компании International Business Machines Corp (IBM) — 8290 изобретений. На втором месте также компания из США Microsoft Corp — 5930 изобретений. Первую пятерку по количеству патентных заявок на продукты интеллектуальной собственности замыкают японская компания Toshiba Corp., Samsung Group из Республики Корея и NEC Group из Японии.

В соответствии с Российским законодательством технологии искусственного интеллекта обозначены как одна из позиций в перечне «сквозных цифровых технологий» [5]. Наряду с этим объекты искусственного интеллекта и робототехника упоминаются в: стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030-е гг.; стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации на период до 2020 г; стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020-е гг. и на перспективу до 2025 г. и т.д. В частности, робототехника и искусственный интеллект названы в числе основных направлений развития российских информационных и коммуникационных технологий [6]. Помимо этого, с 1 января 2016 года в России уже действует ГОСТ Р ИСО 8373–2014 «Роботы и робототехнические устройства» полностью идентичный мировому ISO 8373:2012 [2]. Также разработан законопроект «О внесении изменений в Гражданский кодекс РФ в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники». Документ предлагает частично использовать в отношении роботов регулирование, которое применяется к животным и юридическим лицам. Допускается создание реестра роботов по аналогии с Единым государственным реестром юридических лиц.

Искусственный интеллект и роботы в Южной Корее регламентируются законом «О развитии и распространении умных роботов» принятый в 2008 г. Он совмещает в себе источник правового регулирования, и базовую концепцию. В Законе, в том числе, определены специальные условия для робототехнических компаний, создание специализированных институтов и мер государственной поддержки производителей. Кроме этого, законом предусматриваются уголовно-правовые нормы, а также нормы, разграничивающие компетенцию государственных органов и органов местного в связи с реализацией реформы. Также разработан законодательный акт, призванный регулировать этические взаимоотношения между людьми и роботам — «Этический кодекс обращения с роботами» (Robot Ethics Charter). В Корейском уставе этических норм для роботов закреплены, в том числе, следующие принципы: основа этики робота — стремление к совместному процветанию человека и машины; человек и робот должны поддерживать достоинство друг друга; робот не должен наносить ущерб человеку; не допускается незаконный оборот роботов; обеспечение контроля за соблюдением правил этики по отношению к роботам со стороны Правительства.

Для реализации новой промышленной революции, движимой роботами Правительство Японии в 2014 году запустило Совет по реализации революции роботов. Совет провел шесть заседаний и обобщил результаты в феврале 2015 года в докладе под названием «Стратегия роботов Японии» (Japan's Robot Strategy). Японская пятилетняя стратегия включает в себе три направления: 1) увеличение производства роботов, способствовавшее развитию и закреплению за Японией статуса инновационного центра роботов в мире; 2) использование и распространение объектов искусственного интеллекта, а также достижение взаимоотношений общества с ними в повседневной жизни; 3) развитие революции роботов, ожидающей ее распространения по всему миру, нацеленной на формулирование бизнес-правил на основе взаимосвязи между роботами и автономного накопления и использования данных такими роботами, глобальную стандартизацию технологий роботов Японии и распространение такого подхода в более широких областях. Кроме того, ст. 16 Базового закона Японии от 14.12.2016 г. № 103 «Об улучшении использования данных публичного и частного секторов» закрепляет, что государство, органы государственной власти и органы МСУ предпринимают все необходимые меры касательно исследований, разработок и испытательных работ в отношении объектов, связанных с искусственным интеллектом...» [1]. Внедрение роботов в повседневную жизнь связано с самым быстрым в мире старением населения страны.

Концепция регулирования в Китае складывается из целого ряда документов, в частности, к ней относятся: Глобальная государственная программа развития «Сделано в Китае 2025»; 13-й пятилетний план развития робототехнической отрасли («Robotics Industry Development Plan (2016–2020)»); План развития технологий Искусственного интеллекта нового поколения («Next Generation Artificial Intelligence Development Plan»), регламентирующий, что стремительное развитие технологий искусственного интеллекта изменит общественные отношения и созданные объекты будут внедряться практически во все сферы жизнедеятельности. Несомненно, это позволит установить господство над развитием технологий искусственного интеллекта, ускорит строительство инновационной инфраструктуры страны и обеспечит технологическую мощь» [3].

В Соединенных Штатах Америки нет системного правового регулирования. Однако есть несколько знаковых актов в отдельных сферах. Так в 2011 году была принята программа «Национальная робототехническая инициатива — НРИ» (National Robotics Initiative) [9]. В большей степени данная программа представляет собой план финансирования конкретных проектов. Данный документ является ярким примером межведомственного взаимодействия для финансирования и реализации робототехнических проектов. В 2013 году план стратегического развития робототехники в США был дополнен и обновлен в области промышленного производства, медицины и здравоохранения, а также сервисных роботов. Документ получил название «От интернета к робототехнике» (A Roadmap for US Robotics — From Internet to Robotics). Космический и оборонный разделы программы дополняют независимые «дорожные карты» НАСА и военного ведомства (NASA Robotics, Tele-Robotics and Autonomous Systems Roadmap, и Unmanned Systems Integrated Roadmap FY2013-2038).

Одной из ключевых правовых проблем в сфере регулирования киберфизических систем является проблема терминологии. Определение искусственного интеллекта и робота, общепринятого практиками и сообществом правоведов как такового не имеется. Однако анализ законодательства и практики зарубежных стран позволяет выделить следующие ключевые характеристики искусственного интеллекта: 1) технология искусственного интеллекта прежде всего описывает программу/ алгоритм; 2) искусственный интеллект предполагает способность анализировать окружающую среду; 3) некоторая степень автономности в реализации алгоритма; 4) способность к самообучению; 5) наличие «интеллектуальности», которая иногда описывается через категории «разумности», «рациональности» или просто через способность «мыслить как человек» или «действовать как человек» во всех или в узко определенных обстоятельствах.

Определение искусственного интеллекта все время меняется, что делает крайне затруднительным его терминологическую квалификацию. Известен даже «эффект искусственного интеллекта», также упоминаемый в ряде источников как «теорема Теслера»: искусственный интеллект — это то, что ещё не реализовано» [4].

В контексте российской правовой системы термин «робот» уже определен через ГОСТ Р ИСО 8373-2014. Робот как понятие содержит в себе следующие характерные особенности: механизм; физическое начало, то есть робот, не имеющий механического воплощения, является скорее программой; искусственность — робот, по общему правилу, не является жизнью с биологической точки зрения; автономность действий — ключевая характеристика, позволяющая отграничить робота от любого иного механизма.

Если рассматривать роботов и системы с искусственным интеллектом как будущих квазисубъектов права, то следует обратить внимание на то, что в апреле 2018 года группой ведущих экспертов в сфере робототехники, искусственного интеллекта, медицины и этики было опубликовано открытое письмо к Европейской комиссии с призывом не предоставлять статус субъекта роботам, поскольку это является «абсурдным» и может привести к нарушению прав человека. Документ был подписан более чем 150 экспертами [10]. Однако в 2017 году роботу Софии было предоставлено гражданство в Саудовской Аравии [8] и резидентство умному боту Shibuya Mirai в Японии, который не существует физически, но он может переписываться с людьми в приложении LINE [7]. По сей день два данных случая являются скорее редчайшим исключением, и не могут рассматриваться в качестве общего правила и даже тенденции к признанию правосубъектности роботов.

Вопрос о том, может ли робот считаться таким же исполнителем музыки, как и человек, был поднят в США в 1987 году. Ресторан в Мэриленде для развлечения поставил в зале несколько человекообразных механизмов, которые по заранее заложенной в них программе играли на музыкальных инструментах. С точки зрения законодательства за любое исполнение живой музыки в ресторанах нужно платить отдельный налог, и ресторану пришлось в суде доказывать, что эти роботы — ни что иное, как механический музыкальный автомат.

В научной литературе существует пять основных подходов к проблеме статуса искусственного интеллекта. Первый — искусственный интеллект продолжает рассматриваться как объект права. Второй подход рассматривает «роботов и искусственный интеллект как животных», то есть по аналогии применяется законодательство о домашних животных. Третий подход «робот как юридическое лицо» основан на теории фикции юридического лица и предполагает применение либо разработку по аналогии с законодательством о юридических лицах. Четвертый — «робот как человек», закрепляющий, что к роботам и искусственному интеллекту применяются нормы о физических лицах как субъектах права. Пятый «робот как электронное лицо (агент)» рассматривает искусственный интеллект, как новый вид субъекта права, имеющим разумно ограниченную правосубъектность нового вида для роботов и искусственного интеллекта.

Как объект права роботов можно рассматривать: 1) с точки зрения вещного права — они могут выступать как специальный вид вещей; 2) с точки зрения обязательственного права — при заключении контрактов с третьими лицами робот может выступать в качестве агента, действующего от своего имени или от имени владельца; 3) с точки зрения права интеллектуальной собственности — права на результаты деятельности робота будут возникать у ее/его владельца, оператора, субъекта патентных прав, на основании которых робот функционирует; 4) роботы могут выступать в качестве единственного имущества созданного владельцем робота юридического лица.

Из всех существующих на данный момент подходов к рассмотрению роботов и систем с искусственным интеллектом как субъектов права наиболее обоснованным в ближайшей временной перспективе представляется тот, который построен на аналогии с юридическим лицом с точки зрения теории фикции. Подходы, предполагающие обоснование правосубъектности роботов исходя из существенной аналогии с одушевленными субъектами, обладающими реальной, а не только формально-юридической, волей, с одной стороны, требуют изменения парадигмальной картины мира, а с другой — возможны лишь на объективно высоких уровнях развития искусственного интеллекта, предполагающих наличие свободы воли.

При реализации вышеуказанного подхода необходимо учитывать юридико-экономическую обоснованность, в том числе, потенциальную проблему, выражающуюся в том, что введение новых юридических существностей, обладающих правосубъектностью, потенциально может привести к снижению ответственности профессиональных участников рынка, поскольку за «цепочкой подконтрольности» робота при таком подходе, как и в случае с «классическими юридическими лицами», всегда должен обнаруживаться реальный человек или группа людей.

Перечисленные концепции и подходы к правовому регулированию и постановке проблем, связанных с искусственным интеллектом, позволяют сделать вывод, что зарубежные страны ставят целью развитие робототехники и искусственного интеллекта, создание максимально благоприятных условий для инноваций и исследований, внедряя на государственном уровне программы поддержки. Во многих документах общим является то, что все они закрепляют этические и моральные принципы, которые должны стать основой будущего законодательства, посвященного роботам.

Несмотря на некоторые различия, ведущие державы в сфере робототехники схожи в следующем: существуют официальные государственные или хотя бы оформленные общественные программы (концепции) развития робототехники; развитие роботов рассматривается всегда как будущее общества, как фактор создания рабочих мест, а также решения локальных местных проблем; во всех случаях считается, что роботы могут вывести страну в лидеры промышленного производства; финансирование проектов в сфере робототехники является только частью программ и т.д.

Литература

1. Базовый закон Японии от 14.12.2016 № 103 «Об улучшении использования данных публичного и частного секторов» / Basic Act on the Advancement of Public and Private Sector Data Utilization № 103 of December 14, 2016 // URL: <http://www.japaneselawtranslation.go.jp> (дата обращения: 04.04.2019).

2. ГОСТ Р ИСО 13482:2014: [офиц. сайт ISO]. — URL: <https://www.iso.org/standard/53820.html> (дата обращения: 04.04.2019).

3. Документ Государственного Совета Китайской Народной Республики от 20.07.2017 «Новое поколение планирования развития искусственного интеллекта» // URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (дата обращения: 04.04.2019).

4. Искусственный интеллект (ИИ) / Artificial Intelligence (AI) как ключевой фактор цифровизации глобальной экономики [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.crn.ru/news/detail.php?ID=117544/> (дата обращения: 06.04.2019)

5. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — URL: <http://government.ru/docs/28653/> (дата обращения: 04.04.2019)

6. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030-е гг.» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 06.04.2019)

7. Cuthbertson A. Tokyo: Artificial Intelligence 'Boy' Shibuya Mirai Becomes World's First AI Bot to Be Granted Residency [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.newsweek.com/tokyo-residency-artificialintelligence-boy-shibuya-mirai-702382> (дата обращения: 05.04.2019).

8. Katznelson G. AI Citizen Sophia and Legal Status [Электронный ресурс]. — URL: <http://blogs.harvard.edu/billofhealth/2017/11/09/ai-citizen-sophia-and-legal-status/> (дата обращения: 05.04.2019).

9. National Robotics Initiative 2.0: Ubiquitous Collaborative Robots (NRI-2.0) [Electronic resource] // The National Science Foundation [Site]. — // URL: <https://www.nsf.gov/pubs/2017/nsf17518/nsf17518.htm> (дата обращения: 04.04.2019).

10. Open Letter to the European Commission: Artificial Intelligence and Robotics [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.robotics-openletter.eu/> (дата обращения 05.04.2019).

Сравнительно-правовой анализ института неосновательного обогащения в России и Монголии

© Л. А. Лукьянова
студентка 4-го курса
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
Россия, г. Улан-Удэ,
E-mail: lukyanovalara98@mail.ru

В статье проводится сравнительно-правовой анализ института неосновательного обогащения на примере России и Монголии. Анализируются понятие неосновательного обогащения и нормативно-правовые акты, которыми регулируется данный институт. Определены случаи, когда нельзя требовать возврата переданного имущества. Выделены наиболее общие черты и особенности, присущие правовым нормам России и Монголии.

Ключевые слова: неосновательное обогащение, имущество, приобретение, пользование, сбережение, приобретатель, потерпевший.

In this article presents a comparative legal analysis of the institution of unjust enrichment on the example of Russia and Mongolia. The concept of unjust enrichment and normative-legal acts regulating this institution are analyzed. Cases when it is impossible to demand return of the transferred property are defined. The most common features and peculiarities inherent in the legal norms of Russia and Mongolia are highlighted.

Key words: unjust enrichment, property, acquisition, use, saving, purchaser, victim.

Институт неосновательного обогащения не является новеллой в гражданском праве, наоборот, считается одним из старейших институтов частного права, который возник ещё в Древнем Риме. Стремления ученых разграничить неосновательное обогащение от иных гражданско-правовых обязательств говорит о том, что данный институт является самостоятельным, обладает определенными особенностями и имеет весомую роль в гражданском праве. Данный институт применялся для восстановления нарушенных прав граждан при нелегальном переходе, когда переход каких-либо вещей или ценных благ от одного субъекта к иному происходил без соответствующих на это оснований. Главной целью судебного разбирательства по таким видам требований всегда являлось восстановление справедливости.

Отношения России и Монголии имеют многовековую историю. Эти страны связывают десятилетия дружеских и соседских отношений. Данные государства взаимодействуют друг с другом, что прослеживается не только в политической, экономической, культурной и других сферах, но и в определенном сходстве содержания многих законодательных актов. Весомую роль играет сравнительный анализ действующего законодательства России, который посвящен данному институту, с законодательством Монголии, так как полученный опыт может использоваться для совершенствования законодательства России.

В России обязательствам вследствие неосновательного обогащения посвящена отдельная 60 глава Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) [1].

Имеется информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11.01.2000 N 49 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении» [3].

В Гражданском законе Монголии, принятом Великим Государственным Хуралом (однопалатным парламентом) в 1994 г. и вступившим в силу 1 января 1995 г., с изменениями, которые были внесены в 2002 г., подраздел третий посвящен неосновательному обогащению [2].

В России и Монголии анализируемый институт обладает определенными особенностями. Российское законодательство закрепляет, в ст. 1102 ГК РФ, обязанность лица, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), причем независимо от того, явилось ли неосновательное обогащение результатом поведения приобретателя имущества, самого потерпевшего, третьих лиц или произошло помимо их воли [1].

Существует судебное толкование неосновательного обогащения, под которым подразумевается получение либо сохранение имущества за счет иного лица (обогащение) в отсутствии каких-либо законных оснований на это.

В свою очередь, в законодательстве Монголии не имеется конкретного определения неосновательного обогащения, но есть подраздел третий, который называется «неосновательное обогащение». Данный подраздел содержит 5 статей (ст. 492 обязательства, которые возникают из неосновательного приобретения и пользования чужим имуществом; ст. 493 предметы, на которые распространяется требование возврата; ст. 494 обязанности третьего лица при возврате имущества; ст. 495 обязательства, которые возникают из незаконного распоряжения чужим имуществом; ст. 496 обогащение за чужой счет и путем экономии своего имущества) [2].

Статья 492 Гражданского закона Монголии, посвящена обязательствам, которые возникают из неосновательного приобретения и пользования чужим имуществом. В ней закрепляется право лица, передавшего какому-либо лицу имущество в исполнение обязательств перед другими, требовать возврата этого имущества у получившего его лица [2].

Таким образом, ГК РФ закрепляет обязанность приобретателя возвратить потерпевшему неосновательно приобретенное имущество. Закон Монголии закрепляет право лица, передавшего имущество, требовать возврата.

Безусловным сходством считается то, что имущество, которое является неосновательно приобретенным, возвращается потерпевшему в натуре, в случае если возврат необоснованно полученного предмета невозможен, возмещается реальная цена этого имущества как в России, так и в Монголии.

Определенным сходством является и то, что лицо, которое необоснованно получило имущество, обязано вернуть законному владельцу всю прибыль, которую он получил от данного имущества.

На практике существуют определенные проблемы, возможность извлечения и размер доходов от использования ответчиком неосновательно приобретенного имущества должны быть доказаны истцом.

Приведем пример из судебной практики: Организация обратилась в арбитражный суд с иском к предприятию о взыскании доходов, которые последний должен был извлечь из переданного ему имущества за весь период использования. Ответчику были переданы вертолеты по договору аренды.

Как следовало из материалов дела, техника не могла быть использована, поскольку была передана ответчику без соответствующих документов. Истец не представил документы, которые бы подтверждали факт использования вертолетов ответчиком и получение им прибыли от их эксплуатации.

В связи с этим отсутствовали основания для применения норм о неосновательном обогащении. Учитывая изложенное, арбитражный суд в удовлетворении заявленного требования отказал [3].

Законодательство России и Монголии закрепляет возможность лица, которое без установленных законом оснований сберегло имущество, требовать от потерпевшего возмещения понесенных затрат на содержание и защиту собственности. ГК РФ содержит оговорку, если лицо, которое необоснованно получило имущество, осознанно удерживало его, при этом оно подлежало возвращению, то право на такое возмещение затрат утрачивается.

В законодательстве России обозначены последствия неосновательной передачи права иному лицу. В частности, ст. 1106 ГК РФ закрепляет возможность лица, которое передало путем уступки требования либо другим способом принадлежащее ему право иному лицу на основании недействительного обязательства, требовать восстановления положения, которое существовало ранее [1].

Законодательство Монголии, предусматривает, в ст. 494, если лицо, неосновательно получило имущество бесплатно, либо передало это имущество третьему лицу, последнее обязано вернуть это имущество полномочному лицу [2].

Гражданский закон Монголии, в отличие от России предусматривает, в случае если какое-либо лицо по своей воле либо по ошибке оплатило долг и иного лица и в следствии этого лицо, имевшее обязательства, освободилось от них, в таком случае лицо, выплатившее долги, имеет право требовать у того лица выплаты понесенных расходов.

Наибольший практический интерес вызывает вопрос о случаях, когда нельзя требовать возврата переданного имущества. ГК РФ регламентирует в ст. 1109, не подлежат возврату в качестве неосновательного обогащения:

1. имущество, которое было передано во исполнение обязательства до наступления срока исполнения, если обязательством не предусмотрено иное;
2. имущество, переданное во исполнение обязательства по истечении срока исковой давности;
3. заработная плата и приравненные к ней платежи, пенсии, пособия, стипендии, возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью, алименты и иные денежные суммы, которые предоставле-

ны гражданину в качестве средства к существованию, при отсутствии недобросовестности с его стороны и счетной ошибки;

4. денежные суммы и другое имущество, которые были предоставлены во исполнение несуществующего обязательства, если приобретатель докажет, что лицо, требующее возврата имущества, знало об отсутствии обязательства либо предоставило имущество в целях благотворительности [1].

Перечень исключений по неосновательному обогащению является закрытым и не трактуется иначе.

На практике рассмотрим случай, когда нельзя требовать возврата переданного имущества.

Так, в процессе рассмотрения иска о расторжении договора аренды между ООО «Вегатек» (истец) и ООО «Юность» (ответчик) и взыскании неосновательного обогащения договор аренды был признан судом незаключенным, с ответчика на основании ст. 1102 ГК РФ было взыскано неосновательное обогащение, которое было приобретено им в результате внесения истцом предварительной оплаты за первый месяц аренды согласно незаключенному договору.

Аргумент ответчика о том, что в этой ситуации указанные денежные средства возврату не подлежат в силу п. 1 ст. 1109 ГК РФ, как переданные во исполнение обязательства до наступления срока выполнения, был признан судом несостоятельным, так как в качестве неосновательного обогащения требуют денежные средства, перечисленные истцом в адрес ответчика в период, который был определен соглашением. Подтверждений того, что истец в момент оплаты имел возможность знать о том, что договор аренды не будет зарегистрирован в установленном законом порядке, а, следовательно, и не заключен, ответчиком представлено не было [4].

Если провести анализ соответствующей нормы закона Монголии, то возможно выделить случаи, когда нельзя требовать возврата переданного имущества. К ним возможно отнести следующие:

1. исполнение обязанностей должником соответствует общепризнанным нравственным нормам;
2. в случае если, истек срок исковой давности;
3. если требование о возврате имущества при исполнении ставшего недействительным долгового договора противоречит закону;
4. если одна сторона, не зная об окончании срока исковой давности, передала другой имущество в качестве исполнения обязательства [2].

Таким образом, из сравнительного анализа, можно сделать вывод о том, что и Гражданский кодекс РФ, и Гражданский закон Монголии устанавливают случаи, когда нельзя требовать возврата переданного имущества, — если истек срок исковой давности. Несмотря на простоту данной нормы, изучение судебной практики ее применения свидетельствует о том, что участники споров о взыскании неосновательного обогащения толкуют неправильно.

Например, в одном из дел ответчик, оспаривавший решение суда первой инстанции, которым с него было взыскано неосновательное обогащение, указывал в жалобе, то что истцом был пропущен срок исковой давности по требованию о взыскании неосновательного обогащения и потому в силу п. 2 ст. 1109 ГК имущество, которое было передано во исполнение обязательства по истечении срока исковой давности, не подлежит возвращению в качестве неосновательного обогащения. Суд решение первой инстанции отменил, дело направил на новое рассмотрение [5]. Остальные отличия выражаются в основном в использовании законодателями различных терминов и формулировок.

Обобщая вышеизложенное, стоит отметить, что имеются определенные сходства как в России, так и в Монголии. Имущество, которое было необоснованно получено приобретателем, возвращается владельцу в натуре, действительная цена такого имущества возмещается, в случае если возвращение неосновательно приобретенного предмета невозможно.

Кроме того, закрепляется обязанность лица, которое неосновательно приобрело имущество, возвратить законному собственнику либо владельцу доходы или плоды, которые были получены от этого имущества. При этом, законодатели России и Монголии установили момент возврата, когда лицо узнает о том, что переход такого имущества произошел без соответствующих на то оснований.

Вместе с тем, законодательство России и Монголии предусматривает право лица, получившего имущество неосновательно, требовать от потерпевшего возмещения понесенных необходимых затрат на содержание и поддержку имущества.

Сходства объясняются рядом причин, во-первых, близкое территориальное расположение России и Монголии, во-вторых, историческими особенностями формирования гражданского законодательства, в-третьих, взаимные контакты и «живое» общение народов.

Имеются и особенности, которые присущи российскому гражданскому праву, однако не нашедшие своего отражения в монгольском гражданском законодательстве и наоборот.

Гражданский кодекс РФ определяет, право на возмещение расходов утрачивается, в случае если лицо, неосновательно обогатившееся осознанно удерживало имущество, которое подлежало возврату. Можно сделать вывод, что зарубежному законодателю целесообразно было бы позаимствовать норму о возмещении затрат на имущество, которое подлежит возврату. Законодательство России содержит норму, которая ставит потерпевшую сторону в безопасное положение.

Российское гражданское законодательство в качестве неосновательного обогащения, которое не подлежит возврату выделяет, в отличие от Гражданского закона Монголии, денежные средства, которые даны гражданину в качестве средства к существованию. Что считается правильным и обоснованным, поскольку такие финансовые средства используются гражданином в удовлетворение его текущих потребностей, возвращение которых поставило бы его в тяжелое положение.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Собр. законодательства РФ. –1996. — № 5.
2. Гражданский закон Монголии. — [Электронный ресурс]. — URL: <http://mongolnow.com/law2.html> (дата обращения: 27.03.2019).
3. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11.01.2000 № 49 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=25979&fl=134&dst=100000001,0&rnd=0.4320001978157848#06600296581246106>(дата обращения: 05.04.2019).
4. Постановление ФАС Центрального округа от 28 декабря 2006 г. по делу № А35-2263/06-С13 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ACN&n=31375#035508409477098657> (дата обращения: 03.04.2019).
5. Постановление ФАС ДО от 31.03.2003 № Ф03-А51/03-1/510. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.lawmix.ru/dalnevost/44218> (дата обращения: 03.04.2019).

Судебная защита прав потребителей в США и Российской Федерации

© А. В. Молчанова
магистрант 1-го курса
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет
Россия, г. Улан-Удэ.
E-mail: mol.a.v@mail.ru

Статья посвящена исследованию института судебной защиты прав потребителей в США и Российской Федерации, изучению специфики данного института. В статье проанализированы особенности осуществления судебной защиты прав потребителей, проведено сравнение функционирования данного института в США и Российской Федерации. Выявлены сходства и различия судебной защиты в США и Российской Федерации.

Ключевые слова: судебная защита, права потребителей, нарушение прав, продавец, покупатель, гарантийные обязательства.

The article is devoted to the study of the institution of judicial protection of consumer rights in the United States and the Russian Federation, the study of the specifics of this institution. The article analyzes the features of the implementation of judicial protection of consumer rights, compares the functioning of this institution in the United States and the Russian Federation. Revealed similarities and differences of judicial protection in the United States and the Russian Federation.

Key words: *judicial protection, consumer rights, violation of rights, the seller, the buyer.*

В настоящее время, несмотря на большое количество законодательных актов в сфере гражданского права, в частности в области защиты прав потребителей, существуют некоторые особенности, связанные с реализацией своих прав гражданами-потребителями.

Законодательство, защищающее права потребителей, представляет собой достаточно новое направление гражданского права, которое появилось сравнительно недавно, а именно в начале XX века. Его становление было связано с возникшей необходимостью появления ограничений, как для недобросовестных продавцов, так и для недобросовестных покупателей в целях исключения случаев неосновательного обогащения и мошенничества. Принятие законодательства о защите прав потребителей было обусловлено необходимостью урегулирования постоянно увеличивающегося количества взаимоотношений между различными субъектами гражданских правоотношений. Целью принятия

данного законодательства было установление равноправного положения взаимодействующих субъектов, т. е. усматривается намерение законодателя установить такую практику, при которой были бы исключены случаи, когда отдельный потребитель ставится в неравноправное положение по сравнению с его деловыми партнерами, а именно продавцами, производителями и исполнителями услуг.

Закон «О защите прав потребителей» предусматривает два способа защиты нарушенных прав: внесудебный и судебный. Первый предполагает, что потребитель, права которого нарушены, может первоначально предъявить требования о защите нарушенного права непосредственно продавцу либо изготовителю, не обращаясь при этом с иском в суд.

Досудебный порядок рассмотрения требований потребителей предусмотрен с целью побудить стороны самостоятельно урегулировать возникшие разногласия, а продавца, изготовителя добровольно удовлетворить обоснованные требования потребителя, позволяя быстро восстановить нарушенное право.

К сожалению, в настоящее время наиболее распространена практика судебной защиты, в силу того, что продавцы и изготовители (исполнители) редко идут на добровольное исполнение обязательств по восстановлению нарушенных прав потребителей.

Немаловажной особенностью института судебной защиты прав потребителей в Российской Федерации является то, что при обращении в Верховный суд РФ, суды общей юрисдикции или к мировым судьям, в соответствии с пп. 4 п. 2 ст. 333.36 Налогового кодекса Российской Федерации истцы по искам, связанным с нарушением прав потребителей, освобождаются от уплаты государственной пошлины [2].

Привилегии для потребителей относительно судебной защиты предусмотрены и процессуальным законодательством, а именно: в части подсудности. Так, согласно п. 7. ст. 29 Гражданского процессуального кодекса РФ иски о защите прав потребителей могут быть предъявлены также в суд по месту жительства или месту пребывания истца либо по месту заключения или месту исполнения договора, то есть применяются правила альтернативной подсудности [3].

Таким образом, иски о защите прав потребителей могут быть предъявлены по выбору истца в суд по месту:

- нахождения организации, а если ответчиком является индивидуальный предприниматель, — его жительства;
- жительства или пребывания истца;
- заключения или исполнения договора.

В п. 28, 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» разъяснено следующее: «При разрешении требований потребителей необходимо учитывать, что бремя доказывания обстоятельств, освобождающих от ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательства, в том числе и за причинение вреда, лежит на продавце (изготовителе, исполнителе)» [4].

В настоящее время потребитель в Российской Федерации обладает рядом прав, позволяющих ему в полной мере отстаивать свои законные интересы. Для того чтобы в судебном порядке все законные требования потребителя были удовлетворены, ему необходимо соблюдать необходимый правовой порядок. А именно: потребитель должен соблюдать установленные законодательством РФ сроки, претензионный порядок, сохранять все подтверждающие документы, такие как: чек, гарантийный талон, инструкция по эксплуатации, а также упаковку в первоначальном виде. При общении с продавцом (изготовителем) потребителю важно помнить и, несмотря на любые устные заверения со стороны продавца, не терять бдительность и оформлять все необходимые документы письменно и надлежащим образом, что впоследствии упростит процесс доказывания в судебном процессе.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» имело большое значение в установлении единого применения судами положений законодательства в сфере защиты прав потребителей. Благодаря этому также была повышена эффективность судебной защиты.

В связи с этим продолжается процесс формирования судебной практики, которая отражает общую правовую позицию Верховного Суда Российской Федерации, отображенной в вышеуказанном постановлении. Это в большей мере повлияло на более активное отстаивание потребителями своих прав и интересов в судебных инстанциях.

Что касается защиты прав потребителей в США, то здесь необходимо отметить следующее: данный институт основывается на своеобразной системе права, действующей в США. У каждого штата свое законодательство, которое зачастую разнится с законодательством другого. То есть продавец и

производитель должны учитывать юрисдикцию штата, в котором они осуществляют свою деятельность. Что разрешено в одном штате, может быть категорически запрещено в другом.

Одной из главных особенностей является то, что законодательство США основывается на трех главных принципах:

1. Теория небрежности. Считается, что продавец или покупатель несут ответственность за свою невнимательность или иными словами небрежность. Небрежность в законодательстве Америки подразумевает деяния, совершенные без осторожности и внимательности, которые должны были быть проявлены в данном случае.

2. Теория нарушения гарантийных обязательств. Обозначает, что товар, который выставлен на продажу обладает должным качеством, не несет в себе опасности и вреда и уже готов к использованию по прямому назначению, при этом не представляя угрозы жизни и здоровью.

3. Безвиновная ответственность за вред, который был причинен вследствие недостатков товаров. Подразумевается, что ответственность за причиненный вред вследствие несоответствия товара надлежащему качеству, несет тот, кто реализует такой товар.

Верховный суд штата Калифорния установил, что товар будет признан дефектным, если получится доказать, что он не соответствует требованиям безопасности в той мере, как считал потребитель, покупая его. И еще одно немаловажное обстоятельство — товар послужил первопричиной причинения вреда потребителю или его имуществу, а продавцу или производителю не удастся доказать, что полезность товара превышает возможные риски причинения вреда [5;44].

Как в Российской Федерации, так и в США потребители обязаны сами проявлять необходимую внимательность и осмотрительность при приобретении какого-либо товара. Проявление халатной невнимательности и неосмотрительности в некоторых случаях может быть квалифицировано как вина потребителя и последующее исключение вины продавца. Примером может послужить ситуация, когда потребитель осознанно приобретает уцененный товар. Цена на него была снижена как раз из-за того, что данный товар имеет какие-либо недостатки, но покупатель по причине собственной невнимательности не заметил это и, придя домой, обнаружил, что в товаре имеется дефект. В данном случае продавец никакой ответственности нести не будет, так как он не скрывал имеющиеся в товаре недостатки, и может даже предпринять все меры для извещения о данном обстоятельстве потенциальных покупателей.

Таким образом, несмотря на незначительные различия в системе защиты прав потребителей в США и Российской Федерации, можно сделать вывод, что в обеих странах эта система развита достаточно хорошо, и в настоящее время потребители являются даже более защищенными, нежели продавцы и изготовители, что иногда приводит к злоупотреблению потребителями своими правами. Однако, в США к покупателям относятся более лояльно, чем в РФ, так как у них имеются более расширенные относительно российского законодательства права. В качестве примеров можно привести, увеличенный гарантийный срок, больший срок для обмена и возврата товара и т. д.

Необходимо отметить, что обладание основными познаниями законодательно закрепленных основ защиты прав потребителей в настоящее время для граждан жизненно необходимо и весьма полезно даже на психологическом уровне. Так, при взаимодействии потребителя и продавца (изготовителя), при возникновении конфликтной ситуации, потребитель знает, что он найдет поддержку в законе.

Отсюда следует, что разумное использование познаний в области законодательства о защите прав потребителей позволяет им осознанно сделать выбор в пользу товара надлежащего качества, имея точные и достоверные данные о нем. В случае получения некачественного товара, потребители рассматриваемых стран смело могут быть уверены в поддержке закона и твердо отстаивать свои права и интересы в судебном порядке.

Литература

1. Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 г. № 2300-1 (ред. от 18.03.2019) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 3. — Ст. 140.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2000. — № 32. — Ст. 3340.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2012. — № 9.
5. Коренева В. Г. Основные подходы в регулировании ответственности за качество выпускаемой продукции в праве США // Российский внешнеэкономический вестник. — 2010. — № 10. — С. 42-46.

6. Единообразный торговый кодекс США: Пер. с англ. / Серия: Современное зарубежное и международное право. — М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1996. — С. 69-74.

Особенности правового регулирования деятельности хозяйственных партнерств в России и США

© Д. А. Немчинова

студентка 3-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
Россия, г. Улан-Удэ
E-mail: nda1203@mail.ru

Статья посвящена изучению основ правового регулирования деятельности хозяйственных партнерств в России, которые появились в 2011 году, а также их сравнению с партнерствами США.

Ключевые слова: юридическое лицо, хозяйственное партнерство, компания с ограниченной ответственностью.

The article is devoted to the study of the foundations of legal regulation of economic partnerships in Russia, which appeared in 2011, as well as their comparison with US partnerships.

Key words: legal entity, business partnership, limited liability company.

Под воздействием различных экономических, политических, социальных, правовых и иных факторов институт юридических лиц в гражданском праве находится в постоянном развитии. Одним из существенных изменений в гражданском законодательстве стало расширение перечня организационно-правовых форм, путем включения в него хозяйственного партнерства. В Гражданском кодексе РФ содержится лишь упоминание о нем в ст. 50. Правовое положение хозяйственных партнерств детально определяет специальный Федеральный закон от 3 декабря 2011 г. № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах» (далее — ФЗ "О хозяйственных партнерствах").

Появление нового вида юридического лица способствовало возникновению споров по поводу необходимости создания новой организационно-правовой формы юридических лиц. Так, например, согласно точке зрения Г. Сенюк введение хозяйственных партнерств необходимо рассматривать как значимое событие для инновационного бизнеса и для юридических консультантов, сопровождающих бизнес в России, поскольку данная новелла способна решить множество проблем, остро стоящих перед бизнесом [2, с. 1].

Таким образом основная цель хозяйственных партнерств — создание организации, которая будет соответствовать современным требованиям инновационной деятельности, и способствовать возможности создания и воплощения наиболее рискованных бизнес-проектов, с учетом международных стандартов их реализации.

При включении новой организационно-правовой формы в перечень юридических лиц, законодателем двигала идея создания схожей с обществом с ограниченной ответственностью организации, но с большим кругом возможностей. А именно заключение соглашения об управлении деятельностью партнерства и самостоятельное определение положений его содержания.

Хозяйственное партнерство является наименее изученным видом коммерческой организации, основная цель которой, как и у всех коммерческих организаций, заключается в извлечении прибыли. Понятие хозяйственного партнерства закреплено в статье 2 ФЗ "О хозяйственных партнерствах", в котором прямо сказано, что партнерство является коммерческой организацией, а также даны основные характеристики, которые будут рассмотрены далее. Возможность участия в партнерстве имеется как у граждан, так и у юридических лиц, при этом количество участников должно быть более одного и не превышать пятидесяти.

Для создания партнерства необходим стандартный пакет документов, закрепленный в статье 12 Федерального закона от 8 августа 2001 года N 129-ФЗ "О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей", а именно: заявление о государственной регистрации; решение о создании ЮЛ; учредительный документ и квитанция об уплате пошлины [3]. Как и во многих других юридических лицах, учредительным документом партнерства является Устав.

На каждом участнике партнерства лежит обязанность по внесению вклада в складочный капитал. При этом освобождение от этой обязанности не допускается. [4] Одним из преимуществ является отсутствие как минимального, так и максимального предела в отношении размера складочного капита-

ла. Также отсутствуют положения об увеличении или уменьшении размера складочного капитала. Считается, что отсутствие этих обременительных норм, должно позитивно отразиться на развитии инновационной деятельности нашего государства. Риск убытков, которые непосредственно связаны с деятельностью партнерства, лежит на участниках только в пределах размера внесенного ими вклада.

Соглашение об управлении партнерством является одним из основных его документов, поскольку оно определяет систему, структуру, полномочия органов управления партнерством, порядок осуществления ими деятельности, а также ее прекращение, т.е. все важнейшие вопросы управления должны быть отражены в данном соглашении. Несмотря на свободу в управлении партнерством, ФЗ "О хозяйственных партнерствах" содержит положения, в рамках и с учетом которых должно составляться такое соглашение. Например, законодатель предписывает, что в каждом партнерстве должен быть Единоличный исполнительный орган. Участникам же, предоставляется право выбора: создавать или не создавать другие органы, и если создавать, то какие?! — всё это участники решают по своему усмотрению.

В специальном законе имеются ограничения относительно реорганизации партнерства, согласно которым создать партнерство путем реорганизации уже существующего юридического лица невозможно, а созданное партнерство можно только преобразовать в акционерное общество.

В отношении партнерств законом установлены запреты, которые содержатся в статье 2 ФЗ "О хозяйственных партнерствах". Эти запреты распространяются на: эмиссию ценных бумаг; размещение рекламы своей деятельности; участие в иных юридических лицах. Существует мнение, что запреты следует рассматривать как недостатки партнерства, но если сравнивать с объемом предоставляемой свободы, то можно сделать вывод, что это не должно негативно отражаться на деятельности данного юридического лица.

Известно, что создатели ФЗ "О хозяйственных партнерствах" руководствовались зарубежным опытом, согласно которому применение схожих организационно-правовых форм положительно влияет на бизнес в государстве. А именно, схожими формами являются компании с ограниченной ответственностью в США (Limited Liability Company) и партнерства с ограниченной ответственностью в Великобритании (Limited Liability Partnership) [5, с. 172].

Термин "партнерство" используется в Соединенных Штатах Америки относительно простого партнерства (или общего партнерства) и, также, является разновидностью организационно-правовой формой юридического лица. Такой вид организационно-правовой формы, как Компания с ограниченной ответственностью, был введен в США уже в начале XX века для создания наиболее благоприятных условий ведения бизнеса, целью которого является оказание медицинских, финансовых и юридических услуг.

Американской Компании с ограниченной ответственностью (LLC) присущи специфические черты как частноправового, так и публично-правового характера. Частноправовые признаки характера содержатся в самой сущности партнерства, которому изначально была предоставлена свобода в создании и организации деятельности. Эта свобода сочетается с наличием преимуществ ограниченной ответственности участников компании, характерных для корпорации. По этим критериям можно говорить о наличии сходства между хозяйственным партнерством России и Компанией с ограниченной ответственностью в США.

Отношение законодателя к составу Компании с ограниченной ответственностью, а именно к количеству участвующих лиц, достаточно лояльное. Как физические, так и юридические лица имеют возможность стать участником Компании с ограниченной ответственностью. При этом законодатель не ограничил их в количестве, а значит Компанией признается организация, состоящая как минимум из одного участника, и не имеющая верхнего предела относительно к количеству участников. Но нужно иметь в виду, что уменьшение количества участников в процессе деятельности данной Компании, влияет на ее дальнейшую судьбу. По общему правилу, если выбывает участник Компании (например, в случае смерти или исключения из состава), то она прекращает свою деятельность. Но в законодательстве некоторых Штатов могут содержаться иные положения по этому вопросу, в некоторых — содержится запрет выхода или исключения лица из Компании, а в некоторых штатах лицо имеет возможность выйти из состава участников, если это предусмотрено соглашением об управлении [5, с. 176].

Складочный капитал Американской Компании с ограниченной ответственностью формируется как с помощью внесения денежных средств, так и предоставлением движимого и/или недвижимого имущества участниками Компании. Особенностью Американской Компании является то, что внесение вклада в складочный капитал не является обязанностью участника, то есть участник по своему усмотрению решает вносить ему свой вклад или нет — это его право.

Таким образом, хозяйственное партнерство в США и России, несмотря на общую цель, имеют различия. Например, для российского партнерства имеется требование к количеству участников, которое полностью отсутствует в отношении американского партнерства. Также в России каждый участник обязан внести вклад в складочный капитал партнерства, в то же время в США это является правом, а не обязанностью. Кроме того, в Американском партнерстве изменение состава участников сильно влияет на дальнейшую судьбу партнерства, поэтому данный вопрос должен быть заранее закрепленным в соглашении об управлении партнерством, которое является важным документом как в хозяйственном партнерстве США, так и Российской Федерации.

Несмотря на то, что новая организационно-правовая форма существует уже почти семь лет и имеет большое количество плюсов для развития инновационной деятельности, бизнеса — она до сих пор не до конца изучена и крайне редко используется на практике. Возможно, необходимо больше времени, чтобы люди поняли всю суть, значение и пользу данной организационно-правовой формы.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Режим доступа www.consultant.ru. Дата обращения: 15. 02. 2019 г.
2. Малая Т. Н. Особенности правового положения хозяйственного партнерства // Огарёв-online. — 2015. — № 9(50). — С. 1–6.
3. Федеральный закон "О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей" от 08.08.2001 N 129-ФЗ. Режим доступа www.consultant.ru. Дата обращения: 15. 02. 2019.
4. Федеральный закон "О хозяйственных партнерствах" от 03.12.2011 N 380-ФЗ. Режим доступа www.consultant.ru. Дата обращения: 15. 02. 2019 г.
5. Цибенко А. Ю. Реализация и правоприменительная практика деятельности хозяйственного партнерства в США // Вестник Волгоградского государственного университета. Юриспруденция. — 2015. — № 2(27). — С. 172–180.

Сравнительно-правовой анализ реформы процессуального представительства в России и Китае

© Е. А. Нефедьева

аспирант кафедры КАМП, ассистент кафедры ГПиП
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
Россия, г. Улан-Удэ
E-mail: burfinans@gmail.com

Данная статья посвящена исследованию становления института профессионального представительства в судах России и Китая. Автор попытался провести сравнительный анализ внедрения профессионального представительства в гражданском и административном судопроизводствах через призму реформирования судебных систем обеих стран.

Ключевые слова: институт профессионального представительства, адвокатская монополия, процессуальное представительство, квалифицированная юридическая помощь, судебная реформа.

This article is devoted to the study of the formation of the institution of professional representation in the courts of Russia and China. The author attempted to conduct a comparative analysis of the implementation of professional representation in civil and administrative proceedings through the reform of the judicial systems of both countries.

Key words: institute of professional representation, lawyer monopoly, procedural representation, qualified legal assistance, judicial reform.

Как известно, через институт процессуального представительства реализуются основные конституционные права граждан в области судебной защиты: равный доступ к правосудию, право на своевременное получение квалифицированной юридической помощи и равенство всех перед законом.

За последние десятилетия в России и Китае проводится активное реформирование всей судебной системы и отдельных положений процессуального законодательства в целях наиболее эффективной реализации гарантий судебной защиты прав граждан обоих государств.

Целью данного исследования является сравнительно-правовой анализ реформы процессуального представительства России и Китая: какие этапы судебной реформы затронули данный институт, какие виды представительства выделяются в различных категориях судопроизводств, а также тенденции развития судебного представительства.

Судебная реформа. Судебную реформу современной России можно разделить на четыре основных периода. Первый период обозначен принятием в 1991 году Концепции судебной реформы в РСФСР, когда государством были определены основы судебной системы (структура, статус судей, сам процесс судопроизводства).

Далее были приняты три последовательные среднесрочные федеральные целевые программы «Развитие судебной системы» на соответствующие периоды. На данных этапах завершилось формирование структуры судебной системы в соответствии с действующим законодательством, были введены в действие процессуальные кодексы, возрождена система мировых судей и т.д.

Одновременно с последней федеральной целевой программой начали действовать Основы государственной политики РФ в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (2011) и государственная программа РФ «Юстиция» (2014), которые и стали толчком к непосредственному реформированию института процессуального представительства в административном, гражданском и арбитражном судопроизводствах. Изменение законодательства в данной сфере направлено прежде всего на регулирование рынка оказания квалифицированной юридической помощи гражданам, а также закрепление института профессионального представительства во всех видах судопроизводства.

В Китайской Народной Республике судебная реформа началась с принятием Конституции 1954 года и ряда Основных законов, которые определили систему и основные функции народных судов и прокуратур, публичных судебных процессов, народных присяжных, правового надзора, гражданского посредничества.

С началом «культурной» революции в 1978 г. Китай восстановил и перестроил судебную систему, а также сформулировал и исправил ряд фундаментальных законов. Согласно Белой Книге «Судебная реформа в Китае» [7], утвержденной в октябре 2012 года Информационным бюро Государственного Совета КНР, еще в 1990-х годах китайские суды начали свою реформу, сосредоточив внимание на усилении функций судебного разбирательства, расширении открытого судопроизводства и повышении профессионализма судей.

Дальнейшая реформа позволила решить проблемы, которые вызывали наибольшие жалобы со стороны общественности и которые препятствовали осуществлению надлежащего правосудия. За время реформы было осуществлено и внедрение института профессионального представительства вначале в гражданском, а потом в административном судопроизводствах в 201–2014 годах.

Как мы видим, судебная реформа Китая основывалась на тех же задачах и принципах, что и в России: усиление защиты прав человека, реализация доступа к правосудию, открытость и гласность судопроизводства, беспристрастность и прозрачность судопроизводства, улучшение кадрового потенциала судебных органов, решение организационно-технических проблем и т.д.

Судебное представительство. В теории процессуального права судебное представительство обычно делят на две большие группы: добровольное и обязательное (основанное на законе). В данной статье будет рассматриваться только первый вид представительства.

На протяжении всего существования современной системы российского судопроизводства профессиональное представительство было реализовано исключительно через адвокатуру, при этом гражданам не запрещалось иметь в качестве представителя в гражданском или административном процессе любое дееспособное физическое лицо, наделенное полномочиями на основании доверенности.

Исключение составляла лишь область конституционного судопроизводства. Так, согласно статье 53 Федерального конституционного закона о Конституционном Суде Российской Федерации «представителями сторон могут быть также адвокаты или лица, имеющие ученую степень по юридической специальности» [3].

Гражданами неоднократно предпринимались попытки оспорить данное положение в Конституционном суде РФ, в части его соответствия Конституции РФ, однако позиция Конституционного суда РФ остается непреклонной и сводится к тому, что «этим положением не только гарантируется обеспечение конституционного требования об оказании квалифицированной юридической помощи, но и учитывается особая правовая природа Конституционного Суда Российской Федерации, уполномоченного решать только вопросы права» [5].

Как отмечалось выше, более 20 лет в других судопроизводствах России, кроме уголовного и конституционного, никаких квалификационных ограничений к представителям сторон законодателем не вводились.

Впервые свое становление в судах общей юрисдикции институт профессионального процессуального представительства проходит в 2015 году, когда вводится в действие Кодекс административного производства РФ, согласно которому представителем может быть адвокат или любое дееспособное

собное лицо, имеющее высшее юридическое образование (ученую степень). При этом, Конституционный суд РФ также в своих определениях, в части проверки статьи 55 КАС РФ на соответствие Конституции РФ, сослался на право (дискрецию) законодателя определять порядок и необходимые требования для лиц, представляющих интересы других лиц в том или ином судопроизводстве, а также на особый характер административного судопроизводства, требующий специальных познаний в области права.

Как указал суд, государство гарантирует «гражданам возможность защищать свои права путем оспаривания не только решений, действий (бездействия) органов, организаций, лиц, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, но и нормативных правовых актов».

Поэтому, определяя условия использования этого способа защиты прав, законодатель мог учитывать его специфику, состоящую как в предмете рассмотрения по таким делам (преимущественно вопросы права, а не факта — части 7 и 8 статьи 213 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации), так и в том, что по своей природе обжалование гражданином нормативного правового акта не ограничивается только определением его прав и обязанностей, но затрагивает правовые интересы всех лиц, которые попадают в сферу регулирования этого акта» [4].

На сегодняшний день профессиональное представительство, т.е. когда представителем в судебном процессе может выступать адвокат, сдавший квалификационный экзамен, или лицо, получившее высшее юридическое образование, не реализовано лишь в гражданском судопроизводстве в арбитражных судах и судах общей юрисдикции. Однако, на основании Федерального закона [2], который внес изменения в Гражданский процессуальный кодекс РФ и Арбитражный процессуальный кодекс РФ, с введением на территории РФ кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции представители сторон в гражданском и арбитражном процессах обязаны будут иметь высшее юридическое образование (ученую степень по юридической специальности) или обладать статусом адвоката. При этом законодатель пока не предъявляет такие требования к представителям, ведущим судебное дело у мирового судьи или в районном суде.

Подобным же образом реформирование института процессуального представительства проходило и в Китае, но с некоторыми особенностями.

Во-первых, если проводить параллель по системе судостроительства России и КНР, то в Китае отсутствует Конституционный суд и, как следствие, никоим образом не регламентирован порядок обжалования положений нормативных правовых актов на соответствие Конституции КНР. Поэтому провести сравнение по представительству в конституционном процессе не представляется возможным.

Во-вторых, глобальные поправки, которые были внесены в Гражданский процессуальный кодекс КНР в 2012 году и вступили в силу с 1 января 2013 года, коснулись в том числе закрепления профессионального представительства на всех уровнях народных судов в гражданском процессе.

На основании статьи 58 Гражданского процессуального кодекса КНР (в новой редакции) стороны в качестве представителя могут назначить либо адвоката, либо сотрудника соответствующей юридической консультации (*прим.* имеется в виду юридическая фирма, оказывающая юридические услуги), близкого родственника или сотрудника общественной организации [1]. То есть, как и в России, до 2012 года в КНР в народных судах (кроме уголовного судопроизводства) представительство было добровольным без каких-либо профессиональных цензов. С внесением поправок в Гражданский процессуальный кодекс КНР была введена такая категория представителей, как «сотрудник юридической консультации», которые также обязаны сдавать квалификационный экзамен прежде, чем поступить на работу в юридическую консультацию и далее иметь возможность осуществлять представление интересов граждан в суде.

В-третьих, в 2014 году положения по процессуальному представительству из гражданского судопроизводства были перенесены без каких-либо нововведений в 31 статью Административно-процессуального закона КНР практически слово в слово [6].

Сравнивая введение института профессионального представительства в гражданский и административный процессы в обоих странах можно отметить следующее. В Китае отказались от так называемого «свободного» представительства раньше, чем в нашей стране. Также необходимо отметить, что в Китае сохранилась такая категория представителей, как близкие родственники. Данный вид представительства в России реализован лишь в уголовном процессе, когда наряду с адвокатом в качестве защитника может быть допущен близкий родственник. Исходя из этого, нельзя однозначно утверждать, что в КНР на представительство в судах существует тотальная адвокатская монополия.

В России профессиональное представительство введено пока лишь в конституционном и административном судопроизводстве. При этом прослеживается поэтапная реализация законодателем по-

ложений государственной программы «Юстиция» в части окончательного введения во все виды российского судопроизводства исключительно профессионального представительства. Отразится ли это на ограничении конституционных прав граждан на доступ к правосудию и судебную защиту на текущем этапе оценить сложно, так как концепция регулирования рынка юридических услуг находится пока еще в стадии реализации.

Однако можно констатировать тот факт, что и в России, и в Китае судебная реформа процессуального представительства основана на заимствовании опыта большинства западных стран, где в суде могут выступать исключительно лица, обладающие определенным статусом или лицензией, и рано или поздно институт профессионального представительства, пусть и в несколько упрощенной форме, будет закреплен в обоих странах окончательно.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс КНР: пер. с кит. / под ред. С.А. Халатова. — М.: Инфотропик Медиа, 2014. — 144 с.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ. // *Собрание законодательства РФ*. — 2018. — № 49 (часть I). — Ст. 7523.
3. О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ // *Собрание законодательства РФ*. — 1997. — № 13. — Ст. 1447.
4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кораблева Дениса Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 55 и частью 9 статьи 208 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 27.03.2018 № 608-О. — Режим доступа: Система Консультант-Плюс.
5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Токача Олега Леонидовича на нарушение его конституционных прав положением части второй статьи 53 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2002 № 302-О. — Режим доступа: Система Консультант-Плюс.
6. 共和国行政訴訟法 (Administrative Procedure Law) // National People's Congress. Beijing, 04.04.1989 [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/2017-06/29/content_2024894.htm (08.04.2019).
7. White Paper on Judicial Reform in China // Information Office of the State Council. Beijing, October 2012 [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://english.court.gov.cn/2016-03/03/content_23724636_3.htm (08.04.2019).

Гражданско-процессуальный кодекс России и Китая: общий анализ

© А. О. Новоселова

магистрант 2-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский госуниверситет университет»
Россия, г. Улан-Удэ
E-mail: kompas2920@mail.ru

В настоящей статье предпринята попытка сравнительного анализа гражданского процесса России и Китайской Народной Республики в призма правового анализа гражданских процессуальных кодексов. Несмотря на заметную схожесть гражданского процесса России и Китайской Народной Республики, выраженную в структуре кодексов в общем и положениях об исполнении судебных актов в частности. Нельзя не заметить значительные различия и особенности, обусловленные формированием гражданского процесса Китая в отличных условиях и направленности на регулирование отношений в обществе, обладающем отличным социальным и правовым опытом. Компаративистский метод исследования позволит оценить нормы, регулирующие гражданский процесс, выявить недостатки и преимущества. Несомненно такое исследование в состоянии обозначить возможные направления развития отечественного гражданского процесса. Схожесть гражданского процесса России и КНР обуславливает возможность заимствования отдельных норм и институтов, которые направлены на разрешение схожих проблем, возникающих в гражданском процессе обоих государств.

Ключевые слова: Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации, Гражданско-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики, народные суды, принцип коллегиальности, порядок извещения, прокурорский надзор.

This article attempts to make a comparative analysis of the civil process in Russia and the People's Republic of China in the light of the legal analysis of civil procedural codes. Despite the noticeable similarity of the civil procedure of Russia and the People's Republic of China, expressed in the structure of the codes in general and the provisions on

the implementation of judicial acts in particular. It is impossible not to notice the significant differences and peculiarities caused by the formation of the civil process in China in different conditions and focus on regulating relations in a society with excellent social and legal experience. Comparative research method will allow to assess the norms governing the civil process, to identify the disadvantages and advantages. Undoubtedly, such a study is able to identify possible directions for the development of the domestic civil process. The similarity of the civil process in Russia and the PRC makes it possible to borrow individual norms and institutions that are aimed at solving similar problems arising in the civil process in both states.

Key words: *Civil Procedure Code of the Russian Federation, Civil Procedure Code of the People's Republic of China, people's courts, principle of collegiality, notification procedure, prosecutor's supervision.*

В настоящее время актуальной является проблема стабилизации и модернизации гражданского процесса в России. Регулярные законодательные нововведения, направленные на качественное улучшение гражданского процесса и снижение нагрузки на суды в целом, призваны разрешить данный вопрос. А поскольку российское процессуальное право не может жить и развиваться в вакууме, необходимо учитывать, а при необходимости перенимать опыт других стран.

Одним из стремительно развивающихся государств мира является Китайская народная Республика (далее — КНР). Изучение норм китайского процессуального права может стать поводом для размышления о том, как и каким образом, развить и еще больше усовершенствовать российское гражданско-процессуальное право.

Гражданский процесс России и КНР базируется на аналогичных принципах, таких как законность, объективная истина, процессуальное равенство сторон и содержит схожие правовые институты, например приказное, упрощенное и особое производства.

Судебная система Китая в соответствии с Законом КНР «Об организации народных судов» включает в себя Верховный народный суд КНР, военные и другие специализированные суды и местные народные суды. В свою очередь местные народные суды делятся на три звена: народные суды основной, средней и высшей ступени. Такое деление обусловлено территориальной и родовой подсудностью рассматриваемых дел. Так же как и в России, в Китае порядок рассмотрения гражданских дел урегулирован Гражданско-процессуальным кодексом КНР (далее — ГПК КНР), принятым 09 апреля 1991 года на 4 собрании 7-го созыва Всекитайского собрания народных представителей.

При исследовании общих положений Гражданско-процессуального кодекса Китайской Народной Республики (далее — ГПК КНР) весьма интересным представляется урегулирование вопроса о подсудности. Так, если народный суд, которому передано дело по подсудности для рассмотрения другим судом сочтет, что переданное дело в соответствии с правилами не относится к его подсудности, он, руководствуясь статьей 36 ГПК КНР, обязан обратиться в вышестоящий народный суд с вопросом об определении подсудности. Таким образом, в Китае возможны споры о подсудности [1, с. 25-26]. В Российской Федерации согласно статье 33 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) споры о подсудности между судами не допускаются, и суд, которому такое дело было передано для рассмотрения, не вправе в дальнейшем передавать его в другой суд по подсудности, а обязан рассмотреть спор по существу.

В силу принципа коллегиальности, закрепленного в статье 10 ГПК КНР, рассмотрение дел осуществляется коллегиально. Состав суда первой инстанции включает в себя трех судей, либо судью и двух народных заседателей. Состав суда второй инстанции исключительно состоит из судей (ст. 40 ГПК КНР) [1, с. 8, 27–29]. Рассмотрение же гражданских дел в упрощенном производстве, так же как и в России осуществляется судьей единолично.

В настоящее время все большее внимание уделяется институту примирения сторон. Не является исключением и КНР. С начала XXI века в Китае активно развивается посредничество (медиация). Количество разрешенных дел при помощи посредничества является одним из ярких показателей качественной работы судьи. В ГПК КНР примирению сторон посвящена отдельная глава, в которой законодатель подчеркивает добровольность такой процедуры, основанной на определенности фактов, разделении правды и неправды. При проведении примирения народный суд может пригласить для содействия соответствующие организации и граждан, которые обязаны оказать содействие народному суду в проведении примирения. При достижении соглашения в результате примирения народный суд обязан изготовить и подписать мировое соглашение, которое заверяется печатью народного суда и вручается сторонам [1, с. 57]. ГПК РФ в свою очередь подробно не регламентирует процедуру примирения сторон, а обращение законодателя в сторону мирового соглашения можно наблюдать в виде отдельных предложений на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, в случаях прекращения производства по делу или на стадии апелляционного производства. При этом участие суда в примирении сторон минимально. Возможно, более конкретное и обособленное обращение законода-

теля к процедуре примирения сторон в гражданском процессе способствовало бы большему отклику у участников гражданского дела закончить судебное разбирательство миром.

В порядке упрощенного производства возможна подача искового заявления в устной форме, при наличии подтверждаемых трудностей с составлением письменного искового заявления. В этом случае суд фиксирует основные сведения, способы связи, требования, доводы и доказательства истца. После оглашения истцу отмеченных сведений, лицо подписывает заявление или оставляет на нем отпечаток пальца [1, с. 79–80]. Таким образом, законодательное оформление права устной подачи иска в суд в полной мере закрепляет конституционный принцип гарантии судебной защиты прав и свобод гражданина.

Порядок извещения сторон в гражданско-процессуальном кодексе России и Китая имеет схожие черты. Но есть и определенные отличия. Так при принятии искового заявления к рассмотрению, в порядке подготовки дела к судебному разбирательству суд в Китае неоднократно уведомляет стороны о начавшемся процессе: в течение пяти дней со дня возбуждения гражданского дела сторону ответчика, стороны в течение трех дней после определения состава суда, за три дня до судебного заседания всех лиц, участвующих в деле [1, с. 71–74]. Многократное уведомление сторон с одной стороны гарантирует надлежащее извещение всех лиц, участвующих в деле, о начале судебного процесса, с другой, существенно повышают нагрузку на аппарат суда в целом. Кроме того ГПК КНР предусматривает особый способ извещения стороны: публичное объявление о вручении (ст. 92 ГПК КНР). К такому способу извещения суд прибегает в случае, когда неизвестно место пребывания адресата, либо при невозможности вручить адресату процессуальные документы иными способами. Публикация объявления о вручении может осуществляться путем размещения объявления на информационной доске по месту нахождения суда, развешивания объявлений по последнему месту жительства адресата, так же допускается публикация объявления в печатных изданиях. Документы признаются врученными по истечении 60 дней со дня публикации объявления [1, с. 56–57]. Согласно ГПК РФ при отсутствии сведений о месте пребывания ответчика суд приступает к рассмотрению дела при поступлении такой информации с последнего известного места жительства ответчика.

Следует отметить значительную власть суда, которая проявляется в его полномочиях по самостоятельному привлечению к ответственности лиц и организаций, препятствующих суду в сборе доказательств или при отправлении правосудия. Данная особенность направлена на соблюдение принципа добросовестности, который нашел свое отражение как в 1 главе ГПК, так и в нормах регулирующих процесс сбора и представления доказательств, а также ответственность за процессуальные нарушения. В предусмотренных законом случаях народный суд может подвергнуть штрафу, а в случае отказа от содействия суду, после применения штрафа подвергнуть ответственных лиц аресту [2].

Заемствование принципа добросовестности позволило бы гражданскому процессу России дисциплинировать сторон, что в свою очередь положительно отразилось бы на осуществлении судопроизводства в целом. К примеру, отказ в принятии доказательств за пределами предусмотренного законом срока поспособствует отказу участников процесса от затягивания рассмотрения дела путем поэтапного представления доказательств. Полномочия суда по самостоятельному привлечению к ответственности путем наложения штрафов и применения ареста могут кардинально изменить порочную практику оставления судебных актов без внимания.

Особую роль в осуществлении правосудия в Китае играет народная прокуратура, выполняющая надзорную функцию. Так в отношении уже вынесенных решений суда, прокуратура, обнаружив существенное нарушение процессуальных и материальных норм права, может обратиться в суд с апелляцией или предложением прокурорского надзора в отношении принятого судебного акта. Предложение об осуществлении прокурорского надзора — это новый вид контроля, позволяющий народной прокуратуре Китая осуществлять надзор за всеми судебными процессами в народных судах. Непосредственным правом апелляционного обращения в прокуратуру обладают и лица, участвующие в деле [3, с. 37]. В России полномочия прокурора ограничены правом подачи искового заявления в суд и непосредственного участия в судебном процессе, что обусловлено принципом разделения властей в Российской Федерации.

Таким образом, исследование гражданского процесса в Китае позволило увидеть всю самобытность взгляда китайского законодателя на правильное и справедливое отправление правосудия. Безусловно, в научной статье в полной мере не получили отражения и другие весьма интересные положения ГПК КНР, но данное научное исследование ставило целью продемонстрировать хотя бы малую часть отличительных особенностей ГПК КНР, многие из которых при грамотной интерпретации могли бы положительно улучшить отечественное процессуальное право.

Сравнение Гражданского процесса КНР и России позволяет сделать вывод о наличии как схожих, так и разительно отличающихся институтов и принципов, более того Гражданский процесс КНР имеет уникальные нормы, наличие которых обусловлено особенностями развития и общественного уклада данной страны. Несмотря на то, что гражданский процесс Китая сохранил в себе, быть может, архаичные, консервативные положения, от которых отошел законодатель России, тем не менее, он, безусловно, обладает самобытными нормами и взглядами на систему отправления гражданского правосудия. Переняв положительный опыт гражданского судопроизводства Китая, российский законодатель может еще больше укрепить силу и значимость судов, обеспечить упрощение и ускорение судопроизводства, а так же повысить авторитет и наряду с ним доверие общества к суду в частности и правосудию в целом.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс КНР : пер. с кит. /под ред. С.А. Халатова. — М.: Инфотропик Медиа, 2014. —144 с. — ISBN 978-5-9998-0187-6.
2. Особенности законодательства в Китае [Электронный ресурс]. URL: <https://www.leoleo.me/ru/news/poleznoe/osobennosti-zakonodatelstva-v-kitae>(дата обращения: 27.04.2019).
3. Ха Шуцзюй. Новые тенденции развития гражданско-процессуальной системы КНР //«Исследование гражданского права и торгового права на фоне китайско-русского стратегического взаимодействия». LexRussica. — 2014. — № 1. — С. 33-40.

Социальное страхование работников в России и Китае: сравнительно-правовой анализ

© Д. М. Побежимов

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
Россия, г. Чита
E-mail: PobejimovD@mail.ru

В работе автор проводит сравнительно-правовой анализ законодательства по социальному страхованию работников в Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Основное место в исследовании занимает анализ нормативно-правовых актов, устанавливающих порядок и размер отчислений из заработной платы трудящихся. В исследовании также определены сходства и различия законодательства стран по страхованию работников.

Ключевые слова: конституция, социальное страхование, фонд, заработная плата, работник.

In this paper, the author conducts a comparative legal analysis of the legislation on social insurance of workers in the Russian Federation and the people's Republic of China. The main place in the study is the analysis of legal acts establishing the order and amount of deductions from the wages of workers. The study also identified similarities and differences in the legislation of the countries on employee insurance.

Key words: constitution, social insurance, fund, wages, worker.

Согласно ст. 7 Конституции РФ Российская Федерация провозглашается социальным государством, главной задачей которого является достижение равенства всех граждан. Социальное государство стремится обеспечить каждому работающему гражданину достойный прожиточный минимум, чтобы он имел возможность зарабатывать не только на себя, но и на содержание своих нетрудоспособных членов семьи. И если такая возможность по разным причинам не реализуется, то государство окажет помощь [2, с. 75]. Так же право каждого гражданина на социальное обеспечение (государственные пенсии и социальные пособия) предусмотрено и гарантируется ст. 39 Конституции Российской Федерации [1]. Во исполнение этих конституционных норм в предмет трудового права входят отношения по обязательному социальному страхованию (п. 9, ч. 2 ст.1 ТК РФ).

В соответствии со ст. 45 Конституции КНР граждане в случае потери трудоспособности имеют право на получение от государства и общества материальной и иной помощи) [3]. Государство стремится развивать и гарантировать социальное страхование, необходимое для реализации этого права граждан. Социальные гарантии, предусмотренные Конституцией КНР, также, как и в России закреп-

лены в трудовом праве, т.е. реализуются Законом Китайской Народной Республики «О труде» (глава 9. Социальное страхование и благосостояние) [4].

Делая вывод по двум абзацам можно сказать, что Конституции обеих стран содержат нормы, которые обеспечивают и гарантируют со стороны государства социальное благополучие (материальные блага) работникам, т.е. при заболевании, получение травмы, потери работы (например, сокращение штата работников, ликвидация организации) и др. случаях. Конституционные нормы нашли свое выражение и в трудовом законодательстве государств, поэтому социальное страхование работников — это не только вид обязательного государственного страхования, но и комплекс гарантий относительно основных конституционных, а также трудовых прав человека.

В России для обеспечения права каждого работника на социальное благополучие при наступлении определенных случаев (например, выход на пенсию) были созданы внебюджетные государственные фонды, такие как пенсионный, социального страхования и обязательного медицинского страхования. Деятельность данных фондов регламентируется соответствующими федеральными законами.

В Китае для этих целей также действуют несколько фондов, это фонд базового пенсионного страхования, фонд базового медицинского страхования, страхование производственного травматизма, страхование от безработицы, страхование беременности и родов, жилищный фонд. Все перечисленные фонды составляют систему социального страхования (ст.70 Закона КНР «О труде»). Деятельность перечисленных фондов регламентируется соответствующими законами и подзаконными актами.

Здесь можно отметить, что в России удержания из заработной платы осуществляются работодателями и средства формируются без участия работника, согласно его заработной платы. В Китае эта обязанность лежит на нанимателях и на трудящихся, которые обязаны вносить взносы на обязательное социальное страхование (ст. 72 Закона о Труде). Что касается порядка и размеров отчислений из заработной платы работников на социальное страхование, то они в странах разнятся.

В России с 2017 года взносы переводятся в Фонд социального страхования и Федеральную налоговую службу. Страховые взносы перечисляются на основании постановления Правительства РФ [5], согласно которому в 2019 году установлены следующие тарифы: на обязательное пенсионное страхование — 22%, на обязательное медицинское страхование — 5,1% и в фонд социального страхования — 2,9% (без учёта взносов от несчастных случаев). Также с этого года изменились максимальные суммы для начисления взносов, так на обязательное пенсионное страхование один миллион сто пятьдесят тысяч рублей в год, при превышении этой суммы взносы уплачиваются по ставке — 10%, а не 22%. На обязательное медицинское страхование не зависимо от максимальной суммы заработка так и будет 5,1% от дохода, т.е. максимум отменен. Что касается обязательного социального страхования, то максимальная сумма составляет восемьсот шестьдесят пять рублей, при превышении этой суммы взносы не уплачиваются. Перечислять страховые взносы работодатели обязаны ежемесячно не позднее 15 числа следующего месяца [6].

В Китае взносы на пенсионное страхование перечисляются на основании Решения Государственного совета КНР «О создании единой системы базового пенсионного страхования работников предприятий» (№ 26 — 1997 г.). Данное страхование распространяется на городские предприятия, индивидуальные частные хозяйства и работников, вступивших в трудовые отношения с иными субъектами хозяйственной деятельности в городах. Доля отчислений предприятия на базовое пенсионное страхование, как правило, составляет 20% от фонда заработной платы. Если в какой-либо провинции будет довольно много работников, выходящих на пенсию, то согласно разрешения Министерства труда и Министерства финансов КНР допускается увеличение размера отчислений. Отчисления предприятия поступают в фонд пенсионного страхования, а отчисления работника — на личный счет работника. Например, в Пекине в настоящее время взносы предприятий составляют 20%, а отчисления работников 8%. Что касается медицинского страхования, то на основании Решения Государственного совета КНР «О создании системы базового медицинского страхования работников в городской местности» (№ 44 — 1998 г.) все работодатели в городах, государственные органы, учреждения, общественные организации, частные предприятия без образования юридического лица, и их работники обязаны вносить отчисления в фонд базового медицинского страхования. В Пекине взносы на данное страхование составляют 10% с предприятий, а с работников 2% с заработной платы плюс 3 юаня [7].

Страхование на случай потери работы распространяется на всех работников предприятий и учреждений в городской местности. Взносы перечисляются в фонд страхования от безработицы, который выделяет денежные средства на пособия по безработице, медицинские пособия, а также на профессиональную переподготовку и трудоустройство. В Пекине размер отчислений в этот фонд со-

ставляет 1% с организаций и 0,2% с работников. В случае получения работником производственной травмы, то ему выплачивается пособие из фонда страхования от производственных травм. Основным актом, регулирующим соответствующее страхование являются Нормы и правила «О страховании от производственных травм» от 27.07.2003 г. Размер отчислений зависит от принадлежности отрасли предприятия к одной из трех категорий: первая категория с достаточно низким уровнем опасности (например, банковское и страховое дело, образование), вторая категория со средним уровнем опасности (например, строительство, сельское и лесное хозяйство) и третья категория с достаточно высоким уровнем опасности (например, переработка нефти, добыча полезных ископаемых, металлургия). Средний размер отчислений с предприятий в данный фонд составляет 1%, с предприятий с низким уровнем опасности 0,5%, а с предприятий с высоким уровнем опасности 1,5% с заработка работника, и эта обязанность лежит только на работодателях, сами работники освобождены от этих взносов [7].

Система страхования беременности и родов распространяется на работников в городской местности и основывается на документе «Пробные меры страхования беременности и родов работников предприятий» от 14.12.1994 г. Размер отчислений в данный фонд устанавливается местными народными правительствами согласно количества женщин фертильного возраста. Взносы перечисляют работодатели, размер которых не должен превышать 1% от фонда заработной платы предприятия. Отчисления из личной заработной платы работника не производятся. В Пекине размер отчислений в данный фонд составляет 0,8% и выплачивается предприятием, где работает женщина [7].

Жилищный фонд собирает взносы, которые направляются на строительство жилья и выдачу кредитов для работников. Взносы выплачиваются государственными органами, государственными предприятиями, а также иными предприятиями, учреждениями, организациями в городской местности и их сотрудниками. Данные взносы являются собственностью работника, которые могут быть использованы работником на приобретение, строительство, реконструкцию жилого помещения, оплату найма жилья и других случаях. Размер отчислений работодателя и работника должен быть не менее 5% от средней месячной заработной платы работника за предыдущий год, который установлен нормативным актом «О регулировании взносов в фонд накопления на жилье» от 24.03.2002 г. В Пекине взносы в жилищный фонд составляют по 12% с работодателя и работника [7].

Таким образом, в среднем по России отчисления с работника на социальное страхование составляют 30% от заработной платы, более 30% удерживать запрещается. В Китае по среднему показателю также удерживается работодателем 30% от заработной платы и в среднем около 20% от своей зарплаты переводят сами работники, имеющие персональный счет.

Подводя итог, следует сказать, что при небольших отличиях в законодательстве стран по социальному страхованию работников у Правительства РФ и Государственного совета КНР одна цель — это обеспечение материального благополучия и достойной жизни трудящихся граждан. Россия и Китай стремятся стимулировать высокоэффективный и производительный труд, повышать личную ответственность граждан за свое материальное благополучие.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2014. — № 15. — Ст. 1691.
2. Алжеев И.А., Власенко И.Б., Догадайло Е.Ю. и др. Конституционное право Российской Федерации: учебник для студентов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» (квалификация «бакалавр») // отв. ред. С.И. Носов. — М.: Статут, 2014. — 391 с.
3. Конституция КНР (в редакции 2018 г.) [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.Chinalaw.centerchinalaw.center> (дата обращения: 10.02.2019).
4. Закон Китайской Народной Республики о труде (Принят на 8-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей восьмого созыва 5 июля 1994 года, введен в действие с 1 января 1995 г.) [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.chinalaw.center/labour_law/china_labour_law...2009... (дата обращения: 10.02.2019).
5. Федеральный закон РФ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с передачей налоговым органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование» от 03.07.2016 № 243-ФЗ [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200512/ (дата обращения: 08.02.11.2019).
6. Постановление Правительства РФ от 28.11.2018 № 1426 «О предельной величине базы для исчисления страховых взносов на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством и на обязательное пенсионное страхование с 1 января 2019 г.» [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.audit-it.ru/law/account/972139.html> (дата обращения: 10.02.11.2019).

7. Закон КНР о социальном страховании (Принят на 17ой сессии Постоянного Комитета Всекитайского Собрания народных представителей 28 октября 2010, вступил в силу с 1 июля 2011 г.) [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.advokat343.ru/zakon-o-socialnom-strahovanii-knr/> (дата обращения: 10.02.11.2019).

Правовые конструкции инвестирования в строительство жилья по законодательству Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки (сравнительный анализ)

© Е. Н. Раднаева

магистрант 1-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: katyaradnaeva4@gmail.com

В статье анализируется опыт привлечения инвестиций в строительство жилья по договору долевого строительства. Проводится сравнение законодательной базы, регулирующей данные отношения на примере Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки. Рассматривается история развития ипотечного кредитования в РФ и США.

Ключевые слова: гражданско-правовые конструкции, договор долевого участия, инвестиции, фонд защиты прав граждан-участников долевого строительства, ипотека, рынок жилья.

The article analyzes the experience of attracting investment in the construction of housing under a shared construction contract. A comparison is made of the legislative framework governing these relations on the example of the Russian Federation and the United States of America. The history of the development of mortgage lending in the Russian Federation and the USA is considered.

Key words: civil legal constructions, equity agreement, investment, fund for the protection of the rights of citizens participating in shared construction, mortgage, housing market.

Рассматривая опыт привлечения денежных средств в строительство жилья по законодательству России и США, можно сделать вывод, что он неодинаков. В первую очередь, стоит обратить внимание на относительную сбалансированность инвестиционного спроса и предложений строительных организаций на удовлетворение такого спроса. Такая ситуация складывается благодаря доступности строительных объектов, эффективного механизма правового регулирования, а также гарантированному возврату вложенных денежных средств, в случае невыполнения заказчиком строительства объекта.

О развитии института жилищного строительства говорят следующие цифры: в Российской Федерации лишь для 11% населения приходится от 16 до 18 квадратных метров жилья на одного человека, в то время как за рубежом эти цифры составляют 30–35 квадратных метров. Россия занимает 11 место в мире по привлечению инвестиций в строительство жилья [3, с.8]. Зарубежные системы привлечения инвестиций в строительный комплекс имеют свои особенности. Это связано с тем, что за рубежом развито ипотечное кредитование, и гражданам предоставляется готовый достроенный объект, пригодный для проживания. В таком случае гражданин может быть уверен, что застройщик выполнит свои обязательства. Столь развитая система кредитования говорит об экономической стабильности и благополучии страны, развитости ее правовых институтов.

Какова же история развития инвестирования в строительство жилья?

Благодаря «новому курсу» Франклина Рузвельта в США в 1940-е годы сложилась эффективная система ипотечного кредитования, которая позволяла и позволяет до сих пор гражданам приобрести жилье в собственность. На сегодняшний день в жилищное финансирование вовлечено большое количество организаций, институтов, рынков ценных бумаг, рынков первичных и вторичных ипотечных кредитов, банков, пенсионных фондов, брокерских фирм и т.д.

Система ипотечного кредитования в США позволила за последние 40 лет ежегодно пополнять жилищный рынок на миллиарды долларов. При этом рассрочка предоставлялась, как минимум, на 10 лет, а чаще на 20–25 лет.

В России же история ипотечного кредитования началась с 1754 года — с момента появления первых кредитных учреждений — дворянских банков, где выдавалась ссуда под залог помещичьих имений. Срок ссуды дворяне могли выбрать самостоятельно: 15, 28 и 33 года. Минимальная сумма определялась в 1500 рублей серебряными монетами.

На сегодняшний день для достижения максимальной эффективности строительной организации, фирмы объединяются между собой, предоставляют определенные скидки и преференции друг другу, например, скидка на рекламу или строительные материалы, создавая так называемые «картели» (на основе проектных, строительных и предприятий и предприятий-поставщиков).

М. М. Скулимовский говорит о том, что 80% потерь и удорожаний в процессе строительства возникают из-за несовершенства проектных решений, поэтому как зарубежные, так и отечественные специалисты пришли к выводу о необходимости реорганизации взаимодействия участников инвестиционного процесса [5, с. 8].

В США создается специальная группа, состоящая из руководителя проекта, инженеров, консультантов, экономистов, прорабов, которой поручается разработка проекта будущего объекта (расходные сметы, схемы строительства и т. д.). На основании разработанного проекта начинается работа по организации работы с подрядными фирмами. Дополнительно руководитель группы может привлечь стороннюю консультационную организацию с целью оптимизации строительного процесса.

Также стоит отметить отличные от российских отношения заказчика и подрядчика, которые в свою очередь, влияют на отношения заказчика и участника долевого строительства. Если же поставщик изготавливает вещь из своего материала, хотя бы и по заказу контрагента, то в большинстве стран признается договор купли-продажи будущей вещи [1, с. 8]. Именно этой практики придерживаются США. Другими словами, заказчик не может заключать иные договоры, кроме как с выбранным поставщиком, что является логичным, обоснованным и честным. Как отмечает С. А. Лушкин: «Также действует правило работы с долевыми схемами — «принцип второго этажа», что означает следующее: инвестирование в строительство представляется менее рискованным, если коробка дома поднялась не менее чем на два этажа» [2, с. 8].

В Российской Федерации участники долевого строительства могут вкладывать свои денежные средства еще до начала строительства, но при наличии разрешения на строительство, опубликования, размещения и (или) представления проектной декларации, права собственности на земельный участок, предоставленный для строительства (создания) многоквартирного дома и (или) иных объектов недвижимости, в состав которых будут входить объекты долевого строительства, либо договора аренды, договора субаренды земельного участка или договора безвозмездного пользования земельным участком [6, с. 8].

Более того, согласно последним изменениям в законодательстве, застройщику необходимо открыть банковский счет по каждому разрешению на строительство в уполномоченном банке. Банк будет контролировать и иметь право отказать в проведении операций, связанных с нецелевым расходованием средств. Также застройщик должен иметь собственный капитал в размере не менее 10% от общей проектной стоимости строительства объекта.

Дополнительно с целью контроля со стороны государства был создан Фонд защиты прав граждан — участников долевого строительства, призванный застраховать дольщиков от финансовых потерь в случае банкротства застройщика. Средства в Фонд вносятся застройщиком в размере 1,2% от цены договора, в свою очередь Фонд резервирует эти средства и отправляет информацию в Росреестр, где происходит регистрация договора долевого участия (ДДУ) [7, с. 8].

Анализируя мировую статистику обеспечения населения жильем, следует прийти к выводу, что политические, экономические и правовые факторы послужили основой для создания различных систем организации жилищного кредитования, активно используемых гражданами. К таким системам относятся: государственная социальная поддержка, контрактные сбережения (накопительная схема) и ипотечное кредитование. В США и России преобладает именно ипотечная модель инвестирования в строительство жилья.

В США ипотечное кредитование является одним из главных секторов экономики. Федеральное правительство создает несколько программ, спонсируемых правительством с целью стимулирования ипотечного кредитования. Эти программы включают в себя Правительственную национальную ипотечную ассоциацию (известную как Джинни Мэй), Федеральную национальную ипотечную ассоциацию (известную как Фанни Мэй) и Федеральную корпорацию ипотечного жилищного кредитования (известную как Фредди Мак) [8, с. 8].

Если рассматривать систему ипотечного жилищного кредитования в США в целом, то можно отметить, что ранее существовало «правило красной линии», в пределах которой могли быть выданы кредиты. Также при этом рассчитывались зоны рисков для выдачи кредитов. Если гражданин попадал в пределы красной линии или входил в недоступную зону риска, то ему отказывали в выдаче кредита. Кредит в США выдается на срок, в течение которого заемщик работает, то есть до

выхода на пенсию. Существует следующая особенность кредитования в США: все жилые помещения подразделяются на три группы: самое дешевое, среднее и самое дорогое. На первую группу кредит выдается государством, на две следующие группы кредит выдается с помощью частных ипотечных корпораций. В данном случае срок кредита составляет 12 лет, а размер субсидии — 75 % стоимости жилья [8, с. 8].

На данный момент в США кредит выдается на срок от 5 до 30 лет по ставке 6–7% годовых. Как правило, сумма займа составляет 100000 долларов США. Также заемщику необходимо внести первоначальный взнос, равный 30–50% от цены недвижимости и иметь хорошую кредитную историю [8, с. 8].

На сегодняшний день в Российской Федерации ипотечный кредит выдается на срок от 1 года до 30 лет по ставке 9-11% годовых, первоначальный взнос составляет от 15% от цены недвижимого имущества. При этом сумма займа, как правило, составляет от 300000 рублей [8, с. 8].

Как же Правительство Соединенных Штатов Америки реагирует на завышение цен на рынке жилья?

Если стоимость объекта строительства начинает превышать издержки производства и среднюю норму прибыли, государственные органы вмешиваются и регулируют цену на такой объект. Норма прибыли строительно-монтажных работ составляет 10–12% от издержек производства. При условии, что прибыль превышает свою обычную норму, то исследуются причины такого завышения, а при условии, что рост не обосновывается какими-либо причинами, то государственные органы регулируют эту цену в принудительном порядке [4, с. 8].

За рубежом главным определяющим принципом при строительстве объектов является определение достоверной стоимости проекта. Для этой цели на всех этапах инвестирования применяются «укрупненные показатели стоимости строительства» или сокращенно УПСС. В Соединенных Штатах Америки издание «R.S.MEANS» ежегодно выпускает сборники цен со среднеамериканскими показателями, что позволяет инвесторам принять более выгодное решение.

Выше было рассмотрено правовое регулирование долевого участия в строительстве на примере Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки. В США данный институт имеет более давнюю историю и, возможно, более высокие показатели эффективности, но хотелось бы отметить, что на современном этапе развития данного института и в нашей стране, делаются большие шаги в предоставлении потребителю услуги более высокого качества. Государственные органы вносят предложения по ужесточению контроля в сфере долевого строительства, что позволяет застраховать гражданина от финансовых потерь. Такие меры позволяют институту стабильно развиваться, предполагают ему надежность, доступность услуги широким слоям населения по доступным ценам и при минимальных рисках.

Литература

1. Васильев Е.А. / Гражданское и торговое право зарубежных государств. Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: Международные отношения, 2016. — С.349
2. Лушкин С.А. Некоторые аспекты инвестирования строительства жилья на долевой основе // Экономика строительства. — 2018. — № 7. — С. 18.
3. Матюгина Э.Г. О рынке жилья // Жилищное строительство. — 2018. — № 1. — С. 8
4. Рахман И.А. Инвестиционно-строительная деятельность: зарубежный опыт // Строительный бизнес. — 2017. — № 2. — С. 3.
5. Скулимовский М.М. Сокращение сроков реализации инвестиционно-строительных проектов: Новые подходы // Экономика строительства. — 2018. — № 5. — С. 14.
6. Федеральный закон от 30.12.2004 №214-ФЗ (ред. от 25.12.2018) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»// Российская газета. — 2004. — № 292. — 31 декабря.
7. Фонд214// [Электронный ресурс] // URL: <https://xn--214-mdd8bf5b.xn--p1ai/about> (дата обращения 30.03.2019 г.).
8. GinnieMae // [Электронный ресурс] // URL: <https://www.ginniemae.gov/pages/default.aspx> (дата обращения 30.03.2019 г.).

Правовое регулирование некоторых объектов интеллектуальной собственности по законодательству России и США: сравнительный анализ

© Т. А. Савельева

студент 4-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ,

E-mail: ts.162307.ts@gmail.com.

Данная статья посвящена исследованию такого института интеллектуальной собственности, как товарный знак. Отличительной особенностью работы является то, что автором проведен сравнительный анализ правового регулирования данного института в России и США. Автором были выделены основные сходства и различия, обозначена проблематика, даны основные понятия, а также предложены некоторые варианты по решению данной проблемы.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, товарный знак, торговая марка, правовая охрана, правовое регулирование.

This article is devoted to the study of such an Institute of intellectual property as a trademark. A distinctive feature of the work is that the author conducted a comparative analysis of the legal regulation of this institution in Russia and the United States. The author identified the main similarities and differences, identified problems, given the basic concepts, as well as some options for solving this problem.

Key words: intellectual property, trademark, trademark, legal protection, legal regulation.

В последние десятилетия наиболее динамичного инновационного развития одним из лидирующих факторов производства становится информация. Ежегодно число работников интеллектуального труда возрастает, развиваются наукоемкие отрасли промышленности. Интеллектуальная собственность приобретает значение важного стратегического ресурса.

После учреждения 26 апреля 1970 года Всемирной организации интеллектуальной собственности (далее ВОИС) значение интеллектуальной собственности на уровне мировой экономике начало стремительно возрастать. Основная цель данной организации — разработка механизма правового регулирования института интеллектуальной собственности.

Под интеллектуальной собственностью принято понимать результаты умственной, творческой деятельности человека: литературные, музыкальные, художественные, научные произведения, торговые марки, знаки обслуживания, фирменные наименования, изобретения, промышленные образцы, исполнительская деятельность артистов, компьютерные программы и т.п. [1, с. 69–70].

Законодательно понятие «интеллектуальная собственность» закреплено в Конвенции, учреждающей ВОИС. В соответствии с данной Конвенцией, «интеллектуальная собственность» включает права, относящиеся к: литературным, художественным и научным произведениям, исполнительской деятельности артистов, звукозаписи, радио- и телевизионным передачам, изобретениям во всех областях человеческой деятельности, научным открытиям, промышленным образцам, товарным знакам, знакам обслуживания, фирменным наименованиям и коммерческим обозначениям, защите против недобросовестной конкуренции, а также все другие права, относящиеся к интеллектуальной деятельности в производственной, научной, литературной и художественной областях [2, с. 53].

Легальное определение интеллектуальной собственности в России было исключено Федеральным законом от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ, в части четвертой Гражданского кодекса РФ (ст. 1225) [1] перечисляются объекты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана.

Одним из объектов интеллектуальной собственности является товарный знак. Уже с девятнадцатого века, когда торговые отношения развивались в усиленном темпе, а конкуренция на товарных рынках была распространена повсеместно, товарный знак считался одним из наиболее эффективных средств рекламы.

Правовое регулирование отношений, объектом которых выступает товарный знак, осуществляется частью четвертой Гражданского кодекса РФ. В соответствии со статьей 1477 ГК РФ, товарный знак является основным средством индивидуализации определенных товаров субъектов гражданского оборота, такие субъекты обладают исключительным правом, которое, в свою очередь, удостоверяется свидетельством на товарный знак [1].

В США одним из самых распространенных объектов интеллектуальной собственности является право на торговую марку, представляющую собой имя, термин, знак, символ, рисунок или их сочета-

ние, предназначенные для идентификации товаров или услуг одного производителя или продавца в целях их дифференциации от товаров и услуг конкурентов [2].

Как в России, так и в США обладателями права на товарный знак / торговую марку выступают производители, субъекты гражданского оборота, т.е. юридические лица и индивидуальные предприниматели.

Товарный знак в России подлежит обязательной государственной регистрации на основании заявки юридического лица или индивидуального предпринимателя. Сведения о товарном знаке подлежат включению в государственный реестр товарных знаков и находятся в открытом доступе. По итогам регистрации в течение месяца Роспатент, как регистрирующий орган, обязан выдать свидетельство на товарный знак.

В США торговая марка также подлежит регистрации в федеральном управлении по регистрации патентов и торговых марок. Процедура регистрации в данном случае выступает средством защиты при причинении вреда в ходе использования ее другими субъектами, не имеющими на то права. Регистрация торговой марки в США должна быть осуществлена повторно через 5 лет, а в последующем — каждые 20 лет. Зарегистрированная торговая марка подлежит использованию в торговле в течение 6 месяцев с момента регистрации [2].

В России исключительное право на товарный знак действует в течение 10 лет с даты подачи заявки на государственную регистрацию товарного знака в регистрирующий орган. В течение последнего года действия этого права его обладателем (юридическим лицом или ИП) может быть подано заявление о продлении срока действия исключительного права на 10 лет, причем, стоит отметить, продление срока действия возможно неограниченное число раз. Кроме того, в случае пропуска срока подачи такого заявления, по ходатайству правообладателя ему возможно предоставление 6 месяцев для подачи заявления о продлении срока действия исключительного права.

В США действует Закон о «добросовестном намерении», его положения разъясняют порядок использования торговой марки. Зарегистрированная торговая марка подлежит использованию в торговле в течение 6 месяцев с момента регистрации.

В российском законодательстве установлено, что правовая охрана товарного знака может быть прекращена досрочно, если будет установлено, что товарный знак не используется в гражданском обороте непрерывно в течение любых трех лет после его государственной регистрации [1].

Среди видов торговых марок в США принято выделять так называемые «сильные», сложные, с определенным замыслом, подделать который достаточно трудно, не связанные ни внешне, ни словесно с товаром, и «слабые», которые, как правило, содержат прямое описание товара [2].

В России в качестве товарных знаков могут быть зарегистрированы словесные, изобразительные, объемные и другие обозначения или их комбинации. Товарные знаки и торговые марки могут быть зарегистрированы с использованием любого дизайна, цветов и цветовых комбинаций.

Наряду с товарными знаками и торговыми марками, индивидуализирующими товары субъектов гражданского оборота, как в России, так и в США, для индивидуализации выполняемых этими субъектами работ или оказываемых ими услуг существуют знаки обслуживания, порядок регистрации которых полностью совпадает с товарными знаками и торговыми марками.

Законодательство России и США неоднозначно в вопросе охраны товарных знаков / торговых марок. Как уже было отмечено, процедура регистрации является гарантией защиты, однако в США приоритет имеют права потребителя, в России же действует приоритет прав владельца-производителя товарного знака. Правовая охрана товарного знака осуществляется на основе закона Лэнхэма (15 U.S.C.S) и действует в течение 10 лет [8].

Согласно требованиям международных договоров (ст. 5 Парижской конвенции по охране промышленной собственности, ст. 19(1) соглашения TRIPS), одним из условий предоставления правовой охраны товарного знака в США является его использование в соответствии с целями, для которых товарный знак зарегистрирован [9].

В России не допускается государственная регистрация товарных знаков, которые не обладают определенными различительными особенностями, являются сходными до степени смешения, тождественными с товарными знаками других лиц, зарегистрированными ранее. Вопрос же о нормативном основании установления сходства до степени смешения до сих пор остается неразрешенным (действуют лишь «Методические рекомендации по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство» (Приказ Роспатента от 31.12.09 № 197)), в результате чего в сфере интеллектуальной собственности ежегодно находятся достаточное количество самых необычных споров.

Роспатентом было отказано в предоставлении правовой охраны товарному знаку «ВОЛЬСКАЯ КОРОВКА», поскольку оно является сходным до степени смешения с уже зарегистрированным то-

варным знаком «КОРОВКА». «Красный Октябрь», как владелец этого товарного знака, обратился в суд. Суд по интеллектуальным правам (далее СИП), встав на защиту потребителей, посчитал, что слишком высока вероятность введения потребителей в заблуждение относительно производителя этого товара, поскольку, по мнению СИП, в данном обозначении товара логическое ударение падает именно на слово КОРОВКА [5].

Также, Верховным судом был удовлетворен иск французского производителя к нескольким обществам с ограниченной ответственностью о признании недействительными договоров об отчуждении исключительных прав на товарные знаки и осуществления их государственной регистрации. Предметом спора выступили несколько товарных знаков, наличие которых в России, по мнению истца, могло стать причиной заблуждения потребителей как во Франции, так и в России относительно товара и его производителей [6].

Между тем, в нескольких штатах США создан и действует экспертно-консультационный отдел при федеральном управлении по регистрации патентов и торговых марок. Так, в штате Орегон в консультационном отделе насчитывается около 20 экспертов, которые на основании судебной практики сформировали ряд критериев, позволяющих определять степень идентичности торговых марок в заявительном порядке до обращения в суд, в частности, к таким критериям относятся следующие:

1) наличие различительных особенностей торговой марки, представленной для экспертизы: обладает ли заявляемая марка распространённой формой или дизайном, уникальна или необычна ли она в сфере деятельности, в которой будет использована, способна ли она произвести коммерческое впечатление, отличное от сопровождающих слов и пр.)

2) определение сходства характеристик торговой марки с уже существующими в торговом обороте.

3) определение сходства характеристик самого товара и сферы его распространения с уже существующими товарами данной марки.

4) определение источников распространения информации о товаре и торговой марке.

5) оценка практического сходства товара с уже представленными на рынке со сходной товарной маркой.

По результатам работы выносится акт проведенной экспертизы, который выдается заявителю, и в последующем может быть применен в судебном разбирательстве, как неопровержимое и достоверное доказательство. Состав экспертно-консультационного отдела формируется путем случайной выборки из числа подавших заявки людей разных сфер предпринимательской деятельности, обладающих определенными познаниями. Ежегодно состав экспертов меняется [2].

Таким образом, создание Экспертно-консультационного отдела значительно снизило количество судебных разбирательств, поскольку, как правило, такие ситуации урегулируются в досудебном порядке, причем использование уже зарегистрированной торговой марки в США допускается в свободном порядке, если это использование осуществляется в описательных целях, добросовестно и не используется для индивидуализации другого, своего товара. Так, например, известен случай использования торговой марки Fish-Fri производителем другим лицом для описания товара — в данном случае упаковок панировки для жарки — где суд согласился с тем, что торговая марка является охраняемой, но иск был отклонен в связи с тем, что целей индивидуализации и использования, как своей торговой марки, ответчик не преследовал [7].

Подводя итог, хочется отметить, что, несмотря на существование нормативно-правовой базы, регулирующей использование исключительного права на товарный знак в России, многие нормы до сих пор носят лишь декларативный характер, кроме того, пробелы в законодательстве относительно правовой охраны товарного знака создают существенные препятствия для развития интеллектуальной собственности в целом.

Полагаем, что существует объективная необходимость в усовершенствовании данного института, вопросов его правового регулирования.

Предполагается, что определенные нормы законодательства США, касающиеся вопросов правовой охраны и механизма определения степени тождественности товарных знаков (торговых марок) могут быть заимствованы в российское законодательство, что, возможно, станет определенным шагом на пути к развитию и совершенствованию норм российского гражданского права.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): от 18.12.2006 N 230-ФЗ // Российская газета. — N 289.

2. Шумилов О. В. Некоторые институты интеллектуальной собственности по праву США // Российский внешнеэкономический вестник. — 2005. — № 5. — С. 67–76.

3. Косарев В. Н., Новикова Н. А. К вопросу о правовом регулировании интеллектуальной собственности в России // Альманах современной науки и образования. — 2009. — № 12-2. — С. 53 — 54.
4. Решение Суда по интеллектуальным правам от 31 января 2017 г. по делу N СИП-676/2016. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71504504/#ixzz51DxhkW12> (дата обращения: 13.04.2019).
5. Дело N305-ЭС15-4129 по делу N А40-48196/2013. Об оспаривании договоров об отчуждении исключительных прав на товарные знаки и их государственной регистрации. [Электронный ресурс]. URL:<https://deyatelnosti-i-sredstva-statya-1488--grazhdanskiy-kodeks-rf/sud-praktika-k-state-1488-grazhdanskiy-kodeks-rf-41425.html> (дата обращения: 13.04.2019).
6. Ходаков И.Д. Свободное использование товарных знаков без согласия правообладателя: опыт США и России // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2018. — № 19, март. — С.103 — 108.
7. Гаева Я.А. Правовое регулирование неиспользования товарных знаков в США // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2013. — № 1, октябрь. — С. 36 — 41.
8. 15 U.S.C. § 1064: US Code // <http://codes.lp.findlaw.com/uscode/15/22/I/1064>.

Правовое регулирование микротранзакций в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки: сравнительно-правовой анализ

© Е. Ю. Скляров

студент 4-го курса

ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: novel.95@mail.ru

Данная статья посвящена вопросу о микротранзакциях в компьютерных играх на примере двух стран — РФ и США. В статье рассматриваются существующие в настоящее время сервисы, осуществляющие данные операции, правовая сторона вопроса, а также некоторая судебная практика по защите интересов сторон при выполнении микроплатежа. Анализируются также доктринальные подходы к изучению микротранзакций, их влияние на привлекательность продукта со стороны игрового сообщества и государства.

Ключевые слова: компьютерные игры, микротранзакции, контент, лицензионный договор, способы продажи игр, интеллектуальная деятельность, цифровые сервисы.

This article is devoted to the issue of microtransactions on the example of two countries — the Russian Federation and the United States. The article discusses the currently existing services performing these operations; legal side of the issue, as well as some judicial practice to protect the interests of the parties in the performance of micropayments. Doctrinal approaches to the study of microtransactions, their influence on the attractiveness of the product from the gaming community and the state are also analyzed.

Key words: computer games, micropayments, content, license agreement, ways of selling games, intellectual activity, digital services.

На современном этапе развития общества, где технологии становятся мощнее, а методы привлечения и приумножения капитала все изощреннее, такие вещи как компьютерные игры, которые продолжительный период времени рассматривались только, как способ для приятного времяпровождения, начали восприниматься серьезней с правовой точки зрения. Микротранзакции пользуются большой популярностью, особенно среди молодой аудитории. Сейчас рынок видеоигр переполнен различными интернет сервисами, в котором игроки (далее — геймеры) со всего мира могут приобрести необходимый им продукт по интересующей теме, вкусу, предпочтениям, финансовым возможностям и другим факторам.

Проанализируем правовую дефиницию термина «микротранзакция» (амер. micropayment). В российском и в американском законодательстве такого термина нет. Согласно информационному сайту wikipedia.org, микротранзакция (micropayment) — это популярная бизнес-модель распространения игрового продукта, дополнительного контента к нему или доступа к предоставляемым услугам по небольшим ценам (обычно в пределах 5-10 долларов) [7]. Однако американское подразделение Imagine Games Network (IGN) решило разобраться в весьма актуальном в наше время вопросе: «Микротранзакция — это сколько?» На основании этой информации они смогли бы прийти к общему мнению и выработать определение. В ходе исследования одна часть геймеров, аналитиков и экспертов по игровой индустрии сошлись во мнении, что модель микротранзакций базируется именно на небольших платежах, в диапазоне 5-10 долларов [4]. Другая часть игроков и представителей индустрии заявили, что в большей части проектов (в особенности — мобильных играх) присутствуют варианты

платежей, доходящие до 60–80 долларов. На практике заключаемые договоры между игроком и разработчиком/издателем признаются микротранзакциями. Несмотря на различие в своих позициях, обе стороны сошлись в том, что необходимо утвердить официальной термин рассматриваемого вопроса.

Теперь обратимся к сущности микроплатежей. Микротранзакция имеет двоякую правовую природу — это обусловлено тем, что предмет договора может быть разным. Существуют различные игровые сервисы, осуществляющие микротранзакции: российский — Игры Mail.ru; американские — Steam, GamersGate, BattleNet, Epic Games Store и др. Сервисы совершенствуются и предлагают пользователям по доступным ценам приобретать игры, косметические предметы (предметы, улучшающие внешний вид персонажа, оружия, транспорта), улучшения для прокачки (карточки, монеты, боевой пропуск) и т.п. контент. Более того, регулярно проводятся раздачи, акция «бесплатные выходные», различные распродажи.

В случае, когда предметом договора выступает видеоигра или дополнительный контент (DLC), то это будет микротранзакция в виде лицензионного договора (соглашения). Исходя из положения п. 1 ст. 1235 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ), по лицензионному договору одна сторона — обладатель исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (лицензиар) предоставляет или обязуется предоставить другой стороне (лицензиату) право использования такого результата или такого средства в предусмотренных договором пределах [1, с. 425]. Приобретение косметических предметов, предметов, влияющих на игровой процесс и т.п. приравниваются к лицензионным договорам, хотя, на наш взгляд, здесь имеются признаки договора купли-продажи. Некоторые онлайн-игры, такие как Counter-Strike: Global Offensive, Dota 2 имеют большое количество косметических предметов. После покупки пользователь получает их в свой инвентарь и определяет юридическую судьбу товара по своему усмотрению. На практике не всегда покупатель может ознакомиться с продуктом непосредственно: в случае с покупкой видеоигры, ему доступна лишь информация о рекомендованных и минимальных системных требованиях игры. В случае с косметическими предметами ситуация тоже складывается неоднозначная: одни игры предлагают ознакомиться с интересующим предметом путем предпросмотра его модели; другие же игры предлагают купить так называемые «лутбоксы» (контейнеры) с набором случайных косметических предметов, что вызывает недовольство у некоторых геймеров. Также есть и самый изощренный пример микротранзакций в видеоиграх — на языке игроков «донат», влияющий на игровой процесс, успешность выполнения заданий и как следствие удовлетворенность от времяпрепровождения в видеоигре. В чем же заключается недовольство подобной политики разработчика и издателя? Здесь следует отметить социально-экономический и юридический аспекты.

Социально-экономический аспект рассматриваемой политики заключается в том, что компания-разработчик и издатель получают сразу огромную прибыль, что является преимуществом для бизнеса. Однако при этом они несут риск испортить свою репутацию в случае, если товар окажется ненадлежащего качества, и не будет соответствовать цене, обозначенной на предлагаемом продукте. С нашей точки зрения, в данной политике важен именно юридический аспект. На практике зачастую происходит ситуация, когда игрок не может пройти определенный этап в игре или, если эта онлайн-игра, его постоянно переигрывают, не потому, что плохо сыграл, а в связи с тем, что персонаж имеет экипировку хуже, чем у соперника. И разработчики намекают геймеру, что пора бы уже внести денежные средства на покупку снаряжения лучшего качества и начать выигрывать, т.е. совершить микротранзакцию. Другими словами, разработчик негласно принуждает «отчаявшегося игрока» заключить договор купли-продажи внутриигрового предмета за реальные деньги.

Между тем, в российском законодательстве, согласно абз. 1 п. 1 ст. 421 ГК РФ закреплено, что граждане свободны в заключении договора. Понуждение к заключению договора не допускается, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена ГК РФ, другим законом или добровольно принятым обязательством [1, с. 188]. Случаи, когда разработчики обогащаются таким образом на игроках, в России происходят регулярно, однако геймеры не спешат обращаться в общества по защите прав потребителей или суд. Анализ ситуаций показывает, что игроки либо добровольно соглашаются внести денежные средства на покупку внутриигровых вещей, либо все разрешается в досудебном порядке через службу поддержки, либо игроки используют другие игры, в которые можно играть, не тратя реальные деньги на виртуальные преимущества.

Рассмотрим-пример из судебной практики: В 2015 году Верховный Суд РФ в налоговом споре пришел к выводу о том, что предоставление игрокам за плату возможности использования дополнительного функционала игры в целях облегчения игрового процесса и более быстрого развития игрового персонажа, является самостоятельной услугой по организации игрового процесса. Дело касалось уплаты налога на добавленную стоимость компанией Мэйл.РуГеймз (подразделение Mail.ru), которая

предоставляла в своих онлайн-играх дополнительный функционал игр за плату (цифровые товары). Компания пыталась воспользоваться льготой по уплате НДС при продаже ПО, баз данных и прав на их использование (пп. 26 п. 2 ст. 149 НК РФ). Верховный суд поддержал решения нижестоящих судов и ФНС, которые трактовали продажу виртуальных предметов и сервисов как услугу, что уничтожило основания для применения налоговой льготы. Начиная с 4-го квартала 2016 года ФНС освободила Mail.Ru Group от уплаты НДС за продажу валюты и предметов в онлайн-играх. Благодаря этому компания получила около 342 млн рублей. В январе 2017 года в ответ на обращение ФНС подтвердила свою новую позицию: «Принимая во внимание, что в отношении неактивированных данных и команд по Соглашению ООО (Лицензиар) передает права физическому лицу (Лицензиату) на использование программы для ЭВМ, а физическое лицо (Лицензиат) перечисляет ООО (Лицензиару) за указанное право соответствующее вознаграждение, применение освобождения от НДС при указанной передаче прав на основании подпункта 26 пункта 2 статьи 149 Кодекса правомерно» [6].

Иначе обстоит дело в США. Американское сообщество игроков очень сплоченное и судебные иски, связанные с микротранзакциями в играх там встречаются нередко. Например, в октябре 2017 года компания Electronic Arts (EA) предоставила игрокам, оплатившим предзаказ игры Star Wars Battlefront II, ранний доступ к мультиплеерному режиму, а уже 17 ноября произошел громкий релиз одной из самых ожидаемых игр этого года. Однако игроки остались крайне недовольны системой прогресса в игре, а также введенной системой обширных микротранзакций. Они способны влиять не только на внешний вид персонажей или их озвучку, но и на игровой процесс. Сообщество игроков разочаровало то, что в соревновательном режиме с другими игроками многое будут решать финансовые вложения, а не опыт, умения или навыки игрока. Геймеры стали оставлять негативные отзывы и рецензии на продукт EA, но недовольство не ограничилось только словами. Некоторые игроки стали требовать возврата денег от компании–разработчика, о чем также стали сообщать на Reddit (американский интернет форум для игроков). Такими бурными темпами дело дошло бы до американского суда, но EA позже принесла извинения игрокам [5]. Разразившийся скандал заставил компанию обратить внимание на различные монетизационные механики, лутбоксы, чтобы микротранзакции носили лишь косметический характер и не затрагивали игровой процесс. Правительство США и Федеральная торговая комиссия США (FTC USA) поставило на свой контроль вопрос о микроплатежах в видеоиграх. В частности, в их юридическом инструментарии имеется Закон 1975 г. Магнусона — Мосса о совершенствовании деятельности FTC в отношении гарантий. Он предоставляет Торговой комиссии полномочия добиваться возмещения ущерба потребителям в случаях, когда какой-то индивид или фирма ввели их в заблуждение. Комиссия может вынести постановление об аннулировании или переоформлении контрактов; возврате денег или собственности; выплате понесенного ущерба, а также об извещении в открытой печати [8].

Для более углубленного изучения вопроса рассмотрим различные современные способы продажи игр.

1. Классический (обычный). При классическом способе продажи покупатель сразу платит полную стоимость игры и получает весь контент, используется нечасто и в основном небольшими студиями, которые не способны постоянно поддерживать свои игры.

2. Free to play (Условно бесплатная игра). При такой модели реализации контента пользователь сразу не платит за игру. В игру можно играть бесплатно, но, чтобы дойти до конца, придется потратить много сил и времени.

3. Полная стоимость + DLC. Эта модель распространена среди крупных издателей и разработчиков. Сначала выпускается полная версия игры за полную стоимость, затем, после определенного временного промежутка, разработчики выпускают различные дополнения и нововведения игры, которые игрок может получить, заплатив за них.

4. Free to Play + Loot box. Все то же самое, что и в вышеперечисленном пункте, но при этом игра полностью бесплатна и почти не имеет различного дополнительного контента, который ускоряет прогресс игрока. Более того, потребители продолжают платить за дополнительный контент после выхода основного продукта [3, 343]. С такой моделью выходят различные многопользовательские онлайн игры [2, с. 175].

Таким образом, эффективность модели микротранзакций как следствие популяризовала цифровые сервисы. Благодаря им можно продвигать свой продукт на странице магазина игр, а также через торговую площадку, которая не только провоцирует спрос, но и представляет собой аналог рынка ценных бумаг. Вопрос о микротранзакциях в юридическом поле закреплен частично. Проведенный сравнительно-правовой анализ показал, что в регулировании данной сферы экономических отношений как в Российской Федерации, так и в Соединенных Штатах Америки используется институт ли-

цензионного соглашения, договора купли-продажи и аналогии закона. Обеим странам необходимо создать нормативно-правовой акт, посвященный вопросу о регулировании микротранзакций, в котором необходимо закрепить принцип равенства сторон при осуществлении микроплатежей, а также институт ответственности разработчика/издателя за чрезмерное использование микротранзакций в своих игровых проектах.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 23.05.2018) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Кретинин Д.Э., Грива Е.В., Таюкин Н.С., Кернякевич П.С. Анализ различных способов продажи компьютерных игр / Вестник современных исследований. — 2018. — № 6.2 (21). — С. 175–176.
3. Низамов Р.М., Матягина Т.В. Перспективы бизнес-модели микротранзакций в условиях цифровой экономики / В сборнике: Инновационная экономика. Материалы Региональной научной конференции-школы для молодежи. — 2018. — С. 342-344.
4. Горев А. Актуально: Микротранзакция — это сколько? // URL: <https://gmbox.ru/materials/33509-aktualno-mikrotranzaktsiya-eto-skolko>
5. Ендресяк А. Скандальная "Игра года". Является ли система Pay-to-Win законной? // URL: https://zakon.ru/blog/2017/11/19/skandalnaya_igra_goda_yavlyaetsya_li_sistema_pay-to-win_zakonnoj#comment_428367 (дата обращения 03.04.2019)
6. Игры и деньги: риски правовой неопределённости // URL: <https://digitalrights.center/blog/igry-i-dengi-riski-pravovoy-neopredelyennosti/> (дата обращения 25.03.2019)
7. Микроплатёж / Материал из Википедии — свободной энциклопедии // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B8%D0%BA%D1%80%D0%BE%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%82%D1%91%D0%B6> (дата обращения: 25.03.2019)
8. Уэллс Уильям. Федеральная торговая комиссия. Реклама. Принципы и практика // URL: <https://econ.wikireading.ru/74608> (дата обращения: 03.04.2019)

Сравнительно-правовой анализ арендного землепользования в России и США

© Л. В. Танхаева

магистрант 1-го года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: Tanhaeval@mail.ru

В данной статье сравниваются правовые основы арендных отношений по поводу земельного участка в России и США. Поскольку российское земельное законодательство находится в прогрессирующей стадии, в частности развитие института земельной аренды, немаловажным становится опыт зарубежных стран. США, как одной из развитых стран с индустриально аграрной моделью хозяйства является хорошим примером для проведения сравнительного исследования.

Ключевые слова: Россия, США, земельный участок, аренда, договор, сельское хозяйство, арендная плата.

In this paper legal basis lease relationship over land in Russia and the United States of America are compared. Russian land legislation is being in a progressive stage, in particular the development of the institute of land lease, the experience of foreign countries becomes important. The United States, as one of the developed countries with an industrial-agrarian model of the economy is a good example for conducting a comparative study.

Key words: Russia, USA, land, lease, contract, agriculture, rent.

Сделки с землей являются наиболее распространенными, и договор аренды земельных участков в данной сфере занимает одно из основных мест. Земельное законодательство России на данный момент активно развивается, и законодатель плавно стремится к упразднению иных видов прав на использование земельных участков. Рост популярности заключения договора аренды заключается в том, что он представляет собой простую экономическую сделку. Ввиду этого необходимо учитывать также и опыт зарубежных стран.

США является одной из стран с развитой рыночной экономикой и имеет значительный опыт в регулировании арендных отношений по поводу земельных участков. Однако исследование вопросов аренды земельного участка именно в этой стране обуславливается именно фермерским хозяйством, так как большинство людей, занимающихся сельскохозяйственной деятельностью, не являются собственниками земельных участков, поскольку рыночная стоимость земли намного превы-

шает ставки арендной платы земельного участка за определенный период. По статистике в большинстве случаев именно пенсионеры являются собственниками, когда как молодым фермерам наиболее выгодно арендовать земельный участок для своей деятельности [4, с. 6].

В российском праве правовое регулирование договора аренды земельного участка осуществляется нормами гражданского законодательства, в котором закреплены общие положения договора аренды, и земельного законодательства, которое в свою очередь регулирует особенности аренды земельного участка. Так в параграфе 1 главы 34 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ) закреплены основные положения, которым должны отвечать все виды договоров аренды. Отдельные положения договора аренды земельных участков установлены нормами Земельного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ЗК РФ), а также рядом иных нормативных правовых актов.

В отличие от России, в США регулирование аренды земельного участка осуществляется с учетом конституционного устройства государства, имеющего определенную систему разграничения правовых компетенций между федерацией и штатами, определяющиеся Конституцией США. Однако правовое регулирование аренды земельных участков ограничено, это связано с тем, что в стране отсутствует единый закон об аренде земель. Законодательные акты, регулирующие правовые отношения по поводу аренды земельного участка, были приняты на уровне штата с учетом исторически сложившихся определенных особенностей того или иного штата еще в начале 20 века. Такие акты охватывали лишь общие важные вопросы, касающиеся аренды земельного участка, тогда как стороны, т.е. арендодатель и арендатор самостоятельно. Поскольку США относятся в англосаксонской правовой системе, где основным источником права является правовой прецедент, несмотря на наличие единого основного закон — Конституции США, поэтому судебная практика занимает значительное место среди источников, регулирующих аренду земель.

Для распределения территорий для США характерен метод зонирования территорий, выделяются следующие зоны:

1. Урбанизированные зоны;
2. Сельскохозяйственные зоны;
3. Экологические территории.

Наиболее значимыми для аренды являются именно земли сельскохозяйственного назначения, около 1/3 сдаются в аренду для ведения фермерского хозяйства.

По законодательству США так и по Российской Федерации арендодатель во время действия договора аренды обладает правом пользования и распоряжения как самим участком, так и имуществом в пределах границы земельного участка. В США арендодателей в качестве собственников земельного участка делят на три основные группы:

- полные собственники — владельцы всего земельного участка;
- частичные собственники — арендующие часть земельного участка;
- полные арендаторы своей земли, ведущие сельскохозяйственное производство.

Следует отметить также и систему регистрации прав на землю, так как в двух исследуемых странах она значительно отличается. Так, согласно положению п. 3 ст. 433 ГК РФ договор аренды земельного участка может считаться заключенным после регистрации данного договора, тогда как в США регистрируется не само соглашение, а право аренды, соглашение об аренде земельного участка вступает в силу сразу после подписания его сторонами [2, с. 6].

В ч. 8 ст. 39.8 ЗК указаны предельные минимальные и максимальные сроки, на которые договор аренды земельного участка, находящегося в государственной и муниципальной собственности, может быть заключен. Так, минимальный срок, на который может предоставляться земельный участок в аренду для строительства, реконструкций зданий, сооружений земельный участок равен от 3-х до 10 лет. Земельный участок предоставляется гражданину для индивидуального жилищного строительства на максимальный срок равный 20 лет, на такой же срок может заключаться договор аренды для ведения личного подсобного хозяйства в границах населенного пункта [3, с. 6].

Поскольку указание о сроке заключения договора аренды является необязательным условием, это не препятствует его заключению.

Срок заключения договора может быть определенным, так и неопределенным, такой договор является бессрочным, однако из содержания статьи 610 ГК РФ максимальный срок договора применительно к отдельным видам аренды, так, если срок аренды договора не определен и ни одна из сторон не изъявила желание прекратить договорные отношения до истечения максимального срока, то договор будет прекращен по истечении максимального срока, указанного для отдельных видов договора аренды.

В США соглашение об аренде земельного участка заключается на один год, что обуславливается развитым рынком на землю, а также стремлением арендодателя извлечь наибольший доход, однако гарантией для арендатора в данном случае является обязанность арендодателя предупредить другую сторону об окончании срока аренды не позднее чем за шесть месяцев. В случае, если подобного предупреждения арендатору не поступало, то срок аренды автоматически продлевается еще на один год, с соблюдением тех же условий, заключенных ранее в соглашение об аренде. Однако, на практике в США есть фермеры, которые арендуют одни и те же земельные участки длительное время, примерно около 20-30 лет [1, с. 6]. Считается, что данная система является прогрессивной, поскольку, благодаря ей краткосрочный вид аренды дает возможность сторонам прекратить правовые отношения, к примеру, в случае недобросовестного исполнения условий договора той или иной стороной.

В России размер арендной платы за земельный участок регулируется ст. 614 ГК РФ и 65 ЗК РФ. Размер арендной платы устанавливается с учетом кадастровой стоимости и нормативной цены определенного земельного участка, где нормативная цена представляет собой показатель стоимости земельного участка в зависимости от его качества и месторасположения на основе предполагаемого дохода за расчетный срок окупаемости, данное положение регулируется постановлением Правительства РФ от 15 марта 1997 г. № 319 «О порядке определения нормативной цены земли».

Кадастровая стоимость представляет собой экономический показатель, с помощью которого регулируются земельные отношения, сделки с землей, а также определение цены земельного участка, в особенности данный показатель важен при налогообложении того или иного земельного участка.

Размер установленных платежей и порядок их уплаты определяются сторонами и указываются в договоре аренды.

В США арендная плата варьируется в зависимости от возделываемых сельскохозяйственных культур и зависит от вида заключаемой аренды. Так, выделяются:

1. При заключении договора об долевой аренде определяется часть сельскохозяйственной продукции, составляющая арендную плату. Как правило, данный вид аренды используется при производстве зерен и иных культур, когда обработка и хранение урожая не представляется затруднительным для арендодателя.

Данный вид аренды наиболее чаще применяется на практике, так как арендодатель и арендатор, как правило, пропорционально разделяют доходы и расходы на урожай.

2. При заключении договора о денежной аренде арендодатель передает арендатору земельный участок во временное владение за определенную плату, которая оговаривается при заключении договора. Такой вид аренды распространен среди тех, кто занимается животноводством, садоводством и иными видами сельского хозяйства, где необходим особый уход и условия для сельскохозяйственной деятельности.

3. Денежная аренда наиболее распространена в животноводстве, садоводстве и других отраслях сельского хозяйства, конечный продукт которых требует особого ухода и условий реализации.

Таким образом, практика арендных отношений по поводу земельных участков в двух сравниваемых странах значительно отличается. Если в России арендные отношения регулируются в значительной мере федеральным законодательством, то в США основное правовое регулирование таких отношений зависит от законов и сложившейся судебной практики в определенном штате.

Литература

1. Богданов А. В. Арендное землепользование в зарубежных странах // Вестник сельского развития и социальной политики. — 2015. — № 2 (6). — С. 40-41.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Земельный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 25.10.2001, № 136-ФЗ (ред. от 31.12.2017) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 44. — Ст. 4148.
4. Кокотов Б. В. Правовое регулирование аренды сельскохозяйственных земель в Англии и США : автореф. ...дисс. канд. юрид. наук. — Москва, 2000. — 298 с.

Сравнительный анализ правового положения социального предпринимательства в Республике Корея и Российской Федерации

© Д. Г. Целовальников

студент 3-го курса факультета судебных экспертиз
и права в строительстве и на транспорте
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»;
Россия, г. Санкт-Петербург
E-mail: celovalnikovdmitry@gmail.com

В данной работе рассматриваются вопросы, связанные с правовым закреплением социального предпринимательства в Республике Корея. Изучается законодательство, посвященное социальному предпринимательству, его происхождение, а также последствия принятия отдельных нормативно-правовых актов. Формулируются выводы, касающиеся общих положений о данной сфере предпринимательской деятельности в Республике Корея, а также возможности закрепления схожих норм в российском праве.

Ключевые слова: социальное предпринимательство; социальное предприятие; Южная Корея; незащищенные слои населения; безработица; социальные услуги.

This research paper discusses issues related to the legal status of social entrepreneurship in the Republic of Korea. The author studies the legislation on social entrepreneurship, its origin, as well as the consequences of the adoption of certain legal acts. Conclusions concerning the General provisions on this sphere of business activity in the Republic of Korea are formulated, and the possibility of legislative consolidation of such an institution in the law of the Russian Federation is considered.

Key words: social entrepreneurship; social enterprise; South Korea; disadvantaged; unemployment.

В конце 2018 года на рассмотрение в Государственную Думу РФ Правительством РФ был внесен законопроект о внесении изменений в законодательство о малом и среднем предпринимательстве в целях определения базовых дефиниций для установления правового положения социальных предпринимателей и возможности оказания им мер государственной поддержки, в виду отсутствия на текущий момент единого правового определения для данного вида деятельности субъектов ведения бизнеса. В общем смысле же к социальному предпринимательству можно отнести предпринимательскую деятельность, направленную на разрешение социально-экономических проблем населения. Первоначальным элементом для закрепления правового положения социального предпринимательства можно считать Приказ Минэкономразвития России от 25.03.2015 № 167, где указывается определение данного вида ведения бизнеса, критерии для отнесения к нему в целях выделения субъектам Российской Федерации (подавшим заявку на участие в конкурсе) финансовых ресурсов для поддержки социального предпринимательства на местах. В соответствии с указанным Приказом социальные предприятия — это «субъекты малого и среднего предпринимательства, осуществляющее социально ориентированную деятельность, направленную на достижение общественно полезных целей, улучшение условий жизнедеятельности гражданина и (или) расширение его возможностей самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности, а также на обеспечение занятости, оказание поддержки инвалидам, гражданам пожилого возраста» [2].

Сегодня социальное предпринимательство рассматривается многими зарубежными государствами как, показавшее себя довольно эффективным, средство в системе мер для борьбы государства с теми или иными наличествующими на его территории социально-экономическими проблемами населения, а также как перспективный инструмент для предотвращения тяжелых последствий экономических кризисов, являющихся неотъемлемой частью рыночной экономики. Многие правоведы и экономисты, которые занимались изучением данного вопроса сходятся во мнении, что наибольшего успеха в развитии социального предпринимательства в Юго-Восточной Азии добилась именно Республика Корея, отмечаемая ими как один из мировых лидеров в данной отрасли экономики. Так, о данном факте в своих работах говорят Э. А. Ахвердиев, отмечая, что «Южная Корея является примером активного и успешного развития предпринимательства» [3], а также Ю. А. Кицай, когда пишет о том, что именно там сформировалась «наиболее развитая система государственной поддержки социального предпринимательства» [5, с. 195], и ряд других ученых, чьи точки зрения и выводы были нами использованы при проведении данного исследования.

Республика Корея, как и многие государства Азиатско-Тихоокеанского региона, испытала в XX веке большие социально-экономические потрясения. К ним можно отнести войны, экономические и политические кризисы и иные события в отразившиеся на благосостоянии населения государства. Е.

С. Сударкина среди таких последствий выделяет: высокий уровень безработицы, старение общества, снижение рождаемости, повышение разрыва между богатыми и бедными [7, с. 76]. Одним из способов для выхода из сложившейся ситуации было выбрано развитие социального предпринимательства при ориентировании на рыночные отношения, достижения баланса интересов бизнеса и государства, при учете опыта американской и европейской модели функционирования этой отрасли экономики. Однако для этого требовалось законодательное закрепление правового положения этого вида деятельности. Результатом развернувшейся в государстве дискуссии стало принятие в январе 2007 года Закона о поддержке социального предпринимательства Республики Корея [1] (далее — Закон). Данный нормативный акт закрепил в себе начала правового положения социального предпринимательства. На данный момент, социальное предприятие (socialenterprise) — это «организация, которая занимается предпринимательской деятельностью по изготовлению и реализации товаров и услуг, а также преследует целью своей деятельности повышение качества жизни обездоленных лиц путем предоставления им социальных услуг и создания рабочих мест, и зарегистрированное в установленном порядке (прошедшее сертификацию, в соответствии со статьей 7 Закона)» [7, с. 70]. Указанный Закон стал сильным импульсом для большей социализации законодательной базы Республики Корея в той её части, которая касалась вопросов ведения предпринимательской деятельности.

Стоит отметить, что Закон содержит в себе большое количество бланкетных норм, то есть норм, отсылающих к другим нормативно-правовым актам. Так, в частности, Ю. А. Кицай указывает на то, что в п. 2 ст. 2 Закона указывается общее определение «обездоленных лиц» как граждан, которые имеют трудности с приобретением необходимых для себя социальных услуг по рыночной цене, однако далее уточняется, что подробные критерии для их выделения должны устанавливаться Постановлением Правительства о реализации, утвержденным Указом Президента (далее — Постановление) Республики Корея, в соответствии со 2 ст. которого ими считаются: лица достигшие пожилого возраста, а также нетрудоспособные лица; лица, длительное время нетрудоустроенные; лица, домохозяйства которых (на среднемесячном уровне) приносят доход, который на 40% (и более) меньше усредненного общенационального показателя; лица пострадавшие от работоторговли [5, с. 196]. Заметим, что схожим образом обстоит дело с определением «социальной услуги» и «социальной целью деятельности», определение которым дается в самом Законе, а перечень критериев для соответствия им отражается в указанном Постановлении [4, с. 72].

Отдельно рассмотрим условия для сертификации социального предприятия, которые прописаны в ст. 8 Закона, а также дополняются в Постановлении. А. А. Плюхина замечает, что решение о предоставлении такого статуса принимается Министерством труда, что оформляется в соответствующем документе и дает право пользоваться разработанным комплексом льгот, предоставляемых Республикой Корея [6]. Итак, к ним относятся то, что: 1) юридическое лицо должно иметь определенную организационно-правовую форму в соответствии с гражданским законодательством — корпорация или ассоциация (Постановление устанавливает дополнительные организационно-правовые формы: предприятие на общественных началах; частная некоммерческая организация; фонд социальной поддержки; кооператив; социальный кооператив — в соответствии с принятым в 2011 Законом о кооперации была введена новая организационно-правовая форма коммерческого юридического лица для улучшения условий развития социального предпринимательства) [5, с. 197]; 2) предпринимательская деятельность ведется с помощью наемной рабочей силы; 3) целью деятельности должно являться решение социальных проблем (социальная цель деятельности); 4) наличие возможности для участия в управлении деятельностью предприятия потребителей социальных услуг, его работников, представителей общественности и местного самоуправления; 5) реинвестируется на социальные цели 2/3 получаемой прибыли [7, с. 72]. Отметим, что при создании и развитии правовой базы социального предпринимательства учитывался как американский опыт (который проявляется в закреплении процедуры сертификации социального предпринимателя), а также опыт европейских государств (В 2011 году создана отдельная организационно-правовая форма в виде социального кооператива).

Мы отмечали, что в Республике Корея существуют определенные льготы и привилегии, которые становятся доступны юридическим лицам после прохождения сертификации и получения статуса социального предприятия. Они предусматриваются в Программе поддержки социальных предпринимателей, разработка которой закреплена в Законе. Э. А. Ахвердеев отмечает, что в неё включаются покрытие затрат на заработные платы в течении двух лет (на сегодняшний день применяется довольно редко), финансирование затрат на развитие, выделение грантов от Правительства, а также специальные программы обучения для лиц, которые желают заниматься социальным предпринимательством. Такие правительственные программы, направленные на поддержку указанной сферы экономики, привели к быстрому количественному росту социальных предприятий в стране.

Указанный ряд прав, получаемых лицом, работающим в сфере социального предпринимательства, налагает на него и соответствующие обязанности. В Республике Корея существует система санкций за несоблюдение установленных законом правил осуществления такой деятельности, которые представлены в виде высоких размеров штрафов [3]. В частности, среди таких нарушений можно выделить как наиболее часто встречающиеся в практике наказания за несоблюдение предписаний, непредставление отчетности, неправомерное использование статуса социального предприятия [8, с. 778].

На 2016 год в Республике Корея насчитывалось 1 550 сертифицированных социальных предприятий (на 2013 год их количество составляло 828 компаний; на 2011 год их количество составляло 201 компанию). Примерно 27923 человек трудоустроено на социальных предприятиях, 15815 из них — представители незащищенных групп населения. Республика Корея как страна, в которой наблюдается как количественный, так и качественный рост в области социального предпринимательства, безусловно представляет собой определенный интерес для ознакомления с уже накопленным, весьма разнообразным опытом создания и развития практик поддержки данного вида предпринимательской деятельности, важной вехой среди которых стало именно правовое закрепление рассматриваемого института, позволившее создать четкие отличительные признаки для подобных компаний.

На сегодняшний день в России существует определенные элементы для дальнейшего становления правового положения социального предпринимательства. Во-первых, существует ряд региональных центров инноваций в социальной сфере, которые оказывают консультационные услуги для лиц, желающих заниматься социальным предпринимательством или уже осуществляющим такую деятельность, помогая таким образом развитию данного вида предпринимательской деятельности на местах. Во-вторых, в ряде крупных университетов России действуют образовательные программы, связанные с социальным предпринимательством (МГУ им. Ломоносова, СПбГУ, Сибирский федеральный университет). В-третьих, на федеральном уровне зачатком установления правового положения социального предпринимательства можно считать Приказ Минэкономразвития России от 25.03.2015 № 167, а также ряд иных Приказом данного министерства выпускающихся ежегодно, о которых нами было сказано выше. В-четвертых, определенные законодательные положения касающиеся установления правового положения социального предпринимательства приняты в некоторых субъектах Российской Федерации, в частности, в Ханты-Мансийском автономном округе — Югра. В-пятых, существуют программы устанавливающие специальные условия деятельности или предоставляющие льготы для организаций, занимающихся социально ориентированной деятельностью (в частности, Программа «Соцобъект в обмен на налоги» действующая в Ленинградской области, предоставляющая налоговые льготы для строителей, занимающихся возведением социальных объектов).

На текущий момент в Российской Федерации отсутствует системная, институциональная поддержка этого социального предпринимательства, в сравнении с Республикой Корея. Таким образом, нам видится что легализация социального предпринимательства как отдельного вида деятельности в Российской Федерации будет полезна для создания четко выстроенной правовой базы в целях развития социального предпринимательства, как одной из перспективных мер для преодоления социальных проблем, которые присутствуют в нашей стране.

Литература

1. Social enterprise promotion act. ActNo. 8217, Jan. 3, 2007. URL: <http://moleg.go.kr/english/korLawEng?pstSeq=57937&pageIndex=7#top> (дата обращения: 15.02.2019 года);
2. Приказ Министерства экономического развития РФ от 25 марта 2015 г. № 167 «Об утверждении условий конкурсного отбора субъектов Российской Федерации, бюджетам которых предоставляются субсидии из федерального бюджета на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, включая крестьянские (фермерские) хозяйства, и требований к организациям, образующим инфраструктуру поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства» (Зарегистрировано в Минюсте России 07.05.2015 № 37164) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 07.05.2015.
3. Ахвердиев Э. А. Предпринимательство в Республике Корея: религиозный детерминизм и современное законодательство // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2018. — № 11 (ноябрь). URL: <http://e-koncept.ru/2018/183073.htm>.
4. Гришина Я.С. О поддержке субъектов малого и среднего бизнеса в области социального предпринимательства: мнение эксперта о достоинствах и недостатках законопроекта // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда (ЭПОС). — 2015. — № 1. — С. 70-75.
5. Кицай Ю. А. Особенности правового положения социальных корпоративных организаций в Азии: социально-предпринимательский аспект // Вестник СГЮА. — 2016. — № 2 (109). — С. 195-201.
6. Плюхина А.А., Умнов В.А. Анализ зарубежного опыта государственной поддержки социального предпринимательства // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 71. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-zarubezhnogo-opyta-gosudarstvennoy-podderzhki-sotsialnogo-predprinimatelstva> (дата обращения: 24.02.2019);

7. Сударкина Е.С. Анализ зарубежной практики социального предпринимательства Южной Кореи // Развитие общественных наук российскими студентами. — 2017. — № 3. — С. 69-74.

8. Shang L. The Development of Social Enterprises in a Developmental State // International Journal of Social Science and Humanity. 2016. Vol. 6, No. 10. P 775-778.

Правовые аспекты касающиеся определения критериев субъектов малого и среднего предпринимательства

© С. Ц. Цыбикова

магистрант 2-го курса

ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: sayana_96@inbox.ru

Статья посвящена проблемам правового регулирования статуса субъектов малого и среднего предпринимательства. Также в статье проанализированы критерии отнесения к субъектам малого и среднего предпринимательства в России и на примере КНР. Автор, проведя анализ в статье, предлагает перенять практику отнесения к субъектам малого и среднего предпринимательства Китая.

Ключевые слова: предпринимательство, субъект малого и среднего предпринимательства, микропредприятие, индивидуальный предприниматель, коммерческая организация.

The article is devoted to the problems of legal regulation of the status of small and medium-sized businesses. The article also analyzes the criteria for classifying business entities as small and medium in Russia and by the example of the PRC. The author, after analyzing the article, proposes to adopt the practice of attributing to the subjects of small and medium-sized businesses in China.

Key words: entrepreneurship, small and medium-sized businesses, microenterprise, sole proprietorship, commercial organization.

Малое и среднее предпринимательство является одним из важнейших направлений политики в России, что требует высокого уровня развития данной сферы, которое можно достичь путем высоко сформированного законодательного регулирования. В Китае, где малое и среднее предпринимательство является важным составляющим звеном, законодательство регулирующее предпринимательство несомненно развито. В данной статье хотелось бы сравнить законодательство России и Китая в области малого и среднего предпринимательства, и отразить их сходства и различия.

Субъектами малого и среднего предпринимательства (далее субъекты МСП) являются хозяйствующие субъекты, отнесенные в соответствии с законом, к малым предприятиям, в том числе к микропредприятиям, и средним предприятиям, данное понятие дано в статье 3 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ» от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ [1].

Статья 4 Федерального закона № 209-ФЗ определяет критерии к отнесению к субъектам МСП. Более детально эти критерии рассмотрены в Постановлении Правительства № 256 [2], которое устанавливает предельные показатели для определения критериев раз в пять лет. К этим показателям относятся:

Во-первых, показатель предельной выручки за предшествующий календарный год с учетом вычета НДС, для микро — 120 млн руб., — для малых — 800 млн руб., для средних — 2000 млн рублей.

Данный критерий является довольно дискуссионным и целесообразность его введения, в условиях нестабильной экономической ситуации в России, некоторым авторам представляется сомнительной [4, с. 273].

Во-вторых, максимальное число рабочих мест не должно превышать: для микропредприятий — 15, для малых предприятий — 100, для средних предприятий — 250.

Критерий численности работников является главным количественным критерием для отнесения субъектов предпринимательства к малым и средним. В научной литературе среди его преимуществ называют следующие: легкость и ясность использования и доступность для исследований [5, с. 23].

Третьим критерием является предельный процент участия иностранного капитала или предприятий крупного бизнеса в уставном капитале — 49 %.

В-четвертых, предельный процент участия государственных корпораций, муниципальных органов, некоммерческих организаций и фондов в уставном капитале — 25%. Последние два критерия применяются, только для юридических лиц.

Критерии МСП в Китае имеют существенное отличие от критериев в РФ. Эти критерии разработаны и закреплены Законом «О содействии МСП» [3]. К этим критериям МСП в Китае, относятся:

Во-первых, критерий численности, который зависит от вида деятельности предприятия: для микропредприятий — не более 100 человек в зависимости от вида деятельности; для малых предприятий — не более 300 человек в зависимости от вида деятельности; для средних предприятий — до 2000 человек в зависимости от вида деятельности;

Во-вторых, доход от предпринимательской деятельности: для микро — не более 20 млн. юаней; для малых предприятий — 80 млн юаней; для средних предприятий до 1200 млн юаней;

В-третьих, стоимость активов: для микропредприятия — стоимость активов не более 3 млн юаней для архитектуры и 20 млн юаней для сферы недвижимости; для малых предприятий — стоимость активов не более 50 млн юаней для архитектуры и 50 млн юаней для сферы недвижимости; для средних предприятий — стоимость активов не более 800 млн юаней для архитектуры и 100 млн юаней для сферы недвижимости [6, с. 42].

Как видно, то критерии численности в Китае достаточно высоки по сравнению с российскими критериям. Так, только по нашим меркам малый предприниматель, в Китае уже является микропредприятием.

Также к числу оригинальных критериев в Китае отнесения к категории МСП, в частности относят средний размер заработной платы работников, совокупные ежегодные доходы и совокупные активы предприятия. Также особенностью китайского законодательства является то, что для отнесения к субъектам МСП применяется отраслевая принадлежность субъекта и региональная особенность [7]. К ним относятся предприятия отраслей промышленности, строительства, транспорта и коммуникаций, оптовой и розничной торговли, гостиниц и ресторанов. К каждой отрасли предпринимательства применяются разные критерии, что позволяет более полезно и детально оказывать поддержку субъектам МСП.

Подводя итог, можно сказать, что в Китае основной рост экономики обеспечивает сектор малого и среднего предпринимательства, в отличие от России, где прирост экономических ресурсов происходит благодаря экономически развитым субъектам предпринимательства.

Если оценивать удельный вес малого и среднего предпринимательства в России и в Китае, то можно обнаружить преимущества у законодательства Китая.

Отсутствие в российских нормативных документах уточнений относительно отраслевой принадлежности субъектов МСП является, по нашему мнению, существенным недостатком. На наш взгляд, российскому законодательству требуется позаимствовать единый подход к классификации субъектов МСП Китая с учетом отраслевой специфики и региональных особенностей, что упростит доступ к финансовым ресурсам субъектам МСП.

Литература

1. Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ» от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 31. — Ст. 4006.
2. Постановление Правительства РФ от 04.04.2016 № 265 «О предельных значениях дохода, полученного от осуществления предпринимательской деятельности, для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства» // Российская газета. — 2016. — № 76.
3. Закон КНР «О содействии малым и средним предприятиям» // принят на 28-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 9-го созыва 29 июня 2002 г.)
4. Пахалкова А. Ю. Проблемы гармонизации законодательства Российской Федерации и Европейского Союза о малом предпринимательстве // Проблемы развития законодательства о малом и среднем предпринимательстве. — М., 2007. — С. 260-287.
5. Ноев С.В. Понятие и общая характеристика субъектов малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации. Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. — 2008. — С. 22-25.
6. Патласов О.Ю., Гордусенко А.В. Субъекты малого и среднего бизнеса: критерии, структура, финансовый механизм. Омский научный Вестник. — 2011. — С. 41-46.
7. Доклад о развитии малых и средних предприятий Китая в 2005г. URL: <http://www.china.cn/chinese/zhuanti/263730.htm> (Дата обращения 07.04.2019 г.).

Сравнительно-правовой анализ проблем недействительности сделок в России и Китае

© А. С. Шагдурова

студентка 2-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: s.ayane@mail.ru

В статье рассмотрены проблемы недействительности сделок в России и Китае. Кроме того, описаны ситуации, связанные с пороками воли, субъектного состава, формы и содержания. Автором дается понятие и описание недействительных сделок. Рассмотрены условия их возникновения в гражданско-правовых отношениях, а также правовые последствия, возникающие при заключении недействительных сделок.

Ключевые слова: сделка, недействительность сделок, порок воли, порок содержания, порок в субъекте.

The article deals with the problems of invalidity of transactions in Russia and China. In addition, the described situation arising from issues related to defects of will, the subjects, form and content. The author gives the concept and characteristics of invalid transactions. The conditions of their occurrence in civil law relations, as well as the legal consequences arising from the conclusion of invalid transactions are considered.

Key words: transaction, invalidity of transactions, defect of will, defect of content, defects in a subject.

Гражданско-правовой институт недействительности сделок является одним из наиболее практически значимых институтов общей части гражданского права, находящим свое применение во взаимодействии с различными институтами отрасли, прежде всего, в области обязательственного права. В настоящее время институт недействительности сделок требует подробной разработки в новых условиях правоприменительной практики и цивилистической науки. Проблемы, связанные с недействительностью сделок, имеют как важные теоретические аспекты, так и затрагивают многие практические вопросы в различных сферах хозяйственной деятельности [1].

В Российской Федерации институт недействительности сделок закреплен в таком нормативно-правовом акте, как Гражданский кодекс Российской Федерации (ст. 166-181) [2]. В Китае институт недействительности сделок регулируется Общими положениями Гражданского права Китайской Народной Республики (ст. 58-62) [3] и в Законе Китайской Народной Республики «О Договорах» от 1 ноября 1999 года (ст. 47, 52-54) [4].

В Гражданском кодексе Российской Федерации дается определение: «сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей». В большинстве случаев сделки признаются недействительными.

Действие, совершенное в виде сделки, не обладающими качествами юридического факта, способного породить те гражданско-правовые последствия, наступления которых желали субъекты влечет ее недействительность.

В России недействительность сделок делятся на 3 группы: сделки с пороками в субъекте; сделки с пороками воли; сделки с пороками содержания, но выделяют еще сделки с пороками формы [5, С. 48-49].

1. Сделки с пороками в субъекте подразделяются на сделки, связанные с недееспособностью сторон: сделки, совершаемые несовершеннолетними, не достигшими 14 лет (ст. 172 ГК РФ); сделки, совершаемые гражданином, признанным недееспособным (ст. 171 ГК РФ); сделки, совершаемые несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет (ст. 175 ГК РФ); сделки, совершаемые гражданином, ограниченным судом в дееспособности, (ст. 176 ГК РФ); сделки, совершенные представителем или органами юридического лица с превышением их полномочий (ст. 174 ГК РФ).

В судебной практике немало случаев, так в Октябрьский район города Самары обратилась гражданка О. В. Афанасьева в суд с указанным заявлением, о том, что между ее несовершеннолетним сыном тринадцати лет и ответчиком была совершена сделка купли-продажи телефона «Lenovo А6000», стоимостью 7999 руб. Сделка была совершена без ее ведома и согласия. Неоднократные попытки урегулировать ситуацию мирным путем оказались безуспешными. Афанасьева просит суд признать сделку купли-продажи телефона «Lenovo А6000», стоимостью 7999 руб. заключенную между ее несовершеннолетним сыном и ПАО «МегаФон», недействительной, применив последствия недействительности указанной сделки, взыскав с ПАО «МегаФон» в пользу О.В. Афанасьевой денежные средства и компенсацию морального вреда. Суд вынес решение о частичном удовлетворении исковых требований [6].

2. Сделки с пороками воли, совершенные без внутренней воли на совершение сделки и сделки, в которых внутренняя воля сформировалась неправильно. Данный порок характерен для 3-х видов сделок, являющихся оспоримыми: сделки, совершенные под влиянием обмана, преднамеренное (умышленное) введение лица в заблуждение относительно фактов и обстоятельств, имеющих существенное значение для заключаемой сделки (ст. 179 ГК РФ); сделки, совершенные под влиянием насилия, давление на волю данного лица путем причинения ему физических или нравственных страданий (ст. 179 ГК РФ); сделки, совершенные под влиянием угрозы, психическое давление на волю лиц с будущим злом, возбуждение у него страха с целью склонить к совершению сделки (ст. 179 ГК РФ); сделки, совершенные со стечением тяжелых обстоятельств, характеризуют ее как совершенную на крайне невыгодных условиях, чем другая сторона воспользовалась этим моментом (ст. 179 ГК РФ); сделки гражданина, неспособного понимать значение своих действий или руководить ими (ст. 177 ГК РФ); сделки, совершенные под влиянием заблуждения, (ошибка) — неправильное, не соответствующее действительности представление о каких-либо обстоятельствах, относящихся к данной сделке, или незнание о таких же обстоятельствах (ст. 178 ГК РФ) [2].

Примером недействительности сделки можно привести случай с 88-летней гражданкой Республики Хакасии г. Саяногорск Зоей Дмитриенко, труженицы тыла, проданной вместе с квартирой. Женщина стала жертвой махинации родной внучки, которая обманным путём заключила договор дарения на ее квартиру. Нет никаких уголовных дел ни в отношении внучки, мошенническим путем продавшей квартиру 88-летней гражданки Дмитриенко, ни в отношении перекупщиков и конечных покупателей. Решение суда постановило выселить гражданку Дмитриенко Зою Семеновну из квартиры [7].

На наш взгляд, данная сделка является недействительной, поскольку совершена под влиянием обмана.

Сделки с пороками содержания, признаются недействительными, вследствие расхождения условий сделки с требованиями закона и иных правовых актов: сделки, совершенные с целью, противной основам правопорядка и нравственности (ст. 169 ГК РФ); мнимая сделка — это сделка, совершенная лишь для вида, без намерения создать соответствующие ей правовые последствия (п. 1 ст. 170 ГК РФ); притворная сделка считается всякая сделка, совершенная с целью прикрыть другую сделку (п. 2 ст. 170 ГК РФ) [2].

Так, например, в Архангельской области г. Коряжма администрация муниципального образования «Город Коряжма» (далее — администрация МО «Город Коряжма») обратилась с иском в интересах несовершеннолетних Антонова В. М., Антипова С. В., Михайлова Д. А. к Земцовой Н. М., Логиновскому А. Н., Буракову С. Г. о признании недействительным договора дарения доли в праве общей долевой собственности квартиры. В обоснование заявленных требований истец ссылается на то, что данная сделка совершена с целью, противной основам нравственности, поскольку не соответствует интересам малолетних детей и нарушает их имущественные и жилищные права. Суд в удовлетворении исковых требований о признании договоров дарения недействительными и применении последствий недействительности сделок отказал [8].

Теперь проанализируем недействительные сделки в Китае, рассматривая проблемы недействительности сделок, следует для начала отметить, что сделка по гражданскому законодательству КНР признается ничтожной, если она совершена недееспособным лицом, лицом с ограниченной дееспособностью (если требуется участие законного представителя), совершена вопреки действительной воле, по сговору с целью причинения вреда интересам третьих лиц или для достижения незаконной цели. Как видно, понятие ничтожности сделок ничем не отличается от определения, данного в ГК РФ.

Таким образом, согласно Закону «о Договорах» в Китае существует 3 группы оснований недействительности договоров:

Первая связывает недействительность с наличием дефектов у субъекта правоотношений (отсутствие правосубъектности).

Вторая группа — нарушение волеизъявления сторон, например, если одна из сторон заключила договор путем обмана, угрозы, нарушила права и интересы государства; договор заключен в результате злостного соглашения и тем самым причинен вред правам и интересам государства, организаций или третьих лиц.

Третья группа оснований, если договорная форма прикрывает незаконные цели; если нарушены государственные (публичные) права и интересы; если нарушены императивные нормы законодательства, административных установлений и т.п. [9].

В главе 4 статьи 58 Общего положения Гражданского права Китайской Народной Республики дается перечень ничтожных сделок: совершаемые недееспособными лицами; совершаемые лицами с ограниченной дееспособностью в случаях, когда по закону они не могут действовать самостоятельно; совершаемые вопреки действительной воле одной из сторон в результате использования другой стороной обмана, насилия или стечения тяжелых обстоятельств; совершаемые по сговору с целью, наносящей вред государственным, коллективным интересам или интересам третьих лиц; противоречащие законодательству или общественным публичным интересам; совершаемые с использованием законной формы для сокрытия достижения противоправной цели [3].

Так, в Орегоне два студента-инженера из Китая обманом получили от Apple почти миллион долларов. Они ввозили поддельные айфоны, обменивали на настоящие, а затем продавали. Ответственным за поставки подделок в США и отправку настоящих устройств в Китай был Янгян Чжоу (YangyangZhou), недавно закончивший Университет штата Орегон по специальности «инженер». Его сообщник Цюань Цзян (QuanJiang) занимался запросами на замену смартфонов у Apple. В Китае настоящие смартфоны продавали, деньги отдавали матери Цюань Цзяня, а она переводила их на его счёт в США. Чжоу и Цзян заявили, что не знали о подделках [10].

С точки зрения гражданского права, данную сделку, на наш взгляд, можно признать недействительной, поскольку «одна из сторон заключила договор путем обмана, угрозы, нарушила права и интересы государства». Граждане Китая обманули представителей компании Apple, заключив с ними договор купли-продажи товара, в последующем покупателем предмет договора был заменен на некачественный, компания (продавец) добросовестно исполнила свои обязательства, вернув, качественный и надлежащий товар, хотя товар изначально являлся качественным, но замененным покупателем. На основании данного факта сделку можно признать недействительной.

Кроме этого, при заключении договоров между российскими и китайскими сторонами, что влечет недействительность сделки. Основанием также является обман стороны договора.

Так, дистанционно заключив договор с челябинской конторой, китайская сторона обязалась поставить на Южный Урал гранулы полиэтилена высокого давления, однако вместо этого прислала щебень и песок. После получения «высокотехнологичной» щебенки китайская сторона перестала выходить на контакт: по имеющимся телефонным номерам сотрудники контрагента просто бросают трубку, услышав название челябинской компании [11].

С точки зрения гражданского права, договор поставки можно признать недействительной сделкой, поскольку совершен введя в заблуждение одну из сторон путем замены предмета договора.

Таким образом, сравнительно-правовой анализ недействительности сделок в Российской Федерации и Китайской Народной Республике дает основания полагать, что в Российской Федерации разновидности недействительных сделок более детализированы, а Китайской Народной Республике более упрощены. Сравнительно-правовой анализ позволяет совершенствовать законодательства двух стран, используя опыт друг друга.

Литература

1. Недействительность сделок // URL:<https://www.bestreferat.ru/referat-153862.html> (дата обращения 08.04.2019)
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 23.05.2018) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Общие положения Гражданского права Китайской Народной Республики от 27.08.2009 г. [Электронный ресурс]. // URL:https://chinalaw.center/civil_law/china_general_principles_of_civil_law_revised_2009_russian (дата обращения 10.04. 2019)
4. Закон Китайской Народной Республики «о Договорах» от 01.11.1999 [Электронный ресурс]. // URL: <https://chinaperevod.com/law/zakon-kitayskoj-narodnoj-respubliki-o-dogovorah> (дата обращения 11.04. 2019)
5. Ю.Ф. Беспалов, П.А. Якушев. Недействительность сделок // Гражданское право в схемах, 2018. — 288 с.
6. Решение Октябрьского районного суда г. Самары (Самарская область) № 2-954/2016 2-954/2016~М-187/2016 М-187/2016 от 15.02.2016 г. по делу № 2-954/2016 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8IUek8Mk1sUX/> (дата обращения 11.04.2019).
7. 83-летняя Зоя Дмитриенко, которую выселили из квартиры в Хакасии, переехала к внучке [Электронный ресурс] <http://oldgazeta19.ru/news/24078> (дата обращения 12.04. 2019).

8. Решение № 2-1152/2015 2-45/2016 2-45/2016(2-1152/2015;)-М-1043/2015 М-1043/2015 от 9 февраля 2016 г. по делу № 2-1152/2015 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uQu6DxP76klw/> (дата обращения 16.04.2019).

9. Краткий обзор китайского права. Поворот России на Восток можно считать свершившимся фактом. Ключевой игрок в этом регионе [Электронный ресурс] // URL: https://www.mk-law.ru/delyusznaniyami/knowledge_16.html (дата обращения 12.04.2019)

10. Китайские студенты обманули Apple на миллион долларов, заменяя по гарантии поддельные айфоны [Электронный ресурс] // URL: <https://www.yaplakal.com/forum3/topic1936124.html> (дата обращения 18.04.2019).

11. Китайские поставщики обманули челябинских клиентов: прислали песок и щебень вместо заказанного полиэтилена [Электронный ресурс] // URL: https://www.znak.com/2014-07-28/kitayskie_postavchiki_obmanuli_chelyabinskih_klientov_prislali_pesok_i_cheben_vmesto_zakazannogo_pol (дата обращения 18.04.2019).

IV. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В СТРАНАХ АТР

Ответственность за финансирование терроризма по уголовному законодательству Австралии

© Е. Ю. Антонова

доктор юридических наук, доцент
заведующий кафедрой уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Хабаровский государственный университет экономики и права»
Россия, г. Хабаровск
E-mail: antonovy@yandex.ru

В настоящей статье выделяются основные направления и этапы финансирования терроризма. Автор рассматривает систему преступлений, связанных с финансированием терроризма по уголовному законодательству Австралии. Отмечается, что санкции норм о преступлениях террористической направленности, в том числе финансировании терроризма, в УК Австралии являются абсолютно-определенными, а такие преступления как финансирование террористического акта и финансирование террориста влечет за собой пожизненное лишение свободы.

Ключевые слова: террористические риски и угрозы, терроризм, террористическая деятельность, финансирование терроризма, террористический акт, зарубежный опыт.

This article highlights the main directions and stages of the financing of terrorism. The author examines the crime system, related to the financing of terrorism by criminal law of Australia. It is noted that the sanctions of the norms on terrorist crimes, including the financing of terrorism, in the Criminal Code of Australia are absolutely definite, and such crimes as the financing of a terrorist act and the financing of a terrorist entail life imprisonment.

Key words: terrorist risks and threats, terrorism, terrorist activities, financing of terrorism, terrorist act, foreign experience.

Современный терроризм представляет угрозу не только национальной безопасности отдельно государства, но и всему мировому сообществу. Как отмечает Пол Дибб, почетный профессор и почетный председатель Центра стратегических и оборонных исследований Австралийского национального университета, терроризм является угрозой, которая может привести к ядерной войне [4, с. 219-223].

В этой связи особую актуальность представляют вопросы, связанные с противодействием финансированию терроризма. Опасность данного деяния обусловлена, в первую очередь тем, что оно может способствовать как внутреннему (домашнему), так и международному (транснациональному) терроризму. Финансирование терроризма выражается в финансовой поддержке в любой форме (денежные средства, банковские кредиты, дорожные чеки, банковские чеки, акции, ценные бумаги, облигации и др.) терроризма или тех, кто поощряет, планирует или участвует в террористической деятельности. Такая финансовая поддержка существенно облегчает деятельность террористических сообществ/организаций. Именно поэтому многие государства обращают особое внимание на выработку мер по противодействию финансированию терроризма. Не исключением является и Австралия.

Если обратиться к Глобальному индексу терроризма, разработанному международной группой экспертов под эгидой Института экономики и мира (The Institute for Economics and Peace) Сиднейского университета (Австралия), то можно обнаружить, что ситуация с террористическими рисками и угрозами в стране является нестабильной. Так, в 2012 году Австралия в Глобальном индексе терроризма занимала 64 место (индекс 1,72), в 2014 году — 95 место (индекс 0,41), в 2015 году — 59 место (индекс 3,141), в 2017 году — 65 место (индекс 3,09), в 2018 году — 68 место (индекс 2,83) [7]. При этом интересен тот факт, что крупных террористических актов на территории Австралии не фиксируется. Вместе с тем страна является одним из лидеров финансирования террористической деятельности в Юго-Восточной Азии.

Отметим, что финансирование терроризма включает в себя два основных направления:

– финансирование прямых расходов, связанных с совершением террористических актов (например, расходы на проезд к месту террористического акта, взрывчатые вещества, взрывные устройства, оружие и транспортные средства);

– финансирование, необходимое для содержания террористической сети, террористического сообщества/организации, его структурных подразделений (например, ежедневные расходы на прожи-

вание, поездки, обучение, пропагандистскую деятельность, компенсацию семьям погибших террористов и др.).

Финансирование терроризма в Австралии варьируется по масштабу и сложности: от организованного сбора средств внутренними ячейками, которые являются частью более крупной, организованной международной сети, до средств, привлекаемых небольшими, слабо организованными и самостоятельными группами. Небольшие группы могут собирать средства для собственного внутреннего использования, а также предоставлять финансирование зарубежным группам, которым они симпатизируют [2].

Сам процесс финансирования терроризма обычно включает три этапа:

– сбор средств (например, посредством пожертвований, самофинансирования или преступной деятельности);

– перевод средств (в террористическую сеть, террористическое сообщество/организацию или его структурное подразделение);

– использование средств (например, для приобретения оружия или оборудования для изготовления взрывных устройств, для оплаты боевиков или для покрытия расходов на проживание членов террористического сообщества/организации).

Средства, связанные с финансированием терроризма, могут быть получены как из законных источников (чаще всего при самофинансировании), включающих доходы отдельных лиц или пожертвования сообщества, так и из доходов от преступлений, не связанных с террористической деятельностью (различные формы хищений — мошенничество, грабеж, разбой; незаконный оборот наркотических средств или психотропных веществ и др.).

В качестве прикрытия деятельности по финансированию терроризма нередко используются различные благотворительные, финансовые и иные организации.

Так, по данным Австралийского центра информации об операциях и их анализа (AUSTRAC), благотворительные организации и некоммерческие организации (НКО), работающие в регионах, охваченных кризисом или войной, подвержены повышенному риску внедрения в их ряды террористов или использования террористическими группировками, действующими в таких регионах. Представители Австралии также предупредили, что денежные средства, отправляемые в Сирию и соседние с ней страны на гуманитарные нужды, подвержены повышенному риску их незаконного использования в целях финансирования терроризма, если такие средства отправляются через малоизвестные или недавно созданные благотворительные организации и НКО, не имеющие надлежащих мер проверки/контроля [5].

При этом, несмотря на то, что благотворительные организации и НКО являются одним из наиболее значительных каналов финансирования терроризма в Австралии, они не фигурируют в большом количестве случаев финансирования терроризма. Сложность в выявлении таких деяний заключается в том, что нередко пожертвования, собираемые благотворительными организациями и другими некоммерческими организациями, для финансирования терроризма маскируются (объединяются) с законными пожертвованиями [2].

По данным австралийских властей, финансирование терроризма через банковский сектор часто носит мелкомасштабный характер. Порой трудно выявить операции, связанные с финансированием терроризма, из огромного объема законных финансовых операций, осуществляемых каждый день. В некоторых случаях имело место депонирование на банковские счета наличных денег на суммы, не превышающие порогового значения, после чего эти деньги отправлялись международными переводами из Австралии. В более сложных схемах были задействованы как реальные компании, так и компании-пустышки, расположенные за рубежом. Они использовались в качестве прикрытия для отправки денежных средств за рубеж через основные финансовые каналы [5].

Вместе с тем, отметим, что деятельность по выявлению банков — нарушителей законодательства по противодействию легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма — ведется в стране достаточно активно, а финансовые нарушения и подозрительные сделки через банки влекут за собой крупные штрафные санкции.

Так, AUSTRAC опубликовал пресс-релиз о заключении соглашения о досудебном урегулировании претензий к Commonwealth Bank of Australia (CBA — крупнейший австралийский финансовый конгломерат, осуществляющий деятельность в Австралии, Новой Зеландии, Фиджи, странах Азии (в том числе в Китае и Индии), США и Великобритании. Входит в «большую четверку» банков Австралии), в соответствии с которым банк обязуется выплатить штраф в размере 700 млн австралийских долларов (около 529,3 млн долларов США в эквиваленте) за многочисленные серьезные и систематические нарушения закона Австралии о противодействии легализации доходов, полученных преступ-

ным путем, и финансированию терроризма (Anti-MoneyLaunderingandCounter-TerrorismFinancingAct, 2006). В деятельности СВА было выявлено более 53,7 тыс. нарушений данного закона. При определении суммы штрафа AUSTRAC были учтены меры, принятые СВА по совершенствованию своей системы противодействия отмыванию денег и финансированию экстремизма. В частности, с 2010 года СВА было выделено более 400 млн австралийских долларов на устранение недостатков в механизмах внутреннего контроля банка в целях противодействия отмыванию денег и финансированию экстремизма, а также были приняты меры по совершенствованию механизмов контроля проведения оценки рисков отмывания денег и финансирования терроризма в банке, системы мониторинга подозрительных операций [6].

Важно и то, что австралийское законодательство регламентирует и уголовную ответственность в отношении юридических лиц [3, с. 328-332], которые могут быть признаны субъектом преступлений, в том числе связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств и финансированием терроризма. В Российской Федерации юридические лица не могут быть субъектами преступлений, к ним могут применяться лишь меры административно-правового воздействия за такие правонарушения как неисполнение требований законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (ст. 15.27 КоАП РФ) и оказание финансовой поддержки терроризму (ст. 15.27.1 КоАП РФ).

Что касается уголовно-правовых мер, то австралийским законодателем криминализированы несколько общественно опасных деяний, образующих систему преступлений, связанных с финансированием терроризма.

Под финансированием террористических организаций в соответствии со ст. 102.6 УК Австралии[1] понимается предоставление средств террористической организации, получение средств от террористической организации или получение средств для террористической организации. Устанавливается, что лицо совершает преступление, если оно намеренно: (i) получает средства от или предоставляет средства организации (прямо или косвенно); или (ii) собирает средства для или от лица организации (прямо или косвенно). При этом данная организация должна являться террористической и лицо должно осознавать это обстоятельство. Указанное деяние предусматривает наказание в виде 25 лет лишения свободы. В случае же, если лицо проявляет безразличие относительно того, является ли организация террористической, то содеянное будет влечь наказание в виде 15 лет лишения свободы.

Кроме того, наказание в виде 25 лет лишения свободы предусматривается за умышленное предоставление поддержки или ресурсов террористической организации, и 15 лет лишения свободы — если лицо проявляет безразличие относительно того, является ли организация террористической (ст. 102.7 УК Австралии).

Наказание в виде 3 лет лишения свободы устанавливается, если лицо два и более раза вступает в контакт с членом террористической организации или другим лицом, которое поощряет или руководит деятельностью такой организации, а также, если лицо имеет судимость за данное деяние и продолжает его осуществлять. Ответственность наступает при условии, что лицо знает о том, что организация является террористической и такая связь оказывает ей поддержку и помогает организации расширяться и продолжать существовать (ст. 102.8 УК Австралии).

Финансирование террористического акта (ст. 103.1 УК Австралии) и финансирование террориста (ст. 103.2 УК Австралии) влечет за собой пожизненное лишение свободы.

Согласно ст. 103.1 УК Австралии лицо совершает преступление, если предоставляет или собирает средства и проявляет безразличие относительно того, будут ли использованы эти средства для содействия или совершения террористического акта. В ст. 103.2 УК Австралии предусматривается ответственность в отношении лица предоставляющего средства другому лицу (прямо или косвенно); или собирает средства для или от имени другого лица (прямо или косвенно); и проявляет безразличие относительно того, будут ли использованы эти средства другим лицом для содействия или совершения террористического акта.

Более того, считается, что лицо совершает выше перечисленные преступления даже, если (а) террористический акт не совершен; или (b) совершение перечисленных в рассматриваемых нормах деяний не связано с совершением конкретного террористического акта; или (с) данные деяния совершаются для содействия или совершения более чем одного террористического акта.

Таким образом, в Австралии, в отличие от Российской Федерации, в которой финансирование терроризма рассматривается как одна из форм содействия террористической деятельности, предусмотрена целая система преступлений данной категории. Важно и то, что санкции норм о преступлениях террористической направленности в УК Австралии являются абсолютно-определенными, предусматривая один конкретно-определенный вид и размер наказания. Не устанавливая альтернати-

вы в выборе видов и размеров наказаний, законодатель тем самым подчеркнул повышенную общественную опасность данных преступлений.

Литература

1. Criminal Code Act of Australia 1995 (consolidated as of July 1, 2017). URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=449005
2. Terrorism financing in Australia 2014. URL: <http://www.austrac.gov.au/sites/default/files/documents/terrorism-financing-in-australia-2014.pdf>
3. Антонова Е.Ю. Австралийская модель корпоративной уголовной ответственности // Совершенствование уголовного законодательства и правоприменительной практики РФ на основе использования опыта стран Азиатско-Тихоокеанского региона как стратегический приоритет развития российской уголовной политики: материалы международной научно-практич. конф. 1 — 2 октября 2013 г. Дальневосточный федеральный университет г. Владивосток. Владивосток, 2013. — С. 328-332.
4. Астафьева Е.М. Россия и Австралия: подходы к проблемам безопасности и экономического сотрудничества в АТР // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2016. — № 31. — С. 219-223.
5. Новые риски финансирования терроризма: отчет ФАТФ, 2015. URL: https://www.cbr.ru/StaticHtml/File/36805/Emerging-Terrorist-Financing-Risks_Russian.pdf
6. Обзор событий в сфере противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма за период с 1 июня по 31 июля 2018 года // Центральный банк РФ. Департамент финансового мониторинга и валютного контроля. URL: <https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/9377/JunJul2018.pdf>
7. Рейтинг стран мира по уровню терроризма / GlobalTerrorismIndex. URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/terrorism>

Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов с использованием сети Интернет: сравнительно-правовой анализ законодательства республики Беларусь и Российской Федерации

© **К. К. Борис**
старший следователь
Минский районный отдел
Следственного комитета Республики Беларусь
Республика Беларусь, г. Минск
E-mail: karinaboris0202@gmail.com

Статья посвящена вопросам сравнительно-правового анализа законодательства Беларуси и России в части незаконного сбыта наркотиков с использованием сети Интернет, с учетом совершенствования способов совершения таких преступлений

Ключевые слова: *сравнительно-правовой анализ, незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, сеть Интернет*

The article is devoted to the comparative legal analysis of the legislation of Belarus and Russia in terms of illegal drug sales using the Internet, taking into account the improving of methods of committing such crimes

Key words: *comparative legal analysis, Republic of Belarus, Russian Federation, illegal sale of narcotic drugs, psychotropic substances, their analogues and precursors, Internet*

Совершенствование способов совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ их прекурсоров и аналогов делает необходимым внесение изменений и дополнений в уголовное законодательство Республики Беларусь, разработку эффективных методов расследования такого вида преступления. Для решения таких задач представляется правильным провести сравнительно-правовой анализ отечественного уголовного законодательства и уголовного законодательства России, с целью выявить проблемы в правоприменительной практике отечественного уголовного законодательства и предложить возможные пути их решения, на примере законодательства зарубежных стран.

Рассматриваемый вопрос в своих трудах исследовал белорусский ученый В. В. Лосев, однако вопрос о сравнительном анализе незаконного сбыта наркотиков в законодательстве Республики Беларусь и России он оставил без рассмотрения [1].

В ходе настоящего исследования раскрыты, по мнению автора, наиболее острые и актуальные вопросы применения уголовного законодательства Республики Беларусь на практике в контексте сравнительного анализа с нормами УК Российской Федерации.

Законодательство Республики Беларусь значительно уступает законодательству России. УК РФ в ч. 2, 3, 4, 5 ст. 228.1 предусматривает сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, квалифицируя данное преступление по способу совершения преступления. Проведя сравнительно-правовой анализ ст. 228.1 УК РФ и ст. 328 УК Республики Беларусь (незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов) можно выделить, следующие значительные особенности УК РФ. Так, п. 6 ч. 2 ст. 228.1 УК РФ предусматривает ответственность за сбыт наркотиков с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет), при этом отдельно выделяет санкцию при совершении такого преступления. Данное положение отсутствует в УК Республики Беларусь, что в настоящее время представляется нам необходимым.

На основании проведенного исследования, автор приходит к выводу, что лицо, совершающее незаконный оборот наркотиков посредством сети Интернет является субъектом повышенной ответственности. С целью объективности назначения наказания при осуждении лица по ч. 4 ст. 328 УК Республики Беларусь судам необходимо исходить из способа совершения незаконного сбыта наркотиков. В обоснование вывода, можно обозначить признаки такого состава преступления как «незаконные с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов посредством сети Интернет».

Рассматривая объективную сторону такого состава преступления, временем совершения преступления следует считать начало преступной деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотиков с момента не позднее регистрации интернет-магазина участником которого он является (если иное не вытекает из материалов уголовного дела, например, лицо вступило в состав организованной группы позже ее создания, и это подтверждается собранными доказательствами по уголовному делу), момента регистрации субъекта в программе для мгновенного обмена сообщениями, которые им использовались для осуществления преступной деятельности или с момента установления такого приложения на гаджете.

Несмотря на то, что фактически преступные действия совершаются в интернет-пространстве, правоприменительно следует считать местом совершения преступления территорию, на которой лицо сбывало наркотики конечным потребителям.

Способом совершения такого преступления будет являться — сбыт посредством сети Интернет.

Объективная сторона сбыта наркотиков посредством сети Интернет предусматривает ряд действий, направленных на неограниченный круг лиц, в чем также проявляется наибольшая общественная опасность такого деяния. В постатейном комментарии к ст. 328 УК Республики Беларусь объективная сторона разъясняется со стороны фактических действий влекущих за собой привлечение к уголовной ответственности по указанной статье, такие как изготовление, приобретение, хранение и иные. Кроме указанных в ст. 328 УК Республики Беларусь квалифицирующих действий, специфика совершения незаконно сбыта наркотиков посредством сети Интернет представляется в виде дополнительных действий:

- размещение и распространение посредством сети Интернет объявлений, содержащих в себе предложения о трудоустройстве в интернет-магазин с целью осуществления незаконной деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотиков;

- размещение и распространение посредством сети Интернет, сведений содержащих привлечения лиц к потреблению наркотиков, с указанием источника их приобретения.

Если руководствоваться ст. 13 УК Республики Беларусь (приготовление к преступлению), то, указанные выше действия, а именно размещение, распространение и рекламирование, будут относиться к приготовительным действиям к совершению преступления. Тогда квалифицировать действия необходимо по ст. 13, ст. 328 УК Республики Беларусь соответствующей части. Однако автор считает, что размещение, распространение и рекламирование в сети Интернет объявлений, направленных на приискание потребителей либо «рабочей силы» возможны и целесообразны только тогда, когда лицо уже занимается незаконным оборотом наркотиков, соответственно такие действия им направлены не на привлечение или приготовление к планируемому преступлению, а являются частью продолжаемого преступления.

Указанные действия, как правило, направлены на неограниченный круг лиц, которыми являются как несовершеннолетние, так и малолетние лица, о чем может не знать лицо, занимающееся незаконным сбытом наркотиков в силу обезличенности общения в сети Интернет, однако может и обязан об

этом догадываться, что не умышленно, но по неосторожности влечет привлечение в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов не только лиц, достигших 14 летнего возраста, но и аудиторию малолетних лиц, что должно существенно отражаться при квалификации действий лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч.4 ст. 328 УК Республики Беларусь в сети Интернет, но и учитываться при назначении ему наказания. По указанной причине представляется необходимым, внести изменения в ст. 328 УК Республики Беларусь в виде дополнения в ч. 4 ст. 328 УК Республики Беларусь квалифицирующего признака «с использованием сети Интернет».

Современные тенденции совершения сбыта наркотиков посредством сети Интернет обязывают законодателя реконструировать рассматриваемый состав преступления. Основными пробелами уголовного законодательства в Республике Беларусь является квалификация действий связанных с незаконным сбытом наркотиков в составе организованной группы, а также в части доказывания таких преступлений.

Так, ответственность за такое преступление, предусмотрена ч. 4 ст. 328 УК Республики Беларусь. УК РФ ответственность за сбыт, совершенный в составе организованной группы предусматривает п. а ч. 4 ст. 228.1.

Для начала, необходимо разобраться, что законодатель понимает под организованной группой. Ст. 18 УК Республики Беларусь (организованная группа), равно как и ст. 35 УК РФ, говорит, о том, что организованная группа будет признана при наличии следующих признаков: участие двух или более лиц, предварительная объединенность, управляемость, устойчивость, единые цель и умысел.

Примеру неоднозначности применения и трактовки при квалификации преступления, связанного с незаконным оборотом наркотиков в сети Интернет в составе организованной группы ее признаков, может послужить ситуация из следственной практики автора.

Так, в 2019 году возбуждено уголовное дело в отношении гражданина А. по ч. 3 ст. 328 УК Республики Беларусь. Из материалов уголовного дела следует, что гражданин А., найдя объявление о работе в сети Интернет, связанной с обналичиваем денежных средств, добытых от продажи наркотиков, работая удаленно. При устройстве на «работу» гражданин А. не мог не понимать, что осуществляет незаконную деятельность, связанную с незаконным оборотом наркотиков с иными лицами, объединенными одной целью: продажа наркотиков, корыстными умыслом – получения дохода от преступной деятельности, был подотчетен в свое деятельности перед лицами его нанявшими. В последующем, лицо «нанявшее» его на «работу» условно названный Б. предлагает стать управляющим второго, принадлежащего ему интернет-магазина по продаже наркотиков. Подозреваемый А. соглашается с предложением и, продолжая свою преступную деятельность, выполняет следующие обязанности: привлечение покупателей, принятие координат закладок с наркотиками, переписка с потенциальными покупателями, прием платежей от покупателей, передача сведений о месте нахождения наркотика (фактический бесконтактный сбыт наркотиков), отчет перед руководителем магазина о поступившей оплате за проданный товар. При этом по договоренности с руководителем Б., подозреваемый А. за каждую закладку проданного товара получал процент от ее стоимости. Через некоторое время, подозреваемый А. владея информацией о логине и пароле аккаунта интернет-магазина Б., решает похитить его магазин, в котором он был управляющим, путем изменения «секретной фразы», незнание которой блокирует доступ иных лиц. Затем, гражданин А., действуя уже единолично, покупает закладки в других интернет-магазинах, при этом владея информацией только об их местонахождении, и перепродает их покупателям, установив более завышенные цены.

В данной следственной ситуации бесконтактный способ совершения таких преступлений не дает возможность установить и обнаружить себя участникам организованной группы. В ходе расследования такого уголовного дела стоит ряд сложных задач для следователя и правоохранительных органов в части квалификации и доказывая преступных действий гражданина А.

Российский ученый и практик М. А. Фомин в своей публикации «Сбыт наркотиков в составе организованной группы» (04.04.2019) приводит один из примеров практики. Приговором Красноперкопского районного суда г. Ярославля гражданин О. в 2011 году был осужден по трем эпизодам ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ (приготовление и покушение на сбыт наркотических средств, в составе организованной группы). В ходе пересмотра президиумом Ярославского областного суда, в судебном заседании уголовного дела в порядке надзора, приговор изменили, и переквалифицировали действия гражданина О. как незаконный сбыт наркотических средств, группой лиц по предварительному сговору. Причиной послужил тот факт, что в ходе осуществления своей преступной деятельности гражданин О. передал наркотическое средство не иным лицам, а участнику организованной группы, что, по мнению суда не применимо к организованной группе [2].

Приведенный пример считается безусловным отражением непонимания современной трактовки организованной группы применимо к незаконному сбыту наркотиков в сети Интернет. Так, в случае гражданина О., он выполнял функции «минера», то есть помещал наркотики в тайники, и сообщал их местонахождение не конечным потребителям, а лицу, входящему в состав организованной группы, так называемому «оператору», который продавал закладки в тайниках конечным покупателем. Гражданин О. при устройстве на работу и в ходе осуществления своей деятельности понимал и осознавал, что прибыль он получит, только в том случае, если наркотик, который он поместил в тайник, приобретет конечный потребитель, что и являлось его целью — получение прибыли от незаконной деятельности. Таким образом, не контактируя с иными лицами, не входящими в состав организованной группы, он действовал, предварительно объединившись с иными участниками организованной группы, под их управлением, и у их деятельности была единая цель и умысел — получение доходов.

УК РФ к вопросу квалификации преступлений, связанных со сбытом наркотиков и к назначению наказания за такие преступления в зависимости от способа совершения преступления подходит дифференцировано, нежели законодательство Республики Беларусь, что приводит к проблемам, возникающим при квалификации действий и назначении наказания.

С учетом изложенного, проблемы квалификации незаконного сбыта наркотиков остается острым вопросом, требующим тщательного исследования, в том числе посредством сравнительно-правового анализа законодательства Республики Беларусь и России, который может привести к заимствованию положительного опыта с последующим законодательным закреплением в УК Республики Беларусь. В целях унификации законодательства, автор предлагает внести изменения в ч. 4 ст. 328 УК Республики Беларусь, дополнив ее квалифицирующим признаком «с использованием сети Интернет».

Литература

1. Лосев В. В. Сравнительный анализ статей Уголовных кодексов Беларуси и России, устанавливающих ответственность за связанные с наркотиками преступления, и предложения по унификации : сб. науч. тр. / ГУ «Науч.-практ. центр проблемы укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь» / В.В. Лосев, под ред. В. В. Марчука, А. В. Солтановича. — Минск : Изд. центр БГУ, 2018. — вып. 11. — С. 187-203.

2. Сбыт наркотиков в составе организованной группы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.livelawyer.ru/sbyt-narkotikov-v-sostave-organizovannoj-gruppy/>. — Дата доступа : 06.04.2019.

Профилактика суицидального поведения в России и странах АТР

© Д. В. Гадьянова

магистр 2-го курса

ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: Diano4ka.super@yandex.ru

Статья содержит анализ мер по профилактике суицидального поведения детей и подростков в России и странах АТР, таких как: Южная Корея, Япония, Чили. Рассматриваются правовые меры по профилактике суицидов среди подростков в России, а также международный опыт профилактики суицидов.

Ключевые слова: *суицид, суицидальное поведение подростков, профилактика суицидов среди подростков, профилактика суицидов в Южной Корее, Японии, Чили.*

The article contains an analysis of measures to prevent suicidal behavior of children and adolescents in Russia and the countries of the Asia-Pacific region, such as: South Korea, Japan, Chile. Legal measures for the prevention of suicides among adolescents in Russia, as well as international experience in the prevention of suicides are considered.

Key words: *suicide, suicidal behavior of adolescents, prevention of suicides among adolescents, prevention of suicides in South Korea, Japan, Chile.*

В современном мире проблема суицида стоит достаточно остро, так как это является одной из самых распространенных причин смерти населения. Но особое беспокойство вызывает распространенность суицидального поведения среди подростков. Изучением данного феномена занимаются различные исследователи, как российские, так и зарубежные, а также государственные структуры, задача которых состоит в выработке профилактических мер.

Официальная статистика суицидов и, в особенности суицидальных попыток, разнящаяся по разным ведомствам, далека от действительности и является лишь «вершиной айсберга».

Всемирная организация здравоохранения отмечает, что Российская Федерация находится на втором месте по числу самоубийств на сто тысяч жителей, обойдя при этом рак, но уступая сердечно — сосудистым заболеваниям. Как отмечает А. Е. Иванова Россия занимает первое место по абсолютному количеству подростковых самоубийств [4, с. 3].

Среди регионов России «лидирующие» позиции занимают регионы Сибири и Дальнего Востока, где происходит 30 самоубийств на 100 тысяч населения, что в полтора раза больше критического уровня, установленного ВОЗ. Э. Л. Раднаева отмечает, что большинство суицидов совершается на Алтае, в Туве, Бурятии, Чукотском и Ненецком автономных округах [6, с. 136].

По данным Федеральной службы государственной статистики, число несовершеннолетних, погибших в результате самоубийств, в 2011 г. составило 727 чел., в 2012 г. — 653, в 2013 г. — 567, в 2014 г. — 591, в 2015 г. — 460 чел. [3, с. 8] В 2016 г. в результате суицидов в России погибло 720 подростков, а в 2017 году — 692.

В феврале 2017 года Президент России В.В. Путин поручил Правительству Российской Федерации совместно с органами исполнительной власти субъектов Федерации в срок до 30 июня 2017 года принять решения, направленные на совершенствование системы профилактики подросткового суицида [3, с. 8].

По итогам данного поручения были внесены поправки в Уголовный кодекс Российской Федерации, в соответствии с которыми УК РФ дополнен статьей 110.1. «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» и статьей 110.2. «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства», что несомненно показывает уровень развития уголовной системы, ужесточает ответственность за воздействие на подростков с целью склонения к совершению самоубийства.

Но привлечение к ответственности по данной статье на сегодняшний день не носит повсеместный характер, так по данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации в 1 полугодии 2018 года число осужденных по статьям 110.1 и 110.2 УК РФ составляет 2 человека [7].

Помимо внесенных изменений в Уголовный кодекс РФ правовыми мерами профилактики суицидального поведения в России является работа органов исполнительной власти, выраженная в разработке методических рекомендаций по профилактике подросткового суицида.

Среди таких актов можно выделить Письмо Департамента государственной политики в сфере защиты прав детей от 18.01.2016 № 07-149 «О направлении методических рекомендаций по профилактике суицида» [1], которое выявило некоторые проблемы, выявленные в ходе мониторинга профилактики суицидального поведения детей и подростков, среди которых выделяются:

1. Кадровое обеспечение и профессиональная подготовка специалистов образовательных организаций, выраженное в дефиците психологов и иных специалистов, отвечающих за выявление психологических проблем детей и подростков, недостаточное методическое и техническое обеспечение профилактической деятельности, отсутствие специализированных курсов повышения квалификации, отсутствие взаимодействия между педагогами, родителями и детьми при выявлении проблем поведения;

2. Отказ родителей от общения с психологом при выявлении проблемы суицидального поведения ребенка;

3. Отсутствие должного взаимодействия на межведомственном уровне при выявлении подростка, относящегося к «группе риска»;

4. Свободный доступ к информации, размещенной в сети Интернет, являющейся вредной и опасной для жизни подростка.

Для профилактики суицидального поведения Министерство образования и науки РФ предлагает осуществлять общее управление превентивной деятельностью на муниципальном уровне органам управления образованием. Отделы опеки и попечительства должны оказывать помощь и осуществлять контроль за условиями проживания и воспитания детей-сирот, а также детей, находящихся в «группе риска». Учреждениям дополнительного образования предписывается вовлечение подростков в деятельность творческих объединений по интересам.

Кроме того, данное письмо рассматривает научно-методические основы работы по профилактике суицидального поведения детей и подростков в образовательных организациях, предлагает эффективные модели психолого-педагогического сопровождения профилактики суицидального поведения обучающихся.

Помимо указанного письма, Министерство образования и науки РФ в 2018 году разработало Методические рекомендации для педагогов-психологов и социальных педагогов по работе с родителями обучающихся образовательных организаций по проведению профилактической работы с несовер-

шеннолетними, склонными к суицидальному поведению, являющиеся приложением к письму от 28 апреля 2018 г. № 07-2498. Указанные рекомендации содержат:

1. Психологический портрет современных детей и подростков, содержащий описание особенностей подросткового возраста, реакции на жизненные проблемы, а также факторы угроз психологической безопасности;
2. Определение, классификацию, мотивы и признаки суицидального поведения;
3. Предложения по профилактике суицидального риска, выраженные в рекомендациях для родителей;
4. Памятки для родителей по оценке суицидального риска и профилактики суицида [2].

Далее рассмотрим опыт различных стран по профилактике суицидального поведения как среди подростков, так и среди всего населения. Изучение всего спектра мер профилактики позволит усовершенствовать систему профилактики в России.

Южная Корея является одним из «лидеров» по количеству самоубийств в год. В Корее лица моложе 40 лет зачастую совершают самоубийство, и как правило, это является одной из самой распространенной причиной смерти. Среди известных личностей, которые завершили свою жизнь суицидом мы можем назвать бывшего президента Но Мун Хёна, баскетболиста Чо Сон Мина, а также различных к-поп звезд и актеров. Подростки, отличающиеся недостаточно развитой психикой, часто пытаются быть похожими на популярных актеров любимых сериалов и также совершают суициды. Помимо подражания распространенной причиной совершения суицидов среди подростков является стресс от экзаменов, которые являются одними из самых сложных, а условия проведения жесткими.

В Южной Корее существуют специализированные центры, моделирующие похороны человека, которые способствуют переосмыслению жизни клиента, а также позволяют почувствовать боль, которую причинит близким их уход.

Клиентам данного центра предоставлялась возможность «прочувствовать смерть» на себе. Для этого им предлагается переодеться в одежду белого цвета, традиционно считающейся траурной, составить завещание и написать прощальные письма родным и друзьям, а после этого сесть в гроб. Вскоре крышку гроба отпускают, и клиент проводит в таком состоянии десять минут. Таким образом к людям приходит понимание, что такое смерть, и большинство после данной процедуры чувствуют психологический подъем. У людей, прошедших через «погребение заживо» пропадают суицидальные мысли, поскольку им представилась возможность почувствовать на себе всю боль, которую испытывают их близкие после потери любимого человека.

Среди плюсов работы данных центров можно выделить погружение человека в состояние, при котором он может «прочувствовать» и «понять» смерть. Минусом же указанного способа можно считать, что в такой центр человек может прийти только после осознания своей проблемы суицидального поведения и в сознательном возрасте. Подростки же, в силу своего возраста, во-первых, самостоятельно не пойдут на такие меры, а во-вторых, не в полной мере смогут осознать происходящее при «погребении».

Еще одним примером положительного опыта борьбы с самоубийством является система мер, разработанная в Японии. Конец XX века для Японии характеризуется значительным увеличением числа суицидов на фоне социально-экономических проблем. Но общество считало, что суицид является табу и считается лишь личной проблемой, обсуждение которой недопустимо в обществе. Только в XXI веке ситуация начала меняться, и табу постепенно преодолевалось.

По итогам проведенного в 2002 году Министерством здравоохранения, труда и социального обеспечения круглого стола, посвященного проблемам профилактики суицидального поведения был издан отчет. Данный отчет указывал на необходимость оказания психологической помощи лицам, страдающим различными расстройствами психики, а также устанавливал обязательность анализа психологических, социальных, культурных и экономических факторов, приводивших к суицидальному поведению. Только в 2005–2006 гг. суицид в Японии начали считать «социальной проблемой», что дало начало конкретным действиям [5, с. 57].

В 2006 году Япония начала работу по разработке законодательного акта, целью которого будет являться предотвращение суицидов, и в 2007 году такое акт был принят. «Общие принципы предотвращения самоубийств» предполагали применение превентивных мер, а также оказание помощи лицам, выжившим после попыток совершить самоубийство. В 2009 году свою работу начал Региональный чрезвычайный фонд по усилению профилактики суицида, финансирование которого занималось правительство страны. Фонд занимался информационные компании среди населения по профилактике суицидов.

По результатам комплексной деятельности правительства Японии, было замечено снижение количества самоубийств, но только среди людей среднего и пожилого возраста, молодые люди же стали чаще совершать суициды.

В Чили за последние 20 лет число самоубийств стремительно растет, наивысшие тенденции роста отмечены среди молодежи. В ответ на такую статистику были приняты следующие меры.

Принят закон «Универсальные гарантии услуг здравоохранения», позволивший значительно повысить доступ к услугам психологов. Закон облегчает доступ к медицинскому обслуживанию и обеспечивает оказание помощи в связи с четырьмя видами психологических расстройств, способных привести к суициду.

В 2007 году выработан Национальный план по предупреждению самоубийств, который получил официальное одобрение. Данный план включает в себя стратегии, нацеленные на отслеживание количества самоубийств, обучение медицинского персонала, создание профилактических программ в школах, организацию помощи в кризисных ситуациях, обучение журналистов, имеющее целью сократить число безответственных репортажей и развить осознание защитной роли СМИ. Сокращение числа самоубийств является только одной из целей на ближайшее будущее, но уже сейчас в Чили созданы все условия для уменьшения количества самоубийств.

Всестороннее изучение международного опыта позволяет сделать определенные выводы и внести некоторые коррективы в имеющиеся превентивные меры суицидального поведения подростков. Прежде всего хотелось бы рекомендовать перенять следующие положительные меры для предотвращения самоубийств в Российской Федерации:

1. Необходимость разработки национальной стратегии по предотвращению самоубийств;
2. Повышение внимания к механизмам социальной поддержки лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации;
3. Развитие системы волонтерских организаций, занимающихся информированием о состоянии суицидальной ситуации;
4. Работа со СМИ для предотвращения чрезмерного освещения способов самоубийства.

Литература

1. Письмо Департамента государственной политики в сфере защиты прав детей от 18 января 2016 г. № 07-149 «О направлении методических рекомендаций по профилактике суицида» // Вестник образования. — 2016. — № 5. — март.
2. Методические рекомендации для педагогов-психологов и социальных педагогов по работе с родителями обучающихся образовательных организаций по проведению профилактической работы с несовершеннолетними, склонными к суицидальному поведению (приложение к письму Министерства образования и науки РФ от 28 апреля 2018 г. N 07-2498) // Администратор образования. — 2018. — № 11. — июнь.
3. Бастрыкин А.И. Преступления против несовершеннолетних в интернет-пространстве: к вопросу о виктимологической профилактике и уголовно-правовой оценке // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11. — № 1. — С. 5–12.
4. Иванова А.Е. Смертность российских подростков от самоубийств / А.Е. Иванова. — М.: БЭСТ-принт, 2011. — 132 с.
5. Предотвращение самоубийств: глобальный императив Всемирной организации здравоохранения. 2014.– 98 с.
6. Раднаева Э.Л. Детские и подростковые суициды как чрезвычайная проблема общества // Современные проблемы раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против жизни: материалы всероссийской научно-практической конференции (Улан-Удэ, 09 декабря 2016 г.) / науч. ред. Ю. В. Хармаев. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2017. — С. 135-148.
7. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] режим доступа: <http://www.cdep.ru>

Сравнительно-правовой анализ норм уголовного законодательства об ответственности за уклонение от уплаты таможенных платежей в странах Евразийского Экономического Союза

© А. А. Коренная
адвокат, кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридического института
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
Россия, г. Барнаул
E-mail: lawer_ann@mail.ru

В статье рассмотрены вопросы, связанные с установлением уголовной ответственности за уклонение от уплаты таможенных платежей в едином таможенном пространстве Союза. Необходимость подобного рода исследования обусловлена, в том числе, существенным изменением уголовного законодательства, произошедшим в странах Евразийского Союза — в Кыргызской республике с 01.01.2019г. действует новый Уголовный кодекс, в Республике Казахстан, Армении уголовное законодательство также подверглось изменениям. А также, в первую очередь, образованием нового таможенного союза. По мнению автора статьи, для повышения эффективности охранительного законодательства требуется унификация законодательства об уголовной ответственности за «таможенные» нарушения, в том числе, установление единых стоимостных критериев, отграничивающих преступления от иных нарушений.

Ключевые слова: *Евразийский экономический союз, таможенные платежи, ущерб, национальная валюта, унификация законодательства.*

The article deals with issues related to the establishment of criminal liability for evading the payment of customs duties in the common customs space of the Union. The need for this kind of research is due, inter alia, to a significant change in the criminal law that occurred in the countries of the Eurasian Union — in the Kyrgyz Republic from 01/01/2019. The new Criminal Code is in force; in the Republic of Kazakhstan, Armenia, the criminal law has also been amended. And also, first of all, the formation of a new customs union. According to the author of the article, in order to increase the effectiveness of protective legislation, it is necessary to unify legislation on criminal liability for “customs” violations, including the establishment of uniform cost criteria separating crimes from other violations.

Key words: *Eurasian Economic Union, customs payments, damage, national currency, unification of legislation.*

Создание Таможенного союза — единого экономического пространства нескольких государств, экономики которых исторически интегрированы, безусловно, положительное правовое и политическое явление. Любой союз предполагает, в том числе, формирование единых правовых подходов по направлениям, послуживших основой для объединения. Применительно к Евразийскому экономическому союзу, членами которого в настоящее время являются уже пять государств Азиатско-Тихоокеанского региона, в первую очередь, речь идет о едином таможенном законодательстве. Если в части регулятивного законодательства стороны согласовали единые нормы, приняв Таможенный кодекс Евразийского экономического союза, то в части уголовно-правовой охраны отношений, единства правового регулирования пока нет. В рамках настоящей работы мы рассмотрим лишь вопрос об уголовной ответственности за уклонение от уплаты таможенных платежей, не касаясь проблемы установления ответственности за контрабанду товаров, ценностей, так как данный блок требует самостоятельного изучения.

Уголовная ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей установлена уголовными кодексами всех стран, входящих в Евразийский союз: в уголовных законах Республики Казахстан (ст. 236 УК РК от 3 июля 2014 года № 226-V), Республики Беларусь (ст. 231 УК РБ от 9 июля 1999 года № 275-3), Республики Кыргызстан (ст. 230 УК КР от 2 февраля 2017 года № 19), Российской Федерации (ст. 194 УК РФ от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ) предусмотрены специальные нормы, именуемые как уклонение от уплаты таможенных платежей. Уголовное законодательство Армении самостоятельной нормы об ответственности за подобные нарушения не имеет, а содержит общую статью 205 — Уклонение от уплаты налогов, пошлин и иных обязательных платежей (УК РА от 29 апреля 2003 года № 3Р-528). Несмотря на некоторые конструктивные и терминологические различия, объективная сторона преступных деяний совпадает — ответственность установлена за любое уклонение от уплаты обязательных таможенных платежей. Перечень таких платежей установлен в разделе II Таможенного кодекса ЕвраЭС. В соответствии с уголовным законодательством стран-участниц Евразийского экономического союза уклонение от уплаты таможенных платежей признается преступлением при совершении деяния в крупном размере. Вот здесь и начинаются серьезные расхождения в национальном законодательстве объединившихся стран. В Беларуси, Казахстане и Кыргызской республике основой определения величины крупного ущерба является условный расчетный показатель, в Армении такой размер привязан к минимальному размеру оплаты труда (МРОТ), в России установлен в твердой денежной сумме — сумма, превышающая два миллиона рублей. Подобный подход вполне был бы допустим, учитывая, что уголовное законодательство формируется на основе исторических традиций и должно быть наиболее удобно и эффективно в рамках национальной системы права, если бы стоимостной размер ущерба не отличался существенным образом для стран-участниц. Далее для удобства восприятия мы приводим сравнительную таблицу стоимостных показателей размера ущерба, также для наиболее наглядной картины указываем общий размер ущерба в валюте РФ.

Страна-участница ЕвразЭС	Размер крупного ущерба (указан в статье общей либо особенной части уголовного закона)	Стоимостной эквивалент в валюте страны-участницы	Стоимостной эквивалент в валюте РФ (курс валют по состоянию на 05.04.2019г.)
Казахстан	Стоимость неуплаченных таможенных пошлин, таможенных сборов, налогов, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин, превышающая 5 00 месячных расчетных показателей (п. 38 ст. 3 УК РК)	Размер месячного расчетного показателя на 01.01.2019 г. составляет 2 525 тенге. Общий размер ущерба — 12 625 000 тенге.	2 172 611 руб. (курс: 1/0,17).
Беларусь	Сумма неуплаченных таможенных платежей превышает в 2 000 раз размер базовой величины, установленный на день совершения преступления (примечания к ст. 231 УК РБ).	Размер базовой величины на 01.01.2019г. составляет 25,50 руб. Общий размер ущерба — 51 000 белорусских рублей.	1 557 167 руб. (курс: 1/30,53)
Кыргызстан	Крупным размером признается неуплата платежей, которая в 1 000 раз, превышает расчетный показатель, установленный законодательством КР на момент совершения преступления (примечания к ст. 230 УК КР).	Размер расчетного показателя на 01.01.2019г. составляет 5 500 сомов. Общий размер ущерба — 5 500 000 сомов.	5 152 015 руб. (курс: 1/0,94).
Армения	Сумма (стоимость), превышающая 1 000 размер минимальной заработной платы, установленной на момент совершения преступления (примечания к ст. 205 УК РА).	Размер МРОТ на 01.01.2019г. составляет 55 000 драмов. Общий размер ущерба — 55 000 000 драмов.	7 380 780 руб. (курс: 1/0,13)
Россия	Сумма неуплаченных таможенных платежей превышает 2 000 000 руб.	_____	2 000 001 руб.

Таким образом, очевидно, что предельный порог, отграничивающий преступное деяние от административного правонарушения в странах Евразийского экономического союза существенно различается. Подобное несоответствие может привести к приоритету национального режима государства с наиболее благоприятными последствиями. Указанные разночтения не способствуют и эффективному противодействию уклонению от уплаты таможенных платежей в рамках таможенного союза. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза также не способствует разрешению данной проблемы, так как в п. 6 ст. 52 предусматривает, что таможенные пошлины, налоги исчисляются в валюте государства-члена, в котором они подлежат уплате.

При разрешении обозначенной проблемы, мы полагаем, необходимым обратиться к мировой экономической практике, которой известны так называемые условные денежные единицы. Речь идет о специальных правах заимствования (SpecialDrawingRights — SDR, или СПЗ), которые применяются как базовая величина при определенных расчетах. Например, при выплате компенсаций в международных авиаперевозках (ст. 22 Конвенции для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок, заключена в г. Монреаль, 28 мая 1999 года). С 1 января 1981 года курс одной единицы СДР стал исчисляться на основе средневзвешенного курса — пяти валют, определяемых по Уставу Мирового валютного Фонда как «свободно используемые валюты»: доллар США, марка ФРГ, французский франк, японская иена, английский фунт стерлингов. С января 1999 г. единая валюта ЭВБ ЕС — евро заменила в «корзине» марку и франк [1].

В рамках Евразийского экономического союза для целей унификации уголовного законодательства вполне можно определить подобную условную величину, которая будет представлять собой средневзвешенный курс национальных валют, и являться единым критерием определения стоимостного ущерба от преступлений, связанных с нарушением таможенного законодательства, в том числе, за уклонение от уплаты таможенных платежей.

Литература

1. Система национальных права заимствования // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.grandars.ru/student/mirovaya-ekonomika/sdr.html> (дата обращения 05.04.2019).

Сравнительный анализ Соединённых Штатов Америки и Российской Федерации в сфере легализации (отмывания) денежных средств и иного имущества, полученного преступным путем

© И. П. Пелисова

магистрант 1 года обучения юридического института
ФГБОУ ВО «Красноярский ГАУ»
Россия, г. Красноярск
E-mail: pelisova_irina@mail.ru

Статья посвящена сравнительному анализу действий государственных органов РФ и США в сфере борьбы с легализацией денежных средств, полученных преступным путем.

Ключевые слова: легализация (отмывание) доходов; преступление; незаконные финансовые доходы.

The article is devoted to a comparative analysis of the actions of state bodies of the Russian Federation and the USA in the field of combating the legalization of money received by criminal means.

Key words: legalization (laundering) of income; the crime; illicit financial income.

Зарождение преступной деятельности по отмыванию денег достаточно интересное и запутанное.

Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, — это придание правомерно-го вида владению, пользованию или распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученными в результате совершения преступления.

В отдельных положениях США закреплено, что «Отмывание денег — это поток наличных денег или других ценностей, полученные и предназначенные для совершения преступной деятельности; это определенные операции, которые выполняются с целью сокрытия истинных источников получения денег; маскировка использования данных средств; устранение следов получения денег и придания им законных источников; уклонение налогов на прибыль» [1].

Легализация (отмывание) не является самым «старым» преступлением в истории, однако, оно возникло довольно давно. Американский историк Сигрейв Стерлинг писал, что более 2000 лет назад богатые китайские торговцы отмывали свою прибыль, это стало толчком к тому, что правительство запрещало многие формы коммерческой торговли. Он говорил о том, что правительство относилось к торговой деятельности с большим подозрением, поскольку преступники были безжалостными, жадными и осуществляли различные схемы по отмыванию. Кроме того, значительная часть доходов торговцев приходилась на черный рынок, вымогательство и взятку. Торговцы, которых не могли выявить, прятали свое преступное богатство от постоянного преследования. Преступники использовали такие методы, как покупку движимого имущества на преступные доходы, а также перемещали деньги из одной страны в другую, чтобы инвестировать деньги в бизнес. Этот метод по-прежнему используется многими «отмывателями» денег [2].

В то же время традиционно считается, что понятие «легализация» (отмывание) доходов, полученных преступным путем, зародилось в США в 20-х годах XX века и связано с деятельностью знаменитого чикагского гангстера Альфонса Капоне.

Хотелось бы отметить, что теория происхождения термина «отмывание» не находит точного ответа, однако существуют две основные теории относительно его происхождения.

Первая теория происхождения термина «отмывание» гласит, что его появление связано с тем, что преступники, желающие скрыть свои незаконные финансовые доходы, инвестировали средства в различные отрасли малого бизнеса, таких как прачечные. Это позволило им отфильтровать деньги в небольших количествах в законный бизнес. Отсюда и появилось данное выражение.

Другая теория гласит о том, что понятие «отмывание денег» появилось по причине того, что финансовые учреждения брали «грязное» богатство и «очищали» его так, чтобы его происхождение было законным. Сравнивали это с грязным бельем, которое становилось чистым после стирки.

Хотя точное происхождение терминологии остается в некоторой степени загадочным на сегодняшний день, его смысл остается тем же, что и раньше, «отмывание» будет существовать до тех пор, пока оно представляет преступный интерес и активно используется для сокрытия незаконных средств.

С появлением электронных денежных средств, отмывание становится более прибыльным для преступников, так как контроль данных средств на сегодняшний день недостаточно хороший. С каждым годом преступники находят новые схемы отмывания и все трудней становится выявить преступников, которые осуществляют эту преступную деятельность.

Как в России, так и в США усилия по борьбе с отмыванием денег никогда не прекращаются, поскольку преступники постоянно ищут новые способы перемещения доходов от преступлений.

29 апреля 2002 года Министерство финансов по борьбе с финансовыми преступлениями приняло правило, 67 ФРС Рег. 82 (2002), которое требует наличия у финансового учреждения программ по борьбе с отмыванием денег. Данное правило предусматривает, что «банки, сберегательные ассоциации, кредитные союзы, зарегистрированные брокеры и дилеры в ценных бумагах, фьючерсные комиссии торговцев и казино, обязаны в соответствии со статьей 352 закона «О борьбе с отмыванием денег» 2001 США, создавать данные программы. Создание программ по борьбе с отмыванием денег предприятиями денежного обслуживания, операторами систем кредитных карт и паевых инвестиционных фондов является предметом отдельных правил.

Формирование правовой базы российской системы борьбы с отмыванием преступных доходов началось с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) 1996 года. Отмывание денег регулируется главой 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» и статьями 174-175 УК РФ [3].

Также, в Российской Федерации был принят в 2001 году Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» 115-ФЗ [4]. Данный закон направлен на защиту прав и законных интересов граждан, общества и государства путем создания правового механизма противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения.

Что касается уголовной ответственности и видов наказания, то они отличаются в изучаемых странах. Так, например, в США предусмотрено за данное преступление следующие виды наказания: лишение свободы на 20 лет и штраф в размере 500 000 долларов США или в два раза больше стоимости имущества, задействованного в сделке, в зависимости от того, что больше; в РФ: наказываются принудительными работами на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового либо лишением свободы на срок до семи лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет или без такового, с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового. Как мы видим, в США предусмотрен более «серьезный» срок лишения свободы; в России предусмотрено больше видов наказания за совершенное противоправное деяние.

Для совершения преступления по отмыванию денег, в соответствии с законодательством США, требуется операция на сумму свыше 10 000 долларов, в РФ нет конкретной суммы, с которой считается совершенным данное преступление.

Создание программ по борьбе с отмыванием денег предприятиями денежного обслуживания, операторами систем кредитных карт и паевых инвестиционных фондов – это является предметом отдельных правил, которые закреплены на законодательном уровне в США, в РФ таких правил нет, мы считаем, что данный опыт по созданию таких программ может быть полезен и в России.

Стоит еще раз отметить, что меры по борьбе с отмыванием денег часто заставляют «отмывателей» переходить в те части экономики, где для решения этой проблемы применяются слабые или неэффективные меры. Чтобы пресекать данное преступление национальная система должна быть достаточно гибкой, чтобы иметь возможность распространять контрмеры на новые области своей собственной экономики. Национальные правительства должны сотрудничать с другими судебными органами для обеспечения того, чтобы лица, занимающиеся отмыванием денег, не могли продолжать свою деятельность, просто перемещаясь в другое место, где допускается отмывание денег [5].

Хотелось бы в завершение также отметить, что отмытые деньги обеспечивают наркоторговцев, оружейных дилеров и других преступников, имеющих средства для эксплуатации и развития их предприятия. Отмывание денег подрывает международные усилия в создании свободных и конкурентоспособных рынков и сдерживает развития экономики, искажает работу рынков: операции, совершаемые в целях отмывания денег, могут увеличить спрос на денежные средства, делают процентные ставки и обменные курсы неустойчивыми, порождают недобросовестную конкуренцию и значитель-

но обостряют инфляцию в странах, где преступники ведут деловые отношения. Поэтому необходимо ответственно подойти к разрешению проблем, которые связаны с пресечением и расследованием данного преступления.

Отмывание денег происходит в связи с широким спектром преступлений, включая незаконную продажу оружия, торговлю наркотиками, грабежи, мошенничество, рэкет и терроризм.

По данным Госдепартамента США, согласно одной из последних оценок, объем деятельности по отмыванию денег в мире составляет 1 триллион долларов в год.

Отмывание денег создает большие проблемы бизнесу. Если средства от преступной деятельности могут быть легко обработаны через конкретное учреждение, по причине того, что его сотрудники или директора были подкуплены, либо потому, что учреждение закрывает глаза на преступный характер таких средств – учреждение может быть вовлечено в активное соучастие с преступниками и стать частью самой преступной сети. Доказательства такого соучастия оказывают пагубное воздействие на отношение с другими финансовыми посредниками и контролирующими органами, а также и на обычных клиентов.

Проблема пресечения отмывания денег также заключается в том, что нет достаточного количества сотрудников, квалифицируемых специалистов по данной сфере, должностных лиц, ответственных за выявление и сообщение о незаконных или подозрительных сделках.

В Российской Федерации отмывание криминальных доходов относится к наиболее латентным преступным посягательствам, выявление которых является сложной задачей и требует слаженного взаимодействия правоохранительных и контролирующих органов. На выявлении легализации преступных доходов негативно сказываются недостатки внутреннего контроля организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом, которые не всегда добросовестно исполняют требования закона о противодействии легализации преступных доходов. Компании не идентифицируют клиентов и выгодоприобретателей, не разрабатывают правила внутреннего контроля, нарушают сроки предоставления или вообще не направляют в Росфинмониторинг сведения об операциях, подлежащих обязательному контролю, подозрительных сделках. Органы государственного контроля в некоторых случаях не обращают достаточное внимание на установление признаков легализации преступных доходов в ходе проверок деятельности финансовых организаций. При выявлении признаков «отмывания» соответствующие материалы не передаются в Росфинмониторинг для рассмотрения по существу, обмен информацией о выявленных правонарушениях производится не во всех случаях, вопреки межведомственным соглашениям в ряде случаев не представляются необходимые для контрольной деятельности сведения. Слабо осуществляется профилактика легализации преступных доходов, органами государственного контроля не принимаются меры к отзыву лицензии у организаций, систематически нарушающих законодательство о противодействии легализации преступных доходов.

Таким образом, меры по борьбе с отмыванием денег часто заставляют «отмывателей» переходить в те части экономики, где для решения этой проблемы применяются слабые или неэффективные меры. Чтобы пресекать данное преступление национальная система должна быть достаточно гибкой, чтобы иметь возможность распространять контрмеры на новые области своей собственной экономики. Национальные правительства должны сотрудничать с другими судебными органами для обеспечения того, чтобы лица, занимающиеся отмыванием денег, не могли продолжать свою деятельность, просто перемещаясь в другое место, где допускается отмывание денег.

Литература

1. Federal Deposit Insurance Corporation (2004). Bank Secrecy Act and Anti-Money Laundering, Retrieved June 01, 2006, from http://www.fdic.gov/regulations/examinations/bsa/bsa_5.html/ (Дата обращения: 08.04.2019).

2. История отмывания денег [Электронный ресурс] // URL: <http://www.unodc.org/unodc/en/money-laundering/laundrycycle.html> (Дата обращения: 08.04.2019).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 03.10.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2018) // СПС Консультант Плюс. (Дата обращения: 08.04.2019).

4. Федеральный закон от 07.08.2001 N 115-ФЗ (ред. от 23.04.2018) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (с изм. и доп., вступ. в силу с 07.01.2019) // СПС Консультант Плюс.

5. Отмывание денег – целевая группа по финансовым мероприятиям [Электронный ресурс] <http://www.fatf-gafi.org/faq/moneylaundering>. (Дата обращения: 08.04.2019).

Ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка в странах Азиатско-Тихоокеанского региона

© **В. А. Рыжкова**
 ЧОУ ВО «Омская юридическая академия»
 Россия, г. Омск
 E-mail: valentina_ryzhkova1998@mail.ru

Статья посвящена такому привилегированному составу, как убийство матерью новорожденного ребенка. Проведен сравнительный анализ ответственности матери за убийство новорожденного ребенка в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (далее — АТР). Выделены проблемы квалификации данного состава преступления.

Ключевые слова: новорожденный ребенок, убийство, привилегированный состав, мать, суррогатная мать, квалификация, страны АТР.

The article is devoted to such a privileged composition, as the murder of a new born child by the mother. A comparative analysis of the responsibility of the mother for the murder of a new born child in the countries of the Asia-Pacific region (hereinafter — the APR) has been carried out. The problems of qualification of this crime are highlighted.

Key words: new born child, murder, privileged composition, mother, surrogate mother, qualification, APR countries.

История развития уголовного законодательства показывает, что важное место в системе уголовно-правовой охраны всегда занимали жизнь и здоровье человека. Особой группой преступлений, которую законодатель в структуре Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) поставил на первое место, являются преступления против жизни и здоровья человека. В данном случае провозглашенная статьей 2 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ) концепция приоритета защиты человека, его прав и свобод как высшей ценности нашла реализацию в нормах уголовного закона. Одно из главных мест среди преступных посягательств против личности занимают преступления против жизни детей, в частности, убийство матерью новорожденного ребенка, так как в современный период демографического кризиса охрана жизни ребенка приобретает первостепенную значимость.

Выделение самостоятельной уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность матери, причинившей смерть новорожденному ребенку в специфических условиях, является обоснованным действием законодателя. Но, несмотря на это, конститутивные признаки такого состава далеки от однозначного понимания, как в Российской Федерации, так и в других странах АТР (табл. 1)

Таблица 1

Сравнительный анализ нормы об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка по УК РФ и УК иных стран АТР

Признак/ страны	Россия	США	КНДР	Япония	КНР	Колумбия
Потерпевший	Новорожденный ребенок	Новорожденный ребенок	новорожденный	человек (обычное убийство взрослого человека)	человек (обычное убийство взрослого человека)	ребенок, зачатый в результате изнасилования, сексуальных злоупотреблений или не санкционированного матерью искусственного оплодотворения (в других случаях просто убийство)

Время новорожденности	Не известен	С момента зачатия	Не известен			8 дней после родов
Субъект	Мать (биологическая, генетическая или суррогатная?), с 16 лет	Любое лицо, возраст определяется по каждому случаю индивидуально	Родственник по прямой восходящей линии	Состоящий в родстве по прямой восходящей линии с ним или его супругом С14 лет, но санкция с 16	Любое лицо с 14 лет	Мать (по общему правилу с 18 лет)
Виды	- убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов; - убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости.		Во время или сразу же после родов во избежание позора, из страха невозможности его воспитывать или по каким либо другим смягчающим причинам			во время родов или в течение восьми дней после них

В соответствии с регламентацией ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка можно выделить три группы государств:

1. Отсутствие самостоятельного состава и приравнивание убийства матерью новорожденного ребенка к убийству взрослого человека (Япония, КНР, Индия);

2. Ответственность за детоубийство устанавливается в рамках квалифицирующего состава (США — штат Техас);

3. Анализируемое преступление выделяется в качестве привилегированного состава (Россия, Австралии — штат Новый Южный Уэльс, Бруней, Вьетнам, Гватемала, Колумбия, Коста-Рика, Чили, Мексика, Филиппины и другие).

Анализ нормы об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка в УК РФ и уголовном законодательстве стран АТР позволяет выделить основные проблемные вопросы, возникающие при квалификации данного преступления.

Одним из таких вопросов является сложность определения периода «новорожденности». В научной литературе имеется широкий круг подходов к установлению данного периода. Так, начальным моментом ряд авторов считают прорезывание головки младенца из чрева матери [5, с. 215]; другие — возможность осуществлять самостоятельное дыхание [1, с. 23]. Что касается медицинской точки зрения, то «точкой отсчёта» представляется начальный период существования ребенка в условиях внеутробной жизни [6, с. 96]. В результате анализа литературы можно сделать вывод, что начало жизни не связано ни с моментом начала физиологических родов, ни с моментом появления самостоятельного дыхания. Началом такого периода является появление любой

части тела ребенка из утробы матери, но с условием, что ребенок в этот момент не был мертв, т.е. в нем не остановились соответствующие физиологические процессы.

В данном вопросе следует согласиться и с мнением А. Л. Карасовой о том, что для уголовного права первостепенную роль играет установление начальных границ уголовно-правовой охраны жизни человека, нежели начало границы его жизни [4, с. 9]. Интересным является тот факт, что в США уголовно-правовая охрана жизни малолетнего ребенка начинается с момента зачатия. Считаем, что определение начала жизни моментом зачатия стирает грань между убийством и абортom, даже при наличии показаний для указанной операции.

Что касается вопроса о конечном моменте периода «новорожденности», то и здесь единый подход отсутствует. Ряд ученых концентрирует внимание на трех критериях новорожденности: педиатрический, акушерский и судебно-медицинский [2, с. 42]. В педиатрии такой период равен одному лунному месяцу (28 календарных дней) с момента установления факта живорожденности. Научная литература по акушерству устанавливает срок «новорожденности» в одну неделю, а в судебной медицине такой период принято приравнивать к одним суткам. Другие авторы предлагают связывать новорожденность с психотравмирующей ситуацией или послеродовым состоянием. Примером использования такого подхода можно назвать Перу, уголовное законодательство которого временные рамки устанавливает следующим образом: «в течение того времени, когда мать еще находится под воздействием родов (в послеродовом состоянии)» [3, с. 168]. Однако данный подход не является правильным, в силу того, что окончание этого болезненного состояния психики ограничить рамками невозможно: оно может длиться достаточно долго, вплоть до нескольких лет. М.В. Гончарова предлагает считать ребенка новорожденным в течение недельного периода его жизни от рождения, т. е. в течение 168 часов после рождения, когда ребенок практически не приспособлен к жизни вне утробы матери и требует особо осторожного обращения. Приближенной позиции придерживается законодатель Колумбии, устанавливая период «новорожденности» — 8 дней после родов. Интересны и подходы законодателей других стран АТР. Так в Чили ребёнок считается новорождённым в течение 48 часов после родов; в Филиппинах и Коста-Рика — в течение трех дней; а в бывших английских колониях (Австралия, Бруней, Сингапур, Тонга и другие) — до 12 месяцев [3, с. 171].

В целях единообразного толкования и правоприменения считаем необходимым закрепить понятие новорожденности с четкой регламентацией начального и конечного момента, так как отсутствие четко регламентированных критериев данного периода влечет к неверной квалификации содеянного, а, следовательно, и к назначению необоснованного наказания.

Следующий проблемный аспект касается определения субъекта рассматриваемого нами состава преступления. На первый взгляд, все достаточно просто: таковым является мать новорождённого ребенка. В свою очередь, в практическом плане данная категория вызывает ряд вопросов. Во-первых, трудности возникают в содержательном аспекте статуса лица. Современное развитие медицинских технологий в области репродукции наложило свой отпечаток на понимание термина «мать». С учетом современных реалий, можно выделить три типа матери: биологическая, т.е. зачавшая, выносившая и родившая ребенка, суррогатная — выносившая и родившая биологически чужого ребенка, и генетическая — предоставившая свою яйцеклетку. Какая же из них может быть субъектом рассматриваемого преступления? Рассмотрим ситуацию. Гражданка И., будучи суррогатной матерью, родила ребенка и отдала его гр. П., у которой в последующие 5 дней из-за отсутствия ранее контакта с детьми произошло, так скажем, психическое потрясение. В результате чего гр. П. убила этого ребенка. Можно ли квалифицировать данные действия по ст. 106 УК РФ? Теоретически, да, гр. П., является, хоть и генетической, но матерью, ведь с юридической точки зрения лицо становится матерью после внесения соответствующей записи в органах записи актов гражданского состояния, а также находилась в условиях психотравмирующей ситуации. А если бы ребенка убила гр. И. в связи с психическим расстройством, не исключая вменяемости, возникшем у нее после родов и передачи ребенка, то, как бы тогда квалифицировались деяния? К сожалению, ответ на этот вопрос, как в законодательстве России, так и в уголовном законе других стран, отсутствует. Стоит сказать, что в некоторых странах (КНДР, Япония, Чили) субъектом является не только мать, но и состоящие в родстве по прямой линии с матерью или ее супругом лица, что существенно расширяет границы применения данной статьи. Однако в законодательстве ряда других стран имеется иной, сужающий круг субъектов, подход, выделяющий: мать с хорошей репутацией (Коста-Рика) или мать, которая не имеет дурной репутации (Мексика). Во-вторых, определение субъекта затрудняет возрастное ограничение. В соответствии со статьей 20 УК РФ ответственность за убийство материю новорождённого ребенка наступает с 16 лет.

Возникает вопрос: а что же делать с лицами, не достигшими данного возраста? Ведь ранние роды в настоящее время вполне распространенное явление, равно как и убийство несовершеннолетними матерями своих новорожденных детей. Некоторые исследователи не расценивают сложившуюся ситуацию как проблему, предлагая не подводить таких лиц под действие уголовного закона [7, с. 77]. Конечно, такая позиция является необоснованной, так как порождает безнаказанность и влечет нарушение требований основополагающих уголовно-правовых принципов. Не правильным считаем и позицию США, где границы возраста привлечения к уголовной ответственности законодательно не закреплены, а оцениваются относительно каждого случая. Стоит обратить внимание и на подход к определению возраста наступления ответственности в Японии. Так, привлечь к уголовной ответственности за убийство человека любого возраста можно с 14 лет, однако, санкции виновное лицо сможет понести лишь с 16 лет.

Еще одной важной проблемой является отсутствие квалифицирующего признака, как «убийство двух и более лиц». Ведь нельзя исключать возможность возникновения такой ситуации, когда мать убивает своих новорожденных. И что тогда? Ни одно уголовное законодательство стран АТР, не предусматривает решения возникшего правового вопроса. Считаем разумным, внести изменения в ст. 106 УК РФ путем дополнения ее частью второй, следующего содержания: «то же деяние, совершенное в отношении двух и более новорожденных».

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Детоубийство — это преступление, нашедшее свое отражение в уголовном законодательстве ряда стран, что позволило накопить богатый мировой опыт правового регулирования ответственности за убийство детей. Как показывает исследование, рассматриваемый состав преступления в уголовном законодательстве стран АТР конструирован неоднозначно, что обусловлено как историческими аспектами, так и особенностями современного состояния преступности в этих странах. Российскому законодателю необходимо обратить внимание на иностранный опыт в обозначенной сфере и, по возможности, учесть его при переработке норм отечественного законодательства, так как это, в свою очередь, может способствовать оптимальному разрешению ряда проблем, имеющих в уголовно-правовой теории и практике нашей страны, а также повысить эффективность охраны жизни и здоровья новорожденных.

Литература

1. Гавло В.К., Комаров И.М., Филиппов М.П. Расследование и предотвращение убийства матерью новорожденного ребенка (уголовно-правовые, криминалистические и судебно-медицинские аспекты). Монография. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. — 206 с.
2. Дядюк К. В. проблемные вопросы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка // Адвокат. — 2016. — № 5. — С. 39-48.
3. Капинус О.С., Додонов В.Н. Убийство матерью новорожденного ребенка в современном уголовном праве: отечественный и зарубежный опыт// Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности. Сборник статей. — М.: Издательский дом «Буквовед». 2008. — 326 с.
4. Карасова А.Л. Убийство матерью новорожденного ребенка (теоретико-прикладные аспекты ответственности по ст. 106 УК РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2003. — 26 с.
5. Коробеев А.И. Особенности квалификации убийства матерью новорожденного ребенка: Сб. науч. тр. — Саратов, 2005. — 414 с.
6. Покровский В. И. Малая медицинская энциклопедия. Т. 4. — М., 1996. — 576 с.
7. Попов А. Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. — Спб., 2001. — 465 с.

Применение сотрудниками правоохранительных органов табельного оружия в странах АТР

© Е. С. Самбялов

ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: lodbrok_2015@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования применения сотрудниками правоохранительных органов огнестрельного оружия, а также правила и условия его применения. Дается характеристика правового регулирования применения огнестрельного оружия в зарубежных странах, таких как США и Великобритания.

Ключевые слова: правоохранительные органы, полиция, Следственный комитет, войска национальной гвардии, огнестрельное оружие, применение огнестрельного оружия сотрудниками правоохранительных органов.

The article deals with the issues of legal regulation of the use of firearms by law enforcement officers, as well as the rules and conditions for its use. The characteristic of the legal regulation of the use of firearms in foreign countries, such as the United States and the United Kingdom, is given.

Key words: law enforcement agencies, police, Investigation Committee, National Guard troops, firearms, the use of firearms by law enforcement officers.

В современном российском обществе особое внимание уделяется становлению гражданского общества, которое характеризуется развитой системой обеспечения прав и свобод человека и гражданина. В первую очередь такая система имеет своей целью защитить личность от любых противоправных посягательств. Но фактически складываются ситуации, при которой между реальностью и моделью общественных отношений, установленной Конституцией Российской Федерации, существует значительный разрыв.

Прогрессивному развитию общественных отношений, в определенной мере, препятствует высокий уровень преступности. Ввиду нестабильности современного общества, низкой правовой культуры, преступность развивается невероятными темпами. Такое положение вызывает необходимость усиления правоохранительной функции государства.

Значительную роль в осуществлении охраны прав и свобод человека и гражданина играют правоохранительные органы, в том числе полиция, предназначение которой, в соответствии со статьей 1 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», состоит в защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан российской Федерации иностранных граждан, лиц без гражданства (далее также — граждане; лица), в противодействии преступности, охраны общественного порядка, собственности и в обеспечении общественной безопасности [2].

Для осуществления указанных целей сотрудники полиции вправе применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие [2]. Вместе с тем применение табельного оружия сотрудниками правоохранительных органов сопряжено с возможностью нарушения прав другого человека. В этой связи можно заметить дуализм исследуемой меры принуждения: с одной стороны применение огнестрельного оружия нацелено на защиту прав человека, подвергнутого преступному посягательству, а с другой характеризуется нарушением прав нарушителя, при котором под угрозу ставится его жизнь и здоровье. В связи с этим исследование проблем, связанных с регулированием применения табельного оружия сотрудниками правоохранительных органов, является актуальной.

На практике существует множество случаев неправомерного применения табельного оружия сотрудниками правоохранительных органов, что говорит о недостаточном уровне знаний о законодательстве, регламентирующем порядок и условия применения табельного оружия. Так, например, Постановлением Президиума Ставропольского краевого суда от 31 июля 2017 г. по делу № 4У-236/2017 к Чурикову Е.С. применены наказания:

- по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ в виде 3 лет 4 месяцев лишения свободы, с лишением права занимать должности на государственной службе, связанные с осуществлением функций представителя власти и организационно-распорядительными полномочиями, сроком на 1 год;
- по ч. 2 ст. 292 УК РФ в виде 1 года 6 месяцев лишения свободы;
- по ч. 2 ст. 118 УК РФ в виде 1 года 8 месяцев ограничения свободы.

Чуриков Е.С. признан виновным в том, что являясь должностным лицом, совершил действия, явно выходящие за пределы его полномочий и повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов граждан, с применением насилия, а также совершил служебный подлог, то есть, являясь должностным лицом, внес в официальные документы заведомо ложные сведения, из иной личной заинтересованности, повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов граждан.

Чуриков, кроме того, признан виновным в причинении тяжкого вреда здоровью по неосторожности, совершенном вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей, выразившихся в причинении телесных повреждений, квалифицированных как тяжкий вред здоровью, в результате применения табельного огнестрельного оружия без оснований, предусмотренных Федеральным законом «О полиции» [7].

Для недопущения нарушений прав и свобод граждан сотрудниками правоохранительных органов при применении табельного огнестрельного оружия необходимо четко знать границы использования оружия.

В Российской Федерации основными нормативными актами, регламентирующими порядок и условия использования табельного огнестрельного оружия правоохранительными органами, являются:

- Уголовный кодекс РФ [1];
- Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [2];
- Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» [4];
- Приказ СК России от 26.08.2015 № 69 «Об организации снабжения, хранения, учета, выдачи (приема) и обеспечения сохранности оружия и патронов к нему в Следственном комитете Российской Федерации» [5];
- Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» [3];
- и другие.

Правоохранительные органы при применении огнестрельного оружия обязаны следовать следующим общим правилам:

1. Сотрудник правоохранительных органов обязан сообщить лицу (лицам) в отношении которого (которых) предполагается применение оружия о том, что является сотрудником правоохранительных органов;

2. Сотрудник обязан предупредить о своих намерениях использовать оружие, а также предоставить возможность и время для исполнения законных требований;

3. Сотрудник при применении огнестрельного оружия действует с учетом сложившейся обстановки, характера и степени опасности действий лиц, в отношении которых применяется огнестрельное оружие, характера и силы оказываемого ими сопротивления;

4. В случае причинения телесных повреждений в результате применения огнестрельного оружия, сотрудник правоохранительных органов обязан оказать первую помощь, а также принять меры по оказанию медицинской помощи в максимально короткие сроки;

5. О причинении ранения лицу, в отношении которого применялось огнестрельное оружие, сотрудник правоохранительных органов в максимально короткие сроки, но не позднее 24 часов уведомляются близкие родственники или близкие лица данного лица;

6. О каждом случае причинения лицу ранения или наступления смерти вследствие применения сотрудником правоохранительных органов огнестрельного оружия в максимально короткие сроки, но не позднее 24 часов уведомляется прокурор;

7. В случае причинения ранения или наступления смерти лица сотрудник правоохранительных органов обязан по возможности сохранить место совершения преступления, правонарушения, место происшествия в неизменном виде;

8. Превышение полномочий сотрудником правоохранительных органов при применении огнестрельного оружия влечет за собой ответственность, предусмотренную уголовным законодательством РФ [2, 3, 4, 5].

Сотрудник правоохранительных органов не вправе применять огнестрельное оружие в отношении следующих групп лиц:

- женщины;
- лица с явными признаками инвалидности;
- несовершеннолетние (когда их возраст очевиден или неизвестен)

Данные ограничения могут не применяться в случае, если указанные лица оказывают вооруженное сопротивление, совершают вооруженное или групповое нападение, угрожающее жизни и здоровью граждан или сотрудника полиции.

Применение огнестрельного оружия в деятельности правоохранительных органов должно осуществляться в последнюю очередь, когда применение физической силы или специальных средств не позволяет обеспечить необходимую самооборону или защиту другого лица от причинения телесного повреждения или угрозы смерти.

Так, например, во многих странах существуют существенные ограничения по использованию огнестрельного оружия сотрудниками правоохранительных органов. В Венгрии запрещается использовать оружие в случаях, когда цели можно достичь более гуманными средствами. В Великобритании, Ирландии, Новой Зеландии и Норвегии сотрудники полиции не имеют при себе оружия, оно лишь хранится в автомобиле [10].

Жители Великобритании считают, что обеспечение сотрудников правоохранительных органов огнестрельным оружием означает нарушение основных принципов работы полиции. Долг полицейских Великобритании осуществлять свою деятельность, направленную на защиту граждан, а не госу-

дарства. Одной из целей полиции Великобритании является защита и соблюдение основных прав и свобод человека, гарантированных ему Европейской конвенцией о правах человека, в частности. [9]

В США свою работу осуществляет сайт KILLED BY POLICE («Убитые полицейскими»), который аккумулирует новости о людях, которые были убиты сотрудниками полиции США до настоящего времени. Согласно информации, представленной на данном сайте, в 2019 году было убито 254 человека, в 2018 году — 1 166 человек [8].

В соответствии с американским законодательством сотрудник полиции вправе применить огнестрельное оружие в любой ситуации, которая, по мнению сотрудника, может быть опасной для жизни и здоровья. В США общий приказ о применении огнестрельного оружия был отменен в 2016 году. Однако, анализируя этот нормативный правовой акт (DGO 5.02 «Use of Firearms» (Revised 16/03/11) (Rescinded 21/12/16), можно определить несколько оснований применения полицейскими огнестрельного оружия:

1. Защита себя и других лиц от посягательства на жизнь и причинения серьезных увечий;
2. Если промедление в задержании может привести к убийству или причинению телесных увечий полицейскому или другим лицам;
3. Для нейтрализации водителя транспортного средства и остановки самого транспортного средства, который создает своими действиями угрозу жизни полицейского, не имеющего возможность избежать ее, или другого лица;
4. Обезвреживание животного;
5. Подача сигнала о помощи при отсутствии других средств [6, с. 242].

Анализируя нормативно правовые акты США, можно сделать вывод, что полицейские США применяют огнестрельное оружие в отношении правонарушителей, которые не вооружены, расценивая любые их действия как угрозу собственной жизни. Каждый факт применения оружия влечет за собой служебное и прокурорское расследование, однако чаще всего оно заканчивается в пользу представителя власти. В отличие от России в США основным видится принцип доказывания судом полицейскому его вины, а не доказывания полицейским в суде своей невиновности.

Таким образом, можно отметить, что законодательство различных стран имеет свои особенности, регулирующие полномочия сотрудников правоохранительных органов по применению огнестрельного оружия. Применение огнестрельного оружия, характеризующегося высокой поражающей способностью, сопряжено с повышенной опасностью и требует тщательной законодательной регламентации.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 01.04.2019) «О полиции» // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 7. — Ст. 900.
3. Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «О федеральной службе безопасности» // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 15. — Ст. 1269.
4. Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ (ред. от 11.10.2018) «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 27 (Часть I). — Ст. 4159.
5. Приказ СК России от 26.08.2015 № 69 «Об организации снабжения, хранения, учета, выдачи (приема) и обеспечения сохранности оружия и патронов к нему в Следственном комитете Российской Федерации» [Электронный ресурс] СПС Консультант Плюс.
6. Кобленков А.Ю. Мониторинг реализации законодательства о применении огнестрельного оружия сотрудниками полиции в России и за рубежом // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2018. — № 1. — С. 241-244.
7. Постановление Президиума Ставропольского краевого суда от 31 июля 2017 г. по делу № 4У-236/2017
8. Police Shootings Database — Killed By Police [Электронный ресурс] режим доступа: <https://killedbypolice.net>
9. Европейский Кодекс полицейской этики. Рекомендация Rec. (2001)10. Принят Комитетом Министров Совета Европы 19 сентября 2001 года. [Электронный ресурс] режим доступа: <http://www.osce.org/pdf/ru/20yuridicheskie/542467-1-evropeyskiy-kodeks-policeyskoj-etiki-rekomendaciya-rec200110-prin.php>
10. Почему полицейские в Великобритании не носят оружие [Электронный ресурс] режим доступа: https://www.bbc.com/russian/uk/2012/09/120919_uk_police_no_guns

Криминализация субкультуры футбольных фанатов как негативное социальное явление: сравнительно-правовой анализ России и Мексики

© Р. Г. Сахинов

магистрант 1-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: heroy.1996@mail.ru

В настоящей статье отмечается, что объединениям футбольных болельщиков, сегодня присуща характерная для них субкультура, которая является одной из настоящих разновидностей криминальной субкультуры, имеющей ярко выраженный криминогенный потенциал. Говорится о том, чем отличается криминальная субкультура футбольных фанатов в России от Мексики и чем она в свою очередь сопровождается. Отмечается значимость создания законопроектов по обеспечению безопасности при проведении и организации спортивных мероприятий и пресечению совершаемых футбольными болельщиками преступных деяний.

Ключевые слова: криминализация, субкультура футбольных фанатов, массовые беспорядки, акты вандализма.

In this article, it is noted that football fan associations today have a characteristic subculture for them, which is one of the real varieties of the criminal subculture, which has a pronounced criminogenic potential. It is said about the difference between the criminal subculture of football fans in Russia from Mexico and what it is in turn accompanied by. The importance of creating bills to ensure security in carrying out and organizing sports events and curbing criminal acts committed by football fans is noted.

Key words: criminalization, subculture of football fans, riots, acts of vandalism.

В настоящее время проблема футбольного фанатизма актуальна как никогда. Президент Румынской федерации футбола Карстен Линдхольм сказал, что в Румынии футбол — это спорт номер один, а спорт номер два это тоже футбол, а на третьем месте опять же футбол и так до, примерно, 10-го места. Например, максимальное количество футбольных болельщиков пришедших на один матч за всю историю футбола составило 199854 тысячи человек [4]. Также, хотелось бы отметить, что в результате проведенного нами социологического опроса, 63 респондента из 87 опрошенных в возрасте от 15 до 75 лет, всегда наблюдают за прямой трансляцией различных футбольных матчей.

Как отмечает Э. Р. Салахетдинов, формирование и укрепление околофутбольной субкультуры привело к тому, что в России как и в Великобритании, Мексике, Эквадоре и других странах, всех болельщиков можно разделить на тех, кто любит и ценит футбол, стремится узнать обо всех тонкостях игры, и неконтролируемых фанатов, для которых футбол является только возможностью для демонстрации своих диких нравов и агрессивного поведения [2, с. 3]. Открывая новостную ленту в браузере, мы видим: «в Мексике футбольные фанаты вызвали землетрясение», «в Мексике жестоко убили футбольных болельщиков», «в Мексике футбольные болельщики оштрафованы за поведение во время матча». Именно поэтому, в рамках нашего сравнительного исследования мы выбрали Мексику, которая «пестрит» околофутбольными фанатами.

Нередко, как в России, так и Мексике случаются различные происшествия, связанные с матчами, которые отражаются на зрителях, футбольных клубах и командах, в том числе на отдельных игроках, судьях и тренерах. В результате, эти происшествия сопровождаются массовыми нарушениями порядка, в том числе групповыми, отдельными актами вандализма, которые исходят от разных футбольных болельщиков, как до, так и во время и после самого матча [3, с. 272].

При этом, можно отметить, что отдельные футбольные фанаты умышленно направляются на стадионы, для того, чтобы сподвигнуть других людей к беспорядкам, посредством, например, оказания определенного психологического воздействия на процесс проведения матча (выкрикивают оскорбления гомофобного содержания в адрес игроков). Данные действия направлены на то, чтобы спровоцировать столкновение противоборствующих сторон или же адресовать их пыл и агрессию на уполномоченных сотрудников, обеспечивающих охрану общественного порядка. Поэтому, такие деяния часто имеют форму определенного преступного поведения, направленного на свержение власти, в том числе на то, чтобы причинить ущерб общественным отношениям в сфере безопасности личности и собственности.

Для околофутбольных фанатов не имеет значение время суток, для того чтобы совершать те или иные противоправные деяния. Если говорить о географии, то это в том числе территория самого стадиона и расположенные близ ее места. При этом, организаторы могут заранее иметь договоренность с

участниками происходящего, поэтому передвигаться по уже ранее обусловленной местности, то есть в парки, скверы, вокзалы.

На сегодня в Мексике, а затем и в России, принят закон об участии граждан в охране общественного порядка. Он предоставляет широкие возможности для граждан, которые могут помочь в обеспечении общественного порядка при проведении, в том числе и массовых спортивных мероприятий, так как в виду, в том числе нехватки сил, многие из совершаемых футбольными фанатами незаконных деяний не регистрируются правоохранными органами. Также к числу данных причин можно отнести следующие:

1. некоторые сотрудники правоохранных органов нередко достаточно снисходительно относятся к правонарушителям, в виду того, что многие являются несовершеннолетними. При этом, сами несовершеннолетние болельщики, считают, что правонарушения которые они совершают — это только подростковая шалость, путем которой они хотят самоутвердиться, выделиться в среде сверстников, обратить на себя внимание, при том, что эти эмоции зачастую могут быть проявлены отрицательно;

2. различное поведение футбольных фанатов в форме массового несоблюдения общественного порядка, соответствующими органами расценивается чаще всего не как преступление, а административное правонарушение;

3. большая часть преступных деяний со стороны футбольных фанатов просто не афишируется, в виду того, чтобы сохранить репутацию как проведенного спортивного мероприятия, в том числе организаторов, так и самих правоохранителей. Но если посмотреть и проанализировать затем информацию на различных интернет-источниках, можно видеть совершенно обратную картину, где практически перед и после каждого матча происходят различные противостояния противоборствующих фан-клубов [1, с. 163].

Если говорить об отличительных особенностях преступных деяний, совершаемых футбольными фанатами от иных, нарушающих общественный порядок, как в России, так и Мексике, то в первую очередь они характеризуются значительным уровнем мобильности и сильным противостоянием сотрудникам полиции, также большим количеством участников и групповым характером действий, при этом сопровождаются необратимыми последствиями в виде телесных повреждений кого-то из участников, вплоть до их смерти. Несмотря на то, что данная разновидность противоправных деяний в единой структуре преступности имеет небольшой удельный вес, по своим качествам она оказывает негативное воздействие на уровень правопорядка в стране в целом, моральные настроения в обществе и на граждан, в том числе, на их готовность помочь в борьбе с правонарушителями закона.

Если говорить о последствиях противоправных деяний со стороны футбольных фанатов, то они могут выражаться в двух формах: быть наглядными и скрытыми. Так, к наглядным последствиям могут быть отнесены показательные, хамские и невежественные эпизоды хулиганства и вандализма, которые происходят в местах скопления людей (чаще всего на стадионах и расположенной близ местности) в дневное время суток, открыто, при достаточном числе свидетелей; разрушения спортивных и прилегающих к ним построек, их погром, который причиняет как значительный моральный ущерб, так и наносит вред здоровью, как самим участникам происходящего, так и обычным прохожим. К скрытым последствиям, возможно, отнести следующие: преступления футбольных фанатов по своему характеру и направлению уже содержат элементы организованной сплоченности, иерархию и стабильность, что может являться базисом для развития организованной преступной группировки; серьезность больших по количеству участников шествий не сводится лишь к явным тяжелым физическим и материальным результатам. Она состоит в том числе, в вероятности применения достаточной подвижной и взрывоопасной массы болельщиков околофутбольными и другими организованными группировками.

Становится очевидным, что субкультура околофутбольных фанатов противоречит единой культуре всего общества и содержит в себе достаточный уровень агрессии, который может быть развит в дальнейшем, посредством формирования региональных и местных фан-движений и становления взаимосвязанных с ними определенных очагов напряженности, которые могут зарождают новые, так называемые «фанатские войны». Как следствие, конфликтные ситуации и противостояния могут произойти и во взаимоотношениях с правоохранными структурами.

Исходя из вышесказанного, можно говорить о том, что на сегодня существует достаточно значимая задача — минимизация, а впоследствии преодоление отрицательных явлений, возникающих в связи с проведением спортивно-массовых мероприятий, наиболее опасным среди которых считается активный фанатизм болельщиков, который может выражаться в тяжких преступлениях против личности и всего общества.

Хотелось бы отметить некоторые пути пресечения противоправных деяний со стороны околофутбольных фанатов, которые мы видим:

1) обеспечить согласованное функционирование правоохранительных органов и служб, поддерживающих общественный порядок и безопасность в местах общественного скопления людей;

2) уделять достаточное внимание профилактике преступного поведения, в том числе взаимодействовать с лидерами и участниками неформальных молодежных организаций, вести учет о местах их сосредоточения, осуществлять мониторинг за несовершеннолетними, предрасположенными к групповому совершению преступных деяний;

3) увеличить единую базу и производить незамедлительное информирование между соответствующими подразделениями о более активных участниках преступлений и массовых беспорядков среди болельщиков, их лидерах, о маршруте их передвижения;

4) сформировать необходимые планы обеспечения общественного порядка в местах проведения спортивных мероприятий (расстановка, система управления и координации);

5) осуществлять техническое оснащение стадионов и спортивных комплексов соответствующими видеосистемами, для дальнейшей идентификации лиц, причастных к совершению конкретного противоправного деяния.

При этом основным рычагом давления, для преодоления совершения антиобщественных действий околофутбольными фанатами мы все-таки считаем не силовой метод, а общественный. Необходимо осуществлять пропаганду и информационные демонстрации с применением сил знаменитых тренеров, футболистов, общественных деятелей, для участия в общественных компаниях, ориентированных против расизма и всякого рода насилия на стадионах во время матчей. Именно посредством создания активной позиции всего общества вероятнее всего противодействовать отрицательным явлениям околофутбольной субкультуры.

Литература

1. Бримсон Д. Бешеная армия: Облик футбольного насилия / Д. Бримсон. — Москва: Изд-во Амфора, 2001. — 180 с.

2. Журавков А.А. Социально-культурные условия профилактики асоциального поведения представителей подростковых групп спортивных фанатов: дис. ... канд. пед. наук. М., 2011. — 173 с.

3. Якуба А. В. Криминализация субкультуры футбольных фанатов как негативное социальное явление / А. В. Якуба // Краснодарский университет МВД России. — 2016. — № 3 (24). — С. 271-274.

4. Рекорд посещаемости [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/footballstatfact/1458148.html> (25.03.2019).

Сравнительный анализ форм борьбы с преступностью в странах Азиатско-Тихоокеанского региона

© К. Д. Светашова

студент 3-го курса

ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет»

Россия, г. Санкт-Петербург

E-mail: ksuny635@mail.ru

В статье производится целостный анализ организованной преступности, обнаружены взаимосвязи между странами Азиатско-Тихоокеанского региона в борьбе с ней, выявлены наиболее серьезные преступления. Комплексный характер международного сотрудничества правоохранительных органов стран Азиатско-Тихоокеанского региона влияет на эффективность борьбы с преступлениями в этих странах.

Ключевые слова: преступность, Азиатско-Тихоокеанский регион, международное сотрудничество, торговля людьми, наркоторговля, миграция, Китай, Япония.

The article provides a holistic analysis of organized crime, were found the connection between the countries of the Asion-Pacific region in the fighting her, Identification of the most serious crimes, have been detected the effectiveness and development of the fight against crime. Complexity of international cooperation of law enforcement authorities in the Asion-Pacific region affects the effectiveness of the fight against crime in these countries.

Key words: crime, Asion-Pacific region, international cooperation, human trafficking, drug trafficking, migration, China, Japan.

На рубеже 20–21-го столетия человечество столкнулось с такими социальными заболеваниями как торговля наркотиками, миграция, торговля людьми, терроризм, коррупция, незаконная торговля редчайшими экземплярами флоры и фауны. Возможными причинами этих явлений можно отметить такие как расовая, религиозная, национальная нетерпимость, политическая непримиримость, социальное и экономическое неравенство.

В силу всеобщей и глобальной миграции эти проблемы носят особенно актуальный характер, так как в период мирового прогресса и значимых для человечества перемен, обширные массы населения являются информационно, социально и экономически незащищёнными. Мир становится уязвим, расширение социального и экономического развития вовлекают за собой глобализацию преступности, которая в свою очередь, каждодневно становится все более организованной и усовершенствованной.

Определим понятие «преступность». Теория юриспруденции знает большое количество определений, самым емким из которых является следующее, «Преступность — это исторически изменчивое социальное и уголовно-правовое негативное явление, представляющее собой систему преступлений, совершённых на определенной территории в тот или иной период времени» [3, с. 90]. В работе рассматривается организованная преступность, под которой российские и зарубежные теоретики, специалисты иных отраслей права представляют различные составы. Одна из точек зрения исследователя А. И. Долговой определяет организованную преступность как сложное, многообразно проявляющее себя явление, основной составляющей которой является наличие жесткой системы организованных преступных формирований, их отношений и деятельности, которые рассчитаны на высокоэффективную и масштабную преступную деятельность, а также целенаправленное создание благоприятных для неё условий, успешно функционирующее при её надлежном криминальном экономическом, социальном, идеологическом и политическом обеспечении [2, с. 56].

Страны Азиатско-Тихоокеанского региона являются площадкой для большого количества разновидностей преступлений. Это объясняется многими причинами, поэтому, в работе указаны некоторые преступления, их социальная природа, на что следует обратить внимание правоохранительным органам этих стран для совместного сотрудничества в борьбе с преступностью.

Самым глобальным преступлением для стран Азиатско-Тихоокеанского региона является торговля наркотиками. Издавна известна торговля опиатами в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. В наше время проблема наркоторговли стоит наиболее остро, так как в современное время присоединилась ещё и продажа героина и метамфетамина. Азиатско-Тихоокеанский регион сохраняет позиции чемпиона по количеству изъятых опиатов и героина. До 2006 года основным экспортером героина была Мьянма, однако сейчас все изменилось в корне. Теперь наибольший поток наркотических средств импортируется из Афганистана в Мьянму, затем в Китай. Знаменательно, что в Китае значительная часть произведенных наркотиков остается в пределах страны, так как именно в Китае проживает максимальная часть зависимых, другая же часть продукции попадает в Японию и Южную Корею. Оборот метамфетамина в регионе постоянно растёт, а ведущими производителями-экспортёрами являются Китай и Индонезия. У метамфетамина можно встретить две популярные формы для Азиатско-Тихоокеанского региона. Первая и наиболее популярная — это таблетки яба, наиболее распространённые в Южной Азии. Вторая форма — обычный кристаллический метамфетамин, главными производителями выступают Китай, Индонезия и Филиппины. Район Большой Меконг является лидером по потреблению кристаллического метамфетамина, а в Китае метамфетамин становится популярнее героина. В Азиатско-Тихоокеанском регионе Китай и Мьянма — самые крупные производители наркотических веществ.

Дать оценку объёму наркотических веществ на рынке крайне сложно, ведь оценки известны лишь по конфискованным наркотикам, это говорит об эффективной работе по отслеживанию поставок. Результатом такой деятельности служит снижение потребления героина в некоторых странах Азиатско-Тихоокеанского региона, как Лаос, Малайзия, Сингапур. Это одна из нескольких форм борьбы с наркотическими правонарушениями. Вторая форма — это законодательное регулирование сетей Интернета. Известно, что интернет как всемирная паутина информации не имеет собственника, поэтому на поле Интернета масса информации как по производству, так и по предложениям способов распространения их. Требуется законодательное закрепление правонарушений и способов борьбы с ними в сфере наркоконтроля одновременно во всех странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Третья форма — это ужесточение надзора за использованием земель, так как в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, особенно в Монголии, Китае, Мьянме, большая площадь земель используется под разведение опиатов. Четвертая форма — предупреждение, лечению наркозависимых и дальнейшее предотвращение употребления наркотиков. Все перечисленные формы борьбы с мировым

злом, «наркотики», являются из сторон совместного подхода стран Азиатско-Тихоокеанского региона к решению данной проблемы.

Значимым основанием для роста преступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе является миграция, которая объясняется сменой жительства с целью получения работы. Есть несколько направлений миграции. Основной путь — Аравийский полуостров, то есть страны богатые нефтью, там мигранты привлекаются для низкоквалифицированной рабочей силы. Второй путь — развитые азиатские страны: Япония, Республика Корея, Сингапур, также являются заманчивыми курсами для мигрантов из других стран региона. Трудовая миграция становится причиной роста уровня преступности. Именно, использование трудовых мигрантов в качестве низкоквалифицированной рабочей силы и способствуют росту проституции и нелегальной торговли.

Важной проблемой является торговля людьми. Уже давно это самый прибыльный бизнес на черном рынке. Организация Объединенных Наций представляет следующую классификацию торговли людьми: 1) торговля с целью использования низкооплачиваемой рабочей силы, в том числе для рыбной ловли, практика распространенная в Таиланде; 2) торговля с целью проституции, с финансового соображения, проституция приносит наибольшую прибыль; 3) торговля для заработка в виде попрошайничества; 4) торговля с целью продажи детей; 5) для вербовки в дети-солдаты и для торговли органами, как например в Китае. Основные торговцы в Азиатско-Тихоокеанском регионе это мужчины, причем, чаще всего, они являются гражданами того же государства, что и жертва. Гонконг — основной пункт назначения продажи людей. В Японии пускают в ход иностранок для занятия проституцией. В Камбодже происходят ежегодные кражи, доходящие до миллиона детей. Также существует социальная проблема — детская проституция в местах нелегальных лесозаготовок. Существенная проблема обусловлена тем, что в некоторых Азиатских странах полностью отсутствует правовое регулирование данной проблемы.

Еще одним преступлением является незаконная торговля редчайшими экземплярами флоры и фауны. Объем незаконной торговли животными и природными благами занимает четвертое место по доходам после ранее перечисленных. Представляется возможным выделить несколько направлений в данной области. Во-первых, это рыба. Проблема незаконного отлова рыбы как никогда актуальна, ведь на долю Азиатско-Тихоокеанского региона приходится 25% добычи рыбы от мирового улова. Как замечено выше, в этой деятельности чаще всего используют труд нелегальных мигрантов. Во-вторых, это древесина. Самыми популярными породами древесины на черном рынке являются мербау, рамин и тис. В Азиатско-Тихоокеанском регионе стоит настоящая угроза экологии, всё виной нелегальная вырубка и продажа дерева. Особая опасность в Папуа Новой Гвинее и на Соломановых островах. В-третьих, продажа редких видов животных. Азиатско-Тихоокеанский регион выступает одним из центров по торговле редчайшими животными на черном рынке. Китай один из главных покупателей, ведь животных используют в традиционной медицине. Основные поставщики животных: Индонезия, Вьетнам, Малайзия, Таиланд. Острота проблемы заключается в том, что предмет обсуждения не получает должного внимания со стороны властей, а именно либо не придают значения проблеме, которая приобретает характер экологической проблемы и ведет к экологической катастрофе, либо власти государств находят другие причины, в том числе коррупция.

Результат борьбы с преступностью достигнет эффекта, если борьба будет проходить строго, системно и жестко. Различают два основных пути борьбы с преступностью в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: 1) самостоятельное законодательное регулирование преступности властей; 2) международное сотрудничество национальных правоохранительных органов в пределах региона. На сегодняшний день, нет страны, которая справлялась бы с преступностью самостоятельно, изолированно, поэтому возникла необходимость создания новых путей противостояния социальному злу, а именно, объединения усилий в целях борьбы с преступностью. Поэтому в странах Азиатско-Тихоокеанского региона прослеживается положительный опыт успешного противостояния криминальным преступлениям. Изучение причин успеха показывают особую роль традиционного уклада и национальной культуры в системе антикриминогенных факторов [4, с. 7]. Яркий пример, в странах Азиатско-Тихоокеанского региона совместными усилиями принята специальная программа по обучению специалистов данных стран [1, с. 68]. Выбраны приоритетные области данной программы: иммиграция, правоохранительные органы, антитеррористическая деятельность, таможенная безопасность, экспортный контроль. С 2003 года уполномоченные правоохранительных органов стран Азиатско-Тихоокеанского региона ежегодно проходят стажировку. Цель данного проекта — повышение потенциала стран Азиатско-Тихоокеанского региона путём обеспечения их знаниями и опыта. Наиболее востребованные программы: 1) курс «Контроль за иммиграцией». Цель курса — предоставление профессиональных знаний для осуществления миграционного контроля в регионе; 2) курс

«Таможенное сотрудничество» нацелен на повышение качества таможенного администрирования в странах Азиатско-Тихоокеанского региона из-за высокого уровня преступности, а именно контрабанды оружия и наркотиков. Автором курса является Япония, так как видит угрозу в постоянном повышении уровня потребления метамfetаминa; [5] 3) семинар по борьбе с организованной преступностью в Азиатско-Тихоокеанском регионе, целью которого является объединение общих усилий нацеленных на борьбу с преступностью; 4) семинар по морскому праву. Цель семинара — получения навыков правоохранительных органов в морской деятельности для расследований преступлений.

Практика показывает, что взаимовыгодный обмен формами борьбы с преступностью является не только актуальным, но и значимым для развития стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сотрудничество стран государств для Азиатско-Тихоокеанского региона находится в поиске новых форм обмена эффективными способами, методами, формами работы правоохранительных органов. Одной из эффективных форм считается Международная конференция.

Литература

1. Баранник И.Н. Транснациональная организованная преступность и сотрудничество стран АТР в борьбе с ней: монография. — М., 2007. — 246 с.
2. Долгова А.И. Криминология -4-е издание., перераб. и доп. — М., Норма: ИНФРА — М., 2019. — 368 с.
3. Кузнецова Н. Ф., Лунев В. В., Криминология: Учебник. — М., 2004. — 90 с.
4. Морозов Н.А. Преступность и борьба с ней в Японии: Монография. — СПб., 2003.
5. Narcotics Control Strategy Report, 2006, Japan// Released by the Bureau for International Narcotics and Law Enforcement Affairs.

Уголовно-правовое регулирование по незаконному распространению информации о терроризме в сети и его совершенствование

© Сюй Ли

магистрант 1-го курса

Политико-юридический университет Китая

Китай, г. Пекин

E-mail: 1297874780@qq.com

Данная статья посвящена исследованию уголовно-правового регулирования по незаконному распространению информации о терроризме в сети; сделана попытка провести конкретный анализ его нынешнего положения и недостатков; выдвинуты некоторые предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: *уголовно-правовое регулирование, незаконное распространение, информация о терроризме, сеть, Уголовный кодекс.*

This article is devoted to the study of a criminal law regulation on the illegal dissemination of information on terrorism in the network; an attempt is made to conduct a specific analysis of its current situation and disadvantages; some suggestions have been made to improve it.

Key words: *regulation of criminal law, illegal dissemination, information on terrorism, network, criminal law.*

С конца прошлого века опасность террористической деятельности возросла по мере развития информационных технологий. С одной стороны, достижения в области коммуникационных технологий обеспечивают более быстрые, скрытные, удобные и безопасные средства связи между террористическими организациями и террористами; С другой стороны, развитие сетевых средств массовой информации делает распространение террористической деятельности более быстрым, интуитивным, пугающим и может вызвать «демонстрационный эффект» [3, с. 11]. Поэтому вопрос о том, как эффективно регулировать незаконное распространение информации о терроризме в сети, является одной из важных проблем, с которыми сталкивается уголовное законодательство Китая. В последние годы китайский законодательный орган активно отреагировал на этот вопрос, однако все еще существуют некоторые проблемы как на законодательном аспекте, так и на практическом аспекте, которые нуждаются в дальнейшем улучшении.

I. Нынешнее положение и недостатки уголовно-правового регулирования по незаконному распространению информации о терроризме в сети

Действующий уголовный кодекс делит незаконное распространение террористической информации в сети на две категории с точки зрения субъективного намерения: позитивное распространение и пассивное распространение. Деяние активного распространения осуждено и наказано за следующие

четыре преступления: преступление составления либо умышленного распространения заведомо ложной информации о терроризме, преступление пропаганды терроризма, экстремизма и побуждения к осуществлению террористической деятельности, преступление приготовления к осуществлению террористической деятельности, преступление незаконного хранения пропагандирующих терроризм и экстремизм предметов. За совершение распространения второго типа преступления, состоящее в отказе от выполнения обязательства по обеспечению безопасности информационных сетей, осуждается и карается.

Хотя, как отмечалось выше, незаконное распространение террористической информации в информационной сети может быть осуждено и наказано за многочисленные преступления, но с точки зрения соответствующего законодательства и практики, действующее уголовно-правовое регулирование по-прежнему имеет недостатки в следующих областях:

Во-первых, сфера действующего уголовно-правового регулирования слишком узка. Носителем незаконного распространения информации о терроризме в сети является информационная сеть, а оператор сетевых услуг является прямым собственником, управителем и защитником информационной сети, поэтому он должен стать важным звеном для регулирования незаконного распространения информации о терроризме в сети. Сетевые операторы включают в себя операторов телеграфной службы, поставщиков Интернет-услуг в соответствии с Законом о борьбе с терроризмом, а также поставщиков сетевых услуг в уголовном праве. Короче говоря, уголовное право предусматривает лишь небольшую часть операторов сети в качестве объекта регулирования, и это не соответствует практическим потребностям.

Во-вторых, в ст. 286-1 УК включены две сложные проблемы: «преступление связывается со существованием и исполнением распоряжений соответствующих органов об исправлении, а не зависит от собственного восприятия риска поставщиком Интернет-услуг» [1, с. 40]. И бремя, лежащее на правоохранительных органах, возросло. В настоящее время количество пользователей Интернета и веб-сайтов в Китае очень велико, и с каждым годом оно все еще быстро растет. В случае неактивного принятия мер в отношении поставщиков сетевых услуг, то, как своевременно и точно найти террористическую информацию в массивной коммуникационной информации и отдать распоряжение об исправлении, является серьезной практической проблемой, с которой приходится сталкиваться правоохранительным органам. Короче говоря, это значительно ослабляет эффект этого уголовного положения.

В-третьих, в соответствии со ст. 30 УК, организация наказана только в том случае, если это предусмотрено положениями Особенной части УК. Но аналогичные ограничения отсутствуют в Законе о кибербезопасности и в Законе о борьбе с терроризмом.

И наконец, если преступления совершаются организацией, то в отношении организации применяется штраф. По сути, это не очень эффективно с точки зрения укрепления чувства ответственности поставщиков сетевых услуг за выполнение своих обязательств по обеспечению безопасности. С одной стороны, хотя сам штраф имеет достоинство в том, что касается лишения доходов от преступлений или ослабления способности к совершению преступления, оно также имеет очевидные недостатки. Например, штраф в конечном счете будет уплачен потребителями. Это передает организациям неправильную информацию о том, что «соблюдение закона может быть проанализировано исключительно с точки зрения затрат и выгод, и косвенно поощряет организацию включать штрафы в качестве оперативных расходов» [2, с. 26]. С другой стороны, мощные поставщики сетевых услуг, возможно, в большей степени готовы уплатить штрафы, чем оплатить расходы в связи с выполнением ими своих обязательств по обеспечению безопасности.

II. Предложения по совершенствованию уголовно-правового регулирования по незаконному распространению информации о терроризме в сети

Для того чтобы лучше реализовать законодательную цель и функцию уголовного наказания, необходимо устранить недостатки вышеуказанного уголовно-правового регулирования. Итак, какие меры мы должны принять?

Во-первых, предлагается расширить сферу субъекта преступления, заключающегося в отказе от выполнения обязательства по обеспечению безопасности информационных сетей, от поставщиков сетевых услуг до операторов сети, предусмотренных в Законе о кибербезопасности.

Во-вторых, предлагается расширить определенные пределы уголовной ответственности организаций и определить преступление пропаганды терроризма, экстремизма и побуждения к осуществлению террористической деятельности, и преступление незаконного хранения пропагандирующих терроризм и экстремизм предметов в качестве преступлений организаций.

В-третьих, ограниченная роль штрафов в предупреждении преступлений, совершенных организациями получила широкое признание за рубежом. Для эффективного предотвращения и наказания незаконных действий организаций и неизбежно принять многообразные меры наказания.

III. Заключение

Терроризм является одной из величайших угроз человечеству в XXI веке. Борьба с терроризмом уже не является задачей, которую страна может выполнить в одиночку, а является общей задачей для всех стран мира. В современном обществе, где повсюду информационные сети, для нас особенно важно подумать о том, как усовершенствовать уголовно-правовое регулирование по незаконному распространению информации о терроризме в сети. В настоящей статье выдвигаются некоторые конкретные предложения для решения этого вопроса.

Литература

1. Лай Цзаосин. О преступлении, заключающемся в отказе от выполнения обязательства по обеспечению безопасности информационной сети. — Пекин [М]. Юриспруденция, 2017. — 40 с.
2. Чжоу Юнянь, Лу Циньчжун. Исследование, посвященное правилам расследования и судебных решений уголовных дел. — Пекин[М]. Народная прокуратура, 2009. — 26 с.
3. Юй Цзяньхуа. Историческая эволюция терроризма. — Шанхай[М]. Издательская группа ВЕК, 2015. — 11 с.

Мотивы совершения преступлений несовершеннолетними

© **Е. В. Федорова**
магистрант 1-го курса
Юридический институт ИГУ
Россия, г. Иркутск
E-mail: fedorova_lena@list.ru

Изучаются мотивы и причины преступного поведения несовершеннолетних. Подчеркивается значимость семейных отношений. Устанавливается важность детско-родительских отношений.

Ключевые слова: Преступность несовершеннолетних, мотивы и причины.

Several motives and the reasons of commission of public and dangerous acts of minors are also considered. Emphasizes the importance of family relationships. The importance of the relationship between parents and children is established.

Key words: crime of minor, motives and reasons.

*Крошка сын к отцу пришёл,
и спросила кроха:
— Что такое хорошо
и что такое плохо?*

В. Маяковский, «Что такое хорошо и что такое плохо»

Наверное, каждый из нас задавался в детстве вопросом: «Что такое хорошо и что такое плохо?». Почему же тогда совершаются преступления, — ведь это плохо. Быть может, в детстве кто-то не получил ответа на свой вопрос? Быть может, ответ, который был получен, не соответствует морали, нравственности, общепринятым правилам поведения, но принимается ребенком за истину? В настоящей статье мы попробуем разобраться в мотивах совершения преступлений несовершеннолетними. Поскольку количество видов преступлений велико в своем многообразии, мы остановимся на преступлениях против собственности и изучим мотивы совершения преступлений по родовому признаку: «против собственности».

Тема данного исследования никогда не потеряет своей актуальности, к сожалению, уровень преступности несовершеннолетних за последние годы не снижается, а значит, необходимо продолжать исследования с целью воздействия на преступное поведение. Мотив же является фундаментальной основой, ядром в преступном поведении личности и требует детальной проработки. В данной работе мы также сравним некоторые аспекты мотивации преступного поведения подростков в Российской Федерации и Японии, чтобы показать как поразительно могут они отличаться в соседствующих странах и как важно работать комплексно и перенимать опыт зарубежных стран для предупреждения новых проявлений мотивации преступного поведения.

Как известно, под мотивом совершения преступления понимается элемент субъективной стороны состава преступления, непосредственно внутренняя побудительная причина преступного деяния [4, с. 460]. Мотив является детерминантой преступления, стимулирующей криминальное поведение [1, с. 52]. Следственно, мотив это своеобразный «спусковой крючок» в преступном поведении. Говоря о несовершеннолетних, стоит отметить, что это очень восприимчивая категория населения, которая наиболее ярко отражает господствующие в обществе и государстве устои, ценности и образ жизни. Преступное поведение несовершеннолетнего формируется сообразно его образу жизни, воспитанию, окружению. Анализ дел, находящихся в производстве Свердловского районного суда г. Иркутска, с декабря 2018 года по февраль 2019 года, в отношении несовершеннолетних, показал, что основная масса преступлений, совершаемых несовершеннолетними (из исследуемых материалов уголовных дел) носит корыстный характер. Стоит отметить, что данная тенденция идет в ногу с другой, не менее печальной, а именно, что преступность в целом растет и молодеет. Сравнивая уровень подростковой преступности в Российской Федерации с одной из стран Азиатско-тихоокеанского региона, например, Японией, стоит отметить, что наше государство выглядит весьма блекло. За последнее десятилетие уровень преступности в Японии, в частности среди несовершеннолетних, сократился [3, с. 82–83]. Тогда как в Российской Федерации преступность, в лучшем случае, остается на месте. Основная масса преступлений среди несовершеннолетних как в Японии, так и в России, совершается учащимися старших классов, что связано с недостатком воспитания, ценностно-ориентационных установок. Это приводит к издевательствам над школьниками, грубому поведению. Именно самоутверждение — стартовый стержень мотивации [2, с. 251], не находя реализации в «мирной» обстановке, подростки реализуют себя в преступном или околопреступном мире. Особенностью формирования преступного поведения в Японии является насилие и жестокое обращение с детьми в семьях. Причем, если в России это чаще неблагополучные семьи или семьи группы риска, в Японии, напротив, это обеспеченные семьи, при этом дети учатся в престижных учебных заведениях [7, с. 180]. Для японских подростков характерна большая жестокость и организованность. Ярким примером тому являются банды несовершеннолетних, совершающих преступления на мотоциклах или преступления, направленные против стариков и беспомощных. Японские ученые объясняют это тем, что система воспитания в школе подавляет личность ребенка, так же давление внутри семьи могут приводить к таким последствиям, как совершение преступления. Перенимать опыт зарубежных стран принципиально важно, ведь проблемы соседней с нами страны могут стать и нашими проблемами, особенно в условиях максимального развития информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», где подростки могут ориентироваться и перенимать опыт друг друга, даже находясь на разных континентах. Безусловно, стоит учитывать менталитет каждого региона и расставлять соответствующие акценты, но нельзя относиться к проблемам преступности несовершеннолетних попустительски. Необходимо плотное сотрудничество.

Возвращаясь к наиболее распространенному корыстному мотиву, он заключал в себе разное содержание для достижения следующих целей: выглядеть не хуже, чем остальные, то есть для приобретения вещей индивидуального пользования — одежды; удовлетворения потребности в алкоголе и наркотиках; поддержание паразитического, нетрудового образа жизни. Довольно ярко в перечисленных преступлениях выступает мотив «финансовой независимости от взрослых», при этом способ получения денежных средств носит противоправный характер. Стоит отметить, что среди потребностей подростков присутствуют асоциальные, направленные против здоровья и нравственности мотивы. Прослеживается динамика роста преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения. Практически все подростки утверждают, что если бы находились в трезвом состоянии, то не совершили бы преступления. Тем не менее, значительная часть преступлений против собственности совершается подростками именно с целью приобрести алкогольную или наркотическую продукцию.

Мотивы напрямую взаимосвязаны с воспитанием подростка и средой, в которой он находится. Что бы заставило подростка из теплого, уютного дома, с любящими и уважающими друг друга родителями выйти ночью на улицу и совершить преступление? Что бы заставило подростка от раза к разу приобретать и употреблять алкогольные и наркотические средства? В этой связи хочется особо отметить семейное неблагополучие как криминогенный фактор совершения преступлений подростками и формирования преступных мотивов. Не зря советский ученый педагог-новатор, который признавал личность ребенка высшей ценностью и предложил систему воспитания, основанную на принципах гуманности, также им был разработан принцип «воспитания красотой» — Василий Александрович Сухомлинский, получил такое широкое признание не только в странах Советского Союза, но и за рубежом. Одно из его высказываний гласит: «Семья — это та первичная среда, где человек должен учиться творить добро» — невозможно не согласиться со словами человека, который так многого

достиг в данной области — педагогики. При утрате связей внутри семьи теряются регуляторы поведения, ценности. Отсюда возникают, отнюдь, недобрые мысли о совершении преступления.

В своем исследовании мы посчитали возможным побеседовать с воспитанниками Ангарской воспитательной колонии на предмет значимости для них детско-родительских отношений и взаимосвязь с формированием преступных мотивов.

Мы предложили ответить воспитанникам на следующий наш вопрос: «Как вы считаете, криминальное прошлое родителей влияет на криминальное будущее детей и формирования у них преступных мотивов?»

Единодушно ребята ответили, что криминальное прошлое родителей напрямую влияет на криминальное будущее детей. Мотивировали свой ответ по-разному: в доме собирались соответствующие компании; родители напрямую передавали свой опыт нахождения в местах лишения свободы и рассказывали о «правилах» поведения. В любом случае, общение и жизнь с родителями, имеющими криминальное прошлое или настоящее не пройдет бесследно для подростка, который впитывает и копирует поведение взрослых как губка.

В сети Интернет появилась статья [6] Натальи Федотовой «Жизнь после приговора», основанная на беседе с начальником Ангарской воспитательной колонии и некоторыми осужденными. В одном из своих ответов Денис Кодачигов говорит: «Вот одного мальчишку спросили: “Что для тебя убийство?” Он ответил: “Да ничего особенного! У меня прабабка, бабка и мать убивали. Я всегда знал, что тоже могу”». Кажется, даже комментировать ответ воспитанника не нужно — он говорит сам за себя.

Все же не стоит забывать, что некоторые преступления действительно совершаются из-за нужды, отсутствия финансов на нормальное существование. При этом у некоторых подростков такое чувство «нужды» создается ложно и на самом деле это лишь «запросы» подростков, но уже выше уровня прожиточного минимума.

В ходе написания работы мы пришли к выводу что напряженные либо конфликтные отношения между людьми, особенно в семье, низкая культура общения, недостаточный уровень воспитания, разрыв устоявшихся социальных связей — основные источники деформации микросреды, обуславливающие формирование мотивации преступного поведения подростков.

Литература

1. Антонян Ю.М., Голубев В.П., Кудряков Ю.Н. Личность корыстного преступника. — Томск, - 1989. — 540 с.
2. Бабаев М.М., Крутер М.С. Молодежная преступность. — М.: Юристъ. 2006. — 384 с.
3. Морозов Н.А. Преступность в современной Японии: проблемы криминологической и уголовно-правовой политики. - М. -2016. — 430 с.
4. Сухарев А.Я., Крутских В.Е., Сухарева А.Я. Большой юридический словарь. — М.: Инфра-М.2003. — С. 460.
5. Kumagai, Fumie. Final Violence in Japan // Victimology, — 1983. № 8. — P. 178–183.
6. [Электронный ресурс] Сайт. URL <http://baikal-info.ru/zhizn-posle-prigovora>.
7. Kumagai, Fumie. Final Violence in Japan // Victimology. — 1983. — № 8. — P. 178–183.

Уголовная ответственность за незаконное использование лесов в России и Китае

© **И. А. Фиськов**

адъюнкт 3-го года обучения

ФГКОУ ВО «Дальневосточного юридического института МВД России»

Россия, г. Хабаровск

E-mail: fis92@mail.ru

Предметом исследования являются нормы уголовного права, предусматривающие ответственность за преступления, связанные с незаконным использованием лесов в России и Китае. Цель исследования — выявление возможных путей совершенствования законодательства охраняющего леса. Сравнение проводится на основе выделенных критериев, что позволяет последовательно рассмотреть особенности изучаемого предмета. Автор приходит к выводу о необходимости использования зарубежного опыта уголовно-правовой охраны лесов в отечественном законодательстве.

Ключевые слова: незаконная рубка; контрабанда древесины; использование лесов; корпоративная уголовная ответственность; экологическое преступление.

The subject of the research is criminal law provisions providing for responsibility for crimes related to the illegal use of forests in Russia and China. The aim of the study is to identify possible ways to improve legislation protecting forests. The comparison is based on the selection criteria, enabling consistently consider the characteristics of the studied subject. The author comes to the conclusion that it is necessary to use foreign experience in the criminal law protection of forests in domestic legislation.

Key words: *illegal logging; smuggling of timber; use of forests; corporate criminal liability; environmental crime.*

Незаконное использование лесов является глобальной проблемой, эффективное решение которой невозможно без выверенной уголовной политики в рассматриваемой сфере. Признание роли леса как особого предмета охраны нашло свое отражение не только в законах Российской Федерации, но и многих зарубежных стран. Возникло понимание необходимости рационального использования зеленого золота, как на национальном, так и международном уровне. Последствия незаконного воздействия в рассматриваемой сфере оказывают влияние на всю планету в целом.

Каждые пять лет ООН представляет глобальную оценку лесных ресурсов. В последнем из представленных изданий, охватывающим период с 2010 — 2015 гг. [5], отмечается, что наибольшее увеличение площади лесов произошло в КНР. Данный факт обуславливает интерес к изучению уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за незаконное использование лесов в указанной стране.

Особое внимание при проведении сравнительно-правового исследования будет уделено:

- 1) источникам уголовного законодательства и месту правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за незаконное использование лесов в них;
- 2) объекту и предмету преступлений, связанных с незаконным использованием лесов;
- 3) деяниям, связанным с незаконным использованием лесов и признанным законодателем уголовно наказуемыми;
- 4) субъектам преступлений, связанных с незаконным использованием лесов.

В Российской Федерации, как и в КНР, основным источником уголовного права является Уголовный кодекс. Криминализация деяний, связанных с незаконным использованием лесов основывается на уникальности объекта преступления, поэтому и формируются отдельные уголовно-правовые нормы. Признается важное экологическое и экономическое значение леса.

Ценность объекта уголовно-правовой охраны отражается в основных законах исследуемых стран. Согласно ч. 1 ст. 9 Конституции РФ природные ресурсы используются и охраняются как основа жизни и деятельности народов. Незаконное использование лесных ресурсов наносит значительный эколого-экономический ущерб и нарушает гарантированные права граждан. Государство, согласно ст. 9 Конституции КНР, гарантирует рациональное использование природных ресурсов, берет под охрану ценные виды животных и растений. Организациям и частным лицам, какими бы то ни было способами, запрещается присваивать или разрушать природные ресурсы [1].

В УК КНР для описания предмета преступления используется понятия: деревья ценных пород, молодые деревья. Деревья ценных пород — это древние деревья, имеющие большое историческое и научное значение, и включенные в список национально охраняемых диких деревьев. Под молодыми деревьями понимаются деревья с диаметром на уровне груди менее 5 сантиметров.

В Российской Федерации деяния, связанные с незаконным использованием лесов, представлены тремя уголовно-правовыми нормами — статья 260 УК РФ «Незаконная рубка лесных насаждений», статья 191¹ УК РФ «Приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины», статья 226¹ УК РФ «Контрабанда стратегически важных товаров и ресурсов». Законодатель не признает общность охраняемых данными нормами общественных отношений и располагает их в разных главах Уголовного кодекса.

В Уголовном кодексе КНР [2] содержатся ст. 344, 345, предусматривающие ответственность за незаконное использование лесов. Статья 344 УК КНР устанавливает уголовную ответственность за самовольную рубку, уничтожение леса ценных пород, совершенную в нарушение Закона о лесах, вне зависимости от объема или количества срубленных деревьев.

Статья 345 УК КНР устанавливает ответственность за незаконную рубку лесов и иных деревьев, совершенную в сравнительно крупном объеме. К квалифицирующему признаку законодатель относит скупку в лесных районах заведомо незаконно вырубленного леса или леса, вырубленного с нарушением лимита рубки, с целью получения прибыли, при отягчающих обстоятельствах;

Об умысле на приобретение заведомо незаконно заготовленной древесины (ст. 345 УК КНР), по мнению Верховного Народного Суда КНР, свидетельствует наличие хотя бы одного из следующих обстоятельств: приобретение древесины на незаконном лесозаготовительном участке или в нелегальных местах торговли; приобретение древесины по цене, которая значительно ниже, чем

рыночная; приобретение древесины в нарушение положений о продаже [3]. Данное разъяснение, на наш взгляд, вносит ясность в работу правоприменителя, указывая на какие обстоятельства требуется обратить внимание. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 21 от 18 октября 2012 г. подробно расписывается предмет незаконной рубки, объективная сторона, субъект, но субъективной стороне не уделяется должного внимания. Считаем необходимым дополнить существующее постановление Пленума Верховного Суда РФ, пунктом, раскрывающим субъективную сторону незаконной рубки.

Присвоение уже срубленных деревьев или рубка деревьев на частной территории признается в КНР кражей. Ответственность наступает по ст. 264 УК КНР. Аналогичное положение действует и в России.

Случаи контрабанды древесины рассматриваются в КНР в соответствии со ст. 153 УК КНР. Уголовная ответственность наступает за уклонение от уплаты налогов. В случае если лица совершают рассматриваемое деяние многократно, и ранее не привлекались к уголовной ответственности, преступление наказывается в зависимости от совокупной суммы подлежащих оплате налогов.

В отличие от России, уголовной ответственности в КНР наряду с физическими лицами подлежат также и корпоративные (коллективные) образования. А. В. Наумов, изучая зарубежный опыт привлечения юридических лиц к уголовной ответственности, говорит о том, уголовное наказание, применяемое в отношении лиц, совершивших экологические преступления, должны были сделать невыгодным занятие экологически вредной деятельностью для всех работников организации, а не только для ее руководителя и управленческого персонала [4, с. 211]. Полностью разделяем данную точку зрения.

Согласно ст. 346 УК КНР, если преступления, упомянутые в статьях 338-345 УК КНР, совершены организацией, по отношению к ней применяется наказание в виде штрафа, а несущие непосредственную ответственность руководители организации и другие лица, наказываются в соответствии с указанными в статье санкциями.

Совершаемые организацией преступления должны представлять осознанную, целенаправленную деятельность, осуществляемую от ее имени и в ее интересах. В качестве исполнителей преступлений, совершаемых организациями, могут выступать только непосредственно ответственные за руководство и другие ответственные лица [5, с. 214–215].

Подводя итог проведенному исследованию отметим, что опыт конструирования отдельных составов преступлений, связанных с незаконным использованием лесов в КНР, может и должен быть использован для совершенствования российского законодательства об ответственности за такие деяния. В частности, законодатель КНР, осознав, что корпоративные (коллективные) образования способны совершать рассматриваемый вид преступлений признал их субъектом уголовной ответственности. Было разработано понятие корпоративного (коллективного) образования для уголовного законодательства, система совершаемых им деяний, а также система применяемых наказаний.

Особый интерес представляют разъяснения Верховного Народного суда КНР об обстоятельствах наличие, которых свидетельствует об умысле на совершение рассматриваемых преступлений. Их адаптация и закрепление в российском законодательстве создаст прочную основу для правоохранительных органов для разграничения преступного деяния от неправомерного поведения.

Литература

1. Конституция Китайской Народной Республики. URL :<https://worldconstitutions.ru/?p=31>.
2. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. URL : <https://asia-business.ru/law/law1/criminalcode/code/>
3. 最高人民法院关于审理破坏森林资源刑事案件具体应用法律若干问题的解释. — URL : http://leyj.jc.gansu.gov.cn/art/2015/8/25/art_18727_199012.html
4. Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций: в 2 т. Т. 1. Общая часть / А.В. Наумов. — 3-е изд. перераб. и доп. — М.: Юр. лит., 2004. — 496 с.
5. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование) / под ред. В. И. Лафитского. — М., 2013. — 372 с.
6. Глобальная оценка лесных ресурсов 2015. Как меняются леса мира. URL: <http://www.fao.org/3/a-i4793r.pdf> (дата обращения: 01.12.2017).

Борьба с незаконным оборотом наркотических средств в Китае и России

© Н. Ц. Хабутова

магистрант 2 года обучения юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: Ekhirit03@mail.ru

Статья посвящена особенностям борьбы с незаконным оборотом наркотических средств в Китайской Народной Республике и России. Автор приводит статистические данные о количестве потребителей наркотических веществ в Китае. Показана роль полиции в борьбе с незаконным оборотом наркотиков. На основе проведенного исследования автор делает вывод, что наказание в данной сфере в Китае предусмотрено суровое, в России по сравнению с Китаем характерно преобладание «мягких» мер уголовной ответственности, допускающих условное осуждение преступников.

Ключевые слова: наркотические средства, незаконный оборот наркотических средств, борьба с незаконным оборотом наркотических средств, уголовное право КНР, Уголовный кодекс КНР.

The article is devoted to the peculiarities of the fight against illicit drug trafficking in the People's Republic of China and Russia. The author cites statistics on the number of drug users in China. The role of the police in the fight against drug trafficking is shown. Based on the study, the author concludes that punishment in this area in China is harsh, in Russia compared with China, there is a predominance of «soft» measures of criminal responsibility, which allow the conditional conviction of criminals.

Key words: narcotic drugs, illicit drug trafficking, combating illicit drug trafficking, criminal law of the PRC, the Criminal Code of the PRC.

В качестве одного из самых строгих уголовных законов зарубежных стран, в исследуемой области права выступает Уголовный кодекс Китая 1997 г. [6].

Особенностью уголовного права Китая является то, что до настоящего времени оно строится на принципах социализма, которые, в отличие, например, от Российской Федерации, сохранились в этой стране.

Вместе с тем определенные изменения в законодательстве Китая имели место, и в 1997 году был принят Уголовный кодекс Китая, который действует и до настоящего времени.

Состав преступления в Уголовном кодексе Китая схож с тем, который присутствует в Уголовном кодексе Российской Федерации, и выделяет четыре составляющих — субъект, субъективная сторона, объект и объективная сторона.

В нем в отдельный параграф № 7 выделены преступления, которые связаны с продажей, контрабандой, изготовлением и транспортировкой наркотических средств.

Согласно статье 357 Уголовного кодекса КНР под наркотиками понимается героин, опиум, метилфениламин («ледяной наркотик»), конопля, морфий, кокаин, и другие наркотические, сильнодействующие и психотропные вещества, вызывающие привыкание и оборот, которых находится под контролем государства.

Излагая основополагающие принципы борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, руководство Китая в Белой книге указывает на необходимость уделять наибольшее внимание контрабанде наркотиков, что для страны особенно актуально в связи с близостью к так называемому «золотому треугольнику» [1].

Деятельность властей Китая в плане борьбы с оборотом наркотических средств сосредотачивается на четырех основных направлениях:

- запрет употребления, торговли, посева и производства наркотиков;
- пресечение источников наркотических средств, борьба не только с торговлей, но и с потреблением наркотиков;
- принятие мер к блокированию источников и перекрытию каналов снабжения и распространения наркотиков;
- борьба с любого рода преступлениями в сфере незаконного оборота наркотиков [4].

Заметим, что количество новых потребителей наркотических веществ в Китае в 2018 году сократилось на 63% в сравнении с 2015 годом, на 56% в сравнении с 2016 годом и на 43% по отношению к 2017 году. В Китае зафиксировано резкое сокращение количества новых наркоманов в 2018 году в сравнении с показателями предыдущих трёх лет.

При этом доля подростковых преступлений на почве наркомании снизилась в 30 провинциях и муниципалитетах Китая.

Китайская национальная комиссия по контролю за оборотом наркотиков запустила цифровую платформу профилактики наркомании среди подростков в 2015 году. Таким образом, с примерно 68 млн. учеников 170 тысяч начальных и средних школ по всему Китаю провели профилактическую работу о вреде наркотиков.

Отметим, что в 2018 году в Китае на 38% упало количество обнаруженных и уничтоженных нарколабораторий, а количество выявленных случаев незаконного оборота наркотиков — на 42% [2].

Полиция уничтожила 21 цех по производству запрещенных веществ, изъяв 12,32 тонны сырья для их изготовления за прошедший 2018 год.

Полиция Гуанси-Чжуанского автономного района Китая изъяла 2 тонны наркотиков в 2018 году в рамках спецопераций, призванных побороть приток наркотиков из пограничных районов страны.

Также уничтожен 21 цех по производству запрещенных веществ, изъяв 12,32 тонны сырья для их изготовления за прошедший 2018 год.

В рамках прошедших спецопераций была пресечена контрабанда наркотиков в регионе, что привело к значительному падению производства запрещенных веществ и прочих противоправных действий с этим связанных.

Полиция также выявила, что доля героина, которая идет из Гуанси в другие районы Китая за прошедший год упала на 56% в сравнении с 2017 годом. Производство наркотиков также упало на 40% [3].

Полиция центральной китайской провинции Хубэй изъяла 4,2 тонны наркотиков, а также 62 тонны инструментов и сырья для производства наркотиков в 2018 году.

Как сообщили в отделе по борьбе с незаконным оборотом наркотиков провинциального бюро общественной безопасности, это третий по величине в Китае показатель после провинций Юньнань и Гуандун, а также крупнейшая партия изъятых наркотиков в провинции за последние годы.

За 2018 год правоохранительные органы раскрыли 6094 случаев соответствующих преступлений, задержав или арестовав 6346 подозреваемых. Кроме того, было уничтожено 227 криминальных банд, в которых состояло трое и более членов, а также задержано 28 тыс. наркоманов.

В начале марта текущего года полицией провинции Аньхой на востоке Китая было изъято 4 кг героина, а также арестовано восемь подозреваемых в торговле наркотиками [5].

Руководство Китая придерживается мнения, что изначально все наркотические средства поступают на территорию государства исключительно из иных стран.

С целью воспрепятствования подобному явлению с середины восьмидесятых годов прошлого столетия властями Китая приняты активные меры по укреплению государственной границы и воспрепятствованию незаконному притоку мигрантов.

Таким образом, в Китае борьба с незаконным оборотом наркотических средств ведется постоянно. Законодательство страны изменяется в сторону ужесточения, поскольку приток наркотиков велик.

Одним из аспектов борьбы с наркотиками является пресечение незаконной миграции, поскольку мигранты используются для осуществления транзита наркотиков. Территориальная близость к зоне «золотого треугольника», страны которого до настоящего времени относятся к числу крупнейших поставщиков наркотиков, принуждает государство принимать самые активные меры для пресечения и наказания лиц, которые все-таки вовлекаются в данную преступную деятельность. Наказание в данной сфере в Китае предусмотрено суровое. При этом не имеет значения гражданство лица привлекаемого к уголовной ответственности.

Самое строгое отношение к преступлениям, связанным с наркотиками из исследованных в настоящей работе стран — в Китае. Для последних, характерны весьма строгие, порой репрессивные санкции норм об уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических и иных психотропных веществ, отсутствие дифференциации мер ответственности, применения деятельного раскаяния.

Для России характерно преобладание «мягких» мер уголовной ответственности, допускающих условное осуждение преступников, по сравнению с Китаем. В России особенный акцент сделан на уголовном преследовании организованных групп и преступных сообществ, в том числе тех, которые занимаются легализацией средств, полученных в результате оборота наркотиков.

Литература

1. Борьба с наркотиками в Китае (белая книга). URL: <http://russian.china.org.cn/russian/32993.htm> (дата обращения: 10.05.2019).

2. В Китае за три года крайне резко снизилось количество наркоманов. URL: <https://regnum.ru/news/2541968.html> (дата обращения: 10.05.2019).

3. В китайском Гуанси за 2018 год было изъято более 2 тонн наркотиков. URL: <https://regnum.ru/news/2592694.html> (дата обращения: 10.05.2019).

4. Гадиров Э.М. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений среди мигрантов, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. URL: <http://ui.tsu.ru/wp-content/uploads> (дата обращения: 10.05.2019).

5. Китайская провинция Ухань стала третьей в Китае по изъятию наркотиков. URL: <https://regnum.ru/news/society/2584115.html> (дата обращения: 10.05.2019).

6. Уголовный кодекс Китайской народной республики от 14 марта 1997 г. URL: <http://law.edu.m/norm/norm.asp?normID=1247252> (дата обращения: 10.05.2019).

Борьба с преступностью в странах АТР

© А. С. Шабалина

студент 3-го курса

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет»

Россия, г. Санкт-Петербург

E-mail: nastya-shabalina@mail.ru

В силу противоречивых взглядов различных слоев населения и масс на жизнеустройство проблема борьбы с преступностью всегда была актуальна. Как и разногласия во взглядах, методы борьбы с лицами, совершившими то или иное преступления, также были различны в зависимости от эпохи, в которой они были совершены: на Руси за кражу, совершенную в третий раз, предусматривалось такое телесные изувечивающие наказание, как отрубание руки или обеих рук, в эпоху Петра Великого тяжелым преступникам вырезали ноздри, а менее важным преступникам назначалась такая мера, как клеймение и т.п. По мере развития гуманистического подхода к понятию государственности также возникла тенденция роста противоречий, усугубляющие этнические, религиозные, политические и иные конфликты в обществе. Однако по причине того, что страны подразделяются на три эшелона, то есть находятся на разном уровне экономического, политического и социального развития, а также имеют разнотипный государственный строй и механизмы, методы и способы воздействия на преступность, борьбы с ней разнообразны. В работе представлен сравнительный анализ таких стран как Япония и Южная Корея.

Ключевые слова: преступность, факторы, правовое государство, уголовная политика, страны АТР, конфликт, развитие.

Due to the contradictory views of various strata of the population and the masses on living arrangements, the problem of combating crime has always been relevant. As well as disagreements in views, methods of dealing with perpetrators of a crime were also different depending on the era in which they were committed: in Russia for theft, committed for the third time, such bodily mutilated punishment was provided for, like cutting off a hand or both hands, in the era of Peter the Great, heavy nozzles were cut out by criminals, and less important criminals were given such a measure as branding, etc. With the development of such a humanistic approach a tendency of growing contradictions also arose, aggravating ethnic, religious, political and other conflicts in society. However, due to the fact that countries are subdivided into three echelons, that is, they are at different levels of economic, political and social development, and they also have a diverse system of government and the mechanisms, methods and ways of influencing crime and combating it are diverse. The article presents a comparative analysis of countries such as Japan and South Korea.

Key words: crime, factors, rule of law, criminal policy, Asia-Pacific countries, conflict, development.

Страны Азиатско-тихоокеанского региона представляют собой не только объединение стран, расположенных по периметру Тихого океана, но и сосредоточение представителей экономически и политически важных интеграционных группировок, многообразие ресурсов и экономик. Каждая из стран пытается выйти на главенствующие места в той или иной сфере, и различными способами удерживать первенство. Рассматривая страны АТР с уголовного вектора, необходимо отметить, что факторов, влияющих на уровень преступности в государстве, великое множество: экономический кризис, демографический кризис, который вполне может стать вспышкой недостатка рабочей силы и людских ресурсов, спад уровня образования в стране и иные. Отсюда следует вывод, что формы борьбы с преступностью разнообразны и требуют индивидуального подхода, зависящего от политики государства в различных областях, а также уровня жизни и других статистических данных и показателей в стране.

Рассмотрим политику борьбы с преступностью на примере развитой страны Японии. Данная страна удерживает первенство в списке стран с низким уровнем преступности по международным,

мировым меркам. Возникает вопрос — каким образом Япония обрела бесспорное первенство в данной отрасли и как ей удастся удерживать эту позицию? Почему Япония удерживает первенство? Японские власти настолько скрупулёзно и детально подходят к корню совершенных преступлений, что ни одно из них не остается незамеченным или не оцененным с точки зрения причиненного вреда обществу или возможного его наступления. Как уже было сказано выше, уровень преступности напрямую связан с уровнем жизни в стране: чем выше уровень жизни, тем ниже уровень преступности. Проанализируем японский уровень жизни: наличие так называемой системы пожизненного найма, которая предусматривает увеличение заработной платы с возрастом сотрудника и его опытом работы, то есть выслуги лет, в сочетании с достойным пенсионным обеспечением делает японских пенсионеров одними из самых зажиточных и социально защищённых слоёв общества; продолжительность жизни в Японии составляет 84 года, что по статистическим данным является одним из самых высоких показателей в мировом масштабе [3]. Как минимум на примере перечисленных составляющих мы можем наблюдать бесспорное первенство Японии по уровню жизни и социальному обеспечению населения, а также низкий уровень бедности и безработицы. Отсюда напрашивается вывод о том, что преступлений, зависящих от названных факторов, будет совершаться меньше, а общий уровень преступности, соответственно, уменьшается.

Передовое место в уголовной политике Японии занимает тщательный анализ причин преступности, применение уголовных наказаний и иных мер ограничения свободы, социальная реабилитация и защита, а также общественное движение за профилактику преступности. Японские власти таким воздействием на общество пытаются предупреждать и пресекать преступления на начальных этапах. «Под предупреждением преступности буквально понимается предохранение людей, общества, государства от преступлений, а в более точном смысле — система государственных и общественных мер, направленных на устранение или нейтрализацию, ослабление причин и условий преступности, удержание от совершения преступлений и коррекцию поведения правонарушителей» [11]. Необходимо отметить, что Япония придерживается более суровой уголовной политики — ответственность наступает не только за совершение преступлений по Уголовному Кодексу, но и за совершение преступлений по специальным законам, таким как Закон о дорожно-транспортном движении и т.д. [1]. Даже на данном примере улавливается разница между уголовной политикой, скажем, Российской Федерации, так как по японским меркам деяния, нарушающие Закон о дорожно-транспортном движении, предусматривает не административное преследование и наказание, а более жесткое- уголовное. Помимо названной формы воздействия на преступность важным критерием является пропаганда профилактики преступности и в японском обществе, и в западных странах, которая заключается в издании литературы о борьбе с преступностью в Японии, неоднократные доклады и презентации на эту тему японских представителей на международных форумах, а также подготовка в Японии кадров правоохранительных органов для зарубежных стран [4]. На примере такого преступления, как коррупция, можно четко отследить резкий негатив властей и общественности Японии, а также активную борьбу к таковому виду преступления: систематические выступления премьер-министра с осуждением коррупционеров, публикация многообразия статей и литературы на тему коррупции, что является несомненным толчком для формирования общественного мнения и принятия соответствующих мер правоохранительными органами.

Если рассматривать Уголовный Кодекс Японии более предметно, то из всех видов наказаний наиболее суровым и до сих пор осуществляемым на территории страны является смертная казнь. Смертная казнь применяется в виде повешения как высшая мера наказания и до его реализации лицо, совершившее преступное деяние, к примеру, являлось членом организованной преступной группы, содержится в тюремном доме [1]. В большинстве стран данная мера наказания имеет лишь формальный характер, то есть фактически присутствует в законе и считается одним из видов наказаний, однако на практике не реализуется. В случае Японии данная мера наказания пожизненным лишением свободы или лишением свободы сроком на двадцать пять лет [10]. Исходя из этого мы можем отметить явное ужесточение мер по борьбе с преступностью.

Наряду с Японией в состав АТР входит Южная Корея, которая выступает в качестве определенного конкурента Японии в вопросе уровня преступности и уголовной политики.

Действительно, Южная Корея может составить конкуренцию любому государству с точки зрения уровня преступности и не без имеющихся на то оснований. Для жителей Южной Кореи в порядке вещей оставить на стоянке машину и вместе с ключами отдать её незнакомцу, представившемуся администратором этой стоянки. А все потому, что корейцам в принципе малоизвестно понятие «угон автомобиля». Еще один поражающий и вводящий в полное недоумение пример — на окраине в глу-

бине квартала хозяйка магазина спокойно может выйти на несколько минут, оставив свою лавку открытой и не боясь ограбления.

Южная Корея по праву занимает первое место по низкому уровню преступности. Причина тому менталитет корейцев, сформированный государством и средствами массовой информации еще с рождения, сосредоточение властей на благополучии граждан и достойном уровне жизни, высокий уровень заработных плат, доступность образования. Представим статистическую составляющую по иным категориям преступлений: в Южной Корее на сто тысяч человек приходится 2,6 убийства за один год, что в четыре раза меньше, чем в Российской Федерации; убийств же с применением огнестрельного оружия и того меньше — 0,04 на сто тысяч жителей в год [8]. Если перевести эти данные в количество убийств, совершенных в год по всей стране, а это на пятьдесят миллионов жителей, то полученная цифра ошеломит — это двадцать человек. Однако ошеломляет не только эта цифра, но и факт того, что на улицах Южной Кореи практически отсутствуют сотрудники правоохранительных органов. Сто тысяч граждан находятся под защитой лишь двухсот полицейских, которых по факту и того меньше, так как в их число входят сотрудники так называемой боевой полиции, направленные на защиту и охрану правительственных объектов [9].

Конечно, несмотря на столь внушительные показатели и низкий уровень преступности, борьба с преступностью все равно продолжает вестись усиленно: в уже имеющиеся уголовные законы вносятся поправки и создаются новые нормативно-правовые акты. В отличие от Уголовного Кодекса Японии Уголовный Кодекс Южной Кореи регламентирует порядок смягчения наказания: если смягчается такое наказание, как смертная казнь, то оно заменяется на пожизненные каторжные работы (такой вид наказания также является новшеством для многих стран) или пожизненное лишение свободы или на срок от двадцати до пятидесяти лет и т.д. [2]. Таким образом, законодатель фактически не предоставляет волю суду в назначении и выборе наказания лицу, совершившему преступное деяние, а строго регламентирует порядок смягчения наказания.

Исходя из вышесказанного следует сделать заключение о том, что уровень преступности, а также преобладание конкретных видов совершаемых преступлений зависит от экономической, политической и иной ситуации в стране, в соответствии с чем и формы, механизмы воздействия и методы борьбы с преступностью в странах АТР различны между собой. Также необходимо отметить, что проблема борьбы с преступностью даже в силу успешно сдерживаемой тенденции к росту и удержания первенства в позициях низкого уровня преступности в мире в некоторых странах АТР, всегда будет актуальной и одним из главных факторов по приобретению авторитета не только на внутреннем уровне, что неразрывно связано с качеством жизни в стране, но и на внешнем, международном уровне.

Литература

1. Уголовный кодекс Японии // «Юридический центр Пресс». 2002. — 226 с.
2. Уголовный Кодекс Южной Кореи // Закон № 15793 от 16 октября 2018 г.
3. Тюрьмы и преступность в Южной Корее [Электронный ресурс]/2009,-Режим доступа: <https://polusharie.com/>.-Дата обращения: 30.03.2019.- Загл. с экрана.
4. Уровень жизни в Японии [Электронный ресурс]//2009,-Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/>.-Дата обращения: 30.03.2019.- Загл. с экрана.
5. Басова, Т.Б. Уголовное законодательство стран Северо-Восточной Азии об ответственности за должностные преступления Текст. / Т.Б. Басова ; отв. ред. проф. А.И. Коробеев. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. -40 с.
6. Есаков Г.А. Основы сравнительного уголовного права : монография Текст. / Есаков Геннадий Александрович. — М.: ООО «Издательство «Элит», 2007. — 152 с.
7. Квашиш В. Е. Особенности причинного комплекса преступности в Японии,- с.164-169.
8. Комар П.М., Коробов А.М. Развитие российского права и права стран АТР в условиях конституционного реформирования: Материалы региональной научно-практической конференции, 29 ноября 2003 г. — Владивосток : Издательство ВГУЭС, 2004. — С. 63 — 76.
9. Коробеев А.И. Некоторые особенности Особенной части Уголовного права Японии // Азиатско-Тихоокеанский регион: Экономика. Политика. Сотрудничество. — 2004. — № 1. — С. 67-78.
10. Морозов Н. А. Преступность в современной Японии: проблемы криминологической и уголовно-правовой политики,- с.57.
11. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. — М., 1998. —С. 351.

V. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ. ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ В СТРАНАХ АТР

Роль полиграфа в криминалистике

© Е. Э. Балданова
E-mail: katyaha99@mail.ru

© И. В. Буторин
E-mail: Gazgolder122@gmail.com

© В. И. Калашникова
kvikai@mail.ru
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
Россия, г. Улан-Удэ

В данной статье была рассмотрена роль полиграфа в науке криминалистики России и США. Изучены основы использования полиграфа при осуществлении следственной деятельности, а также приведены точки зрения некоторых ученых, касаясь использования полиграфа.

Ключевые слова: полиграф, Россия, США, криминалистика, опрос, преступление.

This article examined the role of the polygraph in the science of criminology in Russia and the United States. The basics of using a polygraph in investigative activities have been studied, as well as the views of some scientists regarding the use of a polygraph.

Key words: polygraph, Russia, USA, forensics, survey, crime.

Достижения в области науки позволяют развиваться и процветать всем сферам общества: политике, праву, культуре, экономике и другим. Но вместе с этим прогрессирует преступная сторона нашей жизни. Преступники тщательно готовятся к совершению преступления, продумывают все детали, используют новые технологии и знания, чтобы оставить как можно меньше следов, противодействовать расследованию, остаться непойманными. Рост навыка совершения преступлений способствует низкой раскрываемости уголовных дел. На 2018 год количество нераскрытых преступлений по России составляет 43% от общего числа зарегистрированных преступлений [4]. Данные числа заставляют задуматься о совершенствовании работы органов по расследованию преступлений и возможности применения нетрадиционных методов, каким можно считать полиграф.

Полиграф — это техническое устройство, пассивный регистратор процессов, происходящих в организме человека, медико-биологический прибор, предназначенный для регистрации нескольких параллельно протекающих психофизиологических процессов [2, с. 82]. Аппарат дает оценку стрессового состояния испытуемого, которое может быть вызвано страхом, беспокойством, виной или конфликтом. С помощью полиграфа в криминалистике решается ряд задач: 1) определяется непосредственное участие лиц в расследуемом событии или причастность к нему; 2) устанавливается факт наличия или отсутствия события; 3) выявляется результат преступления; 4) устанавливаются доказательства; 5) выявляются мотивы совершения правонарушения; 6) проверяется достоверность сведений и многое другое. Всякая деятельность лица, в том числе и противоправная, вызывает в большей или меньшей степени эмоциональное напряжение: чем больше значима для человека ситуация, тем сильнее психофизиологическая реакция. Результаты опроса с использованием полиграфа по оценкам экспертов достоверны в 75–90% случаях. [3, с. 47]. Все это не вызывает сомнения о практической пользе применения полиграфа в расследовании преступлений.

Опрос с использованием полиграфа как криминалистический метод вносит большое значение для внедрения его в деятельность федеральных ведомств Российской Федерации для профилактики, раскрытия и дальнейшего расследования преступлений. Следует отметить, что на данный момент эта проблема носит весьма актуальный характер.

На протяжении долгого времени, те кто являлся противниками полиграфа считали его «безнравственной машиной», а сам процесс считали «псевдонаучным приемом, противоречащим этическим требованиям». Среди них и наши соотечественники: М. С. Строгович, И. Ф. Пантелеев, А. М. Ларин и другие. Такое мнение о полиграфе считалось очевидным и закрепилось в отечественной юридиче-

ской литературе и психологии настолько, что никто даже не считал необходимостью обосновать обратное [8, с. 106].

В. М. Николайчик при анализе практики применения полиграфа в США полагал, что опрос с применением полиграфа имеет принудительный характер, особенно когда подозреваемый желает воспользоваться своим правом не давать показания. Если же лицо соглашается на данную процедуру, то тем самым он берет на себя бремя доказывания своей невиновности, освобождая обвинение от обязанности доказывать его вину. Профессор Р.С. Белкин отметил что, применение полиграфа не преследует цели лишения проверяемого его воли и свободы разума при осуществлении своей защиты. Лицо остается полностью свободным в своем волеизъявлении и не принуждается к изменению поведения [8, с. 109].

В науке уголовного процесса и криминалистике главенствовала точка зрения Н. Н. Полянского, которая была сформулирована в 1946 году в одной из его работ, под названием «Доказательства в иностранном уголовном процессе». Аргументируя свою точку зрения разными примерами из практики применения полиграфа в США, он определил свой категорически отрицательный вывод следующими аргументами.

В основе всех попыток создать так называемый «детектор лжи» лежит определенно не верное представление о том, что отклонение физиологических реакций лица, проходящего тестирование на полиграфе от его личной нормы, зависит от чувства страха, испытываемого им, когда ему задаются вопросы, на которые он не может ответить правдиво, не подвергая себя риску осуждения. Но не только ложь может сопровождаться чувством страха: эмоции, сходные с теми, которые вызваны страхом, могут быть вызваны недопониманием, злостью, удивлением и тому подобному.

К числу факторов, влияющих на психофизиологическое состояние испытуемого, следует отнести и мировоззрение, что заслуживает особенного внимания. От социальной принадлежности лица зависит его отношение к суду, следователю, прокурору, его доверие к представителям власти, опасение, что они стремятся только к осуждению допрашиваемого и к получению от него таких ответов, которые давали бы возможность (хотя и необоснованную) возложить на него ответственность.

Попытки проверки правдивости показаний с помощью аппаратов и инструментов ведут к подрыву одного из принципов демократического правосудия — принципа оценки доказательств по внутреннему убеждению [1, с. 39–40].

Но несмотря на критику применения полиграфа в прошлом, в настоящее время его все чаще и чаще используют в России как в частных целях, так и в расследовании преступлений.

Стоит заметить, что применение полиграфа в оперативно-розыскной деятельности оказалось полезным не только с практической точки зрения, но и с теоретической, а именно появилась возможность внедрения новых знаний в криминалистику, что дало толчок развитию некоторых положений этой науки. Благодаря полиграфу стало возможным обнаружение свойств идеальных следов, которые ранее было сложно заметить. Особого внимания заслуживает тот факт, что с применением полиграфа на опросах произошло образование нового направления раздела «Криминалистическая техника» [7, с. 60].

В общих чертах процедура проведения опроса с использованием полиграфа следует определенной схеме. Испытуемый знает, какие вопросы ему будут задавать полиграфолог. Это делается, чтобы избежать реакции человека на новизну. Вопросы сформулированы так, чтобы ответить на них можно было только «да» или «нет». Они бывают нейтральные, условно-нейтральные, нулевые, значимые и контрольные. Как правило, каждый вопрос задается три раза, чтобы получить достоверную информацию.

Например, методика опроса с применением полиграфа о грабеже, разбое, кражи и мошенничества — одина. Единственное, что при расследовании разбойного нападения добавляются тесты на угрозы жизни пострадавшему. При расследовании хищений имущества большей информативностью обладают предметы или ценности, которые были похищены. Исходя из этого следователь уделяет большее внимание при допросах потерпевшего на приметы похищенных вещей (где лежали, какого цвета и так далее).

Опрос с помощью полиграфа проводится оператором, но в свою очередь, от следователя зависит то, на сколько он будет результативным, он должен ознакомить оператора с материалами уголовного дела указав на тонкости, которыми сопровождалось преступление. К примеру, для установления возможной причастности лица к совершению хищения следователь сообщает оператору такие сведения как: сведения о месте преступления; сведения об изменениях на месте преступления; приметы вещи, которая была похищена. Такая информация помогает оператору при составлении тестов [5].

Ни для кого не секрет, что больше всего полиграф применяется на своей родине — в Соединенных Штатах Америки. Ежегодно там проводится около миллиона проверок на полиграфе как в частных целях, так и в расследовании преступлений. Но в силу особенностей государственного строя США правовое регулирование применения полиграфа в каждом штате отличается: где-то исключается возможность применения полиграфа, а где-то результаты опроса с применением полиграфа допускаются в качестве доказательств в уголовном процессе. К последним относятся Техас, Пенсильвания, Калифорния [6, с. 183].

Сейчас процедура прохождения полиграфа в Америке широко применяется в целях профилактики и предупреждения преступлений при приеме на службу и в процессе оперативно-розыскной деятельности. В Соединенных Штатах Америки самая популярная сфера применения детектора лжи считается обследование людей, совершивших сексуальные преступления. Именно этот метод оказался самым эффективным способом контроля таких людей.

Однако несмотря на широкое применение полиграфа и положительные результаты его применения, в США так и не были разработаны единые естественнонаучные основы и единая методика применения полиграфа. Сложный комплекс взаимосвязанных нейро- и психофизиологических процессов в организме человека, действующих как единое целое при проведении опроса с использованием полиграфа, так и остается неизученным до конца.

Стоит сказать, что методика опроса с применением полиграфа используется не только для сбора обвинительных доказательств, но и в целях повышения эффективности защиты прав и законных интересов подозреваемого, так как результаты полиграфа являются настолько эффективными, что подозреваемые сами инициируют проведение данной процедуры, чтобы снять необоснованные обвинения [6, с. 184].

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы. Несмотря на историческую спорность допустимости применения полиграфа в рамках расследования преступлений, в нынешние дни он обретает большую популярность. Это достаточно эффективный метод сбора информации о событии преступления. И хотя многие ученые говорили о том, что полиграф имеет исключительно обвинительную направленность, на самом деле он ни обвиняет, ни оправдывает испытуемого. Техника ни имеет чувств, симпатий, заинтересованности, полиграф просто фиксирует реакцию человека на задаваемые вопросы и его ответы, а анализ этих показаний зависит от оператора. По большей части полиграф может являться хорошей возможностью для подозреваемого доказать свою непричастность и снять с себя необоснованные обвинения со стороны следователя. В то же время полиграф упростит работу органов предварительного расследования по добыче достоверной информации. Метод опроса с использованием полиграфа четко вписался в систему методов и средств современной криминалистики и, выйдя за рамки оперативно-розыскной деятельности, уверенно пробивает дорогу в систему судебных экспертиз.

Литература

1. Белкин Р. С. Курс криминалистики : Криминалистические средства, приемы и рекомендации: в 3 томах / Р. С. Белкин. — Москва: Юристъ, 1997. — Т. 3. — 480 с.
2. Иванова А. А. Об использовании полиграфа в антикриминальной практике // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2016. — №4 (36). — С. 78-84.
3. Маховская А. А. Нетрадиционные методы, используемые при производстве допроса // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2015. — № 12-4. — С. 47-50.
4. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ [Электронный ресурс] — Режим доступа : http://crimestat.ru/offenses_map (14 апреля 2019).
5. Субботина М. В. Криминалистические проблемы расследования хищений чужого имущества : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук : 12.00.09 [Электронный ресурс] / М. В. Субботина. — Волгоград, 2004. — Режим доступа : <http://www.k-press.ru/bh/2003/2/subbotina/subbotina.asp> (14 апреля 2019).
6. Ушаков А. Ю., Беркович О. Е. Основные тенденции применения полиграфа при расследовании преступлений в России и за рубежом на современном этапе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2015. — № 1 (29). — С. 183-186.
7. Холодный Ю.И. Опрос с использованием полиграфа и компетенция полиграфолога // Вестник экономической безопасности. — 2009. — № 8. — С. 58-64.
8. Черкасова Е.С. Опрос с использованием полиграфа как криминалистический метод / Е. С. Черкасова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. — 2010. — Т. 6. — № 1. — С. 105-109.

Особенности исполнительного производства в России и в КНР: сравнительно-правовой анализ

© Д. В. Дулынов

магистрант юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: donirdulzynov@mail.ru

Статья посвящена выявлению особенностей в правоприменительной практике исполнительного производства в КНР и Российской Федерации при различных системах принудительного исполнения. Автором проводится сравнительный анализ принудительного исполнения, их специфика и правовая регламентация. Кратко обосновывается положительный и отрицательный опыты применения рассматриваемых систем принудительного исполнения на примере КНР.

Ключевые слова: исполнительное производство; принудительное исполнение КНР; Конституция КНР, принцип разделения власти, система исполнения судебных актов.

The article is devoted to the identification of features in the law enforcement practice of enforcement proceedings in China and the Russian Federation under various systems of enforcement. The author provides a comparative analysis of enforcement, their specificity and legal regulation, briefly substantiates the positive and negative experience of the use of these systems of enforcement on the example of China.

Key words: enforcement proceedings; compulsory enforcement of the PRC; the Constitution of the PRC, the principle of separation of powers, judicial enforcement system.

Вся система исполнительного производства в Российской Федерации основана на принципах, заложенных в Конституции Российской Федерации [1]. Одним из таких принципов является разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную. На основе этого конституционного принципа функция принудительного исполнения судебных решений и актов других органов возложена на Федеральную службу судебных приставов и Федеральную службу исполнения наказаний, которые являются структурными подразделениями Министерства юстиции — органа исполнительной ветви государственной власти [13, с. 115].

Место органов принудительного исполнения решений судов и актов других органов в системе органов государственной власти обуславливает особую систему источников (нормативных и ненормативных), регулирующих их деятельность. К таким источникам права относятся: специальные законы (Федеральный закон «Об исполнительном производстве» [9], Федеральный закон «О судебных приставах» [10], Гражданский процессуальный кодекс РФ [5], Уголовно-процессуальный кодекс РФ [6], Уголовно-исполнительный кодекс РФ [7]; Арбитражный процессуальный кодекс РФ [4], Кодекс РФ об административных правонарушениях [8], постановления Правительства РФ, методические рекомендации и письма Министерства юстиции; приказы Федеральной службы судебных приставов (далее — ФССП), Федеральной службы исполнения наказаний (далее — ФСИН); указы Президента РФ.

Специальными законами в РФ регламентируются непосредственно процедура исполнительного производства, а также полномочия судебных приставов в сфере принудительного исполнения [16, с. 145].

В Гражданский процессуальный кодекс РФ и Арбитражный процессуальный кодекс РФ включены положения, определяющие действия суда в части выдачи исполнительных документов, предъявления их к исполнению, приостановления, возобновления и прекращения исполнительного производства, отсрочки и рассрочки исполнения и т. п. Нормами гражданско-процессуального и арбитражно-процессуального законодательства исполнение судебных решений выделено в отдельное исполнительное производство [15, с. 3].

Уголовно-процессуальное законодательство разграничивает полномочия ФССП и ФСИН. Исполнительные листы о взыскании штрафов, назначенных в качестве уголовного наказания, выдаются на основании приговоров и предъявляются к исполнению в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом РФ и Федеральным законом «Об исполнительном производстве». Иные уголовные наказания приводятся в исполнение Федеральной службой исполнения наказаний, деятельность которой регламентируется Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации [14, с. 194].

В отношении постановлений по делам об административных правонарушениях установлено, что они приводятся в исполнение уполномоченными на то органами, должностными лицами в

порядке, установленном Кодексом РФ об административных правонарушениях, другими федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними постановлениями Правительства РФ.

В свою очередь, акты Правительства и Министерства юстиции носят разъяснительный, либо, рекомендательный характер. Положения данных актов раскрывают нормы федеральных законов, истолковывают их или вводят дополнительные положения. Указы Президента регламентируют некоторые аспекты деятельности ФССП и ФСИН. Приказы ФССП и ФСИН направлены на организацию основной деятельности по принудительному исполнению судебных актов и актов других органов на местах.

В Китайской Народной Республике (далее — КНР) органы принудительного исполнения, решений судов и иных органов занимают в системе государственных органов иное место. И это связано, прежде всего, с тем, что в Конституции КНР не закреплен принцип разделения власти на три ветви. Основным принципом организации государственной власти в КНР является принцип демократического централизма. Поэтому функции принудительного исполнения решений судов и иных органов возложены на судебных исполнителей, состоящих в штате Народных судов [13, с. 39].

Таким образом, в КНР сегодня действует система исполнения судебных актов и актов других, уполномоченных органов, которая была отчасти присуща Российской Федерации до проведения административной реформы.

Место органов принудительного исполнения решений судов и иных органов в системе органов государственной власти КНР, в свою очередь, обуславливает особенность правового регулирования деятельности судебных исполнителей. В отличие от РФ система китайского законодательства по вопросам принудительного исполнения судебных актов строится на минимальном количестве нормативно-правовых актов, в числе которых основными являются Гражданский процессуальный кодекс КНР — регламентирует исполнение судебных решений [17, с. 118]; Уголовно-процессуальный кодекс КНР — регламентирует исполнение приговоров [3]; Закон КНР «Об административных наказаниях» — регламентирует исполнение актов об административных правонарушениях [4].

Таким образом, можно отметить, что в РФ и КНР органы принудительного исполнения решений, судов и иных органов занимают разное положение в системе государственных органов, что определяет разную систему регулирования их деятельности.

В РФ сформирована более развернутая нормативная база, регулирующая принудительное исполнение судебных актов и актов других органов, что указывает на более глубокий, теоретический подход к данной проблеме. Эти особенности нужно учитывать в случае, если возникнет необходимость исполнения решений судов и иных органов, вынесенных на территории РФ.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.04.2019)
2. Гражданский процессуальный кодекс КНР [Электронный ресурс] // Сайт Консалтинговой группы «Окно в Китай». 2010. Режим доступа: URL: http://chinalawinfo.ru/procedural_law/law_civil_procedure
3. Уголовный процессуальный кодекс КНР [Электронный ресурс] // Сайт Консалтинговой группы «Окно в Китай». 2010. // URL: http://chinalawinfo.ru/procedural_law/law_criminal_procedure
4. Закон КНР «Об административных наказаниях» [Электронный ресурс] // Сайт Консалтинговой группы «Окно в Китай». 2010. URL: http://chinalawinfo.ru/administrative_law
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2018). Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.04.2019)
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 27.12.2018). Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.04.2019)
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 06.03.2019). Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.04.2019)
8. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019). Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.04.2019)
9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 18.03.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.03.2019)
10. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 27.12.2018). Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.04.2019)
11. Федеральный закон «О судебных приставах» от 21.07.1997 № 118-ФЗ (ред. от 01.01.2018). Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 03.04.2019)

12. Договор о правовой помощи по гражданским и уголовным делам между РФ и КНР (Пекин, 19 июня 1992 г.) [Электронный ресурс] // Сайт Консалтинговой группы «Окно в Китай». 2010. URL: <http://chinalawinfo.ru>
13. Ванина К.А. Исполнительное производство: российский и зарубежный опыт // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте.-2017. -№ 2 (11).- С. 38-40.
14. Гусева И.А. Федеральная служба судебных приставов в системе государственных органов РФ // Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение: сб. науч. тр. межд. науч.-практич. конф. (31 марта 2017).- С.-Пб.: СПУТУиЭ. — 2017.- С. 192-199.
15. Есина К.С. Служба судебных приставов как элемент системы государственного управления В Российской Федерации // Журнал исследований по управлению. — М.: Инфра-М. -2016. — Т. 2.- № 2. С. 3
16. Князева С.В. Сравнительный анализ исполнительного производства в России и зарубежных странах // INTERNATIONAL INNOVATION RESEARCH: сб. ст. межд. науч.-практич. конф. (12 января 2018г.). — Пенза: Наука и Просвещение.- 2018.- С. 71-75.
17. Сидоренко А.В. Организация исполнительного производства в зарубежных странах // Перспективы развития науки в современном мире: сб. ст. по мат-лам межд. науч.-практич. конф.(12 октября 2017г.). — Уфа: Дендра. — 2017.- С. 116-122.
18. Слепенко Ю.Н., Белокопытова Н.Ю., Вильгоненко И.М. Некоторые вопросы правового регулирования исполнительного производства: российский и зарубежный опыт // Основные тенденции и перспективы развития современного права: мат-лы межд. науч. конф.(19 апреля 2018г.). — М.: МГПУ.- 2018.- С. 143-146

Процессуальный порядок избрания меры пресечения в виде заключения под стражу на стадии предварительного следствия по российскому уголовно-процессуальному законодательству

© **О. А. Жигулина**

магистрант юридического факультета

ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: zhigulina_o@list.ru

В статье производится сравнительно-правовое исследование заключения под стражу как меры пресечения в КНР, МНР и РФ. Автор обозначает основные различия и характерные особенности в уголовно-процессуальном законодательстве этих стран. Особо отмечается необходимость соблюдения права на свободу и личную неприкосновенность человека. Формулируются выводы о возможностях совершенствования законодательства в обозначенной сфере.

Ключевые слова: меры пресечения, заключение под стражу, право на свободу и личную неприкосновенность, процессуальные сроки, КНР, МНР, сравнительный анализ.

The article makes a comparative legal study of imprisonment as a preventive measure in the PRC, Mongolia and the Russian Federation. The author identifies the main differences and characteristics in the criminal procedure legislation of these countries. The need to respect the right to liberty and security of person is emphasized. Conclusions about the possibilities of improving legislation in the designated area are formulated.

Key words: preventive measures, imprisonment, the right to liberty and security of person, procedural deadlines, PRC, MPR, comparative analysis.

Крупнейшие восточные цивилизации, к которым относятся китайская и монгольская являются предметом исследования многих видных ученых-правоведов на протяжении длительного периода времени. Китайская Народная Республика и Монгольская Народная Республика состоят в особых отношениях с Российской Федерацией, в связи с чем, взаимный обмен опытом соблюдения основных прав и свобод человека приобретает на сегодняшний день особую актуальность.

Сравнительный анализ мер пресечения в УПК РФ, УПК КНР и УПК МНР позволяет автору сделать вывод о том, что во всех трех случаях заключение под стражу является самой строгой мерой уголовно- процессуального принуждения. Отличие от иных мер пресечения, которые предусматриваются в законодательстве РФ, КНР и МНР, состоит в том, что заключение под стражу сопровождается изоляцией подозреваемого (обвиняемого) и содержанием его в условиях заключения под стражу в течение документально определенного уполномоченным лицом срока в специализированном изоляторе до вынесения итогового процессуального решения по уголовному делу. Такая изоляция подразумевает ущемление основного права человека — права на свободу. В этой связи, следует сначала

остановиться на конституционном понимании данного права в основных законах вышеуказанных стран.

Следует отметить тот факт, что степень соответствия международно-правовым актам права на свободу и личную неприкосновенность в конституциях КНР [3, с. 234], МНР [4] и РФ различна. В Конституциях КНР и МНР право на свободу и личную неприкосновенность подразумевает: запрещение произвольного ареста, заключения под стражу; запрет на незаконный обыск граждан; запрещение пыток, унижающего человеческого достоинство обращения и наказания. Личная жизнь граждан, их семья, тайна переписки и жилище охраняются законом. Кроме того, в Конституции МНР прямо закреплена обязанность государства о сообщении о причинах и основаниях ареста самому арестованному, членам его семьи и адвокату.

В Конституции РФ в право на свободу и личную неприкосновенность законодателем включается запрет ареста, заключения и содержания под стражей не иначе как по судебному решению. При этом, задержание лица на срок свыше 48 часов до судебного решения невозможно.

Следует отметить, что все элементы вышеуказанного права закреплены во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г.

В Конституциях КНР и МНР не содержится прямого указания о судебном решении, необходимом для заключения под стражу, и на «разумный» срок задержания до судебного решения — 48 часов. Подобные нормы закрепляются в УПК КНР и МНР. Конституция РФ 1993 г. закрепила аналогичные положения с момента ее принятия. При этом, до момента приведения уголовно-процессуального законодательства в соответствие с Конституцией РФ, прежний порядок применения мер процессуального принуждения, связанных с нарушением права на свободу, должен быть сохранен. Оба подхода имеют как достоинства, так и недостатки. В Монголии удалось избежать противоречий между УПК и Конституцией, однако, с другой стороны, нет никаких препятствий к изменению уголовно-процессуального законодательства: к возвращению к прокурорскому санкционированию ареста, к увеличению срока задержания до судебного решения и т. д., что будет являться шагом назад, отходом от достижений в приближении к международным стандартам в области прав человека. В России несоответствие между Конституцией и УПК растянулось почти на десятилетие, однако в настоящее время изменения УПК в этой части невозможны.

Уголовно-процессуальное законодательство КНР предусматривает следующие обстоятельства, при которых возможно применение меры пресечения в виде заключения под стражу [5]:

- 1) в отношении подозреваемого имеются достаточные доказательства, позволяющие установить факт преступления и его вину;
- 2) за совершенное преступление предусмотрено наказание в виде лишения свободы;
- 3) принятие иных мер пресечения, таких, как залог до суда, наблюдение по месту жительства, признано недостаточным для предотвращения возникновения общественной опасности преступления и имеется объективная необходимость в задержании лица, подозреваемого в его совершении [7, с. 333].

В соответствии со ст. 68.1 если подозреваемый, обвиняемый или иное лицо, обвиняемое в преступлениях, указанных в УК МНР, неоднократно обвинялось в повторных преступлениях, он или она должны быть наказаны за повторные преступления, если для предотвращения обстоятельств дела не установлено сведений о его желании скрыться от следствия или суда. Кроме того, в ст. 68.2 УПК МНР существуют и иные основания для избрания данной меры пресечения даже в случае подозрения в менее тяжком преступлении. К таким основаниям законодатель относит: нарушение ранее примененных мер процессуального принуждения; если поведение подозреваемого (обвиняемого) свидетельствует о его намерении скрыться от органов предварительного расследования или суда либо совершить другое преступление [6].

Говоря об отечественном уголовно-процессуальном законодательстве, отметим, что ч. 1 ст. 108 УПК РФ позволяет применение заключения под стражу в отношении подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, за которые предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок свыше трех лет, если применение более мягких мер процессуального принуждения невозможно. УПК РФ содержит и исключения из приведенного правила, которые касаются случаев, когда: 1) лицо, подозреваемое или обвиняемое в совершении преступления не имеет постоянного места жительства; 2) личность этого лица не установлена; 3) установлен факт нарушения им ранее избранной меры пресечения; 4) поведение данного лица свидетельствует о его намерении скрыться от органов предварительного расследования и суда, а также совершить иное преступление. Аналогичного исключения в статье 61 УПК КНР не предусматривается.

Следующее существенное отличие в процессуальном порядке избрания исследуемой меры пресечения состоит в том, что вопрос о ее избрании по УПК РФ, как и по УПК МНР решается судом, в то время, как в ст. 59 УПК КНР предусматривает, что она может быть избрана также по решению должностных лиц прокуратуры [7].

Срок содержания под стражей при расследовании преступлений, исходя из положений ст. 124, 126–127 УПК КНР, не должен превышать два месяца. Если в указанный срок завершение предварительного расследования невозможно, он может быть продлен еще на один месяц. Дальнейшее продление сроков — до пяти месяцев включительно осуществляется областной прокуратурой, если расследование уголовного дела представляет особую сложность, или имеются признаки его совершения преступным сообществом. Срок содержания под стражей свыше пяти месяцев может продлеваться только в отношении подозреваемых в совершении преступлений, за которые предусмотрено наказание свыше десяти лет лишения свободы по УК КНР, то есть за совершение преступлений, аналогичных категории особо тяжких преступлений по УК РФ (ч. 5 ст. 15) и только по инициативе областной прокуратуры на 2 месяца.

В соответствии со ст. 69.2 УПК МНР сроки содержания под стражей составляют 2 месяца и могут продлеваться в соответствии с его ст. 69.3 в суде до 30 дней. При этом, общая продолжительность содержания под стражей для преступлений средней тяжести не должна превышать 4 месяцев; 12 месяцев — для тяжких и 24 месяца — для особо тяжких.

В случае невозможности завершить расследование по уголовному делу в двухмесячный срок, он может продлеваться до 6 месяцев. В дальнейшем продление срока исследуемой меры пресечения допускается только по тяжким (особо тяжким) преступлениям в случае особой сложности до 12 месяцев. Свыше данного срока, из смысла ч. 3 ст. 109 УПК РФ срок исследуемой меры пресечения может продлеваться только в исключительных случаях в отношении обвиняемого в совершении особо тяжкого преступления.

Что касается ограничений по кругу лиц, в отношении которых может быть избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, ст. 60 УПК КНР содержит ограничительную норму, согласно которой заключение под стражу не может избираться в отношении подозреваемого и обвиняемого в случаях, когда они страдают тяжелой болезнью, ими являются беременные и кормящие грудью женщины.

Аналогичные положения содержатся в ст. 68.9 УПК Монголии, устанавливающей ограничение об избрании исследуемой меры пресечения в отношении тяжелобольных, беременных и кормящих женщин, подозреваемых в легких преступлениях, при этом не должно иметься оснований, указанных в его статье 68.2.

Таким образом, представляется не совсем правильным принятие решения об избрании и продлении срока заключения под стражу органами прокуратуры, закрепленное в законодательстве КНР. Как было сказано выше, заключение под стражу — самая строгая мера процессуального принуждения, поэтому, отдавать такое решение может приниматься только судом, а не прокурором, который является участником уголовного процесса со стороны обвинения [8, с. 85].

По нашему мнению, момент начала периода содержания под стражей имеет существенное процессуальное значение, а день фактического задержания подозреваемого необходимо учитывать при дальнейшем избрании меры пресечения. В этой связи, по нашему мнению, в УПК МНР имеется пробел, который связан с правовой неопределенностью начала периода заключения под стражу, при которой день фактического задержания не учитывается, а срок заключения под стражу исчисляется с момента информирования подозреваемого о его задержании соответствующим протоколом.

В данной статье мы попытались акцентировать внимание на наиболее существенных отличиях такого института как заключение под стражу в правовых системах КНР, МНР и РФ, не умаляя достоинства различной правовой регламентации порядка избрания указанной меры пресечения. Анализ особенностей заключения под стражу в разных странах позволяет по-другому взглянуть на данную меру уголовно-процессуального принуждения и предопределяет пути дальнейшего совершенствования национальных правовых систем в целях защиты прав лиц, на которых могут быть незаконно распространены негативные последствия применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Литература

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс Проф» 2018.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 12.11.2018) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс Проф» 2018.
3. Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток.- М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. С. 224 — 258.
4. Конституция Монгольской Народной Республики от 13.01.1992 (с изм. и доп. от 14.12.2000) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс Проф» 2018.
5. Уголовно-процессуальный кодекс КНР 11.01.2016 [Электронный ресурс] // Доступ: <http://ru.china-embassy.org/rus/zfhz/zgflyd/t1330729.htm> (Дата обращения — 27.12.2018).
6. Уголовно-процессуальный кодекс Монголии (ЭРҮҮГИЙН БАЙЦААН ШИЙТГЭХ ХУУЛЬ) [Электронный ресурс] // Доступ: <https://www.legalinfo.mn/law/details/1144> (перевод с монгольского автоматический).
7. Фан Уэйлян. Новый комментарий к УПК КНР. Б. м.: Дон сина, 2000. ч. 1. С. 333–334 (на кит. яз.).
8. Ендольцева Ю.В., Козлова А.А. Процедура принятия судом решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу: перспективы совершенствования // Вестник Московского университета МВД России. — 2017. — № 1. — С. 84-88.
9. Комментарии к УПК Монголии / Под ред. Г. Баясгалан, С. Жанцан, Ж. Бямбаа и др. — Улан-Батор, 2003.
10. Юань И Заключение под стражу по УПК КНР // Правоведение. — 2004.

Проблемы прокурорского надзора на предварительном следствии: сравнительно-правовой анализ законодательства России и Зарубежных стран

© А. О. Иванова

ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: Aida.ivanova95@yandex.ru

В данной статье исследуются проблемные аспекты прокурорского надзора на предварительном следствии. Проводится сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и зарубежных стран в области регулирования прокурорского надзора на предварительном следствии. Предлагаются меры по совершенствованию законодательства, регулирующего прокурорский надзор на предварительном следствии.

Ключевые слова: прокурор, прокурорский надзор, предварительное следствие.

This article explores the problematic aspects of prosecutorial oversight during the preliminary investigation. A comparative legal analysis of the legislation of the Russian Federation and foreign countries in the field of regulating prosecution supervision during the preliminary investigation. Proposed measures to improve the legislation governing the prosecutor's supervision during the preliminary investigation.

Keywords: prosecutor, Prosecutor's supervision, preliminary investigation.

Прокурорский надзор является наиболее действенным и эффективным механизмом обеспечения законности, соблюдения прав и свобод человека, а органы прокуратуры, на которые возложены настоящие функции, на протяжении долгих лет являются системообразующим звеном в обеспечении соблюдения законности в различных сферах правового регулирования. Важность и неотъемлемость осуществления данных функций не вызывает сомнений.

Проблемой для обсуждения является надзор за предварительным следствием как одной из наиболее важных стадий уголовного судопроизводства. И дискуссионность вызвана в большей мере начавшимся несколько лет назад процессом сокращения полномочий надзорного органа.

В ходе реформы уголовно-процессуального законодательства прокурор был лишен права возбуждения уголовного дела; в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор имеет право лишь вынести мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных нарушений уголовного законодательства. На практике нередки случаи отказов следователей в возбуждении уголовного дела по мотивированному постановлению прокурора. Соответственно, органы прокуратуры, надзирающие за соблюдением законности, практически лишены реальных и действенных мер прокурорского реагирования [4].

Еще одним ярким примером ограничения процессуального статуса прокурора на предварительном следствии являются положения ч. 3 ст. 108 УПК РФ, согласно которым возбуждение ходатайства перед судом об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу осуществляется следователем с согласия руководителя следственного органа, а дознавателем — с согласия прокурора. Таким

образом, прокурор не принимает никакого участия в избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, инициированного следователем.

Практика указывает на случаи конфронтации прокурора и следователя по вопросам возбуждения уголовного дела. Как справедливо отмечает В. Божьев, прокурор, следователь, руководитель следственного органа представляют в уголовном процессе одну сторону — сторону обвинения, их действия должны быть направлены не на продвижение собственных, служебных, ведомственных интересов, а на защиту прав граждан и соблюдение законности в целом [1].

Действительно, у органов прокуратуры и следствия, учитывая различия статуса и роли в уголовном процессе, различны также и целевые установки, но это обстоятельство само по себе не является условием противостояния прокурора и следователя в силу наличия единой и общей цели — обеспечение законности на стадии предварительного расследования.

Один из дискуссионных аспектов — возможность прокурора направлять в следственный орган требование об устранении нарушений федерального законодательства в стадии возбуждения уголовного дела. В силу п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ данный участник судопроизводства уполномочен проверять исполнение положений федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях. В то же время форма реагирования прокурора на выявленные им на данном этапе нарушения напрямую УПК РФ не предусмотрена. Обнаружив отступления от предписаний закона при вынесении итогового решения — постановления о возбуждении уголовного дела либо об отказе в его возбуждении, прокурор вправе его отменить. Однако не регламентировано, каким образом ему следует поступать при установлении нарушений, допущенных непосредственно в ходе проверки сообщения о преступлении. Отрицание в целом такой возможности делало бы реализацию соответствующего полномочия бессмысленным. В случае наличия пробела в уголовно-процессуальном законодательстве допустимо его применение по аналогии. В рамках сходных правоотношений, возникающих в ходе предварительного следствия, прокурор направляет требование об устранении нарушений федерального законодательства (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Осуществление данного полномочия в стадии возбуждения уголовного дела не вступает в противоречие с принципами уголовного процесса и позволяет надзорному органу выполнить возложенную на него функцию. Косвенным подтверждением правомерности такого подхода служат и положения ч. 4 ст. 39 УПК РФ, в которой говорится об «устранении иных нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе досудебного производства», которое начинается с момента получения сообщения о преступлении (п. 9 ст. 5 УПК РФ). В связи с этим практика направления таких требований, распространенная в целом в Российской Федерации, представляется соответствующей УПК РФ.

Вместе с тем реагирование прокурора на нарушения, допущенные следователем или руководителем следственного органа, должно осуществляться в строго установленных формах, подмена или дублирование которых недопустимы. Однако в правоприменении прокуроры зачастую, признавая постановление об отказе в возбуждении уголовного дела (его приостановлении или прекращении) незаконным и необоснованным, дополнительно составляют требование об устранении нарушений федерального законодательства, содержащее аналогичные доводы, что и акт об отмене. Исходя из смысла пп. 3, 5.1 ч. 2, ч. 6 ст. 37, ч. 3 ст. 38, ч. 4 ст. 39 УПК РФ соответствующее требование направляется в тех случаях, когда прокурор не вправе отменить постановление указанных субъектов процесса либо вынесение такого постановления в принципе не предусмотрено. В свою очередь решение об отмене в силу ч. 4 ст. 146, ч. 6 ст. 148, ч. 1.1 ст. 211, ч. 1 ст. 214 УПК РФ в любом случае должно быть мотивированным. Составление в такой ситуации рассматриваемого требования, содержащего идентичные аргументы, представляется искусственной реализацией предоставленных уголовно-процессуальным законом полномочий [2]. С учетом возникающих на практике разногласий дополнительно следует отметить, что указание в данном документе на необходимость привлечения к дисциплинарной ответственности сотрудников СК России не влечет правовых последствий и не предполагает совершения ответных действий со стороны представителей следствия, поскольку этот вопрос находится вне сферы уголовно-процессуальных отношений.

Надзорные полномочия прокурора, как уже было сказано ранее, являются широко дискуссионной темой. Некоторые авторы полагают, что с созданием Следственного комитета РФ от надзорных полномочий прокурора на предварительном следствии ничего не осталось, и именно руководитель следственного органа стал процессуальным руководителем следователя, заменив на этом поприще прокурора. Последний же сохранил отдельные полномочия применительно к решению вопроса о возбуждении уголовного дела; кроме того, следователь не может обойтись без прокурора при принятии решения о передаче материалов дела в суд с обвинительным заключением. На стадии дознания, наоборот, за прокурором закреплены полномочия в полном объеме, и, соответственно, он является процес-

суальным руководителем органа дознания. Осуществляя надзор за процессуальной деятельностью органов дознания, прокурор законодателем ни в чем не ограничен, а на предварительном следствии приходится сталкиваться с серьезными законодательными барьерами.

В связи с актуальностью исследуемого вопроса на сегодняшний день, особый интерес вызывает сравнение законодательного закрепления функций прокурора на стадии предварительного следствия в зарубежных странах.

Стоит отметить, что в некоторых странах, таких как Франция, Италия, следствие организационно полностью отделено от прокуратуры. Вместе с тем прокуратура обладает обширными полномочиями по контролю (надзору) за следствием и даже прямому руководству им. В этой связи интересным на наш взгляд является исследование особенностей деятельности органов прокуратуры в таких странах как Франция, Италия и др.

Так, во Франции следователь это — полноправный представитель судебной власти следственный судья. Соответственно, взаимоотношение прокурора со следственными судьями определяется общими принципами взаимоотношения прокуроров с судебной властью: к судебной власти можно лишь обращаться с просьбами (ходатайствами). Из этого следует, что по сравнению с отечественным законодательством, функции прокурора на стадии предварительного следствия во Франции намного уже [3].

В странах англо-американской системы права не существует прямого аналога органам прокуратуры. Наиболее схожи по функциям должностные лица, обвинительных служб данных государств.

Например, в США в ходе полицейского расследования полиция полностью отделена от прокурора и действует автономно. Иначе говоря, прокурор не осуществляет надзор за полицией, выступая лишь «фильтром» между полицией и судом.

В Италии обязанность прокуратуры осуществлять уголовное преследование установлена конституционно. В Италии прокуроры осуществляют достаточно жесткий надзор за органами предварительного следствия, его задача обеспечение процессуального руководства следствием.

Анализируя полномочия прокуроров на досудебных стадиях в уголовном процессе Германии, Франции, Италии, то стоит отметить, что в настоящее время эта функция (процессуального руководства) прокурора получила весьма широкое распространение.

На основании изложенного, можно прийти к выводу о необходимости внесения изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ расширить полномочия прокурора по осуществлению функции уголовного преследования в досудебных стадиях, а именно вернуть прокурору право возбуждения уголовных дел в отношении специальных субъектов.

Литература

1. Божьев В.П. Процессуальное руководство производством предварительного следствия // Уголовное право. — 2008. — № 3. — С. 65.
2. Курилова Е.В., Васюков В.Ф. Производство предварительной проверки по сообщению о преступлении в случае наступления смерти её участников // Законность. — 2015. — № 6 (968). — С. 32–35.
3. Панфилова Е.А. Прокурорский надзор за предварительным следствием: сравнительно-правовой анализ практики зарубежных стран // Символ науки. — 2016. — № 11-4 (23). — С. 178-183.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 18.04.2018) // Российская газета. — 2001. — 22 декабря; Российская газета. — 2018. — 20 апреля.

Криминалистическая методика расследования дорожно-транспортных происшествий в РФ и КНР

© С. Г. Карпов

студент 4-го курса

ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: sayan.karpov.97@mail.ru

В данной статье будет исследована проблема расследования дорожно-транспортных происшествий. Будет произведено сравнение методики расследования дорожно-транспортных происшествий в России и Китае. А также будут освещены проблемы, с которыми можно встретиться при расследовании ДТП в обеих странах.

Ключевые слова: Правила дорожного движения, методика расследования ДТП

This article will explore the problem of the investigation of road accidents. A comparison will be made of the methodology for investigating traffic accidents in Russia and China. It will also highlight the problems that can be encountered in the investigation of accidents in both countries.

Key words: Highway code, traffic accident investigation technique.

На сегодняшний день безопасность дорожного движения как никогда актуальна т. к. число жертв с каждым днем, к сожалению, увеличивается. На это имеется очень много причин: рост числа водителей как опытных, так и нет, увеличение количества дорожно-транспортных происшествий по различным причинам, сложность расследования дорожно-транспортных происшествий. А именно субъективная сторона преступления, потому что сложно определить умышленно ли лицо, управляющее транспортным средством, совершило, к примеру, наезд на пешехода или же в результате неисправности транспорта.

Для начала хочется сравнить понятие дорожно-транспортного происшествия в России и Китае. Согласно п. 1.2 правил дорожного движения РФ, событие, возникшее в процессе движения по дороге транспортного средства и с его участием, при котором погибли или ранены люди, повреждены транспортные средства, сооружения, грузы либо причинен иной материальный ущерб [1; п. 1.2].

В законе КНР «О мерах дорожной безопасности» имеется свое определение — это ситуации, когда, в результате ошибки, небрежности или стечения обстоятельств имеют место происшествия с участием транспорта, приводящие к ущербу для здоровья людей или их собственности [2; п. 5 ст. 119].

Следует отметить, что определения отличаются и то, что дано в ПДД РФ является более исчерпывающим, потому что в нем уделено внимание не только на повреждения людей и их собственности, но и сооружениям, грузам.

Понятие дорожно-транспортного происшествия очень важно для наиболее полного рассмотрения проблемы методики расследования ДТП.

Отдельно стоит упомянуть, что и в РФ, и в Китае существуют различные виды ДТП в зависимости от участников дорожного движения, например, наезд на пешехода, наезд на велосипедиста, столкновение транспортных средств и т.д. Это несет в себе важное практическое значение т.к. существуют различные сценарии действий для определенных видов ДТП.

В России расследование ДТП очень подробно регламентировано. Оно традиционно начинается с первоначального этапа, а именно с осмотра места происшествия. Опрашиваются свидетели и очевидцы, выясняются их анкетные данные, а также место, с которого им удалось лицезреть ДТП. Им задаются вопросы о положении транспорта и препятствий на дороге, может быть предложение нарисовать схему ДТП для наглядности. Допрашиваются участники ДТП, а именно то, как они отреагировали на возникшую опасность: пытались ли совершить маневр, для того, чтобы избежать столкновения, была ли предпринята попытка экстренного торможения и т.п.

В случае участия пешехода в ДТП выясняется его место на дороге и в направлении его движения, на каком участке дороги произошел наезд или столкновение транспорта и потерпевшего. Очевидцы могут не только рассказать, но и показать, что и где происходило.

У свидетелей, которым удалось обнаружить следы происшествия, узнается маршрут их движения, что было видно на момент происшествия, возможно, узнать поведение участников ДТП.

Если пешеход погиб при ДТП проводится осмотр трупа. Должны быть зафиксированы его поза, степень поврежденности одежды, расположение относительно транспорта, следов и других элементов обстановки происшествия. На одежде и кожной поверхности трупа следует искать частицы краски, лака, отпечатки бампера и протектора. Если будут обнаружены нехарактерные для ДТП повреждения, то необходимо выяснить причину их образования вследствие данного события.

Ещё одним очень важным элементом осмотра места происшествия является исследование самого транспорта. Часто возникает необходимость привлечения специалиста-автотехника из-за особенностей транспорта. Во время осмотра транспорта нужно найти и зафиксировать все видимые повреждения, причем как при первичном контакте машины с препятствием, так и следующим ударом, а также повреждения, которые возникли не от удара, а повреждением деталей или частей машины. В ходе осмотра точно определяется деталь, подвергшаяся повреждению. При осмотре повреждений на транспорте выясняется алгоритм повреждений и разрушений частей и деталей в результате происшествия. Сначала устанавливается, какая часть машины первой была деформирована или разрушена, а затем выясняется и сама последовательность разрушения. В процессе осмотра нужно точно определить и зафиксировать, в каком месте оказались детали и части машины, как они располагались, провести вычисление расстояния между этими частями.

В Китае же данная методика кратко описана в главе 5 Закона КНР «О мерах дорожной безопасности». В нем виды ДТП также подразделяются на виды в зависимости от участников дорожного движения и с учетом жертв ДТП.

Регламентируется подробный алгоритм действий как участников самого дорожно-транспортного происшествия, так и свидетелей и дорожной полиции.

Однако этот алгоритм несколько отличается от российской методики. В этом законе говорится, что после того как транспортный отдел органов государственной безопасности получил сообщение о произошедшем ДТП, должен незамедлительно направить дорожную полицию на место происшествия. В данной ситуации изменены приоритеты дорожной полиции, прежде всего она должна начать оказывать помощь пострадавшим, а также предпринять меры по скорейшему возможному восстановлению движения транспорта [3; ст. 72]. Только после этого дорожная полиция производит осмотр места происшествия и собирает улики и свидетельства.

В данном случае по сравнению с методикой расследования России более четко установлен перечень необходимых действий. Одно только это упоминание, непосредственно в самом нормативно-правовом акте, свидетельствует о том, что законодатель уделил больше внимания данной проблеме. Также следует упомянуть, что в российской криминалистике методика расследования — это один из разделов криминалистики и какие-то конкретные инструкции по определенному виду преступления можно найти в доктрине, а в основном они вырабатываются только практическим путем.

В плане технической экспертизы транспортного средства методики похожи друг на друга. Она проводится для полного рассмотрения повреждений, в случае если необходима более профессиональная оценка, транспортный отдел органов государственной безопасности должен поручить проведение оценки специальному учреждению [4, ст. 72].

Немного отличаются и некоторые процессуальные аспекты. Так, в Китае транспортный отдел, на основе уже произведенных следственных мероприятий и результатах заключений проверки и оценки, незамедлительно дает письменное подтверждение о ДТП. В этом подтверждении ДТП должны быть изложены основные факты и причины, а также ответственность сторон, и письменное подтверждение должно быть выдано сторонам. В РФ же показания даются участниками и свидетелями, что заносится в протокол осмотра места происшествия или протокол допроса, что также прикладывается к материалам дела. Здесь видны параллели между подтверждением ДТП и протоколом осмотра.

Еще одна интересная особенность методики заключается в том, что именно законом КНР «О мерах дорожной безопасности» регулируются те вещи, которые в российском процессе опираются на презумпцию добросовестности участников и свидетелей ДТП. В Китае обязательным условием для дорожной полиции предусмотрен вызов скорой помощи, оказание помощи пострадавшим, восстановление дорожного движения после ДТП и др. Это говорит о том, что в Китае и России по-разному расставлены приоритеты в методике расследования. Если в России вообще нет отдельных законов, регулирующих данный раздел криминалистики, то в Китае имеются отдельные упоминания, которые обязывают полицию совершить те или иные действия.

Литература

1. Джалавян В. В. Криминалистическая методика расследования дорожно-транспортных преступлений [Текст] // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). — Казань: Бук, 2016. — С. 262-265.
2. Закон КНР «О мерах дорожной безопасности» от 01.05.2004 [Электронный ресурс] // URL: asia-business.ru/law/law3/safety/#4
3. Зуев П.М. «Методика расследования дорожно-транспортных происшествий». Учеб. пособие. — М., 1990. — 56 с.
4. Коровин Н.К. «Методика расследования отдельных видов преступлений». Учеб. пособие. — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2009. — 80 с.
5. Постановление Правительства РФ «О Правилах дорожного движения» от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 04.12.2018) [Электронный ресурс]//URL: www.consultant.ru

Регламентация права защитника собирать и представлять доказательства в уголовном судопроизводстве по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан: сравнительно-правовой аспект

© Н. Р. Крыгина

доцент кафедры уголовного процесса,
правосудия и прокурорского надзора НИ Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева
Россия, г. Саранск
E-mail: natalya.mukhudinova@yandex.ru

© В. Н. Нарядчиков

аспирант кафедры уголовного процесса,
правосудия и прокурорского надзора НИ Мордовского
государственного университета им. Н. П. Огарева
Россия, г. Саранск
E-mail: olodimer@mail.ru

В статье на основе сравнительно-правового анализа уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан рассматривается нормативно-правовое регулирование права защитника собирать и представлять доказательства в уголовном судопроизводстве. Анализируется суть и содержание процессуального права защитника собирать и представлять доказательства при производстве по уголовному делу, процессуальный порядок его реализации и гарантии обеспечения.

Ключевые слова: защитник, право собирать доказательства, ходатайство.

In the article, on the basis of a comparative legal analysis of the criminal procedure legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan, the legal regulation of the right of a defender to collect and present evidence in criminal proceedings is reviewed. The essence and content of the procedural right of a defender to collect and present evidence during criminal proceedings, the procedural order of its implementation and the guarantee of security are analyzed.

Key words: defender, the right to collect evidence, the petition.

Указанные в заглавии настоящей статьи государства ранее являлись союзными республиками в составе СССР. И хоть имели собственные УПК, все же находились в одной правовой системе и формировались на общих началах [1]. Вследствие этого действующее законодательство данных стран по-прежнему имеет общие черты. В тоже время их самостоятельное развитие в качестве суверенных государств на протяжении почти трех десятков лет в силу территориальных, экономических, культурных и иных факторов предопределило различия в процессуальном законодательстве. Решающее значение в настоящее время уделяется защите прав и свобод участников уголовно-процессуального спора. Соблюдение прав участников уголовного судопроизводства, главным образом лиц, подпавших в сферу уголовного преследования, невозможно без права на защиту. В сфере уголовной юстиции советской эпохи преобладали черты розыскного процесса, где стороне защиты предоставлялись слабые процессуальные возможности, в том числе и в сфере возможности собирания доказательств. Поэтому нам представляется важным произвести сравнительно-правовой анализ по законодательству РФ и Республики Казахстан, принявшей не так давно новый УПК, с целью соотнести правовые возможности по сбору доказательств стороной защиты по уголовным делам.

Ч. 3 ст. 86 УПК РФ предоставляет защитнику право собирать доказательства такими способами как: «1) получения предметов, документов и иных сведений; 2) опроса лиц с их согласия; 3) истребования справок, характеристик, иных документов...» [4].

Но законодатель не регламентировал порядок производства данных действий, права и обязанности их участников, порядок закрепления их результатов и представления властным субъектам при производстве по делу.

Законодатель указал, что защитник имеет право собирать именно доказательства, в чистом виде. Однако на практике данное положение не реализуется, поскольку сведения, предметы, документы защитник представляет органам предварительного расследования или суду, которые в свою очередь решают, приобщать данные материалы к уголовному делу или нет. В силу чего у защитника образуется зависимость от властно-публичных участников уголовного судопроизводства. В научной среде по этому вопросу сложилось две основные позиции. Одни авторы считают, что защитник в принципе не собирает доказательства, а собирает лишь сведения, предметы, документы, которые не отвечают требованиям допустимости, предъявляемым к доказательствам, и которым может быть придан статус доказательств только уполномоченными участниками уголовного судопроизводства [6, с. 50–51].

Другие же авторы наоборот, считают, что законодатель намеренно указал такую формулировку. И данное положение, по их мнению, следует развивать в законодательстве, предоставляя право защитнику независимо от позиции властных субъектов приобщать к материалам дела свои доказательства [8, с. 7].

Исходя из ч. 3 ст. 122 УПК Республики Казахстан [3] можно выделить следующие способы собирания защитником сведений, необходимые для защиты интересов подзащитного:

1) запрос справок, характеристик, иных сведений от лиц, обязанных направить защитнику запрошенные им документы или их заверенные копии. Причем следует отметить, что установлен короткий срок в десять суток для исполнения запроса защитника, что, безусловно, отвечает интересам защиты в уголовном процессе.

Более того, при решении вопроса о применении меры пресечения в виде содержания под стражей, истребованные материалы представляются защитнику в срок, не позднее двадцати четырех часов;

2) производство на договорной основе судебной экспертизы;

3) направление запроса в экспертное учреждение о проведении на договорной основе соответствующей экспертизы;

4) привлечение на договорной основе специалиста;

5) опрос с их согласия лиц, потенциально обладающих информацией, имеющей отношение к уголовному делу.

Ход и результаты опроса оформляются в письменном виде либо на электронном носителе, которые по ходатайству защитника могут быть приобщены к уголовному делу и в результате этого приобретают статус доказательств.

Здесь законодатель не заявляет, что защитник собирает именно доказательства, а указывает на «сведения», получаемые защитником. И как видно из п. 5 ч. 3 указанной статьи, материалы, которые представляет защитник, также становятся доказательствами только после соответствующих действий должностных лиц. Однако, хотелось бы акцентировать положительные моменты. Большим достижением считаем установление десятидневного срока для дачи сведений защитнику по его ранее направленному запросу. Защитником, исходя из ст. 66 УПК РК, как и по УПК РФ, главным образом выступают адвокаты. Более того весьма положительным считаем установление отдельно срока в двадцать четыре часа для представления сведений по запросу защитника, необходимые ему при участии в судебном заседании, при санкционировании меры пресечения в виде содержания под стражу. УПК РФ вообще не содержит указаний на срок исполнения запроса защитника. А согласно отечественному законодательству, регламентирующему адвокатскую деятельность [5], срок исполнения адвокатского запроса составляет тридцать дней. Положительным является прямое закрепление права получения экспертного заключения и привлечения специалиста на договорной основе.

Большим достижением действующего УПК РК считаем введение фигуры следственного судьи. Так, согласно ст. 70 УПК РК, защитник вправе направить ходатайство следственному судье с просьбой истребовать те или иные сведения, документы, предметы, необходимых для защиты доверителя, когда имеет место отказ в исполнении запроса либо непринятия решения по нему в течение трех суток. Представляется, что эффективность исполнения запросов судебных органов гораздо больше, чем запросов адвокатов-защитников.

Также защитник имеет возможность заявить ходатайство следственному судье о назначении и производстве экспертизы либо инициировать производство органом расследования конкретного следственного действия, результаты которого потенциально выгодны защите. В том числе и в случаях, когда органом расследования в удовлетворении подобного ходатайства было отказано по необоснованным, несостоятельным основаниям и доводам [7, с. 295] либо по такому ходатайству не было принято решение в установленный законом срок в трое суток.

Более того, возможно ходатайствовать защитнику следственному судье о принудительном приходе в орган предварительного расследования ранее опрошенного им лица, обеспечение явки которого для дачи показаний на допросе представляется затруднительным для защитника.

Это очень актуально. Поскольку в отечественном законодательстве такого механизма нет. Даже в ходе судебного производства, судами часто со ссылкой на ч. 4 ст. 271 УПК РФ отказывается стороне защиты в принятии мер по явке свидетелей в суд, о допросе которых ходатайствует защита. Как правило, указывается такой довод, что из положения ч. 4 ст. 271 УПК РФ вытекает, что сторона сама должна обеспечить явку свидетеля или специалиста, о допросе которого она ходатайствует. И уж тем более нет возможности у защиты в российском уголовном процессе как-то обеспечить явку лица для допроса органами предварительного расследования, если те намеренно не желают принять меры по его явке.

Таким образом, по УПК РК, если органом следствия необоснованно отказано защитнику в удовлетворении ходатайства об истребовании каких-либо материалов, назначении и производстве экспертизы или производстве иного следственного действия, результаты которых могут благоприятствовать стороне защиты, защитник вправе обжаловать данные действия, решения следственному судье в порядке контрольного досудебного производства. А позиция Верховного Суда РФ исходит из того, что не могут быть обжалованы в порядке досудебного производства решения об отказе следователя, дознавателя в проведении процессуальных действий по собиранию и проверке доказательств. Таким образом, правовые возможности защитника по собиранию доказательств в данной области по УПК РК обеспечены в большей мере.

Другой значимой новеллой УПК РК является введение механизма депонирования следственным судьей в ходе досудебного производства показаний таких участников процесса как свидетеля или потерпевшего. Так, определенные участники процесса, в том числе и защитник, могут ходатайствовать следственному судье в ходе досудебного производства о допросе самим следственным судьей свидетелей и потерпевших. Таким образом, по инициативе защиты в обход органов расследования будет получено доказательство, обладающее всеми свойствами допустимости и которое, представляется, в обязательном порядке будет приобщено к материалам уголовного дела. Это наиболее актуально, когда лицо, ведущее производство по делу, отказывает защите в удовлетворении ходатайств о допросе данных участников процесса.

Таким образом, можно подытожить, что в целом в уголовно-процессуальном законодательстве вышерассмотренных стран, защитник все же состоит в некоторой зависимости от органов расследования и суда в вопросе собирания доказательств. Одновременно следует признать, что законодатели обеих стран постепенно пытаются расширить возможности защиты в данной сфере. Больших успехов на данный момент наблюдается в УПК РК, пусть хоть и не глубоко, ни детально, но регламентировавшего некоторые способы, средства собирания по уголовному делу защитником. Кроме того, только положительно можно охарактеризовать ввод такого участника уголовного производства, как следственного судью, которого еще не знает российское уголовное судопроизводство. Механизм, позволяющий обжаловать действия лица, ответственного за расследование уголовного дела, неудовлетворяющего ходатайства защиты о производстве следственных действий, а также возможность депонировать доказательства, является важным шагом на пути реализации принципов состязательности и равноправия на досудебном производстве.

Литература

1. Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: Закон СССР от 25.12.1958 г. (в ред. от 28.11.1989 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=1654#021574723560705>
2. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.02.2009 г. № 1 (в ред. от 29.11.2016 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84964/
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗРК (с изм. на 21.01.2019 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852#pos=3;-235
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 06.03.2019 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
5. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ (в ред. от 29.07.2017 г.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36945/
6. Давлетов А. Право защитника собирать доказательства // Российская юстиция. — 2003. — № 7. — С. 50-51.
7. Нарядчиков В.Н. Заявление, рассмотрение и разрешение ходатайств адвоката-защитника о производстве следственных действий // Проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства: сборник конференции. — Симферополь. 2018. С. 294-297.
8. Процессуальная деятельность защитника по собиранию и представлению доказательств в российском уголовном судопроизводстве: монография / под общ. ред. Н. Р. Мухудиновой. — Саранск, 2008. — 64 с.

Тактические особенности проведения допроса в России и США

© Н. В. Непомнящих

студентка 3-го курса

ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: nepomnyashchikh.nadezhda@mail.ru

В статье проводится анализ тактических особенностей проведения допроса в России и США. Раскрываются основные стадии проведения допроса в России и допроса по тактике Рейда в Америке. Выявлены специфические черты проведения допроса в зависимости от конфликтности или бесконфликтности ситуации. Показаны некоторые негативные свойства допроса по тактике Рейда в США и допроса в России.

Ключевые слова: тактика Рейда, допрос, тактические приемы, допрашиваемый, конфликтные и бесконфликтные ситуации, кинесика.

The article analyzes the tactical features of the interrogation in Russia and the United States. The main stages of interrogation in Russia and interrogation on tactics of RAID in America are revealed. The specific features of the interrogation depending on the conflict or conflict-free situation are revealed. Shows some negative properties of the interrogation tactics of the RAID in the United States.

Key words: RAID tactics, interrogation, tactics, interrogated, conflict and conflict-free situations, kinesics.

Как показывает практика, допрос является одним из самых распространенных процессуальных действий, применяемых для добывания доказательств в ходе предварительного расследования. Его суть заключается в получении от допрашиваемого лица устных сведений (показаний), то есть устной речевой информации об обстоятельствах и фактах, имеющих значение для разрешения уголовного дела [7, с. 244].

Однако крайне редко допрашиваемый настроен откровенно и правдиво изложить следователю все, что ему известно о преступлении, по которому ведется расследование, то есть зачастую допрос проходит в условиях конфликтной ситуации.

Сравнение российского и американского законодательства по данному вопросу обусловлено тем, что нередко отечественным правоохранительным органам приходится обращаться к зарубежному опыту, дабы выработать ряд совершенных тактических приемов для ведения допроса в различных следственных ситуациях, а, поскольку США — это развитая западная страна, для которой права и свободы человека, их соблюдение являются важнейшим приоритетом, в связи с этим она может рассматриваться как пример правового демократического государства, к идеалам которого должны стремиться другие страны [2, с. 172].

Одним из наиболее активно используемых следственными подразделениями США комплексом тактических приемов допроса является «тактика Рейда», которую разработал американский криминалист Джон Рейд в середине 90-х годов двадцатого века.

Главное в «тактике Рейда» заключается в том, что никто и ничто не может гарантировать осуждение обвиняемого по расследуемому делу больше, чем его собственное раскаяние.

Джон Рейд в своей тактике допроса использовал девять шагов, которые, как он считал, способствуют даже показаний без сопротивления и признанию обвиняемым своей вины.

1. Столкновение взглядов. Следователь зачитывает подозреваемому причины ареста и указывает на существующие факты, доказывающие причастность этого лица к совершенному деянию. Затем следователь предлагает допрашиваемому сознаться.

2. Отклонение. Когда подозреваемый не сознается сразу, следователь предлагает объяснение произошедшему, заключающееся в том, что другое лицо или стечение обстоятельств побудили подозреваемого совершить противоправное деяние. То есть начинает формироваться так называемая "легенда", меняющаяся в течение допроса в зависимости от ответов подозреваемого на поставленные следователем вопросы.

3. Превосходство. Следователь демонстрирует настойчивость, показывает глубокую уверенность в том, что подозреваемый виновен, инициативно излагает факты совершенного деяния, предлагая иные допустимые сценарии произошедшего. Следователь запрещает допрашиваемому перебивать его, тем самым не давая подозреваемому отрицать свою вину.

4. Преобразование сопротивления в сотрудничество. Подозреваемый называет причину, по которой он не смог бы совершить это деяние, ссылаясь на особенности своей личности. Например, он может сказать: «Я ненавижу насилие» — следователь, имеющий немалый опыт в таких делах, может

превратить слова допрашиваемого в оптимальное объяснение того, почему он совершил вменяемое ему преступление.

5. Эмпатия. Следователь выражает сочувствие и понимание к подозреваемому, допуская, что сам поступил бы так же в похожей ситуации.

6. Проработка различных сценариев. Если подозреваемый держится спокойно, признает то, что это он совершил инкриминируемое ему преступление, следователь предлагает ему несколько вариантов развития событий — в совокупности с предполагаемыми мотивами — в процессе чего отмечает, какой из вариантов будет более характерным для допрашиваемого.

7. Постановка «альтернативных вопросов». После того, как в процессе допроса будет принят определенный сценарий, следователь представляет два потенциальных варианта развития событий на выбор допрашиваемого. Существенное отличие между ними состоит в том, что один вариант содержит более социально приемлемые мотивы, нежели другой. Допрашиваемый выбирает как ему кажется более «безопасный» для себя вариант, но главное в том, что он не отрицает свою вину.

8. Повторение. Подозреваемый должен повторить свои признательные показания с участием одного или нескольких лиц, которые ранее не присутствовали на его допросе.

9. Фиксация. Завершающим этапом в проведении допроса должна быть обязательная письменная фиксация признаний в протоколе и подписание его подозреваемым.

Несмотря на, казалось бы, практическую значимость «тактики Рейда», у нее имеются свои противники, которые считают, что она может привести к ложным признаниям. Критики видят в "тактике Рейда" своеобразный вариант «допроса третьей степени» [2, с. 175].

В российском законодательстве тактические особенности проведения допроса несколько отличаются от американских, однако также требуют от следователя больших знаний психологии преступника. Процессуальные правила допроса предусмотрены уголовно — процессуальным законодательством (ст. 189 УПК) и должны выполняться в рамках допроса независимо от реальных обстоятельств расследуемого преступления.

Среди тактических приемов и способов, которые используют российские следователи при проведении допроса можно выделить следующие: «стимулирование положительных качеств допрашиваемого; исчерпывающая конкретизация показаний; неожиданная постановка вопросов; внезапное предъявление доказательств, имеющих у следствия на момент проведения допроса; предъявление доказательств по возрастающей силе их влияния; предъявление в начале главного доказательства с объяснением, что оно не единственное» [4, с. 76].

Содержание тактики допроса составляют такие его признаки, как выбор наиболее благоприятного времени, места и условий допроса, система предварительных действий, тактические приемы, используемые непосредственно в процессе допроса, и приемы фиксации показаний [3, с. 148].

Тактические приемы допроса во многом обусловлены тем, в каких ситуациях проводится допрос — бесконфликтных или конфликтных. В бесконфликтной ситуации основной тактической задачей является ее сохранение. При этом следователь, используя свои знания тактических приемов, должен убедить допрашиваемого дать полные и реальные показания, а при необходимости помочь ему воспроизвести и зафиксировать названные положения. В конфликтных ситуациях же, когда допрашиваемый дает ложные показания первоочередная задача состоит в том, чтобы на основе имеющихся доказательств путем логического убеждения или в результате психологического воздействия на допрашиваемого убедить его пересмотреть свою критическую позицию и отказаться от конфронтации.

Как верно подметил А. А. Чебуренков, «в конфликтной ситуации, когда допрашиваемый скрывает или умышленно искажает имеющуюся у него информацию, эффективным средством получения от него интересующей следователя информации является активное психологическое воздействие» [6, с. 419].

Следователи могут использовать "психологические хитрости", "ловушки", то есть такие ситуации, при которых допрашиваемое лицо убеждено в том, что следствию уже все известно и имеются доказательства его вины, исходя из чего он может дать признательные показания. Хитрость же состоит в том, что в действительности таких сведений у следствия может и не быть. Недостатком такого тактического приема является большой процент самоговора.

На этот счет В.П. Лавров отмечает, что «психологические хитрости» или «ловушки» — действия, направленные на выявление виновной осведомленности допрашиваемого путем создания у него преувеличенного или уменьшенного представления об осведомленности следователя» [5, с. 173].

Специфика допроса заключается в том, что он содержит в себе существенную долю тактического риска. Неправильно выбранная тактика и какие — либо просчеты в ходе допроса могут негативно повлиять на расследование.

Тактика проведения допроса в России и США помимо знания процессуальных правил его проведения, требует от следователя и знаний кинесики. То, как допрашиваемый ведет себя при постановке ему того или иного вопроса, касающегося расследуемого уголовного дела: мимические жесты, жесты рук, головы, ног, знаковые телодвижения и поза, в которой сидит допрашиваемый, во многом способствуют правильной оценке следователем правдивости или ложности даваемых допрашиваемым показаний. Думается, что американская система допросов по "тактике Рейда" является более суровой по отношению к допрашиваемому, нежели российская система проведения допроса. Потому как, американская тактическая система сама по себе уже предусматривает давление следователя на допрашиваемое лицо на этапе превосходства, когда следователь, выражая полную уверенность в виновности допрашиваемого, даже не позволяет последнему отрицать свою вину, не давая ему возможности говорить. В России допросы проходят не столь резко.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 N 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 52. — ст. 4921.
2. Андроник, Н. А., Пачина, Т. С. Допрос по «тактике Рейда» в американском уголовном судопроизводстве: законность, целесообразность, эффективность / Н. А. Андроник, Т. С. Пачина // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2015. — № 2(32). — С. 171-176.
3. Паршин, Д. В. О роли и значении тактических приемов при проведении допроса / Д. В. Паршин // Известия Тульского государственного университета. — 2016. — № 5. — С. 145-152.
4. Горячев Э. К. Тактико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений: издание / Горячев Э. К., Тишутина И. В. — М.: Юрлитинформ, 2016. — 128 с.
5. Лавров В. П., Рахматуллин Р. Р. Криминалистика: Краткий курс (конспект) лекций / В. П. Лавров, Р. Р. Рахматуллин, В. И. Романов, А. Н. Шалимов. — Казань : Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2017. — С. 171.
6. Чебуренков А. А. «Косвенный допрос» как разновидность тактической комбинации при расследовании преступлений: сборник материалов международной науч. — практ. конф. / А. А. Чебуренков. — В 2 ч. — М.: Норма, 2015. — С. 419.
7. Яблоков Н. П. Криминалистика: учебник / Н. П. Яблоков. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма, 2017. — С. 244.

Сравнительно-правовой анализ особой формы уголовного судопроизводства в России и Китае

© В. А. Орхокова

магистрант 2-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
Россия, г. Улан-Удэ

В данной статье осуществлен сравнительно-правовой анализ упрощенной формы уголовного судопроизводства в Китае и особой формы уголовного судопроизводства в РФ с целью выявления общих тенденций правового регулирования процессуальных уголовно-процессуальных норм.

Ключевые слова: Судопроизводство, уголовный процесс, особый порядок, упрощенная форма судопроизводства, международный опыт, сравнительно-правовой анализ.

This article carried out a comparative legal analysis of a simplified form of criminal proceedings in China and a special form of criminal proceedings in the Russian Federation with the aim of identifying general trends in the legal regulation of procedural criminal procedure rules.

Key words: Legal proceedings, criminal procedure, special procedure, simplified form of legal proceedings, international experience, comparative legal analysis.

Одной из важнейших и традиционных тенденций в уголовном процессе современных правовых систем является стремление к упрощению уголовного судопроизводства при соблюдении основных правовых гарантий для всех его субъектов.

Международный опыт предусматривает право каждого человека на эффективное и гарантированное восстановление в правах компетентными органами, на возможность рассмотрения любого уголовного обвинения в срок, который является разумным.

Российский уголовный процесс базируется на идее публичности и по общему правилу имеет сложную структуру и процедуру. Только государство является носителем правовой обязанности

осуществлять наказание виновного в рамках уголовно-процессуальной деятельности. Вопрос о смягчении жесткого правового регулирования расследования и осуществления рассмотрения уголовных дел неоднократно поднимается в рамках международного уголовного права. Так еще в 1996 году в Совете Европы были разработаны основные рекомендации, в которых предлагалось отказаться от ненужных формальностей при осуществлении правосудия, и сделать его более доступным и предельно понятным для обычных граждан.

В отечественном законодательстве существует особый порядок принятия судебных решений при наличии согласия обвиняемого с предъявляемым ему обвинением и данный порядок является упрощенной формой судопроизводства и регламентируется главой 40 УПК РФ. Можно констатировать, что диспозитивность в уголовном судопроизводстве необходима только в отношении некоторых дел, например, в отношении дел небольшой общественной опасности. И это не является новеллой, а является проявлением сложившейся международной практики. В качестве подтверждения можно проанализировать опыт китайского уголовного процессуального права.

Для того чтобы более детально понять сущность и значения упрощенной процедуры уголовного судопроизводства в Китае необходимо обратиться к истории.

Первоначально в Китайской Народной Республике действовал Уголовно-процессуальный кодекс 1979 года, который был создан под значительным влиянием законодательства СССР, были полностью заимствованы система прокурорского надзора, зафиксированы общие условия предварительного расследования, процедура осуществления доказывания и т.д. Однако в 1997 году был принят новый уголовно-процессуальный кодекс КНР 1997 года, который стал результатом смешения норм предыдущего кодекса и английской и американской форм уголовного судебного процесса.

В его основе были зафиксированы следующие принципы

1. Народный суд, народная прокуратура на основании закона независимо друг от друга осуществляет возложенные на них процессуальные действия;
2. Полномочия органов общественной безопасности, народной прокуратуры, народного суда не должны повторяться и дублировать друг друга, органы должны взаимно координировать действия и ограничивать друг друга;
3. Права участников процесса должны защищаться, а само судебное разбирательство должно быть открытым;
4. Народная прокуратура выполняет функцию надзора в уголовном процессе;
5. Обвиняемый имеет право на защиту и в его отношении действует принцип презумпции невиновности;
6. Действует двухуровневая система принятия окончательного судебного решения.

В уголовном процессе Китая обязанность по расследованию значительного большинства уголовных дел несут органы общественной безопасности.

Конституция Китайской народной республики закрепило право подсудимого на защиту. На этапе предварительного следствия по уголовному делу, лицо, которое подозревается в совершении преступления, может пригласить адвоката, который имеет право давать юридические консультации, подавать заявление об освобождении подозреваемого, содержащегося под стражей [1, с. 19].

В уголовном процессе государственные органы могут вызывать подозреваемого (обвиняемого) на допрос, освобождать его из-под стражи и устанавливать за ним наблюдение по месту жительства, содержать под стражей и арестом. Допрос не может длиться непрерывно более 12 часов, заключение под стражей — больше 12 месяцев, наблюдение по месту жительства — шести месяцев, содержание под стражей органами полиции не может превышать 37 суток.

В Китае допускается упрощенная процедура рассмотрения в суде, и данная процедура зафиксирована в статье в параграфе 3 УПК КНР.

Так, в статье 174 УПК КНР зафиксирована норма, согласно которой Народный суд может применять упрощенную процедуру рассмотрения, которая осуществляется одним судьей единолично по следующим делам:

1. По делам, которые возбуждены государственным обвинением, по которым лицо в соответствии с законом может быть приговорено к лишению свободы на срок до трех лет, аресту, надзору, штрафу, при ясности фактических обстоятельств, полноте доказательств и когда народная прокуратура предлагает либо согласна на применение упрощенной процедуры рассмотрения;
2. По делам, которые рассматриваются только по заявлениям;
3. По незначительным уголовным делам, по которым у потерпевшего имеются доказательства, которые подтверждают факт совершения преступления.

Согласно статье 175 УПК КНР при рассмотрении по упрощенной процедуре дел, возбужденных государственным обвинением, народная прокуратура может не отправлять своего представителя для участия в суд, и таким образом обвиняемый может излагать свои доводы и защищаться в отношении преступления, в совершении которого он обвиняется по обвинительному заключению. В том же случае если представитель народной прокуратуры участвует, то с разрешения судьи обвиняемый и его защитник могут вступать в прения с обвинителем.

Согласно 179 статье УПК КНР при рассмотрении народным судом дела, зафиксирована норма, согласно которой в том случае, если народным судом выяснится, что данное дело не подлежит рассмотрению по упрощенной процедуре, то народный суд должен снова приступить к рассмотрению дела в соответствии с законом.

Что касается отечественного законодательства в сфере уголовного процесса, можно отметить следующее. Российский уголовный судебный процесс базируется на принципе публичности и по общему правилу представляет собой довольно сложную процедуру. Только государство является носителем юридической обязанности наказать виновного в рамках уголовно-процессуальной деятельности лишь ему дозволяется искать и конкретизировать виновность лица в совершении преступления.

Существует упрощенная форма судопроизводства — особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. В данном случае диспозитивность в уголовном процессе оправдана только по тем делам, который являются небольшой общественной опасности, о чем свидетельствует и мировой опыт, российским законом упрощенная процедура распространена и на случаи совершения тяжких преступлений [2, с. 24].

Особенностями данного уголовно-процессуального института являются: 1) право, а не обязанность судьи постановить обвинительный приговор в особом порядке судопроизводства; 2) наличие заявленного исключительно в присутствии защитника обвиняемым ходатайства о рассмотрении его дела в особом порядке; 3) не предъявлены возражения по этому поводу со стороны обвинения; 4) обязанность суда удостовериться в том, что обвиняемый осознает характер и последствия заявленного ходатайства, что ходатайство заявлено добровольно и после консультаций с защитником путем допроса подсудимого и потерпевшего; 5) невозможность обжалования приговора на основании несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела; 6) запрет применения особого порядка судебного разбирательства в отношении несовершеннолетних лиц; 7) суд может постановить обвинительный приговор в особом порядке только при условии, что обвиняемый признает обвинение в полном объеме обоснованным и подтвержденным собранными по делу доказательствами.

Перед постановлением приговора в особом порядке судья должен выяснить, что обвиняемый признал свою вину в совершении всех предъявленных ему преступлений, а не какой-нибудь части, всех эпизодов, являющихся составными элементами инкриминируемых деяний. Он также обязан удостовериться, что совершено преступление, за которое санкцией уголовно-правовой нормы предусмотрено наказание, не превышающее 10 лет лишения свободы, а лицо действовало вне группы или имеются ходатайства всех обвиняемых на подобную процедуру судебного процесса.

В заключении можно сделать вывод о том, что упрощенная форма уголовного судебного процесса в КНР возможна при условии совершения преступлений небольшой тяжести и с согласия органов народной прокуратуры, в России же одним из обязательных условий является признание виновным своей вины, однако в отечественном законодательстве предусмотрено и зафиксировано гораздо большее количество оснований для осуществления упрощенной формы уголовного судебного процесса в отличие от оснований в китайском судебном процессе, что косвенно подтверждает принцип гуманизма в отечественном уголовном законодательстве.

Литература

1. Баканова А.А. Формирование и постановление приговора при особом порядке судебного разбирательства // Российский судья. 2014. — № 5. — С. 19.
2. Мизулина Е.Б. Технология власти: уголовный процесс. — Ярославль, 1992. — С. 25.
3. Судебное производство в уголовном процессе РФ: практическое пособие по применению УПК РФ / под общ. ред. А.И. Карпова. — М., 2016 — С. 24.
4. Толкаленко А.А., Уголовно-правовые аспекты упрощенного судебного разбирательства по уголовным делам в КНР // Уголовное судопроизводство. — 2014. — № 4.
5. Яковлева С.А. Сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства КНР и Тайваня // Уголовный процесс. — 2015. — № 6.

В статье рассматриваются вопросы международного сотрудничества в сфере судебно-товароведческой экспертизы, которая актуальна не только для России, но и для зарубежных стран. Ее актуальность обусловлена увеличением единиц контрафактных товаров. Анализируются возможности товароведческих исследований и аспекты использования специальных товароведческих знаний. Отвратить от совершения преступлений может государство и тесное международное сотрудничество с определением общих задач.

Ключевые слова: цифровая технология, 3D сканирование, контрафактная продукция, товар, судебная экспертиза, методика.

The article deals with the issues of international cooperation in the field of forensic expertise, which is relevant not only for Russia, but also for foreign countries. Its relevance is due to the increase in counterfeit goods. Analyzed the possibilities of commodity research and aspects of the use of special commodity knowledge. The state and close international cooperation with the definition of common tasks can prevent from the commission of crimes.

Key words: digital technology, 3D scanning, counterfeit products, goods, forensic examination, methods.

За последние годы международное сотрудничество в области судебно-экспертной деятельности представляет собой развивающуюся систему. Укрепление такого сотрудничества отвечает интересам государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждений, правоохранительных органов и гражданского общества. [4].

Основными причинами, вызвавшими активизацию международного судебно-экспертного сотрудничества, являются торгово-экономические отношения (торговля), стремительное развитие бизнеса и IT-технологий.

В этой связи, правоохранительные органы Российской Федерации крайне заинтересованы в совершенствовании судебно-экспертной деятельности, основной целью является подготовка высококвалифицированных судебных экспертов, разработка методик, укрепление системы судебно-экспертных учреждений.

К задачам ООН относится национальное и международное обеспечение безопасности товаров [6], следовательно, вполне логично предположить, что именно государство, правоохранительные органы, судебно-экспертные организации должны сформировать международное сотрудничество в сфере судебной экспертизы.

В ежегодном послании Правительства Российской Федерации отмечено, что для улучшения и укрепления положений российской судебной экспертизы, необходимо расширение базы знаний экспертов, разработка методических комплексов, адаптация современных зарубежных методик, продвижение современных российских методик среди экспертных лабораторий мира [7].

В целях совершенствования исследований и судебных экспертиз в приказ МВД России от 29.06.2005 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертной криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» внесен новый род исследований «Товароведческая: 23.1». (промышленных товаров).

Изменения обусловлены не только с необходимостью использования сравнительно-правового метода научных исследований, но и с целью развития российского уголовного судопроизводства, национальных норм регламентирующих весь цикл обращения продукции на таможенной территории ЕАЭС.

По нашему мнению, в период интенсивного роста объемов международной торговли и с изменениями нормативно-правовых актов необходимо значительное расширение роли товароведов-экспертов. С появлением новых родов и видов исследований должны быть поставлены три аспекта:

1. Решение задач при исследовании объектов, важность решения этих задач именно для сферы расследования преступлений.
2. Криминалистическая специфика объектов исследования, особенности их собирания (фиксация и изъятие товаров).
3. Методологическая и методическая разработанность данного направления.

Следует отметить, что законодательство не предъявляет каких-либо требований к порядку контроля качества производства исследований, механизму получения и подтверждения наличия специ-

альных товароведческих знаний, необходимости повышения квалификации экспертов по зарубежным методикам.

По данным Федеральной таможенной службы Российской Федерации, в 2018 году таможенные органы выявили — 6,2 млн единиц контрафактной продукции, что на — 6,1 млн единиц превышает показатель 2017 года. Сумма предотвращенного ущерба правообладателям составила — 6,8 млрд руб. (в 2017 году — 4,5 млрд руб.). Предметами правонарушений зафиксированы: этикетки, автозапчасти, биологически активные добавки, медицинские изделия, упаковочные материалы, алкогольная продукция, парфюмерная, косметическая продукция и товары легкой промышленности.

Таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности пополнился 299 новыми объектами и по итогам года насчитывал 4916 единиц. [11]. Можно констатировать, что сложившийся криминальный рынок представляет собой совокупность деловых операций, объектом которых выступают запрещенные к обороту товары, субъектами которых, соответственно, являются лица, получающие доход незаконным путем.

Кроме того, наблюдается стремительный рост электронной коммерции (сфера экономики, которая включает в себя все сделки по реализации товаров (работ, услуг) потребителям, осуществляемые при помощи сети «Интернет») так как является одной из динамично развивающихся сфер экономики, и ее развитие может поспособствовать расширению ассортимента перечня реализуемых товаров.

Так, доля продаж посредством сети «Интернет» в общем объеме оборота розничной торговли ежегодно увеличивается (2014 год — 0,7%, 2015 год — 0,9%, 2016 год — 1,1 %, 2017 — 13%) [10].

Весомыми аргументами для проведения нашего исследования стали утвержденные главами государств Союза ЕАЭС, соглашения, такие как, «Основные направления реализации цифровой повестки до 2025 г.», «О маркировке продукции средствами идентификации в ЕАЭС», предусматривающие постепенное распространение механизма товарных групп и устранения с рынка контрафактной продукции [11], (ст. 171.1. УК РФ), контрафактную продукцию называют «пиратской» [2; 23].

В практике уголовного судопроизводства необходимость проведения товароведческой экспертизы за рубежом может, в частности возникнуть при исследовании фальшивых ценностей. [1;251], контрафактных товаров. Товароведческие знания сегодня востребованы не только во время решения вопросов качества товаров и определения их потребительских свойств, но и для идентификации «опасных» товаров путем проведения товароведческих исследований и судебно-товароведческой экспертизы.

Судебная товароведческая экспертиза — это исследование, проводимое в соответствии с процессуальным законодательством лицами (экспертами), сведущими в области теории судебной экспертизы, криминалистики, науки товароведения. Таким образом, специальные товароведческие знания в области международных отношений приобретают особую актуальность. Эта актуальность усиливается на фоне высоких темпов роста международной торговли. Следовательно, сохраниться и спрос на экспертов, сведущих в специальных товароведческих знаниях.

Рассмотрим международное сотрудничество Монголии и Южной Кореи при проведении экспертиз.

Монголией — нашим вечным соседом — нас связывают многовековые узы дружбы и добрососедства. Поэтому мы должны сотрудничать с Монголией как можно активнее. С развитием малого и среднего предпринимательства приоритетными в государственной социально-экономической политике, как в России, так и в Монголии является и безопасность товародвижения.

Хочется отметить соглашение Национального института судебных экспертиз Министерства юстиции и внутренних дел Монголии и Национальной службы судебных экспертиз Южной Кореи.

В целях взаимной правовой помощи заключено двухстороннее соглашение о сотрудничестве, затронуты новые задачи при проведении судебных экспертиз с использованием цифровых технологий. Двухсторонние проекты между странами будут реализованы при поддержке Агентства международного сотрудничества Южной Кореи.

Рис. 1 Госсекретарь Министерства юстиции и внутренних дел Монголии Г. Баясгалан, делегация Республики Корея во главе с директором Национальной службы судебных экспертиз Чой Ёонг Шиком.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) при относительной финансово-экономической и политической стабильности отмечались конфликтные вопросы вокруг Корейского полуострова, милитаризация региона, попытки ряда держав закрыть региональный порядок, территориальные споры и отрицательные пограничные претензий [8].

Тем не менее, политический диалог России и **Южной Кореи**, возобновилось, обсуждались положительные вопросы сотрудничества [9].

Рис. 1, 2 Лаборатория Департамента права и безопасности (отдел экспертиз), г. Сеул, Южная Корея

Корейский опыт и изобретательность.

Южнокорейская технология поднялась в мировом рейтинге. Неудивительно, что, учитывая статус ведущего мирового производителя высокотехнологичной потребительской и промышленной продукции, в области науки и техники специализируется не только судебно-экспертные организации, но и Департамент права и безопасности. Существенное влияние на развитие судебно-экспертной деятельности Южной Кореи оказывает развитие взаимоотношений с Азиатскими и Европейскими ассоциациями, включая регулярное участие в тематических конференциях, обмен методиками и справочными материалами. Успех при исследовании и идентификации товаров заключается в умении восстанавливать информацию, с помощью использованием специальных знаний, технологий как, 3D сканирование.

Таким образом, краткое сравнение свидетельствует, во-первых, о том, что контрафактные товары неизменно поступают на территорию Российской Федерации, во-вторых, за 2018 год контрафактная продукция увеличилась на 10.1 млн единиц, в- третьих, не достаточно развито международное сотрудничество в области судебно-товароведческой экспертизы, в- четвертых отсутствие международных стандартов, что сказывается на увеличении экономических преступлений, в-пятых, экономическая преступность постоянно качественно видоизменяется, усложняется и вплетается в обычную жизнь граждан.

С учетом вышеизложенного, в целях минимизации преступлений необходимо укрепить общие задачи по вопросам:

- информационное взаимодействие о запрещенных или изъятых из оборота товарах, улучшить научно-исследовательские работы,
- создание системы подготовки, переподготовки экспертных кадров, применить новые цифровые технологии с применением 3D-сканирований.
- практическое применение современных методик при проведении судебно-товароведческих экспертиз.

Нам представляется, что обмен опытом, сравнение условий деятельности, выявление общих проблем и сопоставление различных подходов и возможных решений всегда интересны и служат для повышения знаний и развитию способностей эксперта.

Литература

1. Ищенко Е.П. Криминалистика: учебное пособие — М.: Проспект, 2016. — 251 с.
2. Мацкевич И.М. Причины экономической преступности. — М.: Проспект, 2017. — 23 с.
3. Михайлов В.А. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: монография/Михайлов В.А. — М.: Изд-во Российской таможенной академии, 2011. — 160 с.
4. Хазиев Ш.Н. Теоретические основы и организация международного сотрудничества в области судебной экспертной деятельности: диссертация д.ю.н. — М, 2016. — 13 с.
5. Хазиев Ш.Н. Вопросы судебной экспертизы в рамках международного сотрудничества Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства.
6. ООН резолюция 1981/62 Экономического и Социального Совета от 23 июля 1981 года [Электронный ресурс]. — URL: <https://docs.cntd.ru>
7. Государственная программа Российской Федерации «Юстиция». Утв. Распоряжением Правительства РФ от 4 апреля 2013 г. № 517-р // Собрание законодательства РФ 08.04.2013, №14, ст. 1743.
8. Обзор МИД России. Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации — М, 2017. — 33 с.
9. МИД РФ: Основные внешнеполитические итоги 2018. — 32 с.
10. Распоряжение Правительства РФ от 28 августа 2017 г. № 1837-р «О стратегии государственной политики РФ в области защиты прав потребителей на период до 2030 г.
11. Официальный сайт Таможенной службы РФ [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.customs.ru>

Процессуальный статус понятых в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства России и Монголии

© Т. А. Хихаева

магистрант юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»
Россия, г. Улан-Удэ
E-mail: tuyana.darbakova1997@mail.ru

Актуальность темы обусловлена прежде всего недостаточностью теоретической и практической разработанностью, об этом свидетельствует занятая в настоящее время активная позиция законодателя по совершенствованию процессуального законодательства России и Монголии, в том числе и института понятого.

Ключевые слова: институт понятых, процессуальный статус понятого, следственное действие, участники уголовного процесса.

The relevance of the topic is primarily due to the insufficiency of theoretical and practical development, this is evidenced by the current active position of the legislator on improving the procedural legislation of Russia, including the institution understood.

Key words: institute of witnesses, witnesses procedural status, investigative action, participants in criminal proceedings.

Реализация задач и достижение целей уголовного процесса, невозможны без привлечения дополнительных участников, которые в рамках производства по уголовному делу выполняют вспомогательные функции и в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, выделены в отдельную категорию как иные участники уголовного судопроизводства, что безусловно, является новеллой процессуального законодательства [8]. Самостоятельный процессуальный статус другого участника уголовного судопроизводства, оказывающего содействие в осуществлении уголовного процесса получил и понятой.

Немыслимо расследование по уголовному делу без производства следственных действий. В некоторых из них закон регламентирует обязательное участие понятых — для удостоверения или подтверждения произошедших событий и обнаруженных фактов. А поскольку в настоящее время в институте понятых произошли значительные процессуальные изменения, он требует дополнительного изучения [8, с. 12].

Об актуальности темы проводимого исследования свидетельствует занятая в текущее время активная позиция законодателя по совершенствованию процессуального законодательства России, в том числе и института понятого, об этом свидетельствует принятый в марте 2013 года Федеральный закон № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [2].

Понятой по российскому и монгольскому законодательству- это не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, привлекаемое дознавателем, следователем для удостоверения факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результатов следственного действия.

В рамках проводимого исследования, нами поставлена задача проанализировать процессуальный статус понятого в уголовном процессе России и Монголии, выявить возможные пути совершенствования указанного института. Вопросы привлечения и участия понятых в осуществлении уголовно-процессуальной деятельности целесообразно рассматривать сквозь призму элементов правового положения этих участников, умышленно исключая из этого перечня проблемы обеспечения безопасности обозначенных субъектов, которые не входят в задачи нашего научного исследования [6, с. 15]. Первый элемент, подлежащий анализу — это права понятого. Законодателем они закреплены в трех пунктах ч. 3 ст. 60 УПК РФ. По УПК РФ понятой наделен правом:

- 1) участвовать в следственном действии и делать по поводу него заявления и замечания, подлежащие занесению в протокол;
- 2) ознакомиться с протоколом следственного действия, в производстве которого он участвовал;
- 3) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя и прокурора, ограничивающие его права.

В выше указанной ст. 60 УПК РФ регламентировано, что в обязанности понятого входит необходимость являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд, а также указывает на отсутствие возможности разглашения данных предварительного расследования, при условии, что понятой был заранее об этом предупрежден в соответствии со ст. 161 УПК РФ.

Первое упоминание о понятых в Уголовно-процессуальном кодексе Монголии описано в ст. 254. Ложные показания. Хотя диспозиция указанной статьи регламентирует процессуальный статус свидетеля-эксперта и переводчика, но мы считаем, что норма данной статьи регламентирует статус свидетеля-пнятого, что в правоприменительной практике Монголии активно применяется. УПК Монголии в ст. 254 предусматриваются санкции в виде штрафа в размере от 51 до 100 минимальных окладов или лишение свободы на срок до 2 лет за ложные показания понятого [3].

Кроме того, нормы уголовно-процессуального законодательства предусматривает уголовную ответственность так же за совершение преступлений, предусмотренных ст. 255 (Уклонение от дачи показаний свидетелем или потерпевшим, отказ или уклонение от дачи экспертного заключения свидетелем- экспертом) и ст. 256 (Принуждение свидетеля или потерпевшего к даче ложных показаний, свидетель- эксперт дает ложное показание или переводчик дает ложный перевод). Соответственно санкции за совершение преступления, предусмотренного ст. 255 УПК Монголии, предусматривает штраф в размере от 5 до 51 минимального оклада или лишение свободы на срок от 1 до 3 месяцев; а санкции ст. 256 УПК Монголии — от 200 до 300 часов общественных работ, штраф в размере от 51 до 100 минимальных окладов или лишение свободы на срок до 3 лет.

Представляют интерес критерии, по которым процессуальный закон исключает возможность участия лиц в качестве понятых. К таковым согласно ч. 2 ст. 60 УПК РФ относятся:

- 1) несовершеннолетние [5, с. 108];
- 2) участники уголовного судопроизводства, их близкие и родственники;
- 3) сотрудники органов исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности и (или) предварительного расследования.

Согласно УПК Монголии так же понятыми не могут быть несовершеннолетние, участники уголовного судопроизводства, их близкие и родственники, сотрудники органов исполнительной власти.

В ходе сравнительного анализа исследуемой темы был сделан следующий вывод. Согласно процессуальному законодательству РФ, а также законодательству Монголии понятой, привлекаемый для участия в производстве конкретного следственного действия, является своего рода гарантом законности проводимого мероприятия, который удостоверяет факт его производства. В последующем, понятой может быть допрошен в ходе производства по уголовному делу в статусе свидетеля о том: как и какое следственное действие проводилось, кто присутствовал при его проведении, каковы были результаты. Для дачи достоверных ответов на обозначенные вопросы у понятого должны отсутствовать физические либо психические недостатки, мешающие ему объективно вос-

принимать происходящее. Исходя из изложенного, предлагаем ч. 2 ст. 60 УПК РФ дополнить п. 5 дополнить следующими словами: «Имеющие физические или психические недостатки, препятствующие полноценному участию в производстве следственных действий».

Проанализировав процессуальное законодательство РФ и Монголии, приходим к выводу, что нецелесообразно привлекать в качестве понятых лиц, не владеющих языком, на котором ведется судопроизводство, потому что поиск и назначение переводчика отнимет больше времени, чем поиск лица, способного воспринимать нужную информацию на доступном для него языке судопроизводства, что собственно также должно найти свое отражение в законе.

В ходе исследования данного вопроса, на наш взгляд, необходимо частичную реконструкцию нормы части 2 ст. 60 УПК РФ и представить ее диспозицию в следующей редакции: «Статья 60 УПК РФ. Понятой. Часть 2»

2. Понятыми не могут быть:... 2) участники уголовного судопроизводства, их близкие родственники, родственники и близкие лица;... 4) лица, не имеющие постоянной регистрации по месту проведения расследования; 5) лица, имеющие физические или психические недостатки, препятствующие полноценному участию в производстве следственных действий.

Думается что подобную корректировку необходимо внести отталкиваясь из вышеизложенного, так как в процессуальном законе, по нашему мнению, должна быть предусмотрена возможность отвода лиц, привлеченных в качестве понятых для участия в производстве следственных действий по уголовному делу, не отвечающих требованиям ст. 60 УПК РФ, также — ст. 255 УПК Монголии.

Подводя итог анализа современного института понятых, приходим к выводу, что законодатель пошел по пути постепенного сокращения роли этих субъектов в производстве по уголовным делам, сделав акцент на применении технических средств фиксации хода, содержания и результатов, проводимых процессуальных или следственных мероприятий. Однако следует согласиться, на наш взгляд, с адъюнктом кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России В. С. Латыповым, который считает, что до полного отказа правоприменителей и законодателя от привлечения понятых для производства процессуальных и следственных действий еще далеко. Нередко показания понятого, полученные при производстве допроса, являются единственным источником доказательства по уголовному делу. Более того, в настоящее время ни одно техническое устройство не способно после завершения следственного действия сделать замечание или задать уточняющий вопрос, и уголовно-процессуальная деятельность в текущее время немыслима без участия общественного элемента [4, с. 46].

Последующее развитие данного института видится нам в расширении круга лиц, которые не имеют возможности участия в уголовно-процессуальной деятельности в качестве понятых, путем внесения дополнений в ч. 2 ст. 60 УПК РФ, а также необходимости предусмотреть возможность самоотвода понятого путем закрепления данного права в п. 1 ст. 63 УПК РФ.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 18.03.2014) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52. — Ч. I. — Ст. 4921.
2. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 9. — Ст. 875.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Монголии от 1.09.2002.
4. Латыпов В. С. Иные участники уголовного судопроизводства: проблемы теории, нормативного регулирования и практики: дисс. к.ю.н. — Уфа, 2013. — 226 с.
5. Латыпов В. С. Несовершеннолетние свидетели в процессуальном законодательстве России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2012. — № 5 (19). — Ч. 1. — С. 107-109.
6. Латыпов В. С., Латыпова Н. С. Система принципов обеспечения государственной защиты участников уголовного судопроизводства // Вопросы современной юриспруденции. — 2014. — № 35. — С. 14-18.
7. Латыпов В.С., Салахова Ж.В. Статист как иной субъект (участник) уголовно-процессуальной деятельности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2013. — № 6 (32). — Ч. 1. — С. 151-153.
8. Хитрова О. В. Участие понятых в российском уголовном судопроизводстве. — М.: Спарк, 1998. — 80 с
9. Сторожева А. Н. Понятой в уголовном процессе: дис. ... канд. юр. наук. — Красноярск, 2006. — 177 с.

К вопросу международного сотрудничества по проблеме возмещения ущерба

© Ж. В. Цыренов

Академия управления МВД России

Россия, г. Москва

E-mail: tsyrenovzhargal5@gmail.com

В статье рассматривается российское и зарубежное законодательство в сфере обеспечения в ходе предварительного следствия возмещения потерпевшим ущерба, причиненного преступлениями.

Ключевые слова: экономика, сотрудничество, возмещение ущерба, юридические и физические лица.

The article deals with the Russian and foreign legislation in the field of providing in the course of the preliminary investigation of compensation to victims of damage caused by the crimes.

Key words: Economy, cooperation, compensation, legal entities and individuals.

Россия занимает одно из ведущих стран в мире по социально-экономическому развитию. При ведении как внутренней, так и внешней политики, Россия взаимодействует с другими странами ближнего и дальнего зарубежья. Являясь одной из экономически развитых стран мира, Россия обеспечивает торговое, социальное, политическое взаимоотношения со своими ближайшими соседями в азиатско-тихоокеанском регионе, такими как Китай, Монголия, Казахстан, Южная Корея, Япония и многими другими странами, заинтересованными в создании экономических связей с Россией.

В этой связи Россия, как важный стратегический партнер в азиатско-тихоокеанском регионе, определяет для себя одно из важных приоритетных направлений обеспечения собственной правовой стабильности внутри своих территориальных границ в целях продуктивного дальнейшего экономического взаимодействия с зарубежными странами. Используя опыт международного сотрудничества, Россия в лице своих уполномоченных органов, учитывая постоянно изменяющиеся рыночные отношения и вкладываемые иностранные инвестиции в различные проекты в нашей стране, совершенствует нормативно-правовую базу в экономическом секторе, в таких областях как банковская сфера, доленое строительство, использование природных ресурсов, где присутствуют товарно-денежные отношения и инвестиции зарубежных стран.

В этой связи, можно сказать, что международное сотрудничество России со странами азиатско-тихоокеанского региона активно развивается и совершенствуется. Этому способствуют объективные потребности рыночных взаимоотношений между хозяйствующими субъектами, а также продолжающийся процесс интеграции России в мировую экономику.

Однако, экономика России испытывает большие потери от влияния преступных элементов, которые отрицательно сказываются на развитие товарно-денежных отношений между коммерческими организациями зарубежных стран и России. В ходе совершенных преступлений в сфере экономики, причиняется значительный ущерб, в том числе иностранным юридическим и физическим лицам. Значительная доля причиненного ущерба приходится на преступления в сфере экономики, которая является одной из наиболее криминогенных отраслей. В этой связи, для совершенствования процедуры обеспечения возмещения вреда потерпевшему на досудебной стадии уголовного судопроизводства, для России важен опыт межгосударственного правового регулирования ряда зарубежных государств на данном направлении.

В российском законодательстве, согласно Конституции РФ (ст. 52), права потерпевших охраняются законом и государство обязано обеспечить им доступ к правосудию и компенсации ущерба, причиненного преступлением. Исходя из этого конституционного положения, потерпевшему обеспечивается возмещение ущерба, причиненного преступлением, независимо от его гражданства.

В этой связи, обеспечение возмещения ущерба, причиненного в результате совершения преступлений, является одним из приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов. Эффективность деятельности по обеспечению возмещения ущерба не только гарантирует защиту имущественных интересов потерпевшего, но и имеет большое международное значение, способствуя стабильному исполнению государством социальных обязательств перед своими и иностранными гражданами и организациями.

Стремясь создать доступные механизмы для возмещения ущерба, государство определило органам предварительного следствия в системе МВД России уголовно-процессуальные функции, направленные на обеспечение возмещения имущественного ущерба, посредством розыска и изъятия похищенных материальных ценностей, добровольной компенсации ущерба, обеспечения гражданского иска и наложению ареста на имущество.

Но принимаемые меры по восстановлению нарушенных конституционных прав потерпевших недостаточно эффективны. Так, по итогам работы за прошедший год причиненный ущерб в размере 240 млрд. рублей возмещен на сумму 33 млрд. рублей, что составило 13,8 %. При этом 50 % от общего причиненного ущерба по всем оконченным уголовным делам, возникают по преступлениям экономической направленности [1]. Данный показатель говорит о том, что возмещена лишь пятая часть похищенных денежных средств. Таким образом, не достигнут предусмотренный Государственной программой РФ «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» плановый показатель [2].

В этой связи, права потерпевших на возмещение причиненного им ущерба требуют повышенного внимания, так как потерпевшими по уголовному делу являются не только граждане России, но и граждане иностранных государств.

В этой связи, уголовно-процессуальные функции, направленные на обеспечение возмещения ущерба, причиненного преступлениями, не исключают необходимость в совершенствовании условий возмещения потерпевшему ущерба, предусматривающее создание действенной государственной системы гарантий для реализации обеспечения конституционного права на возмещение ущерба, причиненного преступлениями, посредством реализации эффективных управленческих решений руководителей органов предварительного следствия для достижения целей по увеличению доли возмещенного ущерба по уголовным делам.

В связи с изложенным, актуальными являются вопросы, связанные с научным исследованием проблем обеспечения возмещения ущерба и разработкой предложений по улучшению деятельности правоохранительных органов с применением сравнительного анализа положительного опыта зарубежных стран в указанном направлении.

Указывая на особую роль международных правовых актов, регулирующих различные компенсационные алгоритмы восстановления прав жертв преступлений, А. В. Суслин логично полагает: «На первое место выдвигают возмещение вреда потерпевшему, предлагая примерный набор нормативных механизмов, и определяют, что закрепление и конкретизация таких принципов и норм права должны осуществляться государствами, исходя из рекомендуемых международно-правовых принципов и норм, а также с учетом особенностей национальной правовой системы и уровня экономического развития конкретной страны» [3].

Одним из положительных примеров прогрессивной правоприменительной практики соблюдения прав потерпевших от преступлений является законодательство Казахстана. В ходе презентации Уголовно-процессуального кодекса, депутатами Мажилиса Казахстана была представлена концепция создания в стране Фонда помощи потерпевшим. Стремясь достигнуть реализации прав потерпевших на компенсацию вреда, причиненного преступлениями, в Казахстане был разработан соответствующий законопроект об оказании финансовой помощи потерпевшим от преступлений, который в короткие сроки прошел законодательные процедуры. И уже в 2018 году принят Закон «О фонде компенсации потерпевшим», регламентирующий выплату денежных средств потерпевшим пострадавшим от различных преступлений [4].

Помимо указанного, в правоприменительной практике Японии определена уголовная ответственность за уклонение от возмещения вреда, причиненного преступлением. Согласно законодательству «страны восходящего солнца», лица, подвергшие сокрытию, повреждению или притворному отчуждению своего имущества или обременившие его мнимыми долгами с целью уклонения от принудительного взыскания, наказываются лишением свободы с принудительным физическим трудом на срок до двух лет или денежным штрафом на сумму до 1 тыс. иен [5].

Таким образом, совершенствование процедуры возмещение ущерба потерпевшим от преступлений является важнейшим условием защиты прав человека, не только на внутригосударственном уровне, посредством реализации национального законодательства, но и требует международного сотрудничества с целью восполнения законодательных пробелов по указанному направлению деятельности. В свете развития международных отношений в азиатско-тихоокеанском регионе, вопросы возмещения ущерба, причиненного преступлениями, перестают быть внутренним делом одного государства и требуют положительного обмена опытом и формирования общей модели соблюдения прав граждан в сфере обеспечения возмещения ущерба, как в России, так и в зарубежных странах.

Литература

1. Использованы данные из представленных на сайте ЦСИ ГИАЦ МВД РФ отчетов по форме 1-Е (МВД).
2. Использованы данные из представленных на сайте ЦСИ ГИАЦ МВД РФ Государственная программа РФ «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»: Распоряжение Правительства РФ от 06.03.2013 № 313-р.

3. Суслин А.В. Уголовно-правовые средства обеспечения возмещения вреда потерпевшим: автореф. дис. ... к. ю. н. — Екатеринбург, 2005. — С. 7.

4. Информация получена с официального сайта: <http://www.zakon.kz/4817520.html> (дата обращения: 03.03.2019 г.).

5. Уголовный кодекс Японии глава 5 "Преступления, состоящие в препятствовании исполнению публичных обязанностей" ст. 96 "Недобросовестное уклонение от принудительного взыскания".

Сравнительно-правовое исследование пути устранения уголовных ошибочных дел на примере дела Хууджилта

© Чэнь Юйси

студент 3-го курса института философии и права
Новосибирского государственного университета

Россия, г. Новосибирск

E-mail: najiaru@outlook.com

Уголовные ошибочные дела являются «всеобщей болезнью» в глобальном масштабе и данная проблема все же неотвратима. В настоящее время, со всей очевидностью представляется актуальным государству обеспечить судебную справедливость и соблюдение при этом прав личности. В данной статье будут рассмотрены опыты борьбы с судебными ошибками в уголовном процессе в разных правовых системах.

Ключевые слова: сравнительное правоведение, уголовные ошибочные дела, пути устранения судебных ошибок.

Misjudged criminal cases like a "universal disease" on a global scale and this problem is still inevitable. In the current period, it is obvious that the state should ensure judicial justice and respect for the rights of the individual. This article discusses the experience of dealing with misjudged criminal cases in different legal systems.

Key words: comparative law, misjudged criminal cases, remedy.

В нынешний период со всей очевидностью представляется актуальным государству обеспечить судебную справедливость и соблюдение при этом прав личности. Отметим, что в настоящее время несколько уголовных дел в китайском обществе вызвали широкий резонанс, поскольку при их разрешении были допущены ошибки, в результате которых исполнение приговора привело к гибели невиновных. Так, известны дела Хууджилта, Не Шубинь и Шэ Сянлинь. Некоторые из обвиняемых были приговорены к смертной казни, другие — к лишению свободы на длительный срок. Все они понесли наказание, которое не заслуживали.

Англо-саксонской правовой системе также встречаются подобные ошибки. С 1990–2011 гг. в США обнаружили и устранили около 700 ошибок в уголовных делах. По данным на февраль 2010 года в Соединенных Штатах насчитывалось 139 человек, которые с 1973 года были освобождены из камеры смертников и которым вернули статус невиновных [1]. Вместе с тем, нужно принимать во внимание, что уголовные ошибочные дела являются «всеобщей болезнью» в глобальном масштабе и данная проблема все же неотвратима.

Преступление, впоследствии названное «Делом Хууджилта», было совершено 9 апреля 1996 г. 18-летний Хууджилт и Ян Фэн работали на шерстяной фабрике в городе Хух-Хото, когда услышали, как женщина кричит о помощи из туалета. Но к тому времени, как они туда попали, она была уже мертва. В местной газетесообщалось, что жертву изнасиловали и задушили. Хууджилт обратился в полицию, но Фэн Чжимин, тогдашний начальник полиции района Синьчэн, обвинил его в совершении преступления. Несмотря на отсутствие доказательств, народный суд г. Хух-Хото приговорил Хууджилта к смертной казни, приговор был исполнен 10 июня 1996 года. Однако арест серийного убийцы Чжао Чжихуна в октябре 2005 года в Хух-Хото поставил вердикт под сомнение. Сообщалось, что Чжао участвовал в 21 случае убийств, изнасилований и краж в период с 1996 по 2005 год, в результате которых погибли девять женщин, студент колледжа, государственный служащий, водитель такси и 12-летняя девочка. Он сознался в 11 убийствах, одним из которых являлось изнасилование и убийство девушки в 1996 году, за которое казнили Хууджилта. В 2014 году приговор Хууджилта отменили и родственникам казненного выплатили 2,059,621.4 юаней. Следствие пришло к тому, что Хууджилт мог дать показания под давлением. Из-за этого дела были возбуждены уголовные дела на около 30 чиновников [2].

Необходимо как следует разобраться в причинах, которые вызвали данные последствия. В исследованиях А. Д. Назаров отмечается, что причины следственных и судебных ошибок подразделяются на три вида:

– непосредственные причины, именно недостатки в расследовании и судебном разбирательстве конкретных уголовных дел;

– «причины причин первого вида»: субъективные причины, связанные с деятельностью следователя и судьи, личностью следователя и судьи, и объективные причины — условиями, в которых осуществляется данная деятельность;

– факторы, связанные с условиями деятельности судебной системы в целом в стране, в том числе с качеством законодательных актов [3].

Ошибки, допускаемые в уголовном судопроизводстве должностными лицами государства, ослабляют доверие общества к правосудию. Постоянное укрепление и повышение доверия граждан к отправлению правосудия важно для нормального функционирования институтов государства. В России, судебный механизм устранения ошибок состоит из судебной проверки уголовного дела и судебного надзора. В Китае существует всего три способа борьбы с судебными ошибками в уголовном процессе.

Во-первых, заключенные или их близкие родственники могут подать жалобу в суд, но это не означает, что процедура повторного судебного разбирательства будет начата.

Во-вторых, вышестоящие суды могут изменить решения или постановления нижестоящих судов.

В-третьих, прокуратура может самостоятельно оспорить решение суда. Если решение суда вступило в законную силу, то подать возражение на него может прокуратура, стоящая уровнем выше по отношению к суду, который вынес это решение. Прокуратура того же уровня, что и суд, который вынес решение, может подать возражение лишь против не вступивших в силу решений или постановлений этого суда. В таких случаях начинается процедура повторного судебного разбирательства.

Стоит отметить, что в отличие от англо-саксонской правовой системы, в уголовно-процессуальном законодательстве Китая механизм выявления ошибочных дел не обособляется от механизма их исправления. Ввиду возникновения возможных ошибок при расследовании уголовных дел, Великобритания и США не только дожидались обжалований заключенных, а создавали более активный механизм для выявления таких дел. В частности, Criminal Cases Review Commission в Великобритании, Innocence Project в США.

The Innocence Project — это некоммерческая юридическая организация, которая стремится оправдать неправомерно осужденных людей с помощью тестирования ДНК и реформировать систему уголовного правосудия, чтобы предотвратить несправедливость в будущем. Группа ссылается на различные исследования, согласно которым в Соединенных Штатах от 2,3 до 5% всех заключенных невиновны. Проект Innocence был основан в 1992 году Барри Шеком и Питером Нойфельдом. Работа проекта «Невинность» привела к освобождению более 362 незаконно осужденных на основании ДНК, в том числе 20 человек, которые провели время в камере смертников, и обнаружению 158 настоящих преступников [4].

Комиссия по рассмотрению уголовных дел (CCRC) является официальным органом, ответственным за расследование предполагаемых судебных ошибок в Англии, Уэльсе и Северной Ирландии. Он был учрежден в соответствии с разделом 8 закона «Об апелляции по уголовным делам» 1995 года и начал свою работу 31 марта 1997 года. Комиссия является единственным органом в своей юрисдикции, который уполномочен направлять дело обратно в апелляционный суд, если он приходит к выводу, что существует реальная возможность того, что суд отменит приговор или уменьшит срок вынесения приговора. С начала работы в 1997 году в среднем по 33 делам в год направляется апелляция. CCRC, по сути, является пост-апелляционной организацией, в которую кандидаты почти всегда должны были подавать апелляцию или, по крайней мере, получать на неё разрешение, прежде чем Комиссия сможет согласиться на пересмотр своего дела. В некоторых случаях, при исключительных обстоятельствах, Комиссия может рассмотреть дело в отсутствие предварительной попытки обжалования.

Как показывает мировой опыт, любая правовая система способна порождать судебные ошибки. В настоящее время, решение проблемы судебных ошибок относится к общемировым задачам. В государствах, входящих в англо-саксонскую правовую систему, возможно выявление и исправление судебных ошибок в как продолжение уголовно-процессуального правоотношения, в то время как в государствах романо-германской правовой системы используют традиционную процедуру повторного рассмотрения как способ решения данной проблемы.

Исходя из изложенного, следует предложить пути решения данной проблемы, такие как: создание специального органа для выявления ошибочных дел; создание механизма пожизненной подотчетности судьей; обращение должного внимания на проверку ДНК заключенных до приговора.

Литература

1. Cathleen Burnett // *Wrongful Death Sentences: Rethinking Justice in Capital Cases* // Lynne Rienner Publishers, 2010.
2. Дело Хууджилта [Электронный ресурс] // URL: <https://zh.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения 28.03.2019).
3. Назаров А. Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы. — СПб., 2017. — 12 C.DNA Exonerations in the United States. InnocenceProject [Электронный ресурс] // URL: <https://www.innocenceproject.org/dna-exonerations-in-the-united-states/> (дата обращения 22.02.2019).

Лес, как объект правовой охраны: сравнительно-правовой анализ России и Китая

© А. В. Шарапова

магистрант 1-го курса юридического факультета
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет»

Россия, г. Улан-Удэ

E-mail: 79140569402@yandex.ru

В статье рассматривается политика правовой охраны леса в России и Китае, приводится анализ превентивных мер по защите и сохранению лесов. Рассматриваются программы государств, направленные на восстановление лесных насаждений. Отмечается, что наиболее эффективным средством по охране лесных насаждений на территории России и Китая является глобальная навигационная спутниковая система.

Ключевые слова: правовая охрана леса, лесовосстановительные программы, лесоохранное законодательство, ГЛОНАСС.

The article discusses the policy of legal protection of forests in Russia and China, provides an analysis of preventive measures to protect and preserve forests. The programs of the states aimed at the restoration of forest plantations are considered. It is noted that the most effective means for the protection of forest plantations in Russia and China is the global navigation satellite system.

Key words: legal protection of forests, reforestation programs, forest protection legislation, GLONASS.

Охрана леса является одним из ключевых направлений деятельности органов государственной и муниципальной власти, ориентированной на осуществление различных организационно-правовых, предупредительных, ликвидационных и компенсационных мер по наблюдению, пресечению, борьбе и ликвидации негативного воздействия пожаров, загрязнений и прочих отрицательных явлений в лесистой местности, которая производится, исходя из определения о лесе как об экологической системе или как об определенном природном ресурсе.

В юридической литературе говорится о многофункциональном значении лесов, в качестве объектов правовой охраны. «В экологическом понимании лес — это комплексная природная система, которая содержит в себе как растительный и животный мир, так и земельные и водные природные ресурсы. Он выполняет множество различных функций, включая климаторегулирующие, почвозащитные, водоохранные, санитарно-оздоровительные, является для атмосферы незаменимым источником кислорода, очищает воздух и, несомненно, это среда обитания различных живых элементов природы. В том числе, лес является источником различной лесной продукции, для удовлетворения нужд людей, не говоря уже о культурно-эстетическом и оздоровительном значении леса» [4, с. 224].

При рассмотрении вопроса о правовой охране леса, важно обратить внимание на политику Китайской Народной Республики (далее — КНР), где защита и сохранение лесов являются приоритетом лесного законодательства (далее — ЛК КНР) 1984 г.

ЛК КНР состоит из множества государственных мероприятий по лесосбережению, которые обязательны для приведения в действие. Существуют специализированные ведомства, которые занимаются выдачей разрешений на рубку леса, при этом они обладают полной информацией о состоянии лесного массива и вправе не выдавать соответствующей лицензии на рубку. Охрана лесов и производство посадки леса в КНР, являются функцией всего народа, в том числе, в данных мероприятиях участвуют и государственные органы. Контроль за лесной деятельностью в КНР осуществляет Ми-

нистерство лесного хозяйства Государственного совета. Они отмечают любые виды причинения вреда лесным ресурсам (добыча камня в лесах, выпас скота в молодых лесах) и осуществляют их ликвидацию в соответствии со своими полномочиями.

Также, сегодня в КНР применяется множество дорогостоящих лесовосстановительных программ. С 1978 г. в КНР реализуется 10 таких программ, в том числе по созданию защитных лесов на подвергающихся эрозии землях в северной части государства, продуктивно защитных лесов в верхнем и среднем течении р. Янцзы, береговых лесов в приморских районах Восточного Китая, восстановительных горных лесов. Формируется множество лесных полос для охраны полей почти на 1 млн га, удалось вырастить фруктовые сады [2]. КНР, также является участником Программы ООН по посадке на планете 7 млрд. деревьев и уже в 2009 г. было высажено 2,6 млрд деревьев, т.е. КНР является практически единственным реализатором данной Программы ООН.

Значительная роль в КНР отводится формированию и становлению местного законодательства по охране лесов, в соответствии с этим, принято множество нормативных актов. К ключевым необходимо отнести Положение об охране лесов в автономном районе Тибет, Положение о контроле и охране лесных и сельскохозяйственных ресурсов в черте г. Пекина, Положение о контроле за лесами в провинции Цзилинь, Практические правила охраны лесов в провинции Гуандун.

Для того, чтобы обеспечить более эффективную политику по охране лесов на территории государственных границ Российской Федерации (далее — РФ) и КНР, государствами было подписано несколько соглашений: Соглашение о совместной охране лесов от пожаров, Соглашение о сотрудничестве в совместном освоении лесных ресурсов, Московское совместное заявление глав государств РФ и КНР. Согласно данным соглашениям, государства должны обмениваться опытом в сфере охраны лесов, оказывать взаимопомощь в проведении предупредительных мероприятий на российско-китайской государственной границе.

Наряду с успехами КНР в области охраны лесов, существует и обратная сторона данного процесса — искусственные лесонасаждения, в отличие от природных, обладают низким биологическим защитным потенциалом. Всего в КНР насчитывается 175 млн га лесов, из них 53,26 млн га искусственных лесов. В связи с этим, данные леса нередко подвержены болезням, их поражают вредители и они очень горючи.

Для того чтобы исправить сложившуюся обстановку, на всей территории страны была создана сетевая система наблюдения за состоянием лесных ресурсов. Объектами наблюдения которой являются все типы лесной растительности, произрастающие в различных областях страны.

Подводя итог развитию лесоохранной политики КНР, необходимо отметить, что она представляет очень сложное и неоднозначное явление. Недочеты, которые допускало правительство страны привели к достаточному истощению лесных природных ресурсов, но в то же время, сегодня принимается и проводится множество удачных программ для разрешения сложившейся ситуации, что несомненно является достижением.

Если непосредственно говорить о РФ, то, общая площадь земель лесного фонда составляет 1140212,1 тыс. га, при этом, в стране расположено более 20 процентов мировых запасов древесины и 406 различных пород деревьев [1, с. 70]. Исходя из анализа Лесного кодекса РФ (далее — ЛК РФ) и иных нормативно-правовых актов, необходимо отметить три основные группы правовых мер по охране лесов. Первая группа правовых мер относится к требованиям, предъявляемым к ведению лесного хозяйства. К ним, в частности, можно отнести: проектирование лесничеств и лесопарков; проектирование эксплуатационных лесов, защитных лесов, резервных лесов, а также особо защитных участков лесов, в целях выделения относительно небольших участков леса, имеющих важное значение для выполнения берегозащитных, почвозащитных и других важных функций; проектирование лесных участков в пределах лесничеств и лесопарков, в целях организации использования лесов.

Для того, чтобы вовремя обнаружить и спрогнозировать формирование процессов, которые негативно влияют на лесные природные ресурсы, проводится: инвентаризация лесов, т.е. проверяется состояние лесов, их количественные и качественные показатели (площадь лесов, объемы и прирост древесины, рассредоточение различных лесов целевого назначения по преобладающим древесным породам лесных насаждений, возрасту и т. д.); обнаружение и фиксация изменений состояния лесов, которые происходят из-за различного рода отрицательных воздействий (вредных организмов, лесных пожаров и т. д.), а также причин и условий, которые привели к данной модификации.

Ко второй группе правовых мер по охране лесов можно отнести непосредственно государственную политику страны, соответствующий контроль и надзор за безопасностью в лесах РФ. Должностные лица, которые осуществляют государственный лесной контроль и надзор (государственные лесные инспектора, лесничие), имеют право: предупреждать несоблюдение лесного законодательства;

производить патруль за состоянием лесов; проверять у граждан документы, которые предоставляют им право на применение, охрану лесов и их разведение; способствовать отмене рубки лесных насаждений, производящейся без соответствующей лицензии и т. д. Важнейшей мерой охраны считается пожарная безопасность в лесах, которая регламентируется Федеральным законом от 21.12.1994 года «О пожарной безопасности».

Также, для охраны лесов, осуществляется лесопатологическое наблюдение — сбор, рассмотрение и применение данных о лесопатологическом состоянии лесов, в том числе о нахождении и природо-вредных организмов. Помимо этого, в лесах производится радиационное обследование и устанавливаются зоны радиоактивного загрязнения, для того чтобы охранять лесные природные ресурсы от загрязнения радиоактивными веществами.

К третьей группе правовых мер по охране лесных природных ресурсов относятся меры, непосредственно связанные с юридической ответственностью за лесные правонарушения. Так, Уголовным Кодексом РФ предусмотрена ответственность за незаконную рубку лесных насаждений (ст. 260 УК РФ) и за уничтожение или повреждение лесных насаждений (ст. 261 УК РФ). Кодексом РФ об административных правонарушениях таковыми являются: самостоятельное занятие лесных участков (ст. 7,9); самовольное применение лесов, несоблюдение правил применения лесов для осуществления сельского хозяйства, истребления лесных ресурсов (ст.8,26); несоблюдение правил лесовосстановления, правил лесоразведения, правил ухода за лесами, правил лесного семеноводства (ст. 8,27); несанкционированная рубка, повреждение лесных насаждений или самовольное выкапывание в лесах деревьев, кустарников, лиан (ст. 8,28) и т. п.

В РФ наиболее «горимыми» субъектами по статистике являются Забайкальский, Красноярский края, Иркутская область, Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия). Их доля — около 90 % всех пожаров [5, с. 44]. Исходя из этого, лесной фонд Сибирского федерального округа (далее — СФО), нуждается в особой правовой охране.

В настоящее время, создано различное количество вариантов правовой охраны лесных ресурсов, в том числе, к наиболее современным и эффективным мы хотели бы отнести средства глобальной навигационной спутниковой системы (далее — ГЛОНАСС), которые уже нашли свою апробацию в отдельных странах и регионах нашей страны.

При том, что борьба с пожарами в СФО производится на большой местности с достаточно сложным горным рельефом и со слабо развитой дорожной инфраструктурой, ключевое внимание нужно уделять именно профилактике и быстрому обнаружению очагов огня. Важно отметить, что в решении лесных проблем актуально было бы использование автоматических аэростатных модулей с поддержкой сим-карты и GPS. Согласно данному устройству, человек или автоматизированный диспетчер направляет определенный сигнал на аэростатный модуль, который выглядит как малый летательный дрон. Ему задаются координаты территории, на которой необходимо осуществить осмотр, для того чтобы заблаговременно обнаружить очаг огня и устранить его. Видеонаблюдение размещается на дроне, благодаря которому, осуществляется визуальное наблюдение за лесопожарной обстановкой, изображение через спутник передается на компьютер диспетчера. Так как модуль является очень экономным, его энергии хватает практически на неограниченное время дежурства. Качество видеoinформации с камеры аэростата также является очень высоким. Главным дополнением будет специальное программное обеспечение, которое будет регулировать видеоизображение, получаемое с аэростата, так как он будет находиться под постоянным давлением ветра.

Еще одним из эффективных средств ГЛОНАСС для предупреждения лесных пожаров считается космическое средство Информационная система дистанционного мониторинга лесных пожаров (далее — ИСДМ-Рослесхоз). Данное средство передает снимки горящей местности из космоса на единый централизованный пульт. По состоянию на сегодняшний день ИСДМ-Рослесхоз, в среднем, способна регистрировать возгорания уже на площади 0,1–50 га. Наиболее точную цифру сказать не представляется возможным, так как чувствительность используемых алгоритмов во многом зависит не только от степени горения, но и от погодных условий [3, с. 115].

В связи с тем, что на территории СФО, а также Республики Бурятия распространен факт незаконной вырубке леса, предлагаем осуществлять чипирование леса, а также контроль перевозки материала лесовозами. Чип с индивидуальным номером устанавливается на древесину, работник лесничества вносит сведения о дереве в автоматизированную систему, затем, при последующей транспортировке весь путь передвижения может отслеживаться через спутник GPS, то же самое обстоит с лесовозами (на них устанавливают специальную спутниковую антенну, для того чтобы можно было обнаружить факт незаконной рубки леса).

В заключение, хотелось бы отметить, что лес, как и другие природные ресурсы, нуждается в особой правовой охране, что связано с его неповторимыми свойствами и характеристиками. Различные страны и регионы, должны проводить единое управление в сфере охраны лесных ресурсов, разделять свой опыт с другими, что во многом будет способствовать более эффективной и результативной работе по правовой охране леса. Для достижения этой цели, во многом будет способствовать использование ГЛОНАСС, которая имеет свои преимущества, в том числе: глобальность; независимость от метеорологических условий, рельефа местности, степени подвижности объекта; непрерывность работы; помехозащищенность; компактность аппаратуры потребителя.

Литература

1. Архипкин С. В. Правовые меры охраны лесов в Российской Федерации // LexRussica. — 2018. — № 3 (136). — С. 68–75.
2. Китай лидирует в мире по площади искусственных лесонасаждений // Информационное сообщение от 6 октября 2018 г., размещенное на сайте газеты «Жэньминьжибао». <http://russian.people.com.cn/31516/7158113.html>.
3. Кректунов А. А. Концепция применения автономных аэростатных модулей для ведения разведки лесопожарной обстановки в целях защиты населенных пунктов от лесных пожаров // Бюллетень науки и практики. — 2016. — № 4. — С. 112–122.
4. Куликова О. В. Отдельные аспекты охраны лесов от пожаров / О. В. Куликова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2018. — № 3 (122). — С. 222–228.
5. Шпаковский Ю. Г. Современные проблемы правового регулирования охраны лесов от пожаров // LexRussica. — 2018. — № 1 (134). — С. 43–56.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
I. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ И АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ СТРАН АТР: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	
<i>Алексеева В. А.</i> Электронное правительство в России и за рубежом (на примере стран АТР).....	9
<i>Дамбаев Т. Д.</i> Становление конституционализма в Бразилии.....	14
<i>Дамбаев Т. Д.</i> Особенности становления латиноамериканских конституций.....	16
<i>Евсикова Е. В.</i> Административно-правовые основы противодействия домашнему насилию в некоторых странах Азиатско-Тихоокеанского региона (сравнительно-правовой анализ).....	18
<i>Елизова А. С.</i> Избирательные права в РФ и США: сравнительно-правовая характеристика.....	21
<i>Санжиева Е. А.</i> Влияние федерализма на уровень бедности в странах Латинской Америки.....	23
<i>Толегенова К. Е.</i> Юридическая ответственность как элемент правового статуса государственного гражданского служащего в России и в Китае.....	26
<i>Халтанов М. С.</i> Конституционные принципы права государственной собственности на природные ресурсы в России и в зарубежных странах: США и КНР.....	29
<i>Шойбонова С. Д.</i> Сравнительно-правовой анализ конституционного права на благоприятную окружающую среду Российской Федерации и Монголии.....	33
II. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	
<i>Бальжинимаева А. С.</i> Сравнительно-правовое регулирование водных объектов в законодательстве России и Китая.....	36
<i>Батуева О. Р.</i> Конституционный нормоконтроль России и Монголии: сравнительно-правовая характеристика.....	38
<i>Белова М. А.</i> Проблемы национальной безопасности в Интернет-пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона.....	40
<i>Герашенко А. А.</i> Некоторые поправки в Конституции Китайской Народной Республики 2018.....	42
<i>Калашишникова В. И.</i> Вопрос о применении смертной казни: опыт Китая и возможность его применения в России.....	44
<i>Мадаев Е. О.</i> Правовая доктрина как источник международного права.....	48
III. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В СТРАНАХ АТР	
<i>Амгаланова Д. А., Чулкова Е. С.</i> Сравнительно-правовой анализ перехода авторского права в порядке наследования.....	51
<i>Васильева Н.Л.</i> Некоторые особенности оспаривания подозрительных сделок должника по законодательству Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки (сравнительный анализ).....	54
<i>Казанцева Н. В.</i> Особенности ограничения права частной собственности в России, Китае и Японии.....	57
<i>Калашишникова В. И., Цыбикова Э. Б.</i> Институт представительства в гражданском праве России и Китая.....	60
<i>Клементьев А. В.</i> Институт лишения родительских прав в странах Содружества Независимых Государств: на примере Республики Казахстан и Российской Федерации.....	63
<i>Косарев О. Н.</i> Правовое обеспечение «цифровой экономики» в странах Азиатско-Тихоокеанского региона... ..	66
<i>Ласточкина А. А.</i> Отдельные аспекты правового регулирования искусственного интеллекта в Российской Федерации и в странах Азиатско-Тихоокеанского региона.....	69
<i>Лукьянова Л. А.</i> Сравнительно-правовой анализ института неосновательного обогащения в России и Монголии.....	73
<i>Молчанова А. В.</i> Судебная защита прав потребителей в США и Российской Федерации.....	76
<i>Немчинова Д. А.</i> Особенности правового регулирования деятельности хозяйственных партнерств в России и США.....	79
<i>Нефедьева Е. А.</i> Сравнительно-правовой анализ реформы процессуального представительства в России и Китае.....	81
<i>Новоселова А. О.</i> Гражданско-процессуальный кодекс России и Китая: общий анализ.....	84
<i>Побежимов Д. М.</i> Социальное страхование работников в России и Китае: сравнительно-правовой анализ.....	87
<i>Раднаева Е. Н.</i> Правовые конструкции инвестирования в строительство жилья по законодательству Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки (сравнительный анализ).....	90
<i>Савельева Т. А.</i> Правовое регулирование некоторых объектов интеллектуальной собственности по законодательству России и США: сравнительный анализ.....	93

<i>Скляр Е. Ю.</i> Правовое регулирование микротранзакций в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки: сравнительно-правовой анализ.....	96
<i>Танхаева Л. В.</i> Сравнительно-правовой анализ арендного землепользования в России и США.....	99
<i>Целовальников Д. Г.</i> Сравнительный анализ правового положения социального предпринимательства в Республике Корея и Российской Федерации.....	102
<i>Цыбикова С. Ц.</i> Правовые аспекты касающиеся определения критериев субъектов малого и среднего предпринимательства.....	105
<i>Шагдурова А. С.</i> Сравнительно-правовой анализ проблем недействительности сделок в России и Китае.....	107

IV. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В СТРАНАХ АТР

<i>Антонова Е. Ю.</i> Ответственность за финансирование терроризма по уголовному законодательству Австралии.....	111
<i>Борис К. К.</i> Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов с использованием сети Интернет: сравнительно-правовой анализ законодательства республики Беларусь и Российской Федерации.....	114
<i>Гадьянова Д. В.</i> Профилактика суицидального поведения в России и странах АТР.....	117
<i>Коренная А. А.</i> Сравнительно-правовой анализ норм уголовного законодательства об ответственности за уклонение от уплаты таможенных платежей в странах Евразийского Экономического Союза.....	120
<i>Пелисова И. П.</i> Сравнительный анализ Соединённых Штатов Америки и Российской Федерации в сфере легализации (отмывания) денежных средств и иного имущества, полученного преступным путем.....	123
<i>Рыжкова В. А.</i> Ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка в странах Азиатско-Тихоокеанского региона.....	126
<i>Самбялов Е. С.</i> Применение сотрудниками правоохранительных органов табельного оружия в странах АТР.....	129
<i>Сахинов Р. Г.</i> Криминализация субкультуры футбольных фанатов как негативное социальное явление: сравнительно-правовой анализ России и Мексики.....	133
<i>Светашова К. Д.</i> Сравнительный анализ форм борьбы с преступностью в странах Азиатско-Тихоокеанского региона.....	135
<i>Сюй Ли.</i> Уголовно-правовое регулирование по незаконному распространению информации о терроризме в сети и его совершенствование.....	138
<i>Федорова Е. В.</i> Мотивы совершения преступлений несовершеннолетними.....	140
<i>Фиськов И. А.</i> Уголовная ответственность за незаконное использование лесов в России и Китае.....	142
<i>Хабутова Н. Ц.</i> Борьба с незаконным оборотом наркотических средств в Китае и России.....	145
<i>Шабалина А. С.</i> Борьба с преступностью в странах АТР.....	147

V. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ. ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ В СТРАНАХ АТР

<i>Балданова Е. Э., Буторин И. В., Калашикова В. И.</i> Роль полиграфа в криминалистике.....	150
<i>Дулзынов Д. В.</i> Особенности исполнительного производства в России и в КНР: сравнительно-правовой анализ.....	153
<i>Жигулина О. А.</i> Процессуальный порядок избрания меры пресечения в виде заключения под стражу на стадии предварительного следствия по российскому уголовно-процессуальному законодательству.....	155
<i>Иванова А. О.</i> Проблемы прокурорского надзора на предварительном следствии: сравнительно-правовой анализ законодательства России и Зарубежных стран.....	158
<i>Карпов С. Г.</i> Криминалистическая методика расследования дорожно-транспортных происшествий в РФ и КНР.....	160
<i>Крысина Н. Р., Нарядчиков В. Н.</i> Регламентация права защитника собирать и представлять доказательства в уголовном судопроизводстве по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан: сравнительно-правовой аспект.....	163
<i>Непомнящих Н. В.</i> Тактические особенности проведения допроса в России и США.....	166
<i>Орхокова В. А.</i> Сравнительно-правовой анализ особой формы уголовного судопроизводства в России и Китае.....	168
<i>Сат А. Х.</i> Международное сотрудничество по вопросам проведения судебно-товароведческой экспертизы ...	171
<i>Хихаева Т. А.</i> Процессуальный статус понятых в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства России и Монголии.....	174
<i>Цыренов Ж. В.</i> К вопросу международного сотрудничества по проблеме возмещения ущерба.....	177
<i>Чэнь Юйси.</i> Сравнительно-правовое исследование пути устранения уголовных ошибочных дел на примере дела Хууджилта.....	179
<i>Шарапова А. В.</i> Лес, как объект правовой охраны: сравнительно-правовой анализ России и Китая.....	181

Научное издание

**СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ
В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА — X**

Материалы ежегодной международной молодежной научно-практической конференции

(Улан-Удэ, 17–18 апреля 2019 г.)

Дизайн обложки *А. Мельников*
Компьютерная верстка *Т. А. Олоевой*

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 23.09.19. Формат 60x84 1/8
Уч.-изд. л. 19,92. Усл. печ. л. 21,86. Тираж 100. Заказ 159.
Цена свободная.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: riobsu@gmail.com

Отпечатано в типографии Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а

Улан-Удэ
2019